

Продовольственная и
сельскохозяйственная организация
Объединенных Наций

2017

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ
ДЛЯ ВСЕОБЪЕМЛЮЩИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ**

Используемые обозначения и представление материала в настоящем информационном продукте не означают выражения какого-либо мнения со стороны Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций относительно правового статуса или уровня развития той или иной страны, территории, города или района, или их властей, или относительно делимитации их границ или рубежей. Упоминание конкретных компаний или продуктов определенных производителей, независимо от того, запатентованы они или нет, не означает, что ФАО одобряет или рекомендует их, отдавая им предпочтение перед другими компаниями или продуктами аналогичного характера, которые в тексте не упоминаются.

ISBN 978-92-5-409873-5

ФАО приветствует использование, тиражирование и распространение материала, содержащегося в настоящем информационном продукте. Если не указано иное, этот материал разрешается копировать, скачивать и распечатывать для целей частного изучения, научных исследований и обучения, либо для использования в некоммерческих продуктах или услугах при условии, что ФАО будет надлежащим образом указана в качестве источника и обладателя авторского права, и что при этом никоим образом не предполагается, что ФАО одобряет мнения, продукты или услуги пользователей.

Для получения прав на перевод и адаптацию, а также на перепродажу и другие виды коммерческого использования, следует направить запрос по адресам: www.fao.org/contact-us/licence-request или copyright@fao.org.

Информационные продукты ФАО размещаются на веб-сайте ФАО (www.fao.org/publications); желающие приобрести информационные продукты ФАО могут обращаться по адресу: publications-sales@fao.org.

© ФАО 2017

ФОТО НА ОБЛОЖКЕ

ХОЙАН, ВЬЕТНАМ

Приготовление еды на рыночном прилавке.
©Robert Francis/robertharding

2017

**ПОЛОЖЕНИЕ
ДЕЛ В ОБЛАСТИ
ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ ДЛЯ
ВСЕОБЪЕМЛЮЩИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ**

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
Рим, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	v	
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	viii	
СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАТУРЫ	x	
РЕЗЮМЕ	xi	
ГЛАВА 1		
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ: ПОНИМАНИЕ ПРОШЛОГО, ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ	1	
Основные тезисы	1	
Преобразования в сельских районах являются неотъемлемой частью структурных преобразований	4	
Преобразования в прошлом приводили к неравномерным результатам	4	
Преобразования в сельских районах в настоящее время: что изменилось?	8	
Связи между сельскими и городскими районами и продовольственная система	13	
Обзор положения в сельско-городском континууме: урбанизация и миграция в новом ракурсе	14	
Преобразования в сельских районах влекут за собой как возможности, так и проблемы	21	
Структура доклада	23	
ГЛАВА 2		
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ, УРБАНИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В РАЦИОНЕ ПИТАНИЯ	25	
Основные тезисы	25	
Преобразования в “нижнем” сегменте: урбанизация	26	
Преобразования в “нижнем” сегменте: изменения в рационе питания	30	
Преобразования продовольственных систем	37	
Выводы и последствия в области политики	44	
КРУПНЫМ ПЛАНОМ		
МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ, ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ	46	
ГЛАВА 3		
КАКОЕ БУДУЩЕЕ ОЖИДАЕТ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ?	51	
Основные тезисы	51	
Механизация и технологии как ключевые факторы изменения сельскохозяйственных систем	53	
Трансформация земельных ресурсов: дробление, укрупнение и рынки	56	
Что меняется для фермеров?	63	
Проблемы и возможности для фермеров в связи с преобразованиями продовольственных систем	69	
Выводы и последствия в области политики	74	
КРУПНЫМ ПЛАНОМ		
ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ СО ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ И ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ	76	
ГЛАВА 4		
НЕСЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СЕКТОР: ДОХОДЫ, ЗАНЯТОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ	81	
Основные тезисы	81	
Стратегии диверсификации и благосостояние домохозяйств	83	
Агропромышленность открывает возможности для тех, кто запаздывает с преобразованиями	88	
Более инклюзивный рост несельскохозяйственной экономики	92	
Выводы и последствия в области политики	95	
КРУПНЫМ ПЛАНОМ		
ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИИ ИЗ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ	98	
ГЛАВА 5		
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИНКЛЮЗИВНЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ	103	
Основные тезисы	103	
Агротерриториальные варианты: ограниченный масштаб, большой импульс?	105	
Укоренение организаций-производителей на территориях	109	
Варианты инвестиций в целях агротерриториального развития	109	
За рамками традиционного агробизнеса: потребность в общественных благах	118	
Институциональные механизмы в поддержку принятия агротерриториальных мер	121	
Повышение согласованности политики в целях агротерриториального развития	122	
Выводы и последствия в области политики	123	
СТАТИСТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	128	
Примечания к статистическому приложению		
Таблица А1. – Доля населения, проживающего в городских и пригородных районах больших городов, в сельских районах близости от них, в малых городах и отдаленных сельских районах		132
Таблица А2. – Не связанная с сельским хозяйством доля ВВП и добавленная стоимость на одного работника в сельскохозяйственном секторе в 1990-е и 2010-е годы		138
Таблица А3 – Умеренная нищета и уровни неравенства в сельских и городских районах, 1990-е–2010-е годы		141
Таблица А4 – Роль подсектора производства пищевых продуктов и напитков в создании добавленной стоимости и обеспечении занятости		146
БИБЛИОГРАФИЯ	150	
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕМЫ ДОКЛАДА “Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства”	168	
МЕТОДОЛОГИЯ	170	

ТАБЛИЦЫ, РИСУНКИ И ВРЕЗКИ

ТАБЛИЦЫ

- 1.** Распределение населения мира по сельско-городскому континууму в 2000 году **17**
- 2.** Доля зерновых в суммарных расходах на продовольствие в Индии **32**
- 3.** Доля основных и неосновных продуктов питания в суммарных расходах на продовольствие в сельских и городских районах и по уровню дохода (по тертилям) в отдельных странах Восточной и Южной Африки и Азии **32**
- 4.** Изменение доли основных продуктов питания в продовольственных бюджетах в городских районах Западной Африки **32**
- 5.** Доля продовольственного бюджета, расходуемая на переработанные пищевые продукты населением сельских и городских районов и группами населения с наиболее низкими и наиболее высокими доходами в отдельных странах Восточной и Южной Африки, 2010 год **36**
- 6.** Отличительные черты различных вариантов агротерриториальных инвестиций **112**

РИСУНКИ

- 1.** Доля добавленной стоимости, создаваемой сельским хозяйством, в ВВП и доля сельского хозяйства как источника занятости в отдельных странах **5**

- 2.** Изменение доли сельской и городской бедноты и населения, не принадлежащего к бедноте, в общей численности населения отдельных стран в разбивке по регионам, 1990-е–2010-е годы **6**
- 3.** Изменение доли лиц, не принадлежащих к бедному населению, в сельских и городских районах отдельных стран, 1990-е–2010-е годы **11**
- 4.** Темпы ежегодного прироста населения в больших и малых городах в отдельных странах, 1990-е–2010-е годы **12**
- 5.** Карта, иллюстрирующая концепцию сельско-городского континуума **17**
- 6.** Распределение населения по сельско-городскому континууму во всем мире и по регионам, 2000 год **18**
- 7.** Соотношение сельского и городского населения в малых и больших городах и отдаленных сельских районах во всем мире и по регионам **19**
- 8.** Структура настоящего доклада **23**
- 9.** Основные факторы преобразования продовольственных систем **27**
- 10.** Соотношение тенденций в потреблении основных пищевых продуктов и роста ВВП на душу населения в отдельных странах развивающихся регионов, 2010 год **31**
- 11.** Соотношение тенденций в потреблении продукции животноводства и ВВП на душу населения в отдельных странах развивающихся регионов, 2010 год **31**

- 12.** Цепочки создания стоимости продовольствия, связывающие сельские районы и малые города **39**
- 13.** Уровень механизации в разбивке по квартилям земли и источникам механизации в отдельных странах **54**
- 14.** Изменение среднего размера фермерских хозяйств в отдельных странах в разбивке по уровню доходов, 1970-е–2010-е годы **57**
- 15.** Изменение долей сельскохозяйственных земель в разбивке по размеру землевладения в Эфиопии и Индии, 1990-е–2010-е годы **59**
- 16.** Изменение площади сельскохозяйственных земель на душу сельского населения в разбивке по регионам, 1970-е–2050-е годы **60**
- 17.** Виды связанных с цепью поставок консультационных услуг, предоставляемых частными/социальными предприятиями и НПО/фермерскими организациями **67**
- 18.** Изменения в доле занятости в несельскохозяйственных секторах и повышение производительности труда в сельском хозяйстве, 1990-е–2010-е годы **70**
- 19.** Доля доходов из различных источников в сельских районах отдельных развивающихся стран **84**
- 20.** Изменения в создаваемой подсектором производства пищевых продуктов и напитков добавочной стоимости в Индонезии, 1990–2013 годы **89**

ТАБЛИЦЫ, РИСУНКИ И ВРЕЗКИ

21. Доля женщин в числе лиц, занятых в сельском хозяйстве, во всем мире и по субрегионам	93	9. Инклюзивные производственно-сбытовые цепи молочной продукции в Афганистане	44	21. Подход на основе концепции продовольственной системы городов-регионов, Шри-Ланка	107
22. Географический охват агротерриториальных инвестиций и виды обязанностей в сфере руководства	113	10. Модели механизации в зависимости от условий конкретной страны	55	22. Создание и сохранение стоимости путем использования географических указаний	110
23. Большие и малые города Южного коридора сельскохозяйственного роста, Объединенная Республика Танзания	114	11. Изменения производительности и площадей землевладений в Перу за последнее время	62	23. Инфраструктура “последней мили” на Ямайке	117
24. Инвестиции в инфраструктуру в рамках агротерриториальных инициатив	116	12. Последние тенденции на рынках аренды земли	64	24. Инфраструктура, способствующая созданию “гнездовых рынков” для мелких фермеров	118
13. Крупнооптовая торговля зерновыми в Восточной Африке	65	14. Частные консультационные услуги в Индии	68		
15. Обмен опытом между организациями, оказывающими консультационные услуги в области развития сельских районов	73				
16. Изменения уровня благосостояния по видам фермерских хозяйств в Перу за последнее время	86				
17. Диверсификация, специализация и доход от деятельности вне фермерских хозяйств	87				
18. Агропромышленность как перспективное направление для производства на Ближнем Востоке и в Северной Африке	91				
19. Ориентация территориального подхода на “населенные пункты”, а не на “секторы”	105				
20. Опыт территориального развития в Латинской Америке	106				

ВРЕЗКИ	
1. Определения преобразований	3
2. Опыт Латинской Америки	9
3. Отсутствие единого определения понятия “городской” как фактор, затрудняющий измерения	15
4. “Тихая революция” в производственно-сбытовой цепи в рыбном хозяйстве Бангладеш	28
5. Последствия изменения рациона для питания	35
6. Производственно-сбытовые цепи: определения и понятия	38
7. Производственно-сбытовая цепь картофеля, поставляемого в Дели: общая картина	41
8. Урбанизация, развитие рыболовства и аквакультуры	42

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приняв два года назад Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, международное сообщество взяло на себя обязательства по искоренению голода и нищеты, а также достижению других важных целей, включая повышение устойчивости сельского хозяйства, обеспечение здоровой жизни и достойной работы для всех, сокращение неравенства и учет интересов максимального числа сторон в процессе экономического роста. Сегодня, когда до 2030 года остается всего 13 лет, для достижения целей устойчивого развития необходимы согласованные действия.

Новые данные ФАО о том, что число хронически недоедающих людей в мире составляет 815 млн человек, являются сигналом к действию, который невозможно оставить без внимания. Большинство из тех, кто сегодня голодает, живут в странах с низким и средним уровнем доходов, многие из которых только приступили к структурной трансформации своей экономики. Движущей силой успешных преобразований в других развивающихся странах стал рост производительности труда в сельском хозяйстве, следствием которого стали отток людских и других ресурсов из сельского хозяйства в производственные отрасли и сферу услуг, значительное увеличение дохода на душу населения и резкое сокращение масштабов нищеты и голода. Страны, находящиеся в арьергарде этих преобразований, в основном сосредоточены в Африке к югу от Сахары и в Южной Азии. Для большинства из них характерны такие общие черты, как экономика с большой долей занятости в сельском хозяйстве, широкое распространение голода и неполноценного питания и высокий уровень нищеты. Согласно последним оценкам, около 1,75 млрд жителей стран с низким и ниже среднего уровнем доходов живут менее чем на 3,10 долл. США в день, а более 580 млн человек в этих странах хронически недоедают.

Перспективы искоренения голода и нищеты в этих странах туманны в связи с низкой производительностью натурального сельского хозяйства, ограниченными возможностями для индустриализации и прежде всего

бурными темпами роста численности населения и урбанизации. Ожидается, что в период с 2015 по 2030 годы совокупная численность населения в этих государствах возрастет на 25 процентов и составит почти 4,5 млрд человек (на сегодняшний день – 3,5 млрд человек). Скорость прироста городского населения удвоится и количество жителей городов увеличится с 1,3 млрд человек в настоящее время до 2 млрд человек. Согласно прогнозам, к 2030 году число людей в возрасте 15–24 лет в странах Африки к югу от Сахары возрастет до 90 млн, и большинство из них будут жить в сельских районах. Сельская молодежь, которая сталкивается с перспективой провести жизнь в крайней нищете, зачастую не видит альтернатив миграции, однако существует риск, что результатом такого шага станет лишь незначительное изменение к лучшему, так как число мигрантов может оказаться значительно выше, чем число рабочих мест в городских районах.

В докладе делается общий вывод о том, что достижение целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года в значительной мере зависит от прогресса в сельских районах, где проживает большинство бедного и голодающего населения. Представленные в нем данные показывают, что осуществляемые в сельских районах многих стран преобразования привели к росту населения, живущего выше черты бедности, более чем на 750 млн человек по сравнению с 1990-ми годами. В докладе обозначена стратегия, направленная на достижение тех же результатов в странах, которые оказались в числе отстающих: она подразумевает использование огромного нераскрытого потенциала продовольственных систем для стимулирования агропромышленного развития, повышения производительности и доходов мелких фермерских хозяйств и создания возможностей для несельскохозяйственной занятости путем расширения различных сегментов производственно-сбытовых цепей и цепочек создания добавленной стоимости продовольствия. Эти всеобъемлющие преобразования будут способствовать искоренению нищеты в сельских районах и при этом помогут положить конец нищете и неполноценному питанию в городских районах.

Важнейшей движущей силой таких преобразований в сельских районах будет растущий спрос со стороны рынков пищевых продуктов в городских районах, где проживают потребители до 70 процентов продовольствия, даже в странах с большой численностью сельского населения. Благодаря более высоким доходам городские потребители существенно меняют свой рацион, переходя от основных продуктов к рыбе, мясу, яйцам, молочным продуктам, фруктам, овощам и в целом переработанным пищевым продуктам, обладающим более высокой ценностью. Ожидается, что в период с 2010 по 2030 годы стоимость городских продовольственных рынков в странах Африки к югу от Сахары вырастет с 150 млрд долл. США до 500 млрд долл. США.

Таким образом, урбанизация открывает блестящие перспективы для сельского хозяйства. Однако она же является источником проблем для миллионов мелких семейных фермерских хозяйств. Повышение прибыльности рынков может привести к концентрации производства пищевых продуктов в крупных коммерческих хозяйствах, переходу на производственно-сбытовые цепи, где доминируют крупные перерабатывающие и розничные предприятия, и исключению из процесса мелких фермеров. Чтобы обеспечить маломасштабным производителям возможность полноценно участвовать в удовлетворении спроса населения городских районов на продовольствие, необходимы меры политики, нацеленные на: снижение барьеров, ограничивающих их доступ к производственным ресурсам; стимулирование принятия экологически устойчивых подходов и технологий; расширение доступа к кредитам и рынкам; содействие механизации; активизацию систем распространения сельскохозяйственных знаний; укрепление прав владения и пользования земельными ресурсами; обеспечение равенства при заключении договоров на поставку; и укрепление организаций мелких производителей. Как бы высок ни был спрос со стороны жителей городов, одного его недостаточно для повышения производительности и улучшения конъюнктуры рынка на благо мелких фермерских хозяйств. Важнейшим компонентом всеобъемлющих преобразований в сельских районах являются

формирующие благоприятную среду меры государственной политики и инвестиции.

Второй компонент – развитие агропромышленности и инфраструктуры, необходимых для обеспечения связи между сельскими районами и городскими рынками. Существует вероятность, что в будущем многие мелкие фермеры перестанут заниматься сельскохозяйственной деятельностью, и большинство из них не сможет найти достойную работу в странах, где основой экономики зачастую является низкопроизводительное сельское хозяйство. Динамичный агропромышленный комплекс и развитие сферы услуг в сельских районах позволят создавать рабочие места в регионах, особенно для женщин и молодежи, и тем самым способствовать повышению доходов и в целом улучшению положения в области питания, здравоохранения и продовольственной безопасности.

Агропромышленный сектор уже играет важную роль во многих странах с аграрной экономикой. В большинстве стран Африки к югу от Сахары в отрасли переработки пищевых продуктов и напитков создается от 30 до 50 процентов всей добавленной стоимости, генерируемой производственными отраслями, а в некоторых этот показатель превышает 80 процентов. Однако рост агропромышленности часто сдерживается отсутствием необходимой инфраструктуры – от сельских дорог и энергосетей до складских помещений и систем рефрижераторной перевозки. Во многих странах с низким уровнем доходов такие трудности усугубляются отсутствием инвестиций государственного и частного сектора.

Третьим компонентом всеобъемлющих преобразований в сельских районах является территориально ориентированный подход при планировании развития сельских районов, призванный укрепить физические, экономические, социальные и политические связи между малыми городскими центрами и окружающей сельской местностью. В развивающихся странах почти 1,5 млрд человек, то есть около половины всех жителей городских районов, проживают в городах с численностью населения до 500 000 человек. Территориальные сети малых городов, которые

слишком часто не принимаются во внимание директивными органами и органами, ответственными за планирование, являются важными ориентирами для сельских жителей: там они покупают семена, там их дети ходят в школу, а сами они получают доступ к медико-санитарной помощи и другим услугам.

Недавние исследования показали, что интеграция сельских территорий с этими небольшими городскими районами зачастую ускоряет развитие сельской экономики и позволяет учитывать интересы максимального числа сторон процесса. Описанный в настоящем докладе подход к развитию сельского хозяйства с учетом территориальных особенностей предполагает усиление связей между малыми городами и их “зонами влияния” в сельской местности с помощью объектов инфраструктуры и мер политики, которые обеспечивают связь между производителями, перерабатывающими предприятиями агропромышленного комплекса и организациями, оказывающими сопутствующие услуги, а также другими элементами производственно-сбытовых цепей в продовольственном секторе в их “нижнем” сегменте, в том числе с локальными системами производства и потребления пищевых продуктов. Примерами применения данного подхода, в частности, служат коридоры сельскохозяйственного развития, в которых действуют транспортные коридоры, иногда протяженностью в сотни километров, соединяющие производства с небольшими городскими центрами, а также агрокластеры, которые объединяют в сети производителей пищевых продуктов, перерабатывающие предприятия и соответствующие институты для решения общих проблем.

Директивным органам настоятельно рекомендуется признать стимулирующую роль малых городов, выступающих в качестве связующего звена между сельскими и городскими районами и обеспечивающих мелким фермерам более широкие возможности для сбыта собственной продукции и использования преимуществ экономического роста. Малые города также могут быть центрами бурного развития сектора услуг, которое может стать катализатором широкомасштабного экономического роста в сельских районах и структурных преобразований в экономике в целом.

ФАО публикует доклад *“Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства”* ежегодно с 1947 года. Достигнутый с того времени прогресс в аграрном секторе привел к радикальным изменениям в производстве продуктов питания, способствовал повышению мировой продовольственной безопасности и стимулировал структурные преобразования, которые обеспечили процветание значительной части мирового населения. Тем не менее, по оценкам, 815 млн человек в мире до сих пор страдают от хронического голода, миллионы живут в нищете, и многое еще предстоит сделать. Без придания экономическому росту более всеобъемлющего характера невозможно достичь глобальных целей по ликвидации нищеты и обеспечению нулевого голода к 2030 году. Международное сообщество должно сейчас объединить усилия, чтобы те, кто оказался “забыт”, заняли принадлежащее им по праву место в мире, где все делается во имя людей, планеты, благополучия, партнерства и мира.

Жозе Грациану да Силва

Генеральный директор ФАО

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Доклад “*Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства*” за 2017 год был подготовлен междисциплинарной группой Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО) под руководством Роба Воса, директора Отдела по вопросам экономики сельскохозяйственного развития ФАО, и Андреа Каттанео, старшего экономиста и главного редактора издания. Общее руководство осуществлял Костас Стамалис, помощник Генерального директора, Департамент экономического и социального развития ФАО (ES). Кроме того, руководство обеспечивала руководящая группа Департамента ES.

КОЛЛЕКТИВ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ СОФА

Раффаэле Бертини, Вито Чистулли, Андре Кроппенштедт, Эва Гальвес Ногалес, Тереза Макменоми, Ахмад Садиддин, Якоб Шёт и Грэм Томас (редактор-консультант).

СПРАВочНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И РАЗДЕЛЫ ДОКЛАДА

Густаво Анрикес (Папский Католический университет Чили), Боб Болч (ИФПРИ), Сэм Бенин (ИФПРИ), Тодд Бенсон (ИФПРИ), Клеменс Брейзингер (ИФПРИ), Уильям Берк (Университет штата Мичиган, США), Синьшэнь Дяо (ИФПРИ), Пол Дорош (ИФПРИ), Хода Эль Энбаби (ИФПРИ), Агарь Эльдиди (ИФПРИ), Алвина Эрман (ИФПРИ), Хосе Луис Фигероа (ИФПРИ), Уильям Фостер (Папский католический университет Чили), Томас Джейн (Университет штата Мичиган, США), Мари КангасниEMI (ФАО), Панайотис Карфакис (ФАО), Марко Ноулз (ФАО), Сара Лаудер (Университет Джорджтауна, США), Эдуарду Магальяйнш (ИФПРИ), Йен Мейсиас (ИФПРИ), Маргарет Макмиллан (ИФПРИ), Милу Муянга (Университет штата Мичиган, США), Алехандро Нин Пратт (ИФПРИ), Кампхол Пантакуа (Таиландский научно-исследовательский институт развития), Нипон Поапонгсакорн (Таиландский научно-исследовательский институт развития), Томас Рирдон (Университет штата Мичиган, США), Николас Ситко (Университет штата Мичиган, США), Каскейд Тахолске (Университет Калифорнии, Санта-Барбара), Джеймс Терлоу (ИФПРИ), Альберто Вальдес (Папский католический университет Чили) и Силсупа Виватвича (Таиландский научно-исследовательский институт развития).

СОТРУДНИКИ ФАО, УЧАСТВОВАВШИЕ В ПОДГОТОВКЕ ДОКЛАДА

Сафия Аггарваль, Сония Дейвид, Федерико Галлопин, Эрдгин Мане, Флоренс Поулейн, Доминик Риб, Ваня Славчевска и Джордан Трикл.

КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ГРУППА ФАО

Дубравка Божич, Вито Хистулли, Пьеро Конфорти, Бенджамин Дэвис, Дэвид Доу, Ана Паула де ла О Кампос, Оливье Дюбуа, Элисенда Эструх, Эва Гальвес Ногалес, Паоло Гроппо, Серен Гуркан, Франк Холлингер, Адриана Игнасюк, Мари КангасниEMI, Панайотис Карфакис, Марко Ноулз, Ирини Малтсоглу, Далия Маттиони, Дэвид Невен, Манас Пури, Франческо Пьерри, Эвальд Раметштайнер, Кристина Рапоне, Джордж Рапсоманикис, Ахмед Шукри, Макико Тагучи, Клаус Урбан, Сильви Ваббс Кандотти, Трюди Вейнховен и Питер Вобст.

ГРУППА ВНЕШНИХ ЭКСПЕРТОВ

Густаво Анрикес (Папский Католический университет Чили), Аммад Бахалим (Фонд Билла и Мелинды Гейтс), Крис Барретт (Корнелльский университет, США), Руй Мануэль Дос Сантос Бенфика (МФСР), Клеменс Брейзингер (ИФПРИ), Люк Кристиансен (Всемирный банк), Хода Эль Энбаби (ИФПРИ), Луиз Фокс (Калифорнийский университет, Беркли, США), Томас Джейн (Университет штата Мичиган, США), Бруно Лош (СИРАД), Анвар Насим (Ратгерский университет, Университет штата Нью-Джерси, США), Томас Рирдон (Университет штата Мичиган, США), Донато Романо (Флорентийский университет, Италия) и Джеймс Терлоу (ИФПРИ).

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение подготовили Раффаэле Бертини и Тереза Макменоми..

В таблице А1 использованы данные, предоставленные Эндрю Нельсоном (Университет Твенте, Нидерланды) и обработанные группой специалистов ФАО, как поясняется в Примечаниях к статистическому приложению.

В таблицах А2 и А3 использованы данные Всемирного банка, подготовленные для доклада МФСР “Развитие сельских районов” за 2016 год, которые любезно предоставил Руй Бенфика (МФСР).

В таблице А4 использованы сведения из Базы данных промышленной статистики 2 МСОК, пересмотренный вариант 3, которые были любезно предоставлены Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОДДЕРЖКА

Паола Ди Санто и Лилиана Мальдонадо.

Перевод координировала Служба программирования заседаний и документации Отдела по делам Конференции, Совета и протокольным вопросам ФАО.

Подготовка к изданию, дизайн, верстка оригинал-макета на всех шести официальных языках были обеспечены при поддержке Издательской группы Управления общеорганизационных коммуникаций ФАО.

СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАТУРЫ

ВВП

валовой внутренний продукт

га

гектар

ГПКСГР

Глобальный проект по картированию сельских и городских районов

долл. США

доллар Соединенных Штатов

ИКОУЖ

Исследование критериев оценки уровня жизни

ИКТ

информационно-коммуникационные технологии

ИФПРИ

Международный исследовательский институт продовольственной политики

КОСХ

климатически оптимизированное сельское хозяйство

КТО

крупная торговая организация

МОТ

Международная организация труда

МСОК

Международная стандартная отраслевая классификация всех видов экономической деятельности

МСП

малые и средние предприятия

МФСР

Международный фонд сельскохозяйственного развития

НИЗ

неинфекционные заболевания

НПО

неправительственная организация

ООН

Организация Объединенных Наций

ОЭЗ

особая экономическая зона

ПИИ

прямые иностранные инвестиции

ПСГА

продовольственная система городской агломерации

СИРАД

Французский центр сельскохозяйственных исследований для международного развития

СКС

сельские консультативные службы

США

Соединенные Штаты Америки

ЦАРЭС

программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества

ЦЕНТЕВ

Технический центр регионального развития Висозы (Бразилия)

ЦУР

цель в области устойчивого развития

ЮНИДО

Организация Объединённых Наций по промышленному развитию, ЮНИДО

РЕЗЮМЕ

Благодаря экономическому прогрессу в развивающихся странах численность населения, живущего выше черты умеренной бедности, выросла по сравнению с 1990-ми годами более чем на 1,6 млрд человек. В их числе 750 млн сельских жителей, которые продолжают жить в сельских районах – это демонстрирует, что развитие сельских районов было и остается необходимым условием искоренения голода и нищеты. В настоящем докладе анализируются осуществляемые в настоящее время в странах с низким уровнем доходов структурные преобразования и преобразования в сельских районах, их влияние на продовольственные системы, а также возможности и проблемы, которые они создают для миллионов мелких производителей. В нем показано, как с помощью подхода к планированию в сельскохозяйственном секторе с учетом территориальных особенностей, ориентированного на установление связи между городами и окружающими их сельскими районами, а также агропромышленного развития продовольственные системы можно превратить в движущую силу устойчивого развития сельских районов с учетом интересов максимального числа сторон. В докладе подчеркивается, что преобразования в сельских районах не приведут к автоматическому сокращению масштабов нищеты и повышению продовольственной безопасности. Первостепенное значение в этой связи имеют решения директивных органов.

Следствием переориентации экономики с сельского хозяйства на промышленность и услуги в прошлом стала массовая миграция населения сельских районов в города. В Восточной и Юго Восточной Азии, несмотря на значительное повышение производительности сельского хозяйства, миграция из сельских районов привела к тому, что доля сельских жителей в общей численности населения упала с 70 процентов в 1960-е годы до примерно 50 процентов. Основными факторами оттока населения стали более быстрый рост производства и связанных с ним услуг и более высокие доходы в этих сферах. Увеличение производительности во всех секторах заложило основу позитивной динамики сельских и структурных преобразований, результатом которой, наряду с миграцией из сельских районов в городские, стало значительное сокращение общей нищеты. Проблемы, характерные для XXI века, указывают на то, что преобразования в сельских районах в наше время будут носить иной характер, чем в прошлом.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕКУЩИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Индустриализация, которая была основным катализатором преобразований в прошлом, отсутствует в большинстве стран Африки к югу от Сахары, а в Южной Азии идет медленными темпами. Быстрая урбанизация в странах Африки к югу от Сахары не сопровождается сопоставимым ростом в производственных отраслях и современном секторе услуг. Люди, прекращающие заниматься низкопроизводительным сельскохозяйственным трудом, главным образом переходят в сферу неформальных услуг, где производительность настолько же низкая, обычно в городских районах. Преимущества таких изменений весьма незначительны. По сравнению с 1990-ми годами уровень нищеты в Африке к югу от Сахары остался практически без изменений, а абсолютное число бедного населения возросло. Вместо того чтобы выбраться из нищеты, малоимущие жители сельских районов, мигрирующие в города, чаще всего пополняют ряды и без того многочисленной городской бедноты. Аналогичная тенденция наблюдается в Южной Азии, где сельская беднота имеет больше шансов решить проблему нищеты, оставаясь в сельских районах и не переезжая в города.

В течение следующих нескольких десятилетий перед странами Африки к югу от Сахары особенно остро встанет проблема трудоустройства молодежи, численность которой значительно вырастет. Согласно прогнозам, в период с 2015 по 2030 годы совокупное население Африки и Азии увеличится с 5,6 млрд до более чем 6,6 млрд человек. Число людей в возрасте 15–24 лет в мире за тот же период предположительно возрастет на 100 млн – 1,3 млрд человек. Этот рост будет в основном сконцентрирован в странах Африки к югу от Сахары, в особенности в сельских районах. С беспрецедентным увеличением численности молодежи связана проблема обеспечения достойной занятости миллионов новых участников рынков труда, с которой сталкиваются многие страны с низким уровнем доходов. Те, кто прекращает работать в сельскохозяйственном секторе и не находит рабочих мест в несельскохозяйственных отраслях местной экономики, вынуждены искать работу в других регионах, что ведет к сезонной или постоянной миграции. Возможности получения образования и расширение доступа к услугам являются важными факторами, однако

миграция главным образом обусловлена поиском лучшей работы и возможностей получения дохода.

Существует риск, что 500 млн мелких фермеров в мире останутся за бортом сельских и структурных преобразований. Агропромышленные предприятия, которые играют ведущую роль на рынках вводимых ресурсов, практически не заинтересованы в разработке технологий для мелких фермеров в развивающихся странах, располагающих скудными ресурсами. Однако мелкие и семейные фермерские хозяйства производят 80 процентов продовольствия в Африке к югу от Сахары и Азии, и для повышения производительности их труда крайне необходимы инвестиции. Многим мелким производителям придется адаптироваться к происходящим изменениям на этапе сбыта в производственно-сбытовых цепях продовольствия, где центральное место занимают крупномасштабные перерабатывающие предприятия и организации розничной торговли, которые используют контракты для координации поставок и устанавливают строгие стандарты для обеспечения качества продуктов питания и безопасности. Эти требования могут становиться причиной маргинализации мелких фермеров, которые не в состоянии приспособиться к ситуации. Увеличение масштабов международной торговли может стимулировать повышение производительности и конкурентоспособности; однако оно же может ограничить местным производителям доступ на внутренний рынок, если городские потребители предпочтут более дешевые импортные продукты. Проблемы, стоящие перед национальными производителями, усугубляются тем, что меры по ограничению импорта, которые помогли сформировать внутренние рынки Восточной Азии и Латинской Америки, в настоящее время не применяются широко.

Урбанизация, рост численности населения и растущие доходы ведут к повышению спроса на продукты питания в то время, когда сельское хозяйство сталкивается с беспрецедентными трудностями, связанными с состоянием природных ресурсов и изменением климата. По прогнозам, к 2050 году мировое население, которое в настоящее время составляет около 7,3 млрд человек, вырастет до почти 9,8 млрд человек, при этом рост будет в основном приходиться на развивающиеся регионы. В странах с низким уровнем доходов население может удвоиться и достигнуть 1,4 млрд человек. Чтобы накормить человечество, в период с 2012 года до середины столетия потребуется увеличить производство продуктов питания и других сельскохозяйственных продуктов на 50 процентов. Тем временем, вследствие урбанизации и роста благосостояния, население развивающихся стран переходит к другим моделям питания с увеличением потребления животного белка, в связи с чем потребуется значительное наращивание производства продукции животноводства,

влекущее за собой интенсивное использование ресурсов. Эти тенденции отражаются на ситуации в сельском хозяйстве и продовольственных системах: для увеличения их производительности и диверсификации они должны активно приспосабливаться к изменениям и при этом преодолевать беспрецедентные трудности, связанные с изменением климата и состоянием природных ресурсов. Перед мировым сообществом стоит задача наращивания производства с сокращением объемов потребляемых ресурсов и укрепления средств к существованию фермерских хозяйств.

Для решения этих четырех общих задач необходимо иметь представление о продовольственных системах и о том, как они влияют на экономику и в сельских, и в городских районах, а также представление о связях между сельскими и городскими районами и о том, как фермерским хозяйствам и сельскохозяйственным системам, которые обеспечивают продовольствием население мира, нужно будет приспосабливаться к сложным меняющимся потребностям. Расширение представления об этих аспектах позволяет понять, как использовать продовольственные системы для осуществления в сельских районах всеобъемлющих преобразований, ведущих к процветанию и искоренению голода и нищеты.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ ДЛЯ ВСЕОБЪЕМЛЮЩИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ

В странах, где преобразования происходят с отставанием и индустриализация маловероятна, агропромышленность может быть важным источником занятости для тех, кто прекращает работать в сельском хозяйстве. Согласно одной из оценок, если для изменения наблюдающихся в настоящее время тенденций не будет принято никаких мер, интеграция сельскохозяйственных рынков может привести к тому, что в ближайшие несколько десятилетий 1,7 млрд мужчин и женщин, являющихся фермерами, перестанут работать в аграрном секторе. При оттоке трудовых ресурсов из аграрного сектора и тенденции к увеличению миграции из сельских районов в странах с переходной экономикой потребуются создавать рабочие места в несельскохозяйственных отраслях, связанных с сельским хозяйством, например, в пищевой промышленности и торговле. Развитие сегментов переработки и сбыта в продовольственных системах расширяет возможности занятости вне фермерских хозяйств, обеспечивая возможности для всеобъемлющего преобразования сельских территорий, связанных с обслуживающими их небольшими городскими районами. В последние три десятилетия наблюдается быстрый рост пищевой промышленности в развивающихся странах. В странах с низким доходом на агропромышленность

приходится более 50 процентов общей добавленной стоимости, создаваемой производственным сектором, а в странах со средним доходом – 30 процентов. Как правило, сектор переработки пищевых продуктов отличается большей трудоемкостью, а производительность труда в производственных отраслях выше среднего, в подсекторе производства продуктов питания и напитков имеется высокий потенциал для создания рабочих мест вне сельского хозяйства. Во многих странах значительно возросло число женщин, занятых на предприятиях по переработке сельскохозяйственного сырья, выпускающих продукцию с высокой добавленной стоимостью. Однако, судя по всему, в Африке наблюдается стагнация пищевой промышленности, возможно, обусловленная структурой рынка, основанной на множестве мелких семейных предприятий, где отсутствует экономия за счет масштаба, а для лиц, не являющихся членами семей, создаются лишь сезонные рабочие места.

Растущий спрос на продовольствие и смена рациона питания с отходом от основных продуктов могут создать ценную возможность для индустриализации в странах, находящихся в арьергарде преобразований. В последние десятилетия городской продовольственный рынок растет очень высокими темпами, и вместе с тем развиваются продовольственные производственно-сбытовые цепи, связывающие сельские и городские районы. Урбанизация не только стимулирует спрос на пищевые продукты питания, но и обуславливает изменение рациона питания с переходом от таких основных продуктов, как зерновые, корнеплоды и клубнеплоды, на рыбу, мясо, яйца, молочные продукты, фрукты, овощи и в целом увеличением потребления переработанных продуктов. Этот переход наблюдается и в сельских районах: так, в рационе питания сельского населения в Африке к югу от Сахары и Азии растет доля покупных (и переработанных) пищевых продуктов. Кроме того, изменение рациона питания является фактором увеличения спроса на кормовое зерно, а также на продукты животноводства и садоводства. Рост спроса городского населения на дополнительные пищевые продукты и переработанные продукты с более высокой добавленной стоимостью открывает новые возможности для производителей и агробизнеса, в том числе для поставщиков производственных ресурсов. Благодаря расширению несельскохозяйственных сегментов продовольственной системы – торговли, переработки, упаковки, распределения и хранения – города становятся центрами роста не относящейся к сельскому хозяйству экономики сельских районов. В ходе дальнейших преобразований сельские районы могут стать инкубаторами для мелких несельскохозяйственных предприятий, связанных с быстро растущими производственно-сбытовыми цепями, и способствовать диверсификации экономики. На смену переработке и торговле, осуществляемым разрозненно на

уровне деревень, придет комплексный подход к обработке, материально-техническому снабжению, оптовой и розничной торговле, которые будут осуществляться в ближайших городах и неподалеку от них, с удлинением производственно-сбытовых цепей.

Малые города могут сыграть стимулирующую роль в преобразованиях в сельских районах как центры посредничества и агропромышленного развития.

Сельские и городские районы – не отдельные территории; они образуют “совокупность сельских и городских районов”, в которую входят различные виды поселений – от мегаполисов до крупных региональных центров, рыночных городков и отдаленных сельских районов. В развивающихся странах большинство городских районов имеют сравнительно небольшие масштабы – почти 1,5 млрд человек, то есть около половины всех жителей городских районов, проживают в городах с численностью населения до 500 000 человек. Во всех развивающихся регионах, за исключением Латинской Америки и Карибского бассейна, в небольших городах или неподалеку от них проживает больше людей, чем в крупных городах. На жителей небольших городских районов приходится около 60 процентов спроса на продовольствие со стороны городского населения. Это означает, что в процессе преобразований в сельских районах небольшим городским районам будет принадлежать как минимум не менее важная роль, чем крупным городам. В Восточной Африке происходит стремительная диверсификация экономической базы малых городов, сопровождающаяся формированием прочных связей с сельскими районами; в Латинской Америке наблюдается бурный рост городов, экономически связанных как с прилегающими сельскими районами, так и с крупными городскими агломерациями. В то время как урбанизация в целом способствует сокращению бедности в сельских районах через создание экономических связей, в малых городах, судя по имеющимся данным, в этом процессе учитываются интересы большего числа сторон, и он имеет более долгосрочные последствия. Будучи более равномерно распределены по определенной территории, малые города обеспечивают доступ к средствам повышения доходов, средствам к существованию и повышению благосостояния большему количеству сельских семей.

Развитие сельских районов с учетом территориальных особенностей, которое обеспечивает связь между малыми городами и их “зонами влияния” в сельской местности, может значительно облегчить городскому населению доступ к пищевым продуктам и расширить возможности для сельской бедноты. Подход к развитию сельских районов с учетом территориальных особенностей позволяет путем планирования с привлечением большого числа заинтересованных сторон согласовать отраслевые экономические аспекты продовольственного сектора с его

пространственными, социальными и культурными аспектами, лежащими в основе сельскохозяйственных и продовольственных систем. Реализация такого подхода, который предполагает учет динамики развития продовольственных систем и территориальной специфики, требует, во-первых, понимания того, каким образом население распределяется по территории, а во-вторых – того, как взаимодействуют друг с другом все сложно взаимосвязанные заинтересованные стороны. Следующим этапом является укрепление связей сельских районов с малыми городами и населенными пунктами в сельской местности, с целью обеспечить взаимодействие между производителями, перерабатывающими предприятиями агропромышленного комплекса и организациями, предоставляющими вспомогательные сельскохозяйственные услуги, а также другими субъектами, относящимися к этапу сбыта и хранения производственно-сбытовых цепей продовольствия. Поскольку существуют значительные различия между странами и регионами с точки зрения возможностей получения дохода, физической доступности продуктов питания, доступа к продуктам питания и стойкости домохозяйств к потрясениям, при планировании с применением агротерриториального подхода учитываются конкретные демографические, географические и социально-экономические условия.

Основным условием успешного применения агротерриториального подхода является сбалансированное сочетание развития инфраструктуры и мер политики во всей совокупности сельских и городских районов. Чаще всего используются следующие пять механизмов развития с использованием территориального подхода: агропромышленные коридоры, агрокластеры, агропромышленные парки, особые экономические зоны, ориентированные на сельское хозяйство, и инкубаторы агробизнеса – они обеспечивают платформу для роста агропромышленного комплекса и сельскохозяйственной экономики сельских районов. Эти агротерриториальные механизмы развития различаются с точки зрения общего назначения, географического охвата и определяющих признаков. Все они в разной степени позволяют решать задачи по созданию рабочих мест в сельской местности и укреплению связи между городскими и сельскими районами. Например, основными особенностями агропромышленных коридоров являются широкомасштабная интеграция инфраструктуры, мер политики и нормативно-правовой базы, укрепление организационной структуры и инициативы, касающиеся продовольственных систем. Такие коридоры могут иметь протяженность в тысячи километров, а центрами агропромышленной деятельности в них могут выступать различные города и населенные пункты. Агрокластеры также обеспечивают инфраструктуру, однако предполагают

гораздо меньшие объемы инвестиций в магистральную инфраструктуру. Независимо от различий, все успешные территориальные подходы объединяют применение мер политики, координацию с помощью нормативно-правовой базы и укрепление организационного компонента с инвестициями в физическую инфраструктуру, связывающую производителей с рынками.

Общественные товары и услуги, необходимые для содействия развитию предприятий в рамках продовольственных систем и по всему сельскохозяйственному континууму. Государство играет важнейшую роль не только в совершенствовании инфраструктуры, но и в снижении расходов на ведение деятельности предприятий, обеспечении стимулов для инвестиций и создании условий для развития экономической деятельности с учетом интересов различных сторон в продовольственной системе соответствующей территории. Нормативно-правовая база и меры политики способствуют уменьшению чрезмерных операционных издержек, которые препятствуют эффективному функционированию рынка и не позволяют фермерам перенимать новые технологии и выходить на рынки. Кроме того, они способствуют эффективной и справедливой реализации механизмов ведения сельского хозяйства на контрактной основе. Правительство также играет определенную роль в поощрении фермерских организаций, деятельности финансовых структур, направленных на поддержку фермеров и агробизнеса, осуществлении инвестиционных механизмов в рамках концепции “Зеленый рост”, инкубаторов в сфере агробизнеса, в которых руководящая роль принадлежит университетам, и государственных программ технической помощи в целях создания потенциала предприятий. При применении к конкретной территории агротерриториальный подход может способствовать обоснованному выбору необходимых мероприятий в таких сферах, как инвестиции, институты и комплексные меры политики.

НЕОБХОДИМА ПЕРЕСТРОЙКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Для удовлетворения растущего спроса на продовольствие необходимо создавать более продуктивные и устойчивые сельскохозяйственные системы. Преобразования, которым сельское хозяйство подверглось в конце XX века, подразумевали его широкомасштабную интенсификацию с использованием значительных объемов вводимых ресурсов. Во многих странах этот подход привел к серьезным экологическим последствиям, включая массовое обезлесение, истощение почвы и воды и высокий уровень выбросов парниковых газов. Предстоящие преобразования будут осложняться беспрецедентным количеством экологических проблем;

при их осуществлении потребуются меры по смягчению последствий изменения климата, а также адаптация к его изменению и нехватке природных ресурсов. Фермеры должны будут снизить объем используемых в сельском хозяйстве ресурсов без ущерба для урожайности и оптимально регулировать отходы жизнедеятельности скота, являющиеся одним из основных источников парниковых газов.

Необходимо преодолеть препятствия, порождаемые чрезмерной раздробленностью земельных владений.

Около 85 процентов фермерских хозяйств в мире находятся на участках площадью менее двух гектаров. В большинстве стран с низким и ниже среднего уровнем доходов малые фермерские хозяйства становятся еще меньше и, в конце концов, многие из них теряют экономическую жизнеспособность. В то же время в перспективных районах многих африканских стран к югу от Сахары растет число фермерских хозяйств среднего размера. В долгосрочной перспективе возможно укрупнение сельскохозяйственных угодий за счет деятельности инвесторов, наряду с продолжающейся фрагментацией земель, возделываемых традиционными сельскохозяйственными сообществами. Уменьшение размера фермерских хозяйств не всегда мешает росту производительности, поскольку при низкой производительности труда в мелких фермерских хозяйствах в них отмечается наиболее высокая продуктивность земель. Однако мелкие хозяйства должны иметь либо масштаб, необходимый для доступа к рынкам и освоения новых технологий (в связи с чем следует особо отметить важность общественных услуг в сельских районах и коллективных действий фермеров), либо доступ к технологиям, приспособленным для малых предприятий. Повышению производительности может также способствовать укрепление прав собственности, крайне важных для эффективного функционирования рынков аренды земли, которые способны помочь фермерам добиться экономии за счет масштаба. По последним данным, рынки аренды земли более распространены, чем предполагалось ранее.

Чтобы удовлетворить растущий спрос на продовольствие, приспособиться к изменяющемуся характеру рациона питания и обеспечить устойчивость аграрных систем, сельскому хозяйству потребуется значительно более высокий объем капиталовложений.

Небольшие фермы способны конкурировать с крупными коммерческими хозяйствами с точки зрения себестоимости. Однако они часто оказываются в неблагоприятном положении вследствие воздействия факторов, не связанных с их размером, например, институциональной среды. Чтобы вкладывать средства в технологии, обеспечивающие повышение

производительности, и методы устойчивого ведения сельского хозяйства, фермеры нуждаются в содействии, для которого требуются политические механизмы. Во многих странах мелкие фермеры по-прежнему испытывают трудности с доступом к инновациям, техническим достижениям, знаниям и информации, необходимым для повышения производительности и доходов. Крайне важно предоставить таким хозяйствам доступ к источникам знаний, вводимым ресурсам и кредитному финансированию, а также обеспечить государственные инвестиции в НИОКР, исследования и разработки с учетом их потребностей. Во многих странах существует настоятельная необходимость в преодолении разрыва, связанного с сокращением масштабов деятельности государственных служб, занимающихся распространением знаний. Более целенаправленное распределение ресурсов и более тесная координация с частными консультативными службами помогут фермерам приспособиться к изменениям спроса. Кроме того, потребуются инвестиции, которые позволят укрепить организации производителей и использовать огромный потенциал информационно-коммуникационных технологий.

Для преобразования систем земледелия необходимы механизация и современные вводимые ресурсы.

Основным фактором, ограничивающим рост производства в мелких хозяйствах, является нехватка земельных ресурсов. Таким образом, для достижения более высоких производственных показателей необходимо более эффективно использовать ресурсы и применять современные материалы, такие как высокоурожайные сорта сельскохозяйственных культур и усовершенствованные рецептуры удобрений, имеющие меньше отрицательных последствий, а в некоторых случаях руководствоваться принципами агроэкологии, выработанными на основе как традиционных, так и научных знаний. Механизация сельского хозяйства имеет решающее значение, поскольку она повышает производительность других факторов производства. Масштабы использования механизации в мире, особенно в странах, где произошли стремительные преобразования, возросли, что оказалось выгодным для мелких фермерских хозяйств. Благодаря повышению спроса на оборудование, даже в небольших хозяйствах, вырос рынок проката и расширилось совместное использование техники через фермерские кооперативы – эти изменения стали ключевым фактором успеха механизации. В некоторых районах Восточной Азии благодаря развитию рынков проката объемы использования сельхозтехники выросли по сравнению с 1985 годом в семь раз. Освоению мелкими производителями более эффективных методов ведения сельского хозяйства будет также способствовать адаптация сельскохозяйственного оборудования к их потребностям.

НЕОБХОДИМО ПРИНИМАТЬ ВО ВНИМАНИЕ ОБЩУЮ СИТУАЦИЮ

Несмотря на общий рост благосостояния миллиарды людей в мире продолжают страдать от таких повсеместно распространенных проблем, как голод, нищета, безработица, ухудшение состояния окружающей среды, болезни и лишения. Одной из самых серьезных задач, стоящих перед человечеством, является достижение целей в области устойчивого развития (ЦУР) по искоренению голода и нищеты, а также обеспечению устойчивости сельского хозяйства и продовольственных систем. Эта задача еще более усложняется в связи с огромным, но неравномерным демографическим давлением, фундаментальными изменениями спроса на продовольствие и угрозой массовой миграции молодежи, стремящейся к лучшей жизни. Для достижения ЦУР потребуются преобразования продовольственных систем и стратегии, которые позволяют использовать эти системы для стимулирования экономического роста в странах, где темпы индустриализации оставляют желать лучшего. В связи с этим необходим пересмотр приоритетов в более широких масштабах.

Для снижения общего уровня нищеты в равной степени важно экономическое развитие сельских и городских районов. Директивные органы должны обратить особое внимание на этот аспект. Сельские районы необходимо обеспечивать ресурсами не только потому, что именно там проживает большинство нищего, голодающего населения, но и потому, что их широкомасштабное экономическое развитие является мощным фактором изменений. Процветающая экономика сельских районов создает альтернативу для тех, кто считает миграцию единственным шансом вырваться из тисков нищеты и голода. Агротерриториальный подход позволяет решить следующие три задачи, связанные с происходящими преобразованиями: снижение риска исключения мелких производителей и других уязвимых групп из числа участников преобразований в сельских районах и тех, кто получит от них выгоду; смягчение последствий ожидаемого в предстоящие годы роста сельской безработицы; восполнение дефицита инфраструктуры в сельских районах и укрепление связей между сельскими и городскими районами. Решение этих задач будет иметь определяющее значение для сокращения масштабов нищеты.

Вопросы понимания движущих сил миграции из сельских в городские районы, а также ее издержек и выгод должны занимать важное место в повестке дня директивных органов. Структурные преобразования, которые осуществлялись в прошлом, в ряде случаев

приводили к массовой миграции из сельских районов с соответствующими преимуществами и издержками. Предполагается, что предстоящие преобразования будут носить иной характер, так как городские районы, с которыми они связаны, обладают иным экономическим потенциалом: так, страны Африки к югу от Сахары и Южной Азии отличаются относительно низким уровнем индустриализации при растущей численности населения. Это не означает, что масштабы миграции сельских жителей в города сократятся. Напротив, если темпы создания рабочих мест в сельской местности будут отставать от темпа роста населения в этих районах, масштабы вынужденной миграции будут нарастать. Однако и в городских районах у мигрантов могут быть лишь ограниченные возможности для преодоления нищеты. Территориально ориентированный подход может помочь решить эту дилемму. Он осуществляется в неразрывной связи с территориальным планированием городских районов и малых городов и улучшением региональной инфраструктуры и, соответственно, позволяет решать проблемы, приводящие к оттоку населения из сельских районов. Например, в ситуации отсутствия рабочих мест на той или иной территории инвестиции в инфраструктуру, относящуюся к продовольственным системам – такую как складские помещения, холодные склады и оптовые рынки – могут генерировать занятость в сельском хозяйстве и несельскохозяйственных отраслях экономики. Такой подход позволяет удовлетворить потребности потенциальных мигрантов еще до того, как они покинут свое место жительства. Если сельских жителей привлекает более высокий уровень благосостояния в городских центрах, темпы миграции в перегруженные мегаполисы можно снизить с помощью инвестиций в образование, здравоохранение, коммуникации и места отдыха на уровне агломерации, то есть в небольших городах и поселках, распределенных по всей территории и находящихся в близости от сельских районов.

Пришло время пересмотреть роль сельского хозяйства и развития сельских районов в национальных стратегиях развития. Результатом самоустранения государства и чрезмерной разрозненности при формировании секторальной политики стало отсутствие должного внимания к разработке стратегий. Такая ситуация вызвала ослабление государственных информационных и статистических систем и привела к сокращению потенциала по анализу и изучению тенденций, присутствующих в сельском хозяйстве и экономике сельских районов. Это создает серьезные помехи для директивных органов, и в настоящее время стоит неотложная, приоритетная задача возвращения к инвестициям в формирование знаний. В частности, региональная диагностика будет незаменимым средством

для приоритизации целей, определения целевой аудитории мероприятий и последовательности действий. Для участия в реализации стратегий развития как на национальном, так и на субнациональном уровнях необходимо вновь начинать вкладывать средства в соответствующие процессы. Для определения ответственных лиц, без чего невозможна выработка общих концепций и обязательств, крайне важны консультации с заинтересованными сторонами. Для управления информационными системами, анализа результатов и мониторинга процессов необходимы время, тщательное планирование и значительные усилия по наращиванию потенциала.

Для обеспечения согласованности политики и удовлетворения потребностей местного населения необходимо рассмотреть возможность применения территориальных подходов. Преобразования в сельских районах зачастую обусловлены совокупностью изменений в продовольственной системе конкретной местности. Если при разработке мер политики и планировании акцент делается исключительно на продовольственной системе, возникает риск упустить из виду территориальные аспекты, крайне важные для достижения наблюдаемых результатов. Для осуществления преобразований в сельских районах с помощью продовольственных систем потребуется применение территориальных подходов с учетом местной специфики, которые позволят сместить акцент с городов при разработке мер государственной политики и обращать внимание не только на отраслевые, но и пространственные, социальные и культурные компоненты продовольственных систем. Возможно, потребуется оценка требований городских и сельских жителей к продовольственным системам и способов удовлетворить эти требования с помощью инвестиций в мероприятия, позволяющие преодолеть узкие места. Это могут быть барьеры, связанные с инфраструктурой, такие как отсутствие сельских дорог или складских помещений с холодильными установками. Возможно, будут выявлены институциональные проблемы, соответственно потребуется более тесная координация с группами производителей, которая позволит лучше понять их потребности в информации, финансировании и услугах в сельской местности. Как правило, такие трудности связаны с конкретными условиями. Территориальный подход позволит преодолеть эти препятствия путем мобилизации потенциала и удовлетворения потребностей каждого района.

Для развития предпринимательства в сельских районах и диверсификации занятости, особенно для женщин и молодежи, необходимо повышение квалификации. Более квалифицированная рабочая сила в странах с низким уровнем доходов будет способствовать повышению производительности сельского хозяйства и

стимулировать рост производительности в секторе услуг и промышленных отраслях. Квалификация дополняет техническое оснащение и является необходимым условием для получения более высокооплачиваемой работы. Для всеобъемлющих преобразований в сельских районах важны меры политики на всех уровнях, направленные на поддержку образования, хотя их воздействие будет ощущаться лишь в долгосрочной перспективе. Меры обеспечения занятости сельской молодежи включают укрепление профессиональной подготовки и образования, создание механизмов подтверждения трудового опыта в неформальном секторе и повышение осведомленности о возможностях трудоустройства и трудовых правах.

Социальная защита имеет решающее значение для управления рисками в ходе преобразований и обеспечения невосприимчивости к внешним воздействиям источников средств к существованию жителей сельских районов. Меры социальной защиты обеспечивают малоимущим домохозяйствам возможность вкладывать средства в более рискованные, но и более прибыльные виды деятельности, главным образом за счет повышения ликвидности и поддержки мобильности рабочей силы. Одной из позитивных тенденций последнего времени стала разработка программ социальной защиты, объединяющих выплату социальных пособий с непосредственным стимулированием занятости в сельских районах и аграрного производства – например, такие программы позволяют семейным хозяйствам участвовать в качестве поставщиков в схемах государственных закупок продовольствия и программах школьного питания. Опыт многих стран со средним уровнем доходов показывает, что социальная защита также позволяет в определенной мере сократить неравенство доходов и выработать более справедливые и устойчивые подходы к структурным преобразованиям и росту. Программы социальной защиты способствуют оздоровлению населения и формированию более квалифицированной рабочей силы, способной реагировать на изменения спроса и участвующей в переходе на более высокий уровень производительности.

В стремительно меняющемся мире продовольственные системы, связанные с конкретными территориями, являются ценным активом, который можно использовать как средство для преобразований в сельских районах с учетом интересов максимального числа сторон. Укрепление связей между сельскими и городскими районами с помощью соответствующих территориальных стратегий способствует формированию благоприятной среды для коммерческой деятельности фермерских хозяйств – как малых, так и крупных – и создает возможности для получения дохода вне сельского хозяйства, являющиеся важнейшим фактором создания процветающего и устойчивого сельского хозяйства.

МАНЗИНИ, СВАЗИЛЕНД

Оптовые рынки свежей продукции облегчают мелким фермерам доступ к рынкам и обеспечивают их связь с покупателями.

©FAO/Believe Nyakudjara

ГЛАВА 1

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ: ПОНИМАНИЕ ПРОШЛОГО, ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Основные тезисы

→ Экономический рост в сельских районах помог миллионам людей вырваться из нищеты, а его поддержка с помощью мер политики в области социальной защиты, развития инфраструктуры и поощрения местной экономики будет иметь решающее значение для ликвидации голода к 2030 году.

→ Агропромышленное развитие и укрепление связей между сельскими и городскими районами открывают широкие возможности для улучшения источников средств к существованию и искоренения нищеты в странах с низким уровнем доходов, где преобразования запаздывают, а индустриализация идет медленными темпами.

→ Более тесные связи между сельскими районами и малыми городами способствуют динамичному расширению экономических возможностей и снижают значение миграции как средства преодоления нищеты.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ: ПОНИМАНИЕ ПРОШЛОГО, ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

В последние десятилетия во всем мире происходят масштабные социально-экономические преобразования. Структурные изменения в экономике обусловили резкое повышение дохода на душу населения, сокращение нищеты и повышение продовольственной безопасности в большинстве регионов. Несмотря на эти достижения, около 700 млн человек все еще живут в условиях крайней нищеты, а около 815 млн страдают от хронического голода (ФАО, 2017а; ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2017). Без придания экономическому росту более всеобъемлющего характера невозможно достичь первых двух целей в области устойчивого развития (ЦУР): ликвидации нищеты и обеспечения нулевого голода к 2030 году. Если этого не произойдет, более 650 млн человек будут страдать от недоедания (ФАО, 2017а). Достижение основных ЦУР осложняется и другими тесно взаимосвязанными глобальными проблемами, такими как изменение климата и ухудшение состояния окружающей среды.

Экономический рост и демографические тенденции являются основными факторами происходящих в настоящее время преобразований. Увеличение численности мирового населения, которое, согласно прогнозам, к 2050 году достигнет почти 9,8 млрд человек (UN DESA PD, 2017), в сочетании с ростом доходов приводит к росту спроса на продовольствие и изменению рациона с отходом от традиционных пищевых продуктов и увеличением потребления фруктов, овощей, продуктов животного происхождения и в целом переработанных пищевых продуктов. Одним из возможных методов увеличения объема производства продовольствия является переход к более интенсивным системам, который повысит и без того значительную нагрузку на природные ресурсы. Истощение земли, воды и биологического разнообразия, наряду с изменением климата, уже сдерживает рост производительности сельского хозяйства, необходимый для удовлетворения растущего спроса на продовольствие.

Изменение демографической структуры и новые модели урбанизации являются для директивных и плановых органов источником как проблем, так и возможностей. В предыдущие десятилетия развитые страны решали проблемы, связанные с такими демографическими тенденциями, как старение населения, для чего

применялись меры социальной политики в сочетании с государственными инвестициями. Не все государства, которые имеют средний уровень доходов сегодня, обладают тем же потенциалом и могут решить проблему сокращения рождаемости и быстрого старения. Многие страны с низким уровнем доходов, главным образом находящиеся в Африке к югу от Сахары, напротив, сталкиваются с беспрецедентным ростом числа молодых граждан и, соответственно, необходимо решать задачу обеспечения достойной работой миллионов новых участников рынка труда.

Если текущие темпы урбанизации сохранятся, то через 20 лет городское население будет преобладать во всех регионах. К 2030 году численность городского населения менее развитых регионов составит 4 млрд человек; при этом 80 процентов общемирового числа горожан будут проживать в Африке, Азии и Латинской Америке (UN DESA PD, 2014a). Рост численности городского населения в странах с низким уровнем доходов в настоящее время происходит скорее за счет воспроизводства, чем за счет миграции из сельских районов в городские. В дальнейшем численность населения будет расти более быстрыми темпами в крупных городах и мегаполисах, однако в 2030 году большинство горожан во всем мире и во всех развивающихся регионах, как и ранее, будет проживать в средних и малых городах с населением не более 1 млн человек; при этом 80 процентов этих людей будут жителями городских районов с населением менее 500 000 человек (UN DESA PD, 2014b).

Поскольку в малых городах развивающихся стран как правило отсутствуют услуги и объекты инфраструктуры, обычные для больших городов, полицентрической характер урбанизации может приводить к усилению давления на природные ресурсы и истощению государственных бюджетов, из которых выделяются средства на оказание услуг и инфраструктуру. Однако если развитие малых городов в сельских районах будет поддерживаться рациональными мерами политики и планированием, они могут играть решающую роль в структурных трансформациях и преобразовании сельских районов путем укрепления сельско-городских связей, создания повышенного спроса на товары, услуги и продукты питания, а также создания рабочих мест и, соответственно, сокращения масштабов нищеты. Кроме

Структурные преобразования –

переориентация экономической деятельности со смещением акцента с первичного сектора (сельское хозяйство и природные ресурсы) на промышленное производство и услуги. Характеризуется увеличением продуктивности различных секторов, ростом городской экономики, сокращением доли сельского хозяйства в ВВП, расширением внутренней и международной торговли и углублением специализации и разделения труда. В долгосрочной перспективе влечет за собой увеличение масштабов миграции из сельских районов в городские центры и урбанизацию сельской местности, обычно в сочетании с сокращением рождаемости, увеличением доли женщин в составе рабочей силы и глубокими политическими и социокультурными изменениями.

Преобразование сельского хозяйства

является как причиной, так и следствием структурных преобразований. Этот процесс включает переход от преимущественно натурального хозяйства к коммерческим производственным системам с высоким уровнем диверсификации. На уровне отдельных хозяйств процесс способствует специализации, которая обеспечивает возможность экономии за счет масштаба путем применения передовых технологий и современных систем доставки как вводимых ресурсов, так и продукции; это в свою очередь придает дополнительный импульс процессу интеграции более диверсифицированного сельскохозяйственного сектора с остальными отраслями экономики и международными рынками.

Преобразования в сельских районах –

все аспекты преобразований аграрного сектора, а также появление источников средств к существованию и возможностей получения доходов в несельскохозяйственном секторе сельских районов. Расширение и облегчение доступа к услугам и инфраструктуре в сельских районах приведет к появлению новых возможностей оплачиваемого трудоустройства и новых предприятий вне фермерских хозяйств.

Всеобъемлющие преобразования в сельских районах

приносят благо всем жителям сельских районов, позволяя им всем осуществлять свои экономические, социальные и политические права, развивать свои способности и пользоваться открывающимися на местном уровне возможностями. Повышение производительности труда в сельском хозяйстве и развитие несельскохозяйственной экономики сельских районов должны привести к повышению доходов сельского населения, особенно бедноты, ослаблению "вытесняющих" факторов, ведущих к миграции. Миграция не прекращается полностью, но является следствием собственного выбора людей, а не отсутствия альтернатив. Всеобъемлющие преобразования в сельских районах способствуют активизации перемещения граждан между регионами и секторами, при этом развиваются формы мобильности, обеспечивающие повышение производительности труда и создающие преимущества для мигрантов и сообществ, из которых они происходят и в которые попадают.

ИСТОЧНИК: по материалам МФСР, 2016.

того, малые города служат платформой для развития несельскохозяйственных сегментов сельской экономики путем расширения таких элементов продовольственной системы, как торговля, переработка, упаковка, распределение и хранение. Во многих странах преобразования сельских районов определяются в равной мере ситуацией в крупных городских агломерациях и положением в малых городах, расположенных в сельской местности (врезка 1)

Настоящий доклад посвящен преобразованиям в сельских районах в контексте структурных преобразований в масштабах всей экономики. Городские и сельские районы рассматриваются в нем не как отдельные территории, но как село-городской континуум, охватывающий субъекты различных уровней – от фермерских хозяйств до мегаполисов. В докладе освещаются динамично изменяющиеся посреднические роли поселков и малых городов в развитии несельскохозяйственной экономики сельских районов, способствующем повышению устойчивости преобразований в сельских районах и придающем им более всеобъемлющий характер.

"Всеобъемлющие преобразования сельских районов" представляют собой процесс развития этих районов (как в сельскохозяйственных, так и в несельскохозяйственных аспектах), от которого выигрывают все группы населения, особенно малоимущие слои населения. Всеобъемлющие преобразования предполагают создание возможностей для достойной занятости, улучшение инфраструктуры, расширение доступа к услугам, а также повышение потенциала сельского населения с точки зрения влияния на меры политики – все эти меры смягчают действие "вытесняющих" факторов, которые обуславливают нередко высокие уровни село-городской миграции. Учет интересов максимального числа сторон позволяет предотвратить ситуацию, когда причиной миграции из сельских районов в городские – явления, которое обычно сопровождает структурные преобразования – становится отсутствие возможностей на местном уровне.

В докладе рассматривается вопрос о том, как совершенствование инфраструктуры и услуг, связывающих малые города и сельские районы, способно направить развитие по пути устойчивых, всеобъемлющих преобразований. Анализ показывает, что преобразования

в сельских районах не подразумевают учет интересов максимального числа сторон по умолчанию; такой подход как правило следует из сознательного намерения директивных органов уделять первоочередное внимание задачам сокращения бедности и неравенства и их решению за счет экономического роста.

В данной главе рассматривается ход преобразований в сельских районах в соотношении с более широкими структурными изменениями в экономике в целом, а также последствия этих преобразований для сокращения масштабов нищеты, обеспечения продовольственной безопасности и улучшения питания. В ней изучается опыт преобразований во всем мире, освещаются особенности, которые отличают опыт преобразований, происходящих в последнее время, от исторических моделей, а также изменения в продовольственных системах, которыми сопровождаются и обуславливаются трансформационные процессы. Далее представлена концепция сельско-городского континуума, демонстрирующая, чем отличаются модели урбанизации, используемые в разных регионах мира, и как эти различия влияют на преобразования и их всеобъемлющий характер. Концепция сельско-городского континуума представляет собой новый взгляд на урбанизацию и сельско-городскую миграцию, которые имеют решающее значение для преобразований в сельских районах. В завершение приводятся примеры, иллюстрирующие некоторые из проблем, возникающих наряду с новыми возможностями для сельского населения. ■

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ЯВЛЯЮТСЯ НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Структурные преобразования экономики характеризуются повышением производительности, особенно производительности труда, а также изменениями в относительной важности секторов за счет перераспределения производственных факторов, таких как труд и капитал. В течение последних 50 лет по мере постепенной переориентации экономической деятельности в сторону промышленности и сферы услуг (рис. 1) относительная доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте (ВВП) и занятости упала почти повсеместно; этот процесс влечет за собой перераспределение рабочей силы по секторам, рост производительности в отдельных секторах, а также уменьшение межсекторальных расхождений в уровне производительности (FAO, 2017a).

Преобразования в сельских районах являются неотъемлемой частью структурных преобразований и происходят по мере изменения соотношения между

сельским хозяйством и остальными отраслями экономики. Они включают укрепление сельско-городских связей, то есть связей между сельским хозяйством и такими развивающимися в городских центрах секторами, как производство и услуги. Результатом этого процесса становятся рост продуктивности сельского хозяйства и появление товарных излишков, диверсификация моделей производства и средств к существованию, а также более широкий доступ к государственным услугам и инфраструктуре в сельской местности (IFAD, 2016). Благодаря фундаментальному воздействию на сельское сообщество с точки зрения доходов, продовольственной безопасности, питания, устойчивости, социальных и культурных благ преобразования и их результаты жизненно важны для всех сельских жителей.

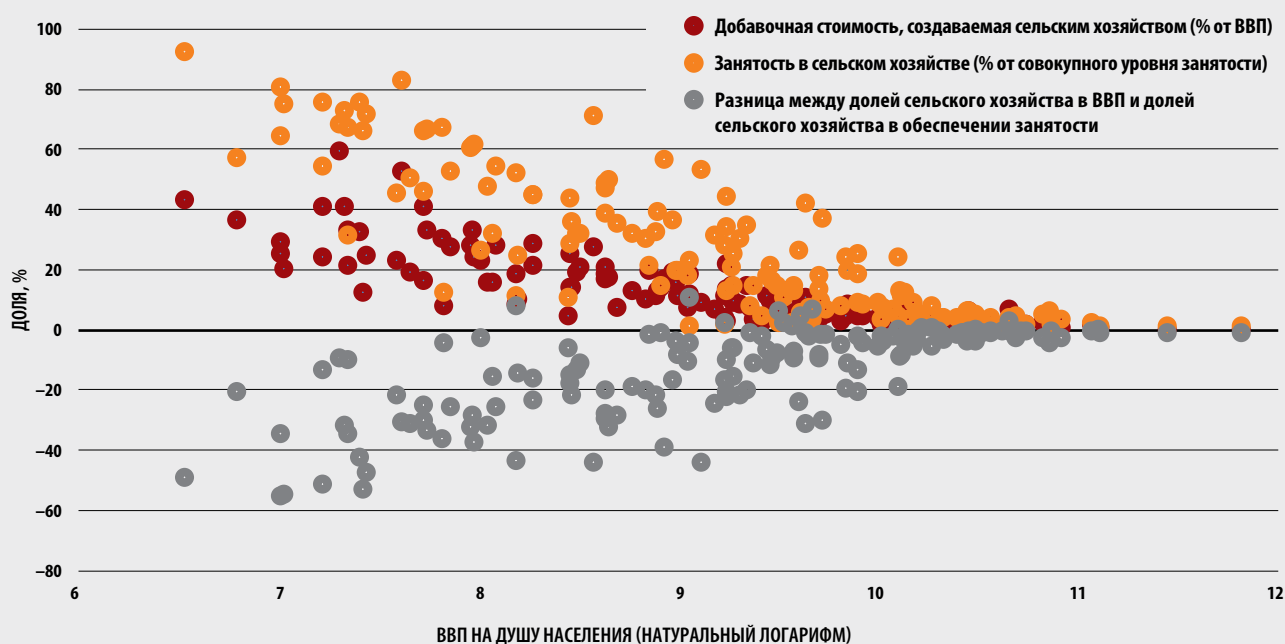
Через такие структурные преобразования прошли все развивающиеся страны, которые добились успеха в деле радикального сокращения нищеты. Тем не менее положительные итоги социально-экономических преобразований в значительной степени определяются тем, обеспечивается ли учет интересов максимального числа сторон при выработке мер государственной политики, касающихся данного процесса. Нарастающая серьезность проблем изменения климата и ухудшения состояния окружающей среды заставляет предпринимать согласованные действия для того, чтобы происходящие в настоящее время структурные преобразования и преобразования в сельских районах были не только всеобъемлющими, но и устойчивыми. ■

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПРОШЛОМ ПРИВОДИЛИ К НЕРАВНОМЕРНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ

В литературе, посвященной экономике развития, высказывается мнение, что если в росте аграрного сектора участвует множество сторон, он оказывает самое положительное воздействие на несельскохозяйственные доходы и занятость (Tsakok, 2011). В прошлом повышение продуктивности сельского хозяйства создавало условия для индустриализации, поскольку благодаря ей аграрный сектор начинал производить излишки, необходимые для обеспечения продовольствием рабочих промышленных предприятий, освобожденных от труда на фермах, а также обеспечивались поставки сырья для поддержки агропромышленности, возрастал объем экспорта, который позволял оплачивать расходы, связанные с инвестициями в промышленность, и укреплялся внутренний рынок промышленной продукции. Почти во всех странах мира, где удалось успешно преобразовать экономику так, чтобы обеспечить низкие показатели нищеты, это произошло при устойчивом росте производительности труда в сельском хозяйстве (Timmer, 2014).

РИСУНОК 1

ДОЛЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ, СОЗДАВАЕМОЙ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ, В ВВП И ДОЛЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАК ИСТОЧНИКА ЗАНЯТОСТИ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

ПРИМЕЧАНИЕ: Включены данные по 151 развитой и развивающейся стране в 2015 г.
 ИСТОЧНИК: World Bank, 2016a.

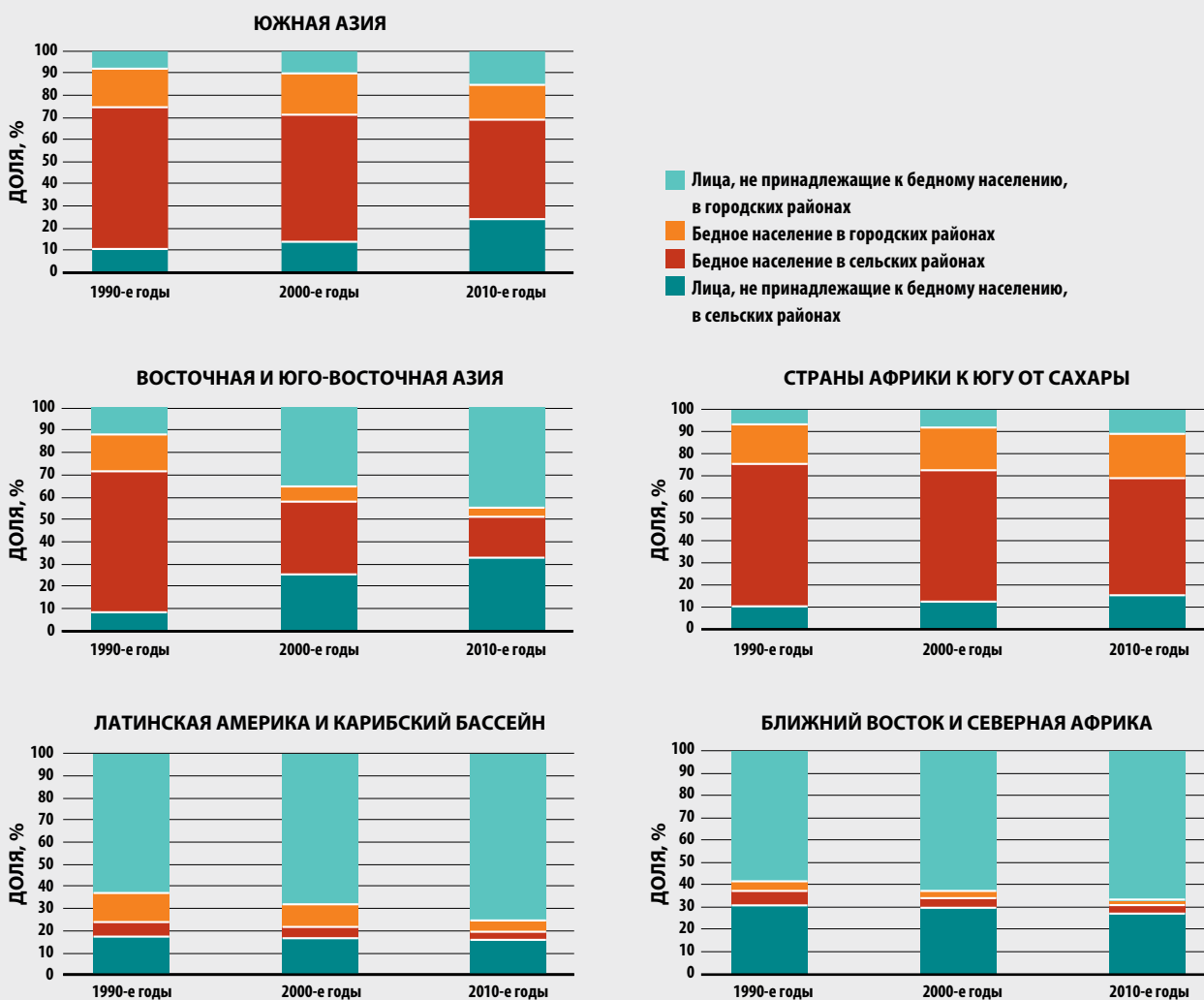
Меры политики в области социальной защиты могут играть решающую роль в сокращении масштабов нищеты, однако сопряженные с ними издержки могут быть оправданными в долгосрочной перспективе только в том случае, когда такие меры сопровождаются ростом производительности во всех секторах. Происходящие в последнее время преобразования показали, что их результаты зависят от целого ряда факторов, включая исходные показатели нищеты, уровень развития и меры социальной политики. На рис. 2, основанном на данных Всемирного банка по 31 стране с общей численностью населения 4,2 млрд человек, изображены региональные тенденции в отношении нищеты в городских и сельских районах за последние два десятилетия. Доли городской и сельской бедноты в общей численности населения показаны, соответственно, оранжевым и красным цветами, в то время как доли населения городских и сельских районов, не принадлежащего к бедноте, представлены голубым и синим наверху и внизу соответственно.

Данные Всемирного банка свидетельствуют, что за период с 1990-х годов до текущего десятилетия более 800 млн человек в абсолютном выражении преодолели "умеренную нищету", определенную как доход ниже 3,10 долл. США в день¹. Учтен внутренний рост числа домохозяйств, не относящихся к категории бедных, чьи дети остаются в категории небедного населения, при этом численность населения, живущего выше черты умеренной бедности,

¹ В выборку по 31 стране включены сведения о 4,2 млрд человек, однако данные по количеству преодолевших нищету в каждом регионе остаются заниженными. Поскольку ситуация в разных странах неодинакова, данные о доле в общей численности населения региона не экстраполируются. В силу численности населения Китая тенденция к сокращению бедности в странах Восточной и Юго-Восточной Азии в большей степени определяется положением в этой стране. Тем не менее сокращение масштабов нищеты зарегистрировано в сельских и городских районах всех стран Восточной и Юго-Восточной Азии, представленных на рис. 2 (стр. 6), за исключением Филиппин, хотя и в разной степени по разным странам. В Китае и Индонезии отмечается равный уровень снижения масштабов нищеты в сельских и городских районах, в то время как в Камбодже и Вьетнаме оно в основном наблюдается в сельской местности.

РИСУНОК 2

ИЗМЕНЕНИЕ ДОЛИ СЕЛЬСКОЙ И ГОРОДСКОЙ БЕДНОТЫ И НАСЕЛЕНИЯ, НЕ ПРИНАДЛЕЖАЩЕГО К БЕДНОТЕ, В ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН В РАЗБИВКЕ ПО РЕГИОНАМ, 1990-е–2010-е ГОДЫ

ПРИМЕЧАНИЯ: использовался "умеренный" уровень нищеты, определенный как доход ниже 3,10 долл. США в день (по паритету покупательной способности (ППС) в долл. США на 2011 год). Графики относятся к следующим странам, отобранным по критерию доступности данных: Восточная и Юго-Восточная Азия – Вьетнам, Камбоджа, Китай, Индонезия, Таиланд, Филиппины; Южная Азия – Бангладеш, Индия, Непал; Латинская Америка и Карибский бассейн – Бразилия, Гватемала,

Доминиканская Республика, Колумбия, Никарагуа, Перу; Африка к югу от Сахары – Буркина-Фасо, Замбия, Кот-д'Ивуар, Малави, Мали, Мозамбик, Нигерия, Объединенная Республика Танзания, Руанда, Уганда, Эфиопия, Южная Африка; Ближний Восток и Северная Африка – Иран (Исламская Республика), Таджикистан, Тунис, Турция.

ИСТОЧНИК: расчеты ФАО по данным Всемирного банка и МФСР (2016 год).

выросла более чем на 1,6 млрд человек, в их числе 750 млн жителей сельских районов (World Bank & IFAD, 2016). Это означает, что прогресс в сельских районах является основным фактором сокращения масштабов нищеты и будет также основной движущей силой для достижения первой ЦУР "искоренение нищеты".

Как показано на рис. 2, тенденции в области сокращения масштабов нищеты заметно различаются по регионам. Значительный уровень снижения нищеты в сельских районах за последние два десятилетия достигнут только в Восточной и Юго-Восточной Азии, где доля населения таких районов, не принадлежащего к бедноте, в общей

численности населения увеличилась с 9 процентов в 90-х годах до 33 процентов в 2010-х годах, в то время как общая доля малоимущего населения снизилась с 79 процентов до 22 процентов. Изначально уровень нищеты в Южной Азии и Африке к югу от Сахары был сопоставим с ее уровнем в Восточной и Юго-Восточной Азии, однако доля городской и сельской бедноты в обоих регионах сократилась лишь незначительно.

Как показывают данные, приведенные в литературе, модели и скорость структурных преобразований и преобразований в сельских районах в существенной мере различаются по регионам, а во многих случаях и по странам, что ведет к существенным различиям с точки зрения итоговых показателей благосостояния. В Восточной и Юго-Восточной Азии преобразования в сельских и городских районах позволили получить синергетический эффект, который способствовал значительному сокращению масштабов нищеты. Благодаря повышению производительности труда в сельском хозяйстве и несельскохозяйственных секторах общее количество малоимущих как в городских, так и в сельских районах по сравнению с 1990-ми годами уменьшилось более чем на 800 млн человек. В то же время в Южной Азии, где сельское хозяйство по-прежнему является основным источником занятости, а темпы роста населения были выше, чем в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, включенных в выборку, сокращение числа малоимущих было незначительным и составило 23 млн человек (Расчеты ФАО по материалам World Bank & IFAD, 2016). В Южной Азии доля тех, кто за указанный период преодолел нищету, оставаясь в сельских районах, превысила долю жителей городских районов, чье положение изменилось аналогичным образом.

В двух развивающихся регионах – в странах Латинской Америки и Карибского бассейна и странах Ближнего Востока и Северной Африки – низкий уровень нищеты отмечался уже два десятилетия назад. С учетом высокого исходного уровня урбанизации в этих регионах, основная доля их населения, преодолевшего нищету, в настоящее время приходится на городские районы – на Ближнем Востоке и в Северной Африке это происходит в силу весьма малозначительного повышения производительности сельского хозяйства, а в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна – в силу недостаточного внимания к интересам сельского населения, несмотря на существенное повышение производительности труда в сельском хозяйстве. В период с 1990 по 2013 годы производительность труда в Мексике выросла почти вдвое, а в Аргентине – более чем в четыре раза, однако сокращение масштабов нищеты было относительно небольшим (IFAD, 2016).

С начала 1980-х годов до 2010 года численность малоимущего населения в сельских районах Латинской Америки и Карибского бассейна уменьшилось с 74 до 62 млн, в то время как население этих районов, живущее в

условиях крайней нищеты, снизилось всего на 2 млн человек, с 41 до 39 млн (Angríquez, 2016, цитируется в ФАО, 2017а). Это различие объясняется сохранением серьезного неравенства доходов – проблемы, которую правительства решают с помощью масштабных программ социальной защиты, направленных на поддержание уровня доходов бедных и уязвимых групп населения, включая мелких фермеров (ФАО, 2017а). Еще одной причиной отсутствия прогресса в деле ликвидации крайней нищеты в сельских районах является то, что меры политики в основном ориентированы на городские районы, как показано на рис. 2, в городских районах, где плотность малоимущего населения была выше, уровень нищеты снижался более быстрыми темпами. Согласно проведенным в последнее время оценкам, 58 процентов малоимущего населения Латинской Америки проживает в городских центрах, тогда как в других регионах этот показатель составляет 25–30 процентов (World Bank & IFAD, 2016).

Трансформационные процессы могут, в зависимости от преобладающего типа преобразований, привести к ускоренной миграции сельских жителей в городские районы. Так, несмотря на заметное повышение продуктивности сельского хозяйства в Восточной и Юго-Восточной Азии, высокие темпы оттока населения из сельских районов привели к падению численности сельского населения с 70 до примерно 50 процентов от общей численности населения. Отток был главным образом обусловлен ускоренным развитием производственных отраслей и связанных с ними услуг (IFAD, 2016). Предпочтительным результатом преобразований в сельских районах и структурных преобразований является синергетический эффект увеличения производительности во всех секторах, поскольку, как видно на примере Восточной и Юго-Восточной Азии, такая тенденция приводит к быстрому сокращению общего уровня нищеты.

Отсутствие такого синергетического эффекта отчасти является причиной медленного сокращения масштабов нищеты в странах Африки к югу от Сахары, где урбанизация не сопровождается сравнительно высокими темпами роста в производственном секторе. В результате люди, прекращающие заниматься сельским хозяйством, главным образом переходят в сектор неформальных услуг, который характеризуется низкой производительностью. В таких случаях велика вероятность того, что малоимущие мигранты из сельских районов не выберутся из нищеты, а пополнят ряды городской бедноты. Аналогичная тенденция наблюдается в Южной Азии, где сельская беднота имеет больше шансов решить проблему нищеты, оставаясь в сельских районах, а не переезжая в города.

Из данных, представленных на рис. 2, можно сделать важный вывод о том, что во всех регионах сельские районы играют не менее важную роль в сокращении нищеты, чем городские районы. Это частично объясняется более значительной долей бедных слоев населения в

сельских районах, а также тем, что благодаря как сельскому хозяйству, так и занятости вне этого сектора многие представители сельской бедноты повышают уровень доходов и преодолевают нищету. Основным выводом для директивных органов заключается в том, что ресурсы необходимо направлять в сельские районы не только потому, что именно там проживает подавляющее большинство малоимущего населения, но и потому, что их экономическое развитие может способствовать снижению высокого уровня миграции в городские центры и нищеты в них. Взаимосвязь и взаимодействие между сельской местностью и городскими центрами имеют решающее значение, при этом, как показано далее в настоящем докладе, особо важны инвестиции в обеспечение населению сельских районов доступа к организациям, предоставляющим услуги, институтам и рынкам, находящимся в городах и поселках.

Укрепление связей между сельскими и городскими районами будет важнейшим условием повышения эффективности продовольственных систем и придания им более всеобъемлющего характера, а также будет способствовать достижению нескольких ЦУР, в частности, искоренению нищеты, голода и всех форм неполноценного питания. Решение проблем урбанизации станет возможным только при синергизме между сельскими и городскими пространствами на основе крепких физических, политических и рыночных связей (Graziano da Silva and Fan, 2017). ■

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ: ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ?

Модели и темпы перемен варьируются в широких пределах

Различия в характере, темпах и результатах структурных преобразований и преобразований в сельских районах во многом определяются географическими и социальными факторами, физической доступностью земель и мерами торговой политики, а также тем, насколько каждая страна богата природными ресурсами и располагает квалифицированной и неквалифицированной рабочей силой. Эти факторы в значительной мере варьируются в зависимости от региона и зачастую – от страны.

В Латинской Америке изменения в структуре сельскохозяйственного сектора связаны с реформами политики, которые начались в 1980-х годах (врезка 2). После этих реформ общий рост и торговля стали основными факторами увеличения доходов в сельских районах, сокращения масштабов нищеты и повышения показателей благосостояния (см., например, De Ferranti et al. [2005]). Произошло заметное ускорение роста объемов

экспорта сельскохозяйственной продукции, производимой в регионе: если до реформ средний годовой объем составлял 1,6 процента, то после них он достиг 6,6 процента. По данным Anríquez, Foster and Valdés (2017), этот рост был вызван не только изменениями в распределении ресурсов в сельском хозяйстве, но и значительным притоком ресурсов из несельскохозяйственных секторов, переходом на новые технологии и методы управления, а также растущим потенциалом в области освоения новых экспортных рынков. В 1970-х годах в сельском хозяйстве наблюдалась негативная динамика общей факторной производительности, но в 1980-е годы этот показатель составил 0,9 процента, а в 1990-е годы – 2,2 процента. Этот рост совпал с первыми последствиями экономических реформ, при этом в таких странах, как Аргентина, Бразилия и Чили суммарный рост общей факторной производительности в сельском хозяйстве составил более 3 процентов в год. Положительный результат реформ был в значительной степени обусловлен относительной стабильностью институтов, а в некоторых странах – мерами политики, направленными на поддержку семейных фермерских хозяйств, которые стали еще одним катализатором динамичного развития. Еще одним важным фактором стало обязательство провести долгосрочные комплексные реформы, которые позволили привлечь прямые иностранные инвестиции (ПИИ).

В большинстве азиатских стран преобразования осуществляются относительно высокими темпами, однако следует отметить ряд различий между регионами. В Восточной и Юго-Восточной Азии "зеленая революция" обусловила резкое повышение урожайности и объемов производства риса и пшеницы и соответственно рост производительности и прибылей малых фермерских хозяйств. Деятельность хозяйств приобрела более коммерческую направленность, и создаваемая аграрным сектором добавленная стоимость на одного работника значительно выросла (FAO, 2017a). Государственные инвестиции в сельское хозяйство, решительная поддержка мелких производителей и аграрные реформы, продолжавшиеся до конца 1990-х годов, способствовали развитию других отраслей. Основными источниками роста ВВП стали сфера услуг и промышленный сектор.

"Зеленая революция" сыграла важную роль и в Южной Азии, однако темпы преобразований в этом регионе оказались ниже, чем в Восточной Азии. Здесь ведущую роль играет сфера услуг, а зрелый производственный сектор не сформирован. В результате, несмотря на сокращение доли сельского хозяйства в общем объеме ВВП, важность сфер с высокой производительностью труда в Южной Азии растет медленнее. Так, в Индии доля сельского хозяйства в ВВП за период с 1990 по 2012 годы снизилась с 29 до 18 процентов, однако в

ВРЕЗКА 2 ОПЫТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

По сравнению со странами Африки к югу от Сахары и Азией, Латинская Америка имеет высокий уровень урбанизации, что во многом определило вектор сельскохозяйственной политики, направленной на обеспечение низких цен на пищевые продукты в городских районах. Быстрая урбанизация региона и концентрация городского населения в крупных городах были связаны с индустриализацией и внедрением капиталоемкого производства в сельской местности. На протяжении XX века рост городских районов был в подавляющей степени обусловлен миграцией сельского населения в города; его ускорению способствовали ориентированные на города меры политики. После реформ 1980-х годов специализация производства, все более широкое использование капиталоемких технологий, а также развитие агропромышленности усугубили раздробленность производителей и стали еще одним фактором сельско-городской миграции.

Ситуация в регионе Латинской Америки неоднородна, однако для аграрного сектора в широком смысле характерен ряд общих элементов: сравнительно низкая плотность населения в сельской местности, обширные площади земель и изобилие природных ресурсов. Еще одной особенностью является "двойственность масштабов": большое количество мелких фермерских хозяйств сосуществуют с меньшим количеством средних и крупных коммерческих хозяйств, однако при этом структура землевладения и землепользования отличается относительно высокой концентрацией (Anríquez, Foster and Valdés, 2017). В большинстве стран основная часть сельскохозяйственного производства и экспорта приходится на средние и крупные коммерческие фермерские хозяйства; за некоторыми исключениями, они также действуют наиболее динамично в том, что касается освоения новых сортов и внедрения новых пищевых продуктов. Малые предприятия, где используется труд большого количества жителей сельских районов, вносят соответственно меньший вклад в совокупный объем производства, хотя и играют существенную роль в производстве продовольствия на местном уровне.

По данным Chaherli and Nash (2013), транспортные издержки в странах Латинской Америки составляют от 18 до 32 процентов от конечной цены продуктов питания. Для сравнения, соответствующий средний показатель по странам – членам Организации экономического сотрудничества и развития составляет 9 процентов. Несмотря на более высокие транспортные расходы, главным образом связанные с большими расстояниями между городами, сложным рельефом и слабой инфраструктурой, Латинская Америка конкурентоспособна на международных сельскохозяйственных рынках. Это обнадеживающий факт для стран, находящихся в арьергарде преобразований, которые сталкиваются с проблемами инфраструктуры.

Государствам, где преобразования идут медленными темпами, имеет смысл задаться вопросом, целесообразно ли и даже желательно ли для них использовать модель Латинской Америки, с учетом целей конкретных стран в области развития. С одной стороны, быстрая урбанизация и преобразования в сельскохозяйственных районах в определенной степени обусловили резкое сокращение нищеты в регионе. С другой – стремительная урбанизация может привести к излишней нагрузке и на городские, и на сельские районы. Кроме того, для Латинской Америки традиционно характерен высокий уровень неравенства доходов.

Меры политики по замещению импорта, жизненно важные для начальных этапов преобразований в странах Латинской Америки, в условиях современной международной политики потеряли свою целесообразность. Страны, где преобразования начались лишь недавно, еще могут пойти по пути индустриализации, однако они с большей вероятностью добьются успеха, если будут ориентироваться на сравнительные преимущества, связанные с квалифицированной рабочей силой и надежными институтами поддержки бизнеса. Не все аспекты опыта Латинской Америки применимы к этим странам, однако опыт недавних преобразований в регионе, например, полученный в ходе начатых в конце 1990-х годов преобразований в Перу, может оказаться поучительным.

секторе до сих пор задействовано 47 процентов рабочей силы, тогда как в 1994 году этот показатель составлял 61 процент. В Бангладеш, Бутане и Пакистане аграрный сектор остается основным источником занятости: доля лиц, трудоустроенных в этом секторе, составляет от 44

до 62, процентов хотя доля сельского хозяйства в ВВП значительно снизилась. Падение доли сектора в ВВП при значительном количестве занятых в нем работников свидетельствует о медленном росте производительности труда в сельском хозяйстве.

Перемещение рабочей силы из низкопроизводительного сельского хозяйства в сферу услуг, где производительность труда не выше, а возможно, и ниже, представляется особо серьезной проблемой в странах Африки к югу от Сахары, где преобразования привели к снижению производительности во многих странах (Badiane, Ulimwengu and Badibanga, 2012; McMillan and Headey, 2014; Timmer, 2014). В период с 1970 по 2010 годы средний ВВП на душу населения в регионе вырос с 530 до 620 долл. США, тогда как реальный ВВП на душу населения в Китае, который изначально составлял менее четверти ВВП стран Африки к югу от Сахары, к концу этого периода превысил средний уровень ВВП по этому региону в пять раз (Monga, 2012). Низкие показатели в Африке к югу от Сахары в этот период были обусловлены отсутствием структурных преобразований: значительная доля работников, прекращающих работать в сельском хозяйстве, "растворялась" в секторе неформальных услуг и отрасль практически пришла в упадок (Rodrik, 2014). Как отмечается в публикации Fox, Thomas and Haines (2017), высокие темпы роста населения в регионе также тормозят структурные преобразования, поскольку малый объем производственного сектора не обеспечивает занятость всех новых работников.

Во многих странах, запаздывающих с преобразованиями, индустриализация идет медленно

Экономическая роль сельского хозяйства снижается во всех странах, где происходят преобразования. Однако в странах Африки к югу от Сахары, где их темпы ниже, индустриализация, то есть развитие производственных отраслей и тяжелой промышленности, которое стало основным фактором структурных изменений во многих азиатских и латиноамериканских странах, также происходит медленно. По данным McMillan and Harttgen (2014), в период с 2000 по 2010 годы доля рабочей силы в сельском хозяйстве 19 стран Северной Африки и Африки к югу от Сахары упала в среднем на 10 процентов; быстрее всего она снижалась в странах, где значение сельского хозяйства наиболее велико. Однако в отличие от жителей стран Восточной Азии и Латинской Америки, прекращающие заниматься сельским хозяйством жители Африки как правило находят работу не в промышленности, а (как отмечалось выше) в неформальных несельскохозяйственных секторах, обычно в сфере розничной торговли и услуг (Всемирный банк, 2007). Переход из низкопроизводительного сельского хозяйства в сферу услуг позволяет решить проблему сезонной занятости, типичную для аграрного сектора, однако не обеспечивает повышение производительности и существенное увеличение доходов домохозяйств. Как поясняется в публикации McCullough (2015), повышение доходов домохозяйства и отдельных лиц нередко происходит за счет сверхурочной работы, а не более производительного труда.

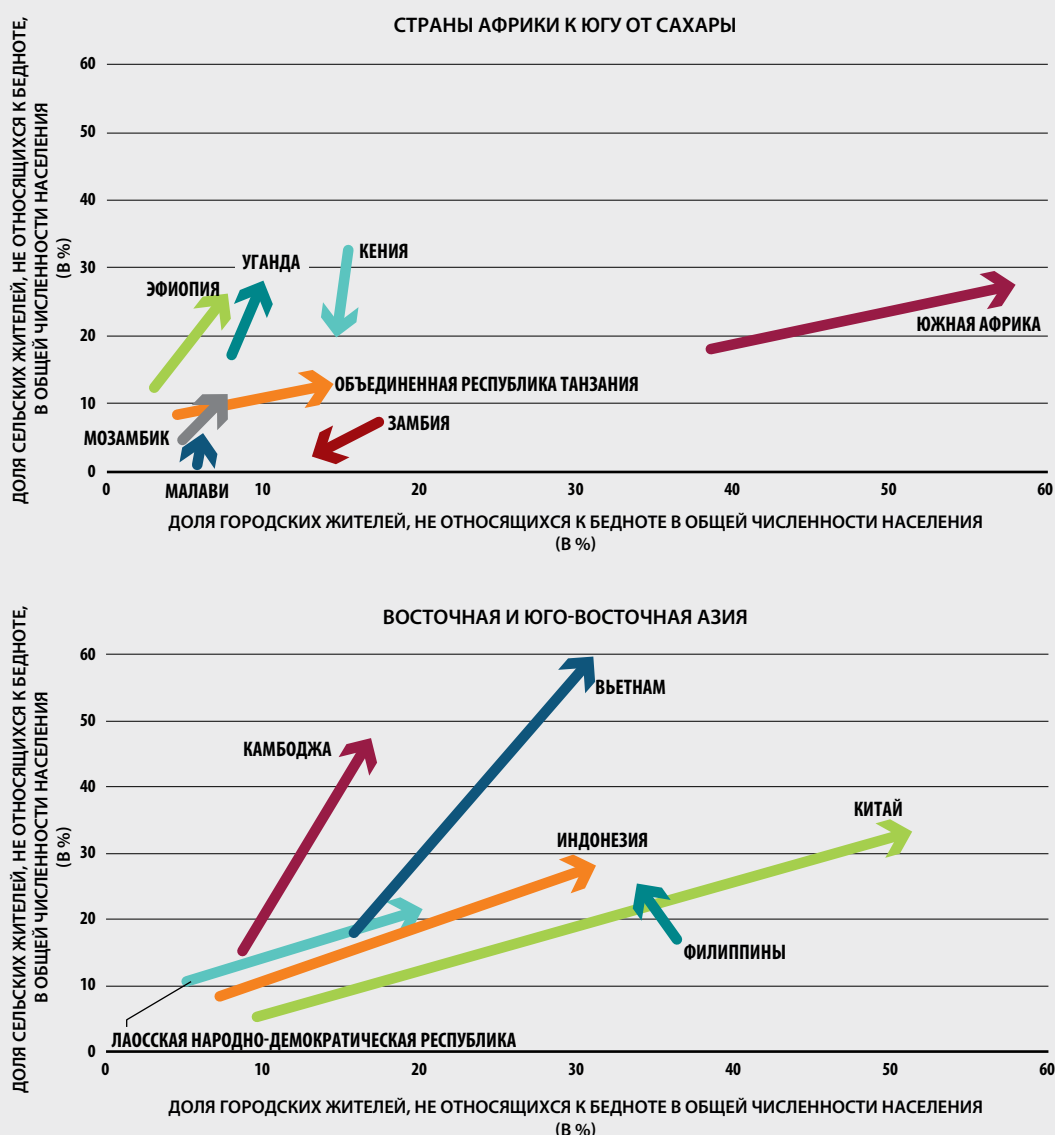
Как показано на рис. 3, такие изменения не принесли существенных результатов с точки зрения сокращения масштабов нищеты. Рисунок иллюстрирует положение в отдельных странах Африки к югу от Сахары, где уровень нищеты остался почти неизменным, а также в Восточной и Юго-Восточной Азии, где темпы преобразований и сокращения нищеты наиболее высоки. Стрелками показано изменение доли сельского и городского населения, живущего выше черты бедности (см. рис. 2, темно- и светло-голубые разделы столбца), по сравнению с совокупной численностью населения. Их направление указывает на основной фактор перемен – например, преобразование сельских районов в Камбодже и экономический рост городских районов в Китае. Из рис. 3 видно, что уровень нищеты в большинстве стран Африки к югу от Сахары сократился лишь незначительно, а в Кении и Замбии даже вырос.

В начале 1990-х годов в обоих регионах была зарегистрирована примерно одинаковая доля лиц, не живущих в нищете, в общей численности населения. Как в Восточной, так и в Юго-Восточной Азии доля не живущего в нищете населения как сельских, так и городских районов значительно возросла, однако в большинстве стран сокращение масштабов нищеты сопровождается увеличением неравенства в распределении доходов. Например, в Китае, где темпы сокращения нищеты наиболее высоки, коэффициент Джини с 1990-х годов до текущего десятилетия увеличился на девять пунктов (с 30,6 до 39,5) в сельских районах и на десять пунктов (с 25,6 до 35,4) в городских центрах (World Bank & IFAD, 2016). Аналогичная динамика отмечается в других странах, по которым доступны данные, за исключением Камбоджи, где заметное сокращение масштабов нищеты в сельской местности сопровождается ощутимым выравниванием доходов как в сельских, так и в городских районах.

Растущая важность малых городов и поселков

Стремительная урбанизация в сочетании с ростом доходов обуславливает трансформацию продовольственных систем и рынков по всему миру. Доля населения, живущего в городах, увеличилась с 30 процентов в 1950 году до примерно 54 процентов в 2015 году и, согласно прогнозам, к 2050 году достигнет 66 процентов (6,3 млрд человек) (UN DESA PD, 2014a). Урбанизация в развивающихся странах часто ассоциируется с такими мегаполисами, как Дели, Лагос и Шанхай. Однако 3 млрд городских жителей в этих странах проживают в городах разных размеров – от мегаполисов до рыночных городков и административных центров (Cohen, 2004). Лишь около 20 процентов городских жителей в мире проживают в крупных городах с населением от 5 до 10 млн человек и мегаполисах с населением не менее 10 млн человек. Большинство городских поселений в развивающихся странах имеют сравнительно небольшие масштабы – почти 1,45 млрд

РИСУНОК 3
ИЗМЕНЕНИЕ ДОЛИ ЛИЦ, НЕ ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К БЕДНОМУ НАСЕЛЕНИЮ, В СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ РАЙОНАХ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН, 1990-е–2010-е ГОДЫ

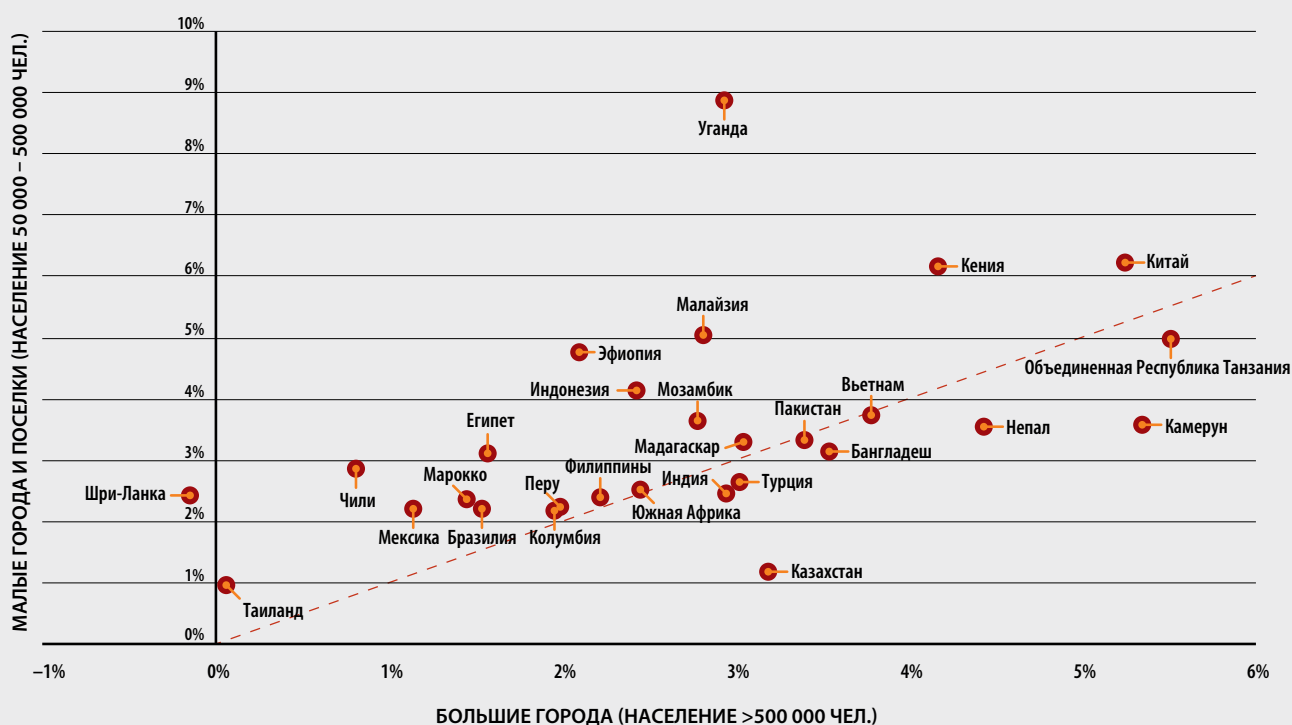
ПРИМЕЧАНИЕ: использовался "умеренный" уровень нищеты, определенный как доход ниже 3,10 долл. США в день (по паритету покупательной способности (ППС) в долл. США на 2011 год). См. также таблицу А3 в Приложении (стр. 141)

ИСТОЧНИК: исследования ФАО по данным World Bank & IFAD (2016).

человек, то есть около половины всех горожан, живут в городах и поселках с численностью населения до 500 000 человек (UN DESA PD, 2014b).

Характер урбанизации небольших центров объясняется тем, что по мере увеличения деревень в странах с высокими темпами роста сельского населения, например, в большинстве стран Африки к югу от Сахары, Западной

РИСУНОК 4
ТЕМПЫ ЕЖЕГОДНОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ В БОЛЬШИХ И МАЛЫХ ГОРОДАХ
В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ, 1990-е–2010-е ГОДЫ

ПРИМЕЧАНИЯ: см. определения больших и малых городов в таблице 1. Страны отбирались по критерию доступности данных; рассматривались страны с населением более 15 млн человек.

ИСТОЧНИК: расчеты и исследования ФАО .

Азии и Южной Азии, они переходят в категорию городских поселений (Cohen, 2004). Кроме того, анализ динамики роста городов показывает, что во многих странах малые города и поселки растут быстрее, чем крупные города. На рисунке 4 на примере выборки из 28 развивающихся стран с населением свыше 15 млн человек показано, что в большинстве из них зарегистрирован более быстрый рост населения в малых городах и поселках (выше красной линии на рисунке); в их число входит ряд таких стран с высокой плотностью населения, как Китай, Египет, Эфиопия, Индонезия и Шри-Ланка. Ко второй категории, где зарегистрированы более высокие темпы роста крупных городов (ниже красной линии), относятся только девять стран. В нее входят такие густонаселенные страны, как Бангладеш, Индия и Пакистан, однако большие города в этих странах растут ненамного быстрее, чем малые города и поселки.

Несмотря на более низкую скорость роста больших городов с населением не менее 1 млн человек в развивающихся регионах, прогнозы показывают, что в период с 2015 по 2030 годы абсолютная численность населения в них вырастет с 1,2 до 1,85 млрд человек. Однако за тот же период количество людей, живущих в малых городах и поселках с населением менее 500 000 человек, вырастет примерно на 290 млн и превысит 1,7 млрд (UN DESA PD, 2014b).

Исследования подтвердили важность малых городов в развитии городского рынка (см. Ruhiiga, 2013). В исследовании тенденций городских агломераций в Восточной Африке (Snyder and Tschirley, 2014) показано количественное значение роста поселков и малых городов, при этом особое внимание обращено на диверсификацию их экономической базы и

установление прочных связей между ними и сельскими районами. Данные других исследований свидетельствуют о взрывном росте малых городов в последние два десятилетия, особенно в Латинской Америке и Азии, где такие города, чья экономика тесно сообщается как с прилегающими сельскими районами, так и с большими городами, выполняют роль "посредников" (GRAL/CEDAL, 1994; Hardoy and Satterthwaite, 1989; Jordan and Simioni, 1998; Reardon, Stamoulis and Pingali, 2007). ■

СВЯЗИ МЕЖДУ СЕЛЬСКИМИ И ГОРОДСКИМИ РАЙОНАМИ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИСТЕМА

Урбанизация обуславливает рост доходов, изменения в образе жизни и увеличение доли женщин в составе рабочей силы. Рост населения способствует повышению спроса на продукцию аграрного сектора и стимулирует сельскохозяйственную деятельность, в то время как урбанизация порождает спрос на продукты питания, которые легко хранить и транспортировать, что в свою очередь обуславливает развитие сектора пищевых продуктов и стандартизацию сельскохозяйственной продукции. Следствием роста городов становится не только повышение спроса на продукты питания, но и спрос на более широкий диапазон продуктов и на более удобные способы их приобретения и приготовления.

Такие преобразования обуславливают "переход к новым моделям питания" в развивающихся странах, подобный тому, который происходил в предыдущие десятилетия в промышленно развитых странах и государствах со средним уровнем доходов (Popkin, 1999; Popkin, Adair and Ng, 2012). При увеличении доходов в рационе семей как правило повышается доля продуктов животного происхождения, растительного масла, фруктов и овощей и снижается потребление основных продуктов, таких как зерновые, корнеплоды и клубнеплоды (Regmi *et al.*, 2001).

Именно таким изменением рациона, судя по имеющимся данным, сопровождаются бурный экономический рост, урбанизация и глобализация в Азии (Pingali, 2007). В странах Африки к югу от Сахары в последние годы также отмечаются связанные с ростом изменения в структуре спроса на продукты питания, а именно переход от зерновых, корнеплодов и клубнеплодов к рыбе, мясу, яйцам, молочным продуктам, фруктам, овощам и жирам и увеличение доли переработанных продуктов (Tschirley *et al.*, 2015a). Резко вырос спрос на переработанные продукты в Азии. Например, в Индии около 85 процентов всех пищевых продуктов проходят определенную обработку (Reardon and Timmer, 2014). Изменения рациона, связанные с ростом доходов, отмечаются не только в городах и поселках, но и в сельской местности. Например, в сельских районах Азии на переработанные

продукты приходится 60 процентов общего объема расходов на продовольственные товары; 30 процентов от этой цифры составляют расходы на продукты с высокой степенью переработки (Reardon *et al.*, 2014).

В настоящее время около 60-70 процентов пищевых продуктов в Азии потребляются городскими рынками. В Африке наблюдается быстрый рост городских рынков продуктов питания, на которые в настоящее время приходится не менее половины суммарного потребления продовольствия (Reardon *et al.*, 2015). Полные данные в этом отношении недоступны, однако по приблизительным подсчетам, в период с 2010 по 2030 годы капитализация городских продовольственных рынков в странах Африки к югу от Сахары вырастет в четыре раза, со 150 млрд долл. США до 500 млрд долл. США (World Bank, 2013a). В Восточной и Южной Африке доля городских потребителей на рынке приобретаемого продовольствия достигла 52 процентов и, по прогнозам, к 2040 году возрастет до 67 процентов (Tschirley *et al.*, 2014).

Данные по странам Африки к югу от Сахары показывают, что, несмотря на ухудшение показателей торгового баланса в отношении сельскохозяйственной продукции, в течение последних 50-60 лет растущий спрос в основном удовлетворялся за счет внутреннего производства (Reardon *et al.*, 2015; Vorley and Lançon, 2016). Например, более 95 процентов потребляемых в Кении свежих фруктов и овощей выращиваются внутри страны, и в основном мелкими фермерскими хозяйствами, и в большинстве случаев поставляются малыми и средними предприятиями (МСП) через неформальные цепи поставок (World Bank, 2013b).

Как в городских, так и в сельских районах рост спроса является фактором экономического развития и повышения доходов в сельской местности. Развитие, регулирование и обслуживание нескольких цепей поставок широкого ассортимента продуктов питания более трудоемки, чем производство и переработка основных продуктов, и дают эффект мультипликатора занятости в сельских районах и поселках. Переход на переработанные пищевые продукты также стимулирует рост агропромышленности², включая деятельность по обеспечению вводимыми ресурсами и распределению продукции.

Однако преобразование продовольственных систем создает не только возможности для производителей, но и проблемы, особенно для мелких фермеров. Оно зачастую ведет к концентрации и повышению капиталоемкости первичного производства, объединению небольших участков сельскохозяйственных земель в крупные холдинги и исключению мелких производителей из

² "Агропромышленность" – широкое понятие, которое подразумевает установление связей между предприятиями и цепями поставок для разработки, преобразования и распределения тех или иных ресурсов и видов продукции в сельском хозяйстве.

производственно-сбытовых цепей. Многие мелкие фермеры не могут в полной мере воспользоваться открывающимися возможностями без поддержки. Отсутствие доступа к финансовым ресурсам, рынкам и транспорту, а также барьеры, связанные с требованиями стандартов в отношении качества, прослеживаемости и сертификации, нередко затрудняют их участие в интегрированных производственно-сбытовых цепях. Во многих странах продолжающееся дробление сельхозугодий может еще в большей степени ограничить способность мелких фермеров внедрять новые технологии. ■

ОБЗОР ПОЛОЖЕНИЯ В СЕЛЬСКО-ГОРОДСКОМ КONTИНУУМЕ: УРБАНИЗАЦИЯ И МИГРАЦИЯ В НОВОМ РАКУРСЕ

Основной особенностью преобразований сельских районов является урбанизация сельской местности. Она позволяет сельским домохозяйствам диверсифицировать источники занятости и дохода и при этом жить и работать в рамках сельско-городского континуума (Berdegue and Proctor, 2014). Например, по данным Bhalla (1997), основным источником оплачиваемой занятости в несельскохозяйственных отраслях в сельских районах Индии являются малые и средние фирмы сферы услуг, расположенные в "коридорах" по пути следования транспорта между городами и в широких "полосах" вокруг городов. В отдаленных сельских районах возможностей для трудоустройства вне аграрного сектора немного. Аналогичные выводы по Эквадору и Перу сделаны в публикациях Elbers and Lanjouw (2001) и Escobal (2005). В Непале наиболее широкие возможности оплачиваемого трудоустройства и самозанятости в несельскохозяйственной деятельности имеются поблизости от городских центров (Fafchamps and Shilpi, 2003).

В целом урбанизация может оказывать существенное, системное воздействие с точки зрения сокращения масштабов нищеты в прилегающих к городам сельских районах; в основном этот эффект достигается за счет экономических связей, а не непосредственного перемещения малоимущего населения в городские районы. В публикации Cali and Menon (2012) на основании данных районного уровня по Индии сделан вывод, что урбанизация внесла значительный вклад в сокращение нищеты в сельских районах вокруг городов, в основном в силу улучшения доступа потребителей к сельскохозяйственной продукции.

Последствия для близлежащих сельских районов и проживающего в них населения зависят от размера агломераций. В крупных городах создается более высокий спрос на сельскохозяйственную продукцию, чем в мелких. Так, например, в публикации Vandercasteelen et al. (2017)

сообщается, что в Эфиопии фермерские хозяйства, расположенные вблизи городских районов, как правило используют более интенсивные методы производства и имеют более высокую выручку, при этом уровень интенсификации и цены на продукцию выше в районах, прилегающих к более крупным городам.

Исследователи, разрабатывающие обобщаемые модели городских районов, пренебрегают ролью малых городов и поселков в процессе урбанизации (Bell and Jayne, 2009), однако все больше данных указывает на то, что их развитие также способствует снижению общего уровня нищеты, несмотря на более медленный рост доходов в этих населенных пунктах. Исследование Dorosh and Thurlow (2013) показало, что в Эфиопии аграрный сектор имеет более прочные связи с малыми городами и поселками, чем с крупными городами, следовательно, содействуя росту малых городских центров, можно добиться более масштабного экономического роста и сокращения нищеты. Эти данные были подтверждены результатами исследования по странам Африки к югу от Сахары, которое показало, что в период 1980-2004 годов диверсификация с созданием несельскохозяйственных предприятий в сельских районах и городах региона способствовала более всеобъемлющему, хотя и более медленному, экономическому росту, чем развитие агломераций вокруг мегаполисов (Christiaensen and Todo, 2014). Результаты еще одного исследования, проведенного позднее, показали, что рост несельскохозяйственных секторов экономики в сельских районах в большей мере способствует сокращению бедности в сельских районах, чем рост малых городов и поселков; при этом было подтверждено, что рост больших городов не приводит к сокращению масштабов нищеты в сельской местности, а в ряде случаев способствует увеличению ее масштабов (Imai, Gaiha and Garbero, 2016). Это означает, что при разработке стратегий борьбы с нищетой необходимо уделять более пристальное внимание характеру урбанизации.

Исследования на смежные темы показали, что распределенные по обширной территории малые города обеспечивают возможность повышения благосостояния для значительной доли сельских жителей; в частности, такая структура позволяет фермерам с неполной занятостью диверсифицировать свою деятельность и преодолеть ограничения, обусловленные сезонностью ведения сельского хозяйства. Поскольку значительная доля малоимущих проживает в сельской местности, небольшие городские центры могут сыграть важную роль в общем сокращении масштабов нищеты, предоставляя населению, живущему в нищете, доступ к средствам повышения доходов и уровня жизни. В Азии и Латинской Америке рост несельскохозяйственных секторов экономики в сельской местности был обусловлен ростом населения поселков и малых городов, тесно связанных с другими городскими районами и отдаленными сельскими районами (Berdegue et al., 2015; Christiaensen, De Weerd and Todo, 2013; Reardon, Stamoulis and Pingali, 2007).

ВРЕЗКА 3 ОТСУТСТВИЕ ЕДИНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ "ГОРОДСКОЙ" КАК ФАКТОР, ЗАТРУДНЯЮЩИЙ ИЗМЕРЕНИЯ

Основными источниками данных о городском населении и урбанизации, поступающих в ООН, являются национальные переписи населения, а также регистры населения и административная статистика. Отдел народонаселения ООН в основном применяет для определения городского населения административные критерии; кроме того, для разграничения городских и сельских поселений используются сведения о численности и плотности населения, характеристики городских районов и экономические сведения. Критерии для определения городского поселения могут быть основаны на единственном параметре или совокупности параметров, таких как пороговое значение минимальной численности населения, доля жителей, занятых в несельскохозяйственных секторах, а также наличие инфраструктуры, в частности, дорог с твердым покрытием, энергоснабжения и водопровода (UN DESA PD, 2015).

Определения "городского" в разных странах варьируются в пределах широкого диапазона. Например, Бюро переписи населения Соединенных Штатов Америки определяет урбанизированный район как территорию с населением не менее 50 000 человек, а городской кластер – как район, где проживает от 2500 до 50 000 человек, в то время как во Франции городскими поселениями считаются районы с численностью населения не менее 2000 человек, проживающих в домах, стоящих друг от друга на расстояние не более 200 м; в Уганде определение городского поселения изменилось: если в 1991 году таковым считался населенный пункт, где проживали не менее 1000 человек, то в 2002 году к этой категории стали относить район с

населением не менее 2000 человек (UN DESA PD, 2015). Значительные отличия в определениях, принятых в разных странах, и изменения определений затрудняют измерение численности и темпов роста городского населения, сравнительный анализ городского населения разных стран и объединение данных на региональном и глобальном уровнях (UN DESA PD, 2015).

Расчетные и прогнозные данные ООН об урбанизации широко цитируются и основаны на исчерпывающих сведениях, однако к сравнению городских тенденций в разных странах и на разных уровнях необходимо подходить с осторожностью (Satterthwaite, McGranahan and Tacoli, 2010). Например, доля населения Индии, которое было отнесено к категории "городского" согласно определению 1991 года, возрастет с 26 до 39 процентов, если включить в нее 113 млн жителей 13 376 "деревень" с населением от 5000 человек (Uchida and Nelson, 2010). Эта доля окажется еще выше, если использовать определение "городского района", принятое в Швеции, то есть включить в данную категорию населенные пункты с населением более 200 человек (Uchida and Nelson, 2010). В Мексике по состоянию на 2000 год городское население составляло две трети или три четверти всего населения страны, в зависимости от установленного порогового значения: 2500 или 15 000 жителей (Satterthwaite, 2007).

Таким образом, можно сказать, что чистое разделение на сельские и городские районы не позволяет точно описать характер распределения населения по совокупности территорий, которая фактически представляет собой село-городской континуум (Cohen, 2004; Seto *et al.*, 2012).

ИСТОЧНИК: Tuholske, 2016.

В разных странах отмечаются различные закономерности урбанизации; ее характер зависит от размера городских агломераций и принятой на национальном уровне классификации сельских и городских районов (см. [врезку 3](#)). Восприятие сельских районов и городских центров как взаимоисключающих приводит к тому, что упускается из виду важнейший элемент преобразований. Рост числа малых городов и поселков приводит к тому, что различия между городскими и сельскими районами стираются, особенно в случаях, когда сельские районы расположены поблизости от городских центров. Для понимания и использования потенциала малых городов и поселков в качестве фактора преобразований в сельских районах

необходим более целостный подход, при котором учитываются общие черты и различия всей совокупности сельских и городских районов как внутри отдельных стран, так и во всех странах в целом.

Между сельскими и городскими районами существуют многочисленные взаимосвязи – они возникают в силу того, что домохозяйства могут располагаться в поселениях различных масштабов – от единичных ферм и изолированных небольших деревень до огромных городов. Между этими двумя крайностями находятся большие деревни, малые и средние города. Городские и сельские сегменты не имеют резко выраженных

различий, но формируют континуум, включающий как столицу и другие большие города, так и крупные региональные центры, небольшие рыночные поселки и наконец сельские районы.

Для страны с тем или иным характером агломераций, соответствующими географическими ограничениями, определенным уровнем институционального развития и инфраструктуры, связывающей сельскую местность и городские районы, возможны несколько путей преобразований в сельских районах. Ключевыми аспектами, определяющими подходы к преобразованиям, являются размеры городов и расстояния между сельскими районами и городскими центрами. Однако необходимо различать сельское население, проживающее в непосредственной близости от городов, жителей промежуточных населенных пунктов и тех, кто живет в отдаленных сельских районах.

Особенности агломераций, географического положения и инфраструктуры

Помимо расчетов Отдела народонаселения Организации Объединенных Наций (UN DESA PD, 2014a), имеется крайне мало данных, которые можно использовать для количественной оценки городского населения и урбанизации на национальном, региональном и глобальном уровнях. Единственной альтернативой данным ООН являются результаты оценки площади городских земель с использованием спутниковых технологий³, в сочетании с данными о плотности городского населения и совокупном городском населении (хотя в некоторых случаях при такой оценке в качестве параметра населения брались данные ООН). Такие комплексные модели измерения уровня урбанизации и городского населения были использованы по меньшей мере в 180 тематических исследованиях, опубликованных в период между 1988 и 2008 годами. Метаанализ этих исследований показывает, что в период с 1970-х годов по 2000 год наиболее высокими темпами площадь городских районов росла в Индии, Китае и Африке (Seto *et al.*, 2012).

В этом докладе используется коэффициент агломерации Всемирного банка, разработанный для Доклада о мировом развитии за 2009 год; в качестве пороговых значений для оценки городского населения в нем использовались пространственные данные о плотности населения, размерах агломераций и времени в пути до городских центров, (Всемирный банк, 2009). В настоящем докладе этот подход переработан путем его адаптации к концепции сельско-городского континуума, уточнения пороговых уровней для разбивки населения, проживающего вблизи

городов разных размеров, и распределения его по категориям в зависимости от времени в пути. В результате была составлена полная картина сельско-городского континуума с его единым определением по всем странам. (См. полное описание использованной методологии в [Примечаниях к статистическому приложению](#), стр. 128.)

Концепция сельско-городского континуума была разработана не с целью дать точное определение понятиям "городской" или "сельский", а скорее для того, чтобы понять относительную важность агломераций различных размеров и соответствующие последствия для сельского населения, проживающего в близлежащих к ним районах. Она наиболее информативна, когда используется для сравнения структуры сельско-городского спектра разных стран. Такое сравнение важно проводить при территориальном планировании, в котором демографические и географические характеристики страны или региона внутри страны играют решающую роль.

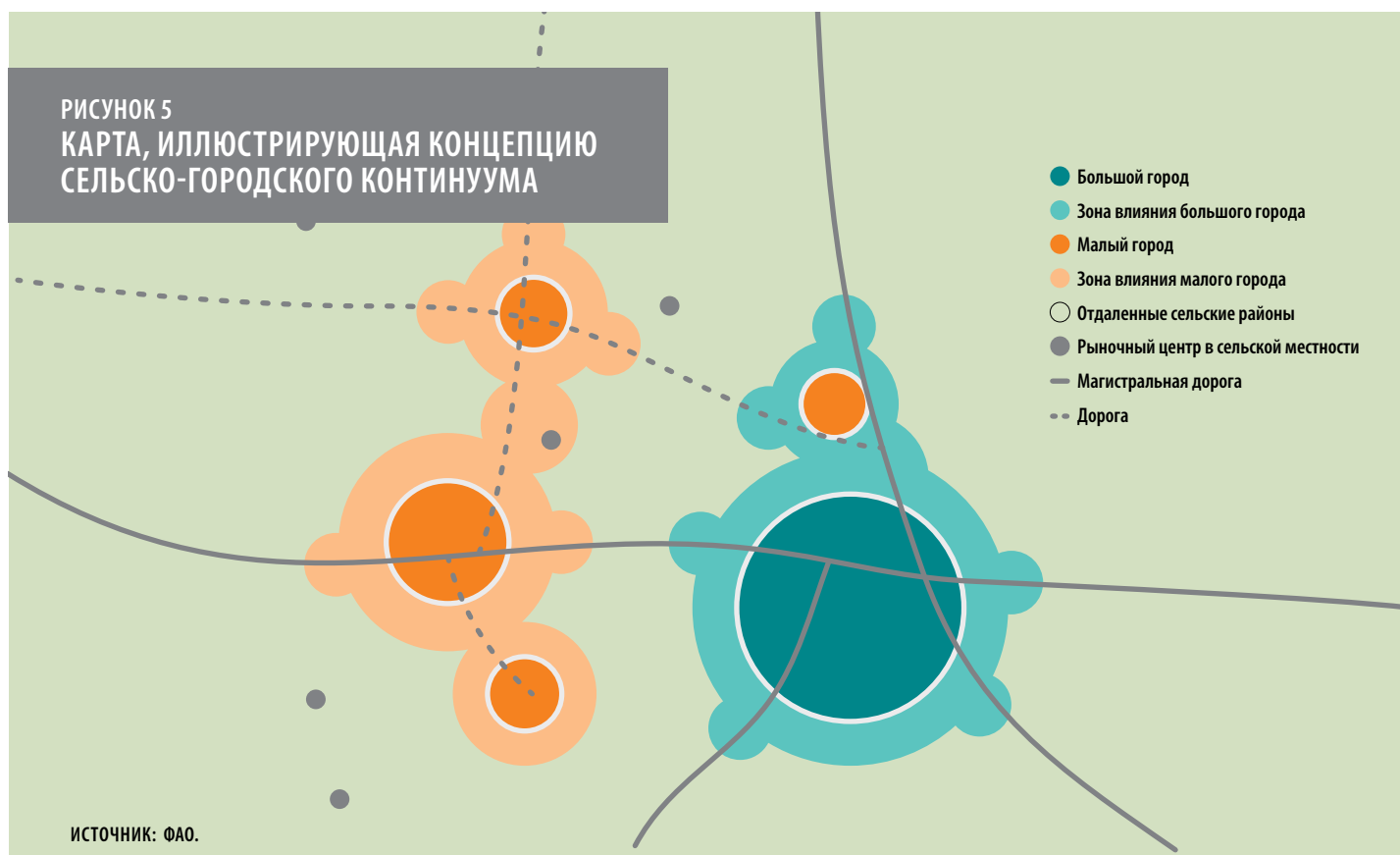
Рисунок 5 иллюстрирует концепцию сельско-городского континуума и отношения между крупными, малыми городами и поселками, их "зонами влияния" и сельскими районами. В **таблице 1** приводится количественная оценка населения городских и пригородных районов крупных городов, малых городов и поселков, а также сельского населения, проживающего вокруг них, по состоянию на 2000 год с измерением расстояния исходя из времени в пути от района их проживания до ближайшего городского центра. Выделяется время в пути менее одного часа (указывающее на проживание в городских и пригородных районах), от одного до трех часов (проживание в сельской местности поблизости от городских центров) и более трех часов (проживание в отдаленных сельских районах). Результаты расчетов показывают, что половина населения мира проживает в пределах или вблизи малых городов и поселков (оранжевые ячейки в **таблице 1**), в то время как 35 процентов живут в крупных городах или вблизи них (синие ячейки)⁴. Оставшиеся 15 процентов проживают в отдаленных сельских районах; время в пути от них до любого городского центра с населением не менее 50 000 жителей.

Близость к городским центрам сама по себе не означает увеличение масштабов экономической деятельности и расширение возможностей, которые также зависят от уровня доступа к физическому и человеческому капиталу, политических и институциональных условий. Однако тот факт, что 34 процента мирового населения проживает в малых городах и поселках, по сравнению с 25 процентами в крупных городах, подтверждает, что, по крайней мере с точки зрения спроса на продовольствие, первые играют не

³ Важными источниками данных являются, в частности, Глобальный проект по картированию сельских и городских районов (ГПКСГР), доклады WorldPop и Africapolis. Данные доклада Africapolis часто используют в качестве аргумента ученые, утверждающие, что в странах Африки к югу от Сахары урбанизация идет медленнее, чем это следует из оценок ООН (Potts, 2012).

⁴ Доля населения, проживающего в малых городах и поселках либо в близлежащих к ним районах, может быть выше указанной в таблице 1 (стр. 17) и изображенной на рисунке 6 (стр. 18). Это связано с тем, что в силу отсутствия данных не учитывались города с населением менее 50 000 жителей.

РИСУНОК 5
КАРТА, ИЛЛЮСТРИРУЮЩАЯ КОНЦЕПЦИЮ
СЕЛЬСКО-ГОРОДСКОГО КОНТИНУУМА

ИСТОЧНИК: ФАО.

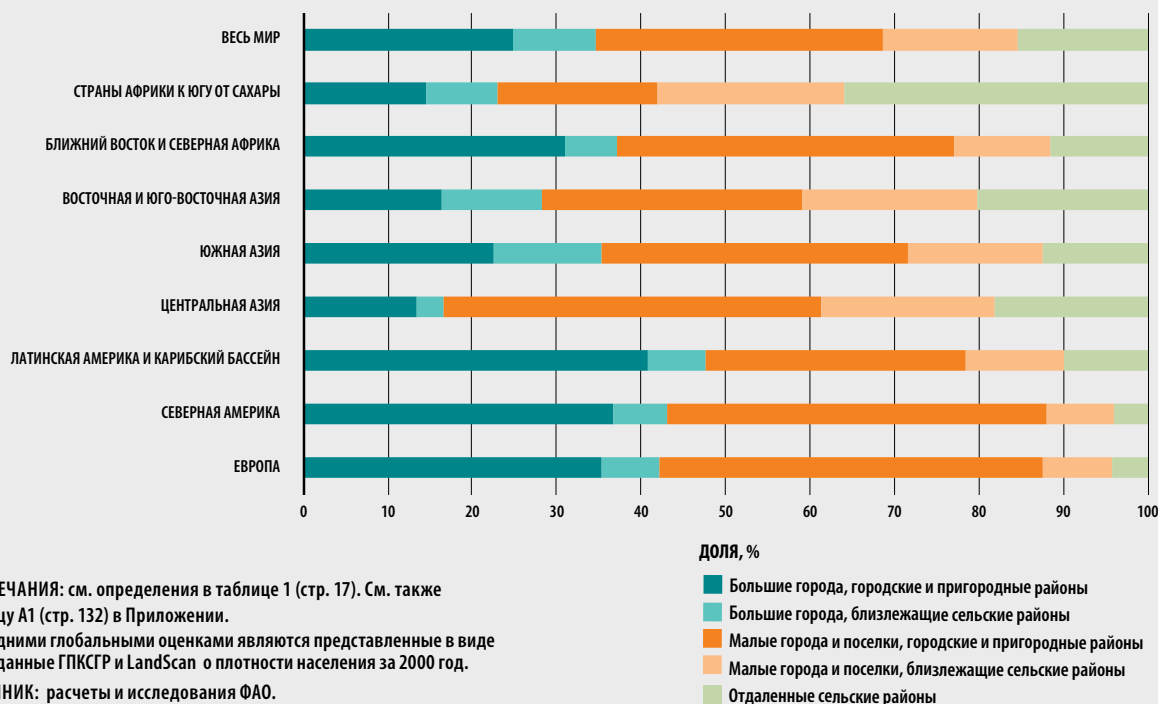
ТАБЛИЦА 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ МИРА ПО СЕЛЬСКО-ГОРОДСКОМУ КОНТИНУУМУ В 2000 ГОДУ

	Городские и пригородные районы (время в пути до городского центра <1 часа)	Близлежащие сельские районы (время в пути до городского центра 1-3 часа)	Отдаленные сельские районы (время в пути до городского центра >3 часов)
Процентная доля от населения всего мира			
Поселки (население: 50 000-100 000 чел.)	10,2 (ВП 6,7; НП 3,6)	4,4 (ВП 1,9; НП 2,5)	
Малые города (население: 100 000-500 000 чел.)	23,6 (ВП 18,0; НП 5,7)	11,6 (ВП 5,5; НП 6,1)	15,6 (ВП 5,0; НП 10,6)
Крупные города (население: >500 000 чел.)	24,8 (ВП 22,1; НП 2,7)	9,8 (ВП 5,2; НП 4,6)	

ПРИМЕЧАНИЯ: цифры в скобках показывают процентную долю жителей районов с высокой (ВП) и низкой плотностью (НП) населения; пороговый уровень 1000 чел./км². Города с населением менее 50 000 человек не учитываются и отнесены к городским или пригородным районам. См. пояснения о порядке расчетов показателей по сельской местности в примечаниях к таблице А1 (стр. 132) в Приложении. Последними глобальными оценками являются представленные в виде сетки данные ГПКСР и LandScan о плотности населения за 2000 год.

ИСТОЧНИК: расчеты ФАО.

РИСУНОК 6
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО СЕЛЬСКО-ГОРОДСКОМУ
КОНТИНУУМУ ВО ВСЕМ МИРЕ И ПО РЕГИОНАМ, 2000 ГОД

ПРИМЕЧАНИЯ: см. определения в таблице 1 (стр. 17). См. также таблицу А1 (стр. 132) в Приложении. Последними глобальными оценками являются представленные в виде сетки данные ГПКСГР и LandScan о плотности населения за 2000 год.
ИСТОЧНИК: расчеты и исследования ФАО.

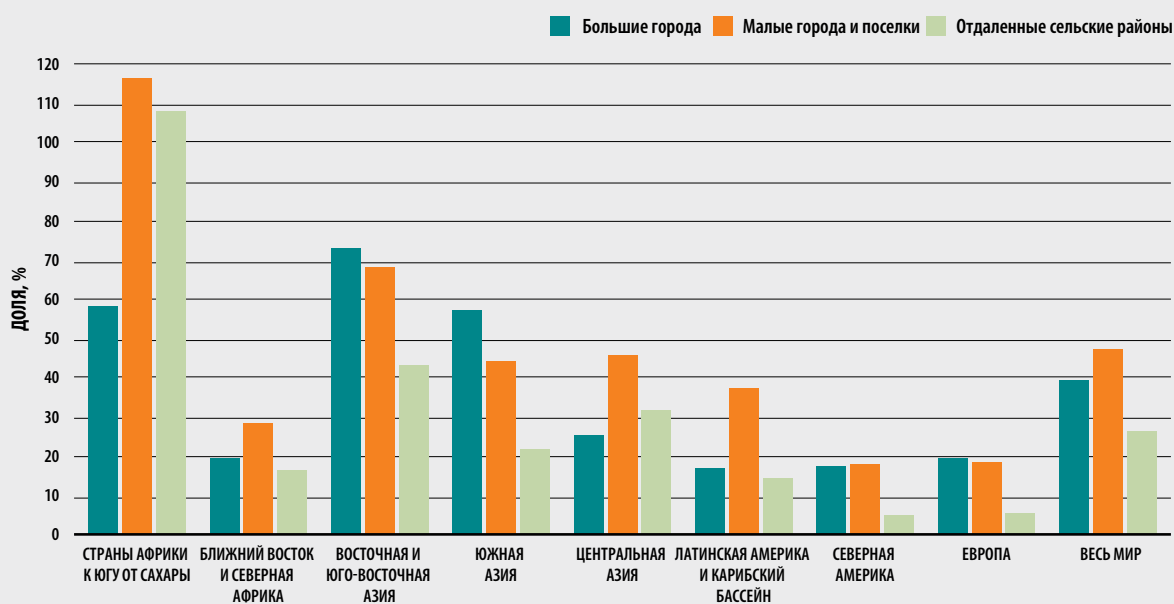
» менее важную роль в изменении уровня жизни населения сельских районов. Однако для развития инфраструктуры необходимы значительные капиталовложения, а приоритетное внимание необходимо уделять районам с более высокой плотностью населения, поэтому развитие отдаленных районов представляет серьезную проблему для директивных органов, стремящихся содействовать всеобъемлющим преобразованиям в сельской местности.

Официальные данные ООН о доле городского населения отличаются от результатов расчетов, приведенных в таблице 1, поскольку они отличаются от цифр, определенных с использованием коэффициента агломерации Всемирного банка (Всемирный банк, 2009). Эти отличия можно проследить на глобальном уровне: так, доля "строго городского" населения, то есть жителей густонаселенных городских районов, указанная в таблице 1, составляет 47 процентов, что немного выше оценки ООН на 2000 год (46 процентов). Включение в расчеты пригородных районов с плотностью населения менее

1000 чел./км² приводит к увеличению процентной доли до 59 процентов, что значительно выше показателя ООН. Такие несовпадения объясняются разными определениями сельских и городских районов в указанных двух источниках. В оценке ООН за основу принимаются национальные определения, которые зависят от страны, тогда как расчеты, приведенные в таблице 1, были произведены на основе единого определения, применимого ко всем странам мира.

На рисунке 6 представлен сельско-городской континуум во всем мире и по регионам. Во всех развивающихся регионах, за исключением высокоурбанизированных стран Латинской Америки и Карибского бассейна, доля людей, живущих в малых городах и поселках или вблизи от них, превышает долю людей, живущих в больших городах или вблизи от них. Цифры таковы: 51 процент и 37 процентов на Ближнем Востоке и в Северной Африке; 52 процента и 28 процентов в Восточной и Юго-Восточной Азии; 52 процента и 35 процентов в Южной Азии; и 41 процент и 23 процента в Африке к югу от Сахары.

РИСУНОК 7
СООТНОШЕНИЕ СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МАЛЫХ И БОЛЬШИХ ГОРОДАХ И ОТДАЛЕННЫХ СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ВО ВСЕМ МИРЕ И ПО РЕГИОНАМ

ПРИМЕЧАНИЯ: в блоках "большие города" и "малые города и поселки" отображено соотношение городского населения и населения соответствующих близлежащих сельских районов. В блоке "отдаленные сельские районы" показано соотношение населения отдаленных сельских районов и общего городского населения. См. определения в таблице 1 (стр. 17). См. также таблицу А1 (стр. 132) в Приложении.

ИСТОЧНИК: расчеты и исследования ФАО.

В странах Африки к югу от Сахары в отдаленных сельских районах проживает 36 процентов населения — это поразительно высокий показатель по сравнению с другими регионами; в то же время в Западной Европе и Северной Америке доля жителей таких районов гораздо ниже и составляет 4 процента. Доля жителей отдаленных сельских районов в Восточной и Юго-Восточной Азии, а также в Центральной Азии несколько выше, чем в среднем по миру — 16 процентов, в то время как в Южной Азии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке этот показатель составляет около 12 процентов. Это указывает на необходимость достаточных инвестиций в физическую инфраструктуру как фактор улучшения доступа к рынкам для значительной части сельского населения в странах Восточной и Юго-Восточной Азии и Африки к югу от Сахары.

Данные по сельско-городскому континууму также позволяют сделать выводы об обеспеченности рабочей силой, в состав которой входят сельские жители, районов поблизости от агломераций разных размеров. Важность

таких выводов обусловлена тем, что урбанизация и перемещение рабочей силы из аграрного сектора в несельскохозяйственные отрасли являются двумя основными характеристиками преобразований в сельских районах. Обеспеченность сельских районов рабочей силой может быть отражена в соотношении сельского населения и населения ближайшего города, используемого для сравнения, будь то большой или малый город, или поселок. Это показано на рисунке 7, где синими столбцами отображено соотношение населения сельских районов и крупных городов, оранжевыми блоками представлено соотношение населения сельских районов и населения малых городов, а зелеными показана ситуация в отдаленных сельских районах. Поскольку данные о населении отдаленных сельских районов невозможно сопоставить с соответствующим городом, для вычисления пропорции используется сравнение с общей численностью городского населения страны.

На рисунке 7 показано соотношение этих показателей на региональном уровне; из него очевидно, что характер их

изменения соответствует известным тенденциям: по мере роста доходов население сельских районов сокращается. Самые высокие показатели зарегистрированы в Африке к югу от Сахары и Азии, где также наиболее высока доля сельских жителей в общей численности населения. В Африке к югу от Сахары малые города и поселки играют важную роль в поглощении излишков трудовых ресурсов из сельской местности, однако, судя по имеющимся данным, в Азии эту функцию в большей мере выполняют крупные города. Кроме того, хотя на рисунке 7 не показано, в какие городские центры перемещаются работники из числа жителей отдаленных сельских районов этого региона, тем не менее очевидно, что основная нагрузка ложится на городские отрасли и несельскохозяйственные секторы экономики. Во всех прочих регионах отмечаются аналогичные тенденции; это подтверждает вывод, что в процессе преобразований малые города и поселки будут иметь значение по крайней мере не меньшее, чем большие города.

Однако способность городов и агломераций различных размеров поглощать рабочую силу из сельских районов будет зависеть и от других факторов. В источниках представлены доказательства того, что наиболее широкие экономические возможности открываются в крупных городах и близлежащих районах (Vandecasteele *et al.*, 2017). Другие источники указывают, что для моделей роста, типичных для малых городов и поселков, характерны более тесные связи с сельским хозяйством и, соответственно, их применение в большей степени способствует сокращению нищеты (Christiaensen and Todo, 2014; Dorosh and Thurlow, 2013).

Однако преобразования не становятся всеобъемлющими автоматически – их характер зависит от наличия инфраструктуры и услуг, количество и качество которых в небольших городских центрах и близлежащих районах как правило ниже в силу того, что меры государственной политики и инвестиции в первую очередь направлены на большие города. Это подтверждают данные по восьми странам в различных регионах, приведенные в исследовании Ferré, Ferréiga and Lanjouw (2012), и сведения по 12 странам Африки к югу от Сахары, полученные в результате исследования Coulombe and Lanjouw (2013). Охват преобразований также зависит от структуры управления и функционирования институтов, которые определяют эффективность и прозрачность распределения государственных ресурсов и расходов между различными секторами и территориями. Эти факторы влияют на человеческий капитал и, следовательно, на способность принимать и регулировать риски и осуществлять инвестиции.

Состояние инфраструктуры и услуг может сказываться не только на уровне возможностей, открывающихся в городах и поселках, но и на прочности сельско-городских связей (Dercon and Hodinott, 2005). Таким образом, оно во многом определяет размер сельского населения, которое стремится

жить в районах вблизи от городских центров, и как следствие – обеспеченность сельских районов рабочей силой и спрос на природные ресурсы, особенно землю. Для эффективного функционирования инфраструктуры и базовых услуг необходимо обеспечить эффективность институтов и руководства, которые во многом формируются под влиянием исторических и культурных факторов.

Миграция и сельско-городской континуум

Структурные преобразования и преобразования в сельских районах приводят к перемещению людей между секторами и изменениям в использовании капитала и природных ресурсов. В период преобразований неизбежно перемещение людей в поисках возможностей для трудоустройства на лучших условиях внутри стран и между странами. В зависимости от скорости преобразований и распределения благ по секторам и территориям, миграция может стать источником как возможностей, так и проблем. Например, иммигранты могут восприниматься положительно (как новые трудовые ресурсы) или как нежелательное бремя для общества, в зависимости от того, совпадают ли темпы их интеграции в социально экономическую систему в стране или регионе назначения с темпами их перемещения. Например, слишком высокие темпы оттока населения приводят к снижению объемов производства и производительности труда в аграрном секторе вследствие утраты относящихся к сельскому хозяйству знаний и, во многих случаях, отсутствия трудосберегающих технологий. С другой стороны, если миграция будет способствовать передаче знаний, навыков и технологий, она может стать источником возможностей и преимуществ. Осуществляемые диаспорами денежные переводы и прямые инвестиции в районы их происхождения могут способствовать развитию человеческого капитала, сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности.

Массовая миграция из сельских районов как правило связана с тем, что и в сельской местности и в ближайших городах отсутствуют перспективы, а особое внимание к мегаполисам препятствует справедливому распределению государственных инвестиций в инфраструктуру и услуги не только между сельскими и городскими районами, но и между различными территориями⁵. Таким образом, основными мерами, которые позволят придать преобразованиям более всеобъемлющий характер, являются повышение качества базовой инфраструктуры и услуг в малых городах и поселках, а также в близлежащих сельских районах, и создание более тесных связей между ними. Отток населения из сельских районов неизбежен

⁵ Миграция может также быть следствием таких неэкономических факторов, как конфликты, политическая нестабильность, отсутствие продовольственной безопасности, ограниченный доступ к земле и кредитам, истощение и ухудшение состояния природных ресурсов и последствия изменения климата – зачастую эти факторы действуют в совокупности.

даже там, где преобразования будут осуществляться с учетом интересов различных слоев населения, однако в этом случае он будет обусловлен собственным желанием людей и воздействием факторов притяжения, которые типичны для городских районов, в частности, связанных с предпочтениями в отношении образа жизни, а не отсутствием экономических возможностей в сельских районах. Зачастую мигранты из районов с ограниченными экономическими возможностями направляются в другие сельские районы с более динамичным сельским хозяйством, где выше спрос на трудовые ресурсы и производительность труда.

Отток населения принимает различные формы, включая временный или постоянный переезд в городские центры, который становится еще одним фактором урбанизации; сезонные перемещения между городскими и сельскими районами в поисках трудоустройства; и миграцию между сельскими районами, которая очень распространена в некоторых азиатских странах, таких как Бангладеш и Индия. Чтобы понять роль миграции в преобразованиях сельских районов, необходимо более тщательно проанализировать основные движущие силы внутренней миграции и оценить относительную важность ключевых факторов по регионам. Описанная выше концепция сельско-городского континуума задает общее направление для переосмысления взаимосвязей между побуждающими факторами в сельских районах и притягивающими факторами, которые заставляют сельских жителей перемещаться в городские центры. Предполагается, что миграция из сельских районов в городские представляет собой не резкое перемещение из отдаленных районов в мегаполисы, а постепенный процесс. Например, жители глубинки сначала переезжают в деревни, где связь с другими территориями надежнее, и лишь потом в малые города, которые, судя по имеющимся данным, являются основным источником мигрантов, направляющихся в крупные города. Международная миграция из сельских районов – менее распространенное явление, сопряженное с более серьезными затруднениями: люди могут останавливать расстояния и нехватка экономических ресурсов, необходимых для миграции за рубеж (FAO, 2017b).

Отток населения из сельских районов может иметь важные гендерные и возрастные аспекты и потенциально негативные последствия в случаях, когда подавляющее большинство мигрантов составляют молодые мужчины. В случаях, когда в сельских районах ведется натуральное хозяйство или сельскохозяйственная деятельность, приносящая низкие доходы, отток как правило приводит к росту доли женщин и пожилых фермеров в составе сельскохозяйственной рабочей силы. Женщины и пожилые люди, которые трудятся в аграрном секторе, часто сталкиваются с более серьезными барьерами при попытках получения кредитов и доступа к вводимым ресурсам и рынкам, соответственно миграция молодых мужчин замедляет рост производительности в секторе, что

становится препятствием для повышения благосостояния жителей сельских районов. Однако возможны и изменения к лучшему, которые могут компенсировать эти негативные последствия. Одно из них – расширение прав и возможностей женщин: в результате миграции мужчин женщины начинают более активно участвовать в процессе принятия решений (FAO, 2017a; Lastarria-Cornhiel, 2008). Еще одним потенциальным преимуществом является увеличение потока денежных переводов от мигрантов, которые находят работу в городских районах. ■

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ВЛЕКУТ ЗА СОБОЙ КАК ВОЗМОЖНОСТИ, ТАК И ПРОБЛЕМЫ

Трансформация продовольственных систем является основополагающим фактором создания рабочих мест в поселках, малых городах и сельских районах. Однако расширение спроса не только создает возможности для внутренних производителей, но и приносит проблемы. За объединением глобальных и национальных производственно-сбытовых цепей следуют введение высоких стандартов качества и безопасности, более широкое использование вертикальной интеграции и применение контрактов. Данные противоречивы, однако зачастую выигрывают более образованные фермеры, владеющие более крупными хозяйствами, так как они имеют доступ к ресурсам и навыки, необходимые для заключения контрактов на оказание услуг. Укрупнение продовольственных систем влечет за собой повышение капиталоемкости производств, что создает особенно серьезные проблемы для низкоквалифицированных работников и в перспективе может перевесить создаваемые преимущества (Neven *et al.*, 2009).

Трансформация цепей поставок и производственно-сбытовых цепей в странах с низким и средним уровнем доходов нередко создает серьезные препятствия для выхода мелких производителей и мелких агроперерабатывающих предприятий на местные, национальные и глобальные рынки. Снижение спроса на рабочую силу в сочетании с барьерами, лишаящими мелких производителей доступа к каналам снабжения супермаркетов, может привести к резкому снижению благосостояния фермеров, которые не смогут диверсифицировать свою деятельность и выполнять несельскохозяйственную работу. Эти факторы могут замедлить преобразования в сельских районах. Барьеры, связанные со стандартами качества, требованиями к прослеживаемости и сертификации, а также отсутствие доступа к финансированию, транспорту и рынкам затрудняют для многих мелких предприятий участие в интегрированных производственно-сбытовых цепях. Особенно непросто приходится женщинам, являющимся мелкими фермерами, предпринимателями или

работниками аграрного сектора, поскольку при попытке получения доступа к производственным ресурсам и услугам они сталкиваются с гендерной дискриминацией (Dey de Pryck and Termine, 2014).

Мелкие фермеры выиграют от преобразований продовольственных систем, только если смогут присоединиться к производственно-сбытовым цепям, для чего потребуются справедливые контракты с перерабатывающими и торговыми предприятиями. Чтобы воспользоваться возможностями современных цепей поставок, мелким фермерам также потребуются технологии, повышающие производительность труда, такие как орошение, доступ к транспорту, информация, инвестиции, возможности обучения и организационный капитал, например, ассоциации фермеров (Neven *et al.*, 2009). К числу наиболее значительных препятствий для участия малых фермерских хозяйств в странах Африки к югу от Сахары в преобразованных продовольственных системах относятся слабая инфраструктура, высокие накладные расходы, ограниченный доступ к земельным ресурсам, проблемы землевладения и землепользования и слабо функционирующие рынки (World Bank, 2013a). Помимо этого, они включают неблагоприятные инвестиционные условия для агропромышленных предприятий, занимающихся переработкой продукции и смежными видами деятельности (Yumkella *et al.*, 2011). Серьезной проблемой при осуществлении стратегий развития агропромышленности является необходимость поддержания рынков свободной конкуренции и предотвращения концентрации рыночных рычагов в руках нескольких крупных участников (Da Silva *et al.*, 2009).

Агропромышленные предприятия, закупающие продукцию у мелких хозяйств, часто предоставляют ресурсы, позволяющие фермерам решить проблему доступа к кредитам, вводимым ресурсам и сельскохозяйственным знаниям. В последние десятилетия появляются новые модели ведения бизнеса, создаются национальные и международные организации участников производственно-сбытовых цепей, разрабатываются институциональные механизмы и меры политики, призванные стимулировать и поддерживать мелких производителей, обеспечить устойчивое увеличение производства продовольствия и способствовать доступу на рынки (Rao and Qaim, 2011).

Данные свидетельствуют о том, что перспективы трудоустройства в несельскохозяйственном секторе в сельских районах по-прежнему во многом зависят от уровня образования и социального статуса, которые нехарактерны для малоимущих слоев населения (Lanjouw and Murgai, 2009). Исследование, проведенное в Эфиопии, показало, что, хотя трудоустройство в несельскохозяйственных секторах способствует росту потребления и, соответственно, приносит благо и тем, кто живет в нищете, и тем, кто не принадлежит к числу малоимущих, более богатые домохозяйства оказываются в преимущественном

положении (Bezu, Barrett and Holden, 2012). Для малых семейных предприятий в сельских районах основными трудностями являются недостаточное финансирование и неразвитая инфраструктура; следующие по важности отрицательные факторы – общественные беспорядки, отсутствие электричества и рыночной информации и плохое состояние дорог (Deininget and Jin, 2008).

Важнейшим аспектом всеобъемлющих преобразований в сельских районах является предоставление равных возможностей мужчинам и женщинам. Так, исследование Misra (2014) показало, что увеличение числа занятых в несельскохозяйственных отраслях сельских районов в штате Махараштра, Индия, в основном происходит за счет мужчин. В то время как расширение диапазона несельскохозяйственных видов деятельности в сельских районах – как в агропромышленности, так и в других отраслях – предоставляет сельским жителям возможность увеличить свои доходы, семья и отдельные лица, не имеющие навыков, позволяющих воспользоваться этими возможностями, рискуют остаться не у дел. Чтобы обеспечить максимально широкий охват населения, необходимо устранять институциональные и другие барьеры, которые ограничивают роль женщин.

Программы социальной защиты способствуют устранению экономических барьеров, не позволяющих населению получать доступ к образованию, услугам в области питания и здравоохранения, обеспечивают повышение продовольственной безопасности и разнообразия рациона питания населения. Меры социальной защиты могут обеспечить малоимущим домохозяйствам в сельских районах возможность вкладывать средства в более рискованные и при этом более прибыльные виды деятельности, главным образом путем устранения ограничения ликвидности и поддержки мобильности рабочей силы (Slater and McCord, 2009). Опыт многих стран со средним уровнем дохода показывает, что социальная защита также позволяет сократить неравенство доходов и вырабатывать более справедливые и устойчивые подходы к структурным преобразованиям и росту. Программы социальной защиты позволяют вкладывать средства в оздоровление населения и формирование более квалифицированной рабочей силы, способной реагировать на изменения спроса и участвующей в переходе на более высокий уровень производительности (Kangasniemi, Knowles and Karfakis, 2017).

Основным критерием успеха преобразований является повышение производительности труда в аграрном секторе. Однако рост производительности может отчасти объясняться более интенсивным использованием природных ресурсов. В долгосрочной перспективе преобразования могут привести к росту капиталоемкости производства, следствием чего станет повышение доходов, но вместе с тем – ухудшение состояния базы природных ресурсов, от которой зависит благосостояние населения. Это одна из проблем, вытекающих из подходов к

преобразованиям, предполагающих использование невозобновляемых природных ресурсов, таких как ископаемые источники энергии. ■

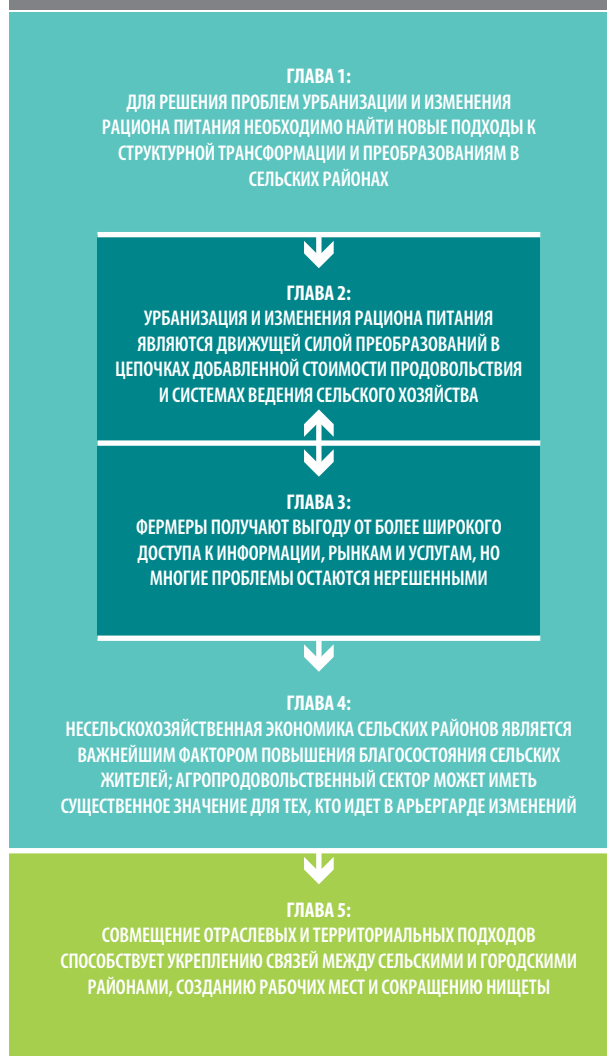
СТРУКТУРА ДОКЛАДА

Настоящий доклад составлен исходя из того, что для успешных структурных преобразований в сельских районах необходимы развитие сельского хозяйства и создание возможностей трудоустройства в несельскохозяйственных секторах в сельских районах. Основное внимание в нем уделяется изменению условий в продовольственной системе и несельскохозяйственном секторе сельских районов за счет укрепления связей между сельскими и городскими районами. Эти связи укрепляются за счет повышения эффективности организации в секторах розничной и оптовой торговли продовольствием, растущей коммерциализации, сопутствующих изменений на рынках факторов производства и стимулирующей роли малых городов и поселков в процессе преобразований. На [рисунке 8](#) показана взаимосвязь между трансформацией продовольственной системы и взаимодействием между сельскими и городскими районами.

В докладе рассматривается вопрос о том, как эти изменения способны увеличить доходы бедных сельских домохозяйств путем диверсификации сельскохозяйственного производства и перехода к несельскохозяйственной экономической деятельности, которая становится возможной в районах, прилегающих к городским агломерациям разных размеров. В нем анализируются четыре основных фактора, которые определяют охват преобразований в сельских районах: исходные условия, институциональные факторы, меры политики и инвестиции. В докладе признается, что проблемы и возможности, стоящие перед странами, где происходят преобразования, зависят от конкретных условий и широко варьируются в зависимости от страны и региона. Однако многие из этих проблем и возможностей одинаковы для всех – включая те, которые касаются питания, гендерного равенства и новых коммуникационных технологий. Эти вопросы были тщательно проанализированы в ряде недавних публикаций (AGRA, 2016; IFAD, 2016; OECD, 2016); здесь они рассматриваются в контексте преобразований в сельских районах.

Доклад строится следующим образом. В главе 2 показано, что урбанизация, изменения в рационе питания и трансформация продовольственных систем представляют собой взаимосвязанные тенденции, которые определяют подход к преобразованиям в сельских районах и их конечные результаты. В главе 3 освещаются последние тенденции, связанные с преобразованиями сельскохозяйственных систем, и отмечается, что основной движущей силой этих

РИСУНОК 8 СТРУКТУРА НАСТОЯЩЕГО ДОКЛАДА

Цвет надписи:

Территориальный контекст: взаимодействие между селом и городом

Преобразования пищевой системы

Путь вперед

ИСТОЧНИК: ФАО.

преобразований является рост производительности труда в сельском хозяйстве, который достигается за счет технологических инноваций, диверсификации и расширения доступа к рынкам. Глава 4 посвящена последствиям преобразований в сельских районах для несельскохозяйственных секторов экономики, в частности, агропромышленности, и их роли в создании рабочих мест. В главе 5 приведена общая информация о мерах политики, институциональных и прочих мероприятиях, направленных на обеспечение всеобъемлющего характера преобразований в сельских районах с учетом территориальных особенностей и тем самым способствующих созданию рабочих мест в сельских и городских районах за счет процессов индустриализации в продовольственной системе. ■

ГАВАНА, КУБА

Обработка
сельскохозяйственных культур
в сельскохозяйственном
кооперативе в
пригородном районе.

©FAO

ГЛАВА 2

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ, УРБАНИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В РАЦИОНЕ ПИТАНИЯ

Основные тезисы

→ Урбанизация и изменение рациона питания в городских и сельских районах стимулируют трансформацию продовольственных систем и укрепление сельско-городских связей.

→ Малые города и поселки, играющие роль "посредников" и центров агропромышленного развития, способны ускорять рост несельскохозяйственных секторов экономики, тем самым расширяя диапазон возможностей для сельскохозяйственного сектора.

→ Однако близость к городским районам может привести к тому, что в сельские районы будут стабильно поставляться переработанные продукты питания, от чего выиграют потребители, но могут пострадать местные фермеры и мелкие перерабатывающие предприятия.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ, УРБАНИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В РАЦИОНЕ ПИТАНИЯ

Данные последних исследований показывают, что в продовольственном и аграрном секторах происходят преобразования пяти взаимосвязанных типов, которые набирают обороты в Азии, быстрыми темпами начинаются в странах Африки к югу от Сахары и уже давно не новость в Латинской Америке: 1) урбанизация; 2) изменение рациона питания; 3) преобразование продовольственных систем; 4) трансформация рынков сельскохозяйственных производственных факторов; и 5) интенсификация технологий сельскохозяйственного производства. Все эти пять тенденций носят взаимно обусловленный характер. Именно то, что преобразования происходят в совокупности, определяет стремительный темп перемен – по отдельности они не имели бы столь всеобъемлющих последствий (Reardon and Timmer, 2014).

Прибегая к терминологии, используемой при описании производственно-сбытовых цепей, урбанизацию и изменение рациона питания можно отнести к "нижнему" сегменту и включить в число изменений спроса, в то время как трансформация продовольственных систем может относиться и к "нижнему" (розничная торговля), и к "среднему" (оптовая торговля, материально-техническое обеспечение и переработка), и к "верхнему" сегменту (сельскохозяйственные переменные, не относящиеся к труду, производственное оборудование и обеспеченность услугами). В совокупности эти изменения представляют собой "факторы притяжения" и "побуждающие факторы" преобразований на рынках производственных ресурсов, как показано на [рис. 9](#). Они воздействуют на сельскохозяйственные производственные процессы и определяются ими (см. типы преобразований 4 и 5 выше), то есть связаны с рынками земли, труда и капитала, а также сельскохозяйственных технологий.

В данной главе рассматриваются первые три из вышеперечисленных типов преобразований: урбанизация, изменение рациона питания и трансформация продовольственных систем. В ней показано, как изменения в каждой из этих сфер отражаются на преобразованиях в сельских районах и их результатах. Более глубокое понимание сопряженных с преобразованиями изменений в "верхнем", "среднем" и "нижнем" сегментах облегчит разработку мер политики и стратегий, направленных на обеспечение

всеохватности и устойчивости преобразований. Четвертый и пятый тип преобразований рассматриваются в главе 3.

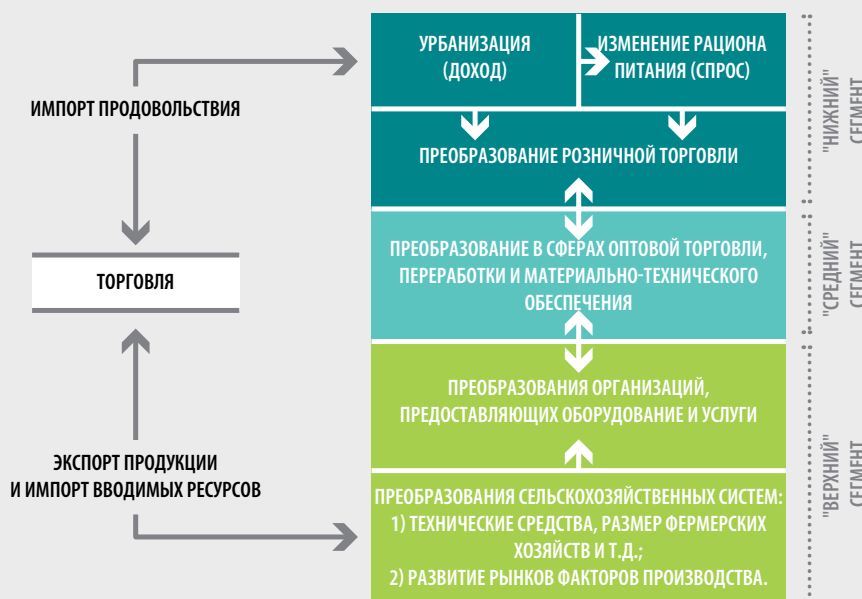
Акцент в настоящем докладе делается на внутренних рынках продуктов питания как наиболее важных для сельских районов с точки зрения объемов и, следовательно, для обеспечения всеобъемлющего характера преобразований в этих районах. На сегодняшний день внутренние рынки являются основными для фермеров в Африке и Азии и, вероятно, в дальнейшем их важность будет возрастать. Из всего объема сельскохозяйственной продукции, произведенной в этих регионах, экспортируется всего 5-10 процентов, хотя для отдельных продуктов, таких как кофе, этот показатель выше; примерно 90 процентов потребляемого продовольствия производится внутри соответствующих стран и лишь около 10 процентов импортируется (Reardon and Timmer, 2007). В публикации Tschirley *et al.* (2015b) утверждается, что с ростом доходов в Восточной и Южной Африке доля импорта в поставках продовольствия фактически упадет, так как домохозяйства будут потреблять больше незерновых продуктов, которые в основном производятся внутри страны. См. более подробную информацию о преобразованиях продовольственных систем в разделе "Крупным планом. Международная торговля, прямые иностранные инвестиции и глобализация продовольственной системы", стр. 46. ■

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В "НИЖНЕМ" СЕГМЕНТЕ: УРБАНИЗАЦИЯ

Внутренние рынки продовольственных товаров теперь сосредоточены в городах

В последние шесть десятилетий в развивающихся странах происходит стремительная урбанизация. В 1960 году около 22 процентов населения этих стран, или 460 млн человек, проживали в городах и поселках, а подавляющее большинство – около 1,6 млрд человек – в сельских районах. К 2015 году доля населения городских районов достигла 49 процентов, а численность городского населения – почти 3 млрд человек. Из всех регионов мира наиболее быстрыми темпами урбанизация происходит в

РИСУНОК 9
ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ

ИСТОЧНИК: ФАО.

Африке, где, согласно прогнозам, численность городского населения в период с 2015 по 2030 годы вырастет с 470 до 770 млн человек. В различных субрегионах Африки урбанизация происходит с разной скоростью. В Восточной Африке уровень урбанизации составляет 26 процентов и, согласно прогнозам, к 2050 году достигнет 44 процентов, тогда как в Западной Африке он оценивается в 45 процентов. Общая численность населения Нигерии в настоящее время составляет 170 млн человек; 88 млн из них – городские жители; по прогнозам, к 2030 году эта цифра вырастет почти вдвое и составит 160 млн человек, а к 2050 году может достигнуть 300 млн человек (UN DESA PD, 2014a).

В Азии наблюдаются схожие демографические тенденции, хотя в этом регионе стремительная урбанизация началась раньше. В 2015 году доля городских жителей в этом регионе составляла 48 процентов от общей численности населения – это медианный показатель за весь период "бегства в города", которое продолжалось в течение полувека. Прогнозируется, что к 2030 году доля городского населения Азии достигнет 56 процентов, что на 24 процента выше соответствующего показателя за 1970 год. Как и в Африке, в различных субрегионах Азии

отмечаются разные темпы урбанизации: так, в Южной Азии ее доля составляет 35 процентов, в Юго-Восточной Азии – 48 процентов, а в Восточной Азии – 60 процентов (UN DESA PD, 2014a). Таким образом, между Африкой и Азией нет существенных различий с точки зрения динамики урбанизации; ее уровень в этих регионах приблизительно одинаков.

Данные о доле городского населения в общей численности населения не отражают в полной мере важность городских районов в потреблении продуктов питания и торговле на национальном уровне с точки зрения экономической ценности. Жители городских районов как правило имеют более высокие доходы, чем население сельских районов, следствием чего являются более высокие продовольственные бюджеты отдельных городских домохозяйств. Таким образом, горожане в Замбии, Малави, Объединенной Республике Танзания и Уганде потребляют в среднем 48 процентов производимых и поступающих в продажу продуктов, хотя и составляют лишь 25 процентов от общей численности населения (Reardon *et al.*, 2015). Исследования, охватывающие Бангладеш, Вьетнам, Индонезию и Непал и (Reardon *et al.*, 2014), показали, что на городское

ВРЕЗКА 4 "ТИХАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" В ПРОИЗВОДСТВЕННО-СБЫТОВОЙ ЦЕПИ В РЫБНОМ ХОЗЯЙСТВЕ БАНГЛАДЕШ

В Бангладеш отмечается очень быстрое развитие всех сегментов цепи создания стоимости рыбы. Эта "тихая революция" влияет на сегмент фермерских хозяйств и снабжения вводимыми ресурсами, на который приходится 60 процентов общей добавленной стоимости в секторе, а также на остальные 40 процентов, которые главным образом состоят из таких сегментов, как оптовая и розничная торговля и материально-техническое обеспечение в сельских и городских районах.

По оценкам, приведенным в исследовании Hernandez *et al.* (готовится к выпуску), в последнее десятилетие объемы и количество участников сектора аквакультуры выросли в три раза; это произошло благодаря капитальным вложениям, осуществленным сотнями тысяч мелких фермерских хозяйств, мелких и средних предприятий, входящих в цепь создания добавленной стоимости в секторе. К этому процессу привязаны диверсификация и специализация с переходом к выращиванию не только карпа, но и видов, обладающих более высокой коммерческой ценностью, таких как тилапия и пангасиус – изменения, которые обусловили рост доходов. Одним из основных положительных внешних эффектов этого процесса стало постепенное снижение цены на выращиваемую в искусственных условиях рыбу, которое в значительной степени способствовало повышению продовольственной безопасности. Рост сектора преимущественно ориентирован на внутренний рынок, поскольку на экспорт идет крайне малый объем выращиваемой в Бангладеш рыбы. В работе Hernandez *et al.* отмечается, что, хотя основной движущей силой этого роста были капиталовложения миллионов фермеров и предприятий, ему также способствовали меры политики, в частности, инвестиции на раннем этапе в производство рыбопосадочного материала, электроснабжение и сельские дороги.

население, составляющее 38 процентов от общей численности населения, приходится 53 процента закупок продовольствия. В последние десятилетия городской продовольственный рынок растет очень высокими темпами, и вместе с тем развиваются продовольственные производственно-сбытовые цепи, связывающие сельские и городские районы (см. пример Бангладеш во [врезке 4](#)). По оценкам, приведенным в исследовании Reardon *et al.*

(2015), в Восточной и Южной Африке рост за последние четыре десятилетия составил 600-800 процентов; в исследовании Reardon and Timmer (2014) тот же показатель за тот же период по Юго-Восточной Азии оценивается приблизительно в 1000 процентов.

Наконец, данные о численности населения небольших городских агломераций различаются, однако большинство исследований показывают, что его доля в мире составляет около 50 процентов, а в Африке и Азии – примерно 60 процентов (Berdegue and Proctor, 2014; Christiaensen and Kanbur, 2017). Малые города и поселки территориально расположены ближе к сельским районам, отличаются более высокой степенью экономической интеграции, чем большие города, и соответственно обеспечивают более эффективные механизмы сокращения масштабов нищеты в сельских районах. Такая экономическая интеграция в продовольственных системах характерна как для "верхнего", так и для "нижнего" сегментов, так как многие из субъектов цепи поставок на "верхнем" и "среднем" уровнях находятся в небольших городах и поселках. Они не только обеспечивают фермеров вводимыми ресурсами и прочими услугами, но и занимаются переработкой сельскохозяйственной продукции, предназначенной для потребления в других местных поселках или более крупных городах. Более подробно эта тема рассматривается ниже.

Отмечается существенный рост рынков в сельских районах

Наряду с ростом населения, в сельских районах отмечается рост рынков продуктов питания. В менее развитых регионах в целом численность сельского населения увеличилась с 1,6 млрд человек в 1960 году приблизительно до 3,1 млрд человек в 2015 году. За тот же период население сельских районов в Африке выросло с 230 млн до 694 млн человек, а в Азии – с 1,3 млрд до 2,3 млрд человек (UN DESA PD, 2014a). Кроме того, с точки зрения экономической ценности рынок сельских районов рос более высокими темпами, чем численность сельского населения, что было обусловлено ростом доходов. Очень заметна такая тенденция в Азии в целом и особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии, где в последние два десятилетия наблюдается значительное снижение нищеты в сельских районах – как с точки зрения распространенности, так и в численном выражении (см. главу 1). Следствием этого становятся повышение доли расходов на продовольствие в структуре расходов домохозяйств с низким уровнем доходов (согласно закону Энгеля)⁶ и быстрый рост объемов потребления продовольствия в целом. Данные показывают, что даже в беднейших субрегионах появился

⁶ Немецкий статистик и экономист Эрнст Энгель (1821–1896) установил, что по мере роста доходов населения доля средств, расходуемых на продовольствие, снижается, хотя суммарные расходы на продукты питания возрастают.

сельский средний класс; по оценкам Tschirley *et al.* (2015b), в среднем 55 процентов представителей среднего класса в Малави, Мозамбике, Объединенной Республике Танзания, Уганде, Эфиопии и Южной Африке проживают в сельских районах.

Помимо этого, в Африке и Азии отмечается значительная доля приобретаемых продовольственных товаров в общей стоимости потребляемого сельскими домохозяйствами продовольствия (в которую входит стоимость продукции кустарного производства). Это свидетельствует не только о росте сельского населения и его расходов на продовольствие в целом, но и о значительном увеличении объемов рынка продуктов питания в сельской местности и развитии цепей поставок продовольствия между сельскими районами и даже из городских районов в сельские. Кроме того, из этого следует, что сельские домохозяйства являются активными субъектами продовольственных рынков не только как продавцы, но и как покупатели и совершают операции, не ограничивающиеся мизерными объемами, как несколько десятилетий назад.

Фермерские домохозяйства в развивающихся странах традиционно были самодостаточными или приобретали небольшую долю потребляемых продуктов. Результаты исследований, проводившихся в прошлом, в частности, в Индии (Mellor, 1976) и в Буркина-Фасо (Reardon, Melton and Delgado, 1988), показывали, что многие сельские домохозяйства и даже фермеры являлись нетто-покупателями зерновых, однако при этом суммарная доля приобретаемых продуктов питания оставалась низкой. Ситуации были различными в зависимости от условий производства – так, в Сенегале закупки продовольствия были гораздо более распространены в подверженных засухе районах, чем в сравнительно плодородных районах (Kelly *et al.*, 1993).

Последние данные свидетельствуют о высокой доле приобретаемых продуктов питания в рационе жителей сельских районов стран Африки к югу от Сахары и Азии. В Замбии, Малави, Объединенной Республике Танзания и Уганде сельские домохозяйства приобретают в среднем 45 процентов потребляемого ими продовольствия (Reardon *et al.*, 2015); в Бангладеш, Вьетнаме, Индонезии и Непале приобретаемые продукты составляют в среднем 73 процента продовольствия, потребляемого такими домохозяйствами (Reardon *et al.*, 2014). Данные показывают, что крайне малый объем продуктов приобретается на заемные средства, получаемые как из неофициальных, так и из официальных источников⁷. Что касается финансов, за счет которых домохозяйства в сельских районах приобретают столь значительные объемы продуктов питания, то источником этих средств отчасти являются поступления от продажи сельскохозяйственных культур и

скота, но в большей степени – доходы от трудоустройства в несельскохозяйственных секторах сельских районов. В последние годы тенденция к росту масштабов несельскохозяйственной занятости в сельских районах как источника денежных средств усилилась (см. данные за более ранние периоды по Буркина-Фасо и Сенегалу в публикациях Kelly *et al.* (1993) и Reardon and Mercado-Peters (1993). В Китае доля дохода сельского населения от несельскохозяйственной деятельности в общем объеме доходов возросла с 34 процентов в 1985 году до 63 процентов в 2000 году и 71 процента в 2010 году (Huang, Wang and Qiu, 2012). В Африке и Азии доля дохода от несельскохозяйственной деятельности составляет в среднем около 40 процентов, что значительно превышает доход от денежных переводов мигрантов (Haggblade, Hazell and Reardon, 2007).

Последствия урбанизации и роста сельских рынков для всеобъемлющих преобразований

Изменения уровня урбанизации и изменения на сельских рынках имеют множество последствий с точки зрения возможностей получения доходов сельским населением и преобразований в сельских районах в целом. Городские рынки в настоящее время являются доминирующей движущей силой в развивающихся регионах и по мере улучшения инфраструктуры, связывающей города и сельскую местность, будут оказывать все более широкое влияние на сельские районы. Анализ стратегий, необходимых для придания преобразованиям в сельских районах всеобъемлющего характера, должен проводиться с учетом воздействия городских рынков.

Развитие сельских рынков отражает концепцию, которая в книге Prahalad (2004), рассчитанной на инвесторов, получила название "богатство у подножия пирамиды". Малые города и поселки будут иметь особое значение для преобразований как источник возможностей и проблем. Данные вышеупомянутых исследований свидетельствуют о том, что развитие рынка в сельских районах часто происходит в сочетании с развитием небольших городских центров, расположенных на той же обширной территории, которому можно содействовать с помощью мер политики и программ (Berdegue and Proctor, 2014).

Однако близость небольших городов и поселков к сельским рынкам имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, такое положение обеспечивает фермерам возможность воспользоваться целым комплексом услуг в "верхнем" и "нижнем" сегментах цепей поставок, которые необходимы хозяйствам для интенсификации и коммерциализации производства и соответственно повышения прибыльности своей деятельности. С другой стороны, через малые города в сельские районы регулярно поступают переработанные продукты питания, что способствует снижению расходов потребителей и, следовательно, может создавать

⁷ Такой же вывод был сделан в отношении приобретения факторов сельскохозяйственного производства в Африке (Adjognon, Liverpool-Tasie and Reardon, 2017).

конкуренцию с местными фермерами и существующими или потенциальными малыми сельскими предприятиями (Reardon and Stamoulis, 1998; Reardon, Stamoulis and Pingali, 2007). Один из примеров этой тенденции – упакованная лапша быстрого приготовления, которая поставляется индонезийским производителем продуктов питания и продается в поселках в сельских районах многих африканских стран. Еще один хрестоматийный случай – готовые лепешки типа "тортилья" или смеси для приготовления таких лепешек в Мексике, которые производятся перерабатывающими предприятиями в городах этой страны и продаются в поселках (Rello, 1996).

Вследствие значительного увеличения масштабов городских и сельских рынков, улучшения инфраструктуры и удлинения цепей поставок разной степени гибкости, распространяющихся во всех направлениях, сельские производители по существу остаются незащищенными, поскольку их традиционные рынки становятся открытыми для конкурентов со всех сторон. (Однако "защищенность" в данном случае означает жизнь в отдаленных районах, труднодоступных из-за слаборазвитой инфраструктуры, и отсутствие доступа к динамично развивающимся источникам эффективного спроса, особенно городам.) Поскольку воздействие конкуренции с течением времени, скорее всего, будет только увеличиваться, задача заключается в том, чтобы обеспечить всеобъемлющий характер преобразований в сельских районах и помочь сельским производителям быть конкурентоспособными на внутреннем рынке. Поскольку ключевым условием для этого будет взаимодействие с внутренними рынками, основное внимание следует уделять базовым мерам политики и инфраструктуре, которые позволяют большому количеству мелких фермеров продавать продукцию на эти рынки через основные каналы, то есть оптовые рынки и супермаркеты. Кроме того, для решения конкретных проблем, с которыми сталкиваются женщины и молодые производители, стремящиеся получить доступ к новым рыночным возможностям и эффективно участвовать в более длинных комплексных производственно-сбытовых цепях, потребуются подходы с учетом гендерной и возрастной проблематики.

Наконец, при удлинении цепей поставок из сельских районов в городские, между различными сельскими районами и из городских районов в сельские они оказываются в большей степени подвержены потрясениям и уязвимы перед ними; в частности, речь идет о таких потрясениях, как изменение климата (Reardon and Zilberman, 2017), резкое повышение стоимости электроэнергии, вспышки болезней, кризисы в области продовольственной безопасности и гражданские беспорядки. Одним из примеров такого положения является уязвимость динамично развивающихся цепей поставок кукурузы и яиц в Нигерии в направлении с юга на север и с севера на юг

(Liverpool-Tasie *et al.*, 2017). Как описано ниже, уровень уязвимости зависит от изменений рациона питания и продовольственных систем. ■

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В "НИЖНЕМ" СЕГМЕНТЕ: ИЗМЕНЕНИЯ В РАЦИОНЕ ПИТАНИЯ

На глобальном уровне имеются убедительные свидетельства того, что рост доходов приводит к повышению разнообразия рациона питания. При повышении доходов в рационе домохозяйств возрастает доля неосновных продуктов, таких как продукты животного происхождения, растительные масла, фрукты и овощи, а также переработанные продукты, которые могут содержать высокий уровень жира, сахара или соли. Рост доходов обуславливает значительное увеличение объема потребления мяса, рыбы и молочных продуктов; кроме того, растут (хотя и более низкими темпами) объемы потребления фруктов и овощей и снижается потребление зерновых и бобовых (рис. 10 и 11).

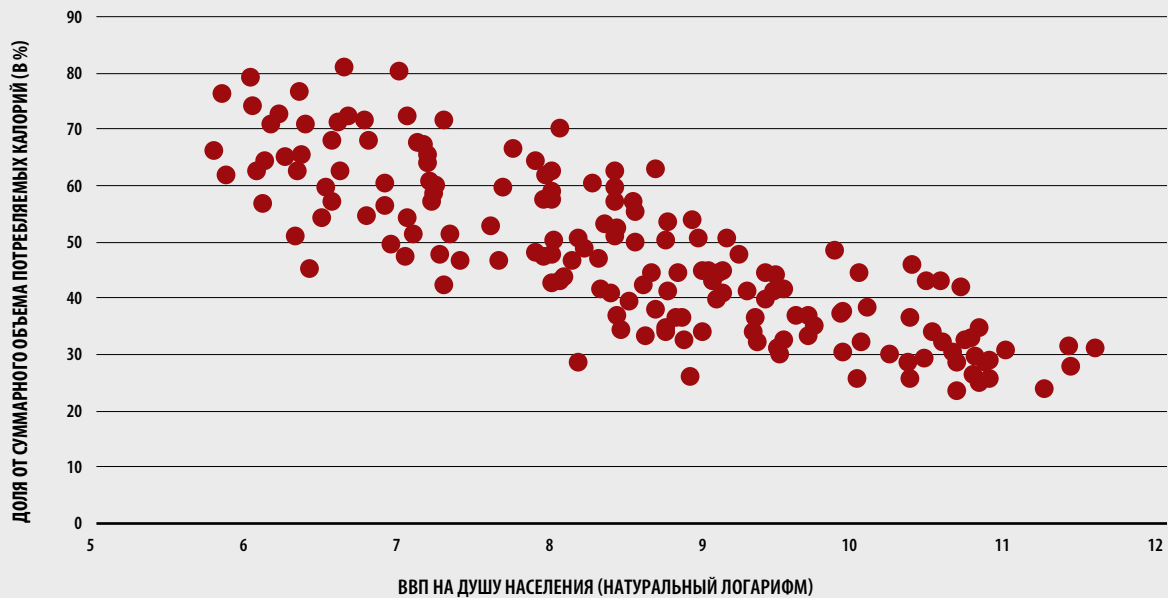
В настоящем докладе проводится анализ изменения рациона питания в плане экономической ценности во многих странах Африки и Азии. Основное внимание здесь уделяется не тем группам населения, которые живут в условиях "крайней нищеты", то есть чье потребление в стоимостном выражении гораздо ниже средних национальных показателей, хотя изменение рациона имеет отношение к продовольственной безопасности, поскольку связано с мультипликаторами занятости и результатами в области питания.

В развивающихся регионах происходит быстрое изменение рациона питания

В последние десятилетия наблюдается ряд тенденций, связанных с рационом. Во-первых, во всем мире отмечается устойчивое снижение доли зерновых в совокупных расходах населения на продовольствие. В целом в городских районах это изменение начинается раньше, чем в сельских районах и, как гласит закон Беннета, тенденция нарастает по мере роста доходов (Bennett, 1954). Однако есть свидетельства того, что оно происходит при более низких уровнях дохода, чем считалось ранее, то есть до того, как домохозяйство может считаться принадлежащим к среднему классу (Reardon *et al.*, 2015).

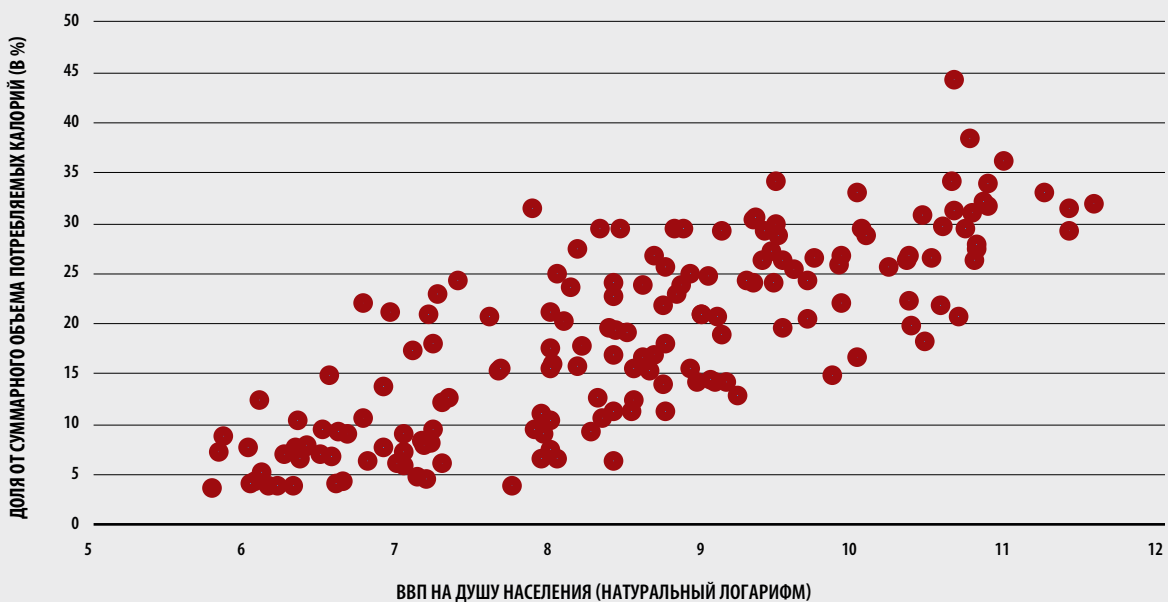
Большинство исследований, посвященных тенденциям в области расходов на зерновые, были проведены в Азии. В исследованиях Timmer (2014) и Timmer, Block and Dawe (2010) показано, что в большинстве азиатских стран потребление риса на душу населения стабильно, а в некоторых случаях постепенно снижается. Данные по Индии (таблица 2) свидетельствуют о том, что в период

РИСУНОК 10
СООТНОШЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ В ПОТРЕБЛЕНИИ ОСНОВНЫХ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ И РОСТА
ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЕГИОНОВ, 2010 ГОД

ПРИМЕЧАНИЕ: основные пищевые продукты включают зерновые, корнеплоды и клубнеплоды.
 ИСТОЧНИКИ: ФАО (2017с) и WORLD BANK (2016а).

РИСУНОК 11
СООТНОШЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ В ПОТРЕБЛЕНИИ ПРОДУКЦИИ ЖИВОТНОВОДСТВА И РОСТА
ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЕГИОНОВ, 2010 ГОД

ИСТОЧНИКИ: ФАО (2017с) и WORLD BANK (2016а).

ТАБЛИЦА 2
ДОЛЯ ЗЕРНОВЫХ В СУММАРНЫХ РАСХОДАХ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В ИНДИИ

Год	Городские районы		Сельские районы		Национальный уровень
	Доля, %				
1972	36		56		52
2006	23		32		29

Источники: Datanet India Pvt. Ltd. (разные годы) и Reardon and Minten (2012).

ТАБЛИЦА 3
ДОЛЯ ОСНОВНЫХ И НЕОСНОВНЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В СУММАРНЫХ РАСХОДАХ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ РАЙОНАХ И ПО УРОВНЮ ДОХОДА (ПО ТЕРТИЛЯМ) В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АФРИКИ И АЗИИ

	Тертили по сельским районам			Тертили по городским районам			Сельские районы	Городские районы
	Первый	Второй	Третий	Первый	Второй	Третий		
	Доля, %							
Восточная и Южная Африка								
Основные продукты	47,6	39,2	31,9	39,0	35,9	27,0	40,8	30,8
Неосновные продукты	52,3	60,7	68,1	60,9	64,2	72,9	59,2	69,4
Азия								
Основные продукты	47,1	39,0	31,0	37,0	27,2	20,9	36,9	25,9
Неосновные продукты	52,9	60,9	68,9	63,0	72,8	79,1	63,1	74,1

ПРИМЕЧАНИЕ. Данные по Азии включают сведения по Бангладеш (2010 год), Вьетнаму (2010 год), Индонезии (2010 год), Непалу (2010 год); данные по Восточной и Южной Африке включают сведения по Замбии (2010 год), Малави (2010–2011 годы), Объединенной Республике Танзания (2010–2011 годы) и Уганде (2009–2010 годы).

ИСТОЧНИКИ: Reardon *et al.*, 2014, таблица 1; Reardon *et al.*, 2015.

ТАБЛИЦА 4
ИЗМЕНЕНИЕ ДОЛИ ОСНОВНЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ БЮДЖЕТАХ В ГОРОДСКИХ РАЙОНАХ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Основные продукты питания	1990-е годы		2000-е годы	
	Доля, %			
Только зерновые	33		38	
Зерновые, корнеплоды и клубнеплоды	41		40	
Зерновые	27		23	
Корнеплоды и клубнеплоды	14		17	

ПРИМЕЧАНИЕ. Страны, где основными продуктами питания являются "только зерновые": Буркина-Фасо, Мали, Сенегал; страны, где в основном потребляются "зерновые, корнеплоды и клубнеплоды": Гана, Кот-д'Ивуар, Нигерия.

ИСТОЧНИК: Hollinger and Staatz, 2015, таблица 6.4.

- » с 1972 по 2006 годы доля зерновых в расходах городского населения на продовольствие упала, при этом в сельских районах она снижалась быстрее (на 24 процента), чем в городских центрах (13 процентов), где сокращение потребления зерновых произошло в 1970-е годы.

Данные по Индии и отдельным странам Южной и Юго-Восточной Азии свидетельствуют о том, что к 2010 году зерновые составляли от одной четверти до одной трети экономической ценности рациона питания в азиатских странах. Исследование Reardon *et al.* (2014), проведенное с

использованием данных Исследования критериев оценки уровня жизни (ИКОУЖ), показало, что в объеме потребления городских домохозяйств в Бангладеш, Вьетнаме, Индонезии и Непале доля зерновых, главным образом риса, составляет в среднем 26 процентов, а для сельских домохозяйств в указанных странах этот показатель равен 37 процентам.

И вновь данные по Восточной и Южной Африке, а также по Западной Африке опровергают общепринятое мнение, что Африка резко отличается от Азии в плане тенденций в области продовольствия: они показывают, что доля основных продуктов составляет около 35-40 процентов экономической ценности рациона питания городского населения (Reardon *et al.*, 2015; Hollinger and Staatz, 2015). По результатам исследования Reardon *et al.* (2015), проведенного на основе данных ИКОУЖ о положении в городских и сельских районах Замбии, Малави, Объединенной Республики Танзания и Уганды, было установлено, что доля зерновых (в основном кукурузы) в расходах на питание в городских районах составляет 31 процент, а в сельской местности – 41 процент. Анализ положения в отдельных странах Азии (Reardon *et al.*, 2014) показал, что в этом регионе доля указанных продуктов составляет 26 процентов и 37 процентов соответственно, то есть лишь незначительно отличается от соответствующих показателей в африканских странах (таблица 3). Кроме того, сравнение расходов в разбивке по уровню доходов домохозяйств показывает, что как в азиатских, так и в африканских странах малоимущие группы населения в нижнем тертиле тратят значительную долю продовольственного бюджета на неосновные продукты: более 50 процентов в сельских районах и более 60 процентов в городских. Поскольку данные о процентных долях отражают лишь экономическую ценность продуктов питания, а не фактический объем их потребления, невозможно сделать вывод об их значении с точки зрения состава рациона.

Структура расходов на продукты питания в различных регионах Африки отличается разнообразием. По результатам исследования Hollinger and Staatz (2015), в котором был проведен анализ расходов на продовольствие в городских районах ряда стран Западной Африки в 1990-х и 2000-х годах (таблица 4), было установлено, что в странах, где основными продуктами являются только зерновые (Буркина-Фасо, Мали и Сенегал), доля бюджета, расходуемая на зерновые, увеличилась незначительно, с 33 до 38 процентов. В странах, где к категории основных продуктов относятся зерновые, а также корнеплоды и клубнеплоды (Гана, Кот-д'Ивуар и Нигерия), доля бюджета, которая тратится на зерновые, снизилась с 27 до 23 процентов, а доля расходов на корнеплоды и клубнеплоды выросла с 14 процентов до 17 процентов.

Кроме того, произошли изменения в сфере производства и потребления зерновых: переход от зерновых, которые менее удобны с точки зрения переработки и

приготовления, к более удобным; переход к более производительным видам зерновых, к зерновым, используемым в качестве корма, в целях поддержки быстро растущих объемов животноводства; и к более высококачественным сортам уже используемых видов. Опять же в целом в городских районах такие изменения происходят раньше, чем в сельской местности.

Наблюдается общая тенденция к выбору сортов пшеницы и в некоторых случаях риса по критерию удобства обработки и приготовления, которая усугубляется, когда женщины находят работу вне дома и соответственно возрастают издержки упущенных возможностей, измеряемые их временем. В большинстве стран Азии за пределами Китая и Индии это привело к частичному переходу на пшеницу в районах, где традиционно потреблялся рис. "Вторжение" пшеницы в основном объясняется ее удобством; она используется в виде лапши и лепешек (по Азии в целом – Reardon, Stamoulis and Pingali, 2007; по Шри-Ланке – Senauer, Sahn and Alderman, 1986; по Юго-Восточной Азии – Timmer, 2014). В период с 1961 по 2010 годы объем импорта пшеницы в Юго-Восточной Азии вырос с 280 000 до 15 млн тонн (ФАО, 2017с).

На севере Китая и в большей части Африки, где традиционными зерновыми культурами были просо и сорго, также происходят изменения в производстве и потреблении с переходом на рис и пшеницу в северных районах Китая, частично на пшеницу в Восточной и Южной Африке и на рис и пшеницу в Западной Африке. Как и в Азии, такой частичный переход на пшеницу и рис обусловлен соображениями удобства. Как и в случае пшеницы в Юго-Восточной Азии, в Западной Африке производится лишь малая доля потребляемого в этом регионе риса, и зависимость от импорта риса вызывает тревогу (Reardon and Mercado-Peters, 1993; Hollinger and Staatz, 2015). Потребление пшеницы начало увеличиваться не только в связи с появлением хлеба в рационе домохозяйств со средним уровнем доходов, но и по мере роста потребления малоимущим населением дешевой, легкой в приготовлении лапши (Liverpool-Tasie *et al.*, 2017).

Кукуруза также начала использоваться в качестве пищевой культуры и в качестве основного ингредиента кормов для животных. После того как в XIX веке началось использование кукурузы, она в силу своей высокоурожайности вытеснила традиционные культуры во всех районах Восточной и Южной Африки, кроме засушливых. В Африке кукуруза остается в основном продовольственной культурой, однако в последние десять-двадцать лет в результате перехода к интенсивному птицеводству, животноводству и аквакультуре ее стали гораздо чаще использовать в качестве основы для производства кормов. Например, в Нигерии рост

промышленности по производству комбикормов на основе кукурузы в течение последних девяти лет составил 600 процентов (Liverpool-Tasie *et al.*, 2017). В Китае также резко возросло производство кукурузы, предназначенной не для непосредственного потребления человеком, а для использования в качестве ингредиента кормов для животных: уровень производства кукурузы, который в 1990 году составлял половину от производства риса, к 2014 году превысил общий объем его производства (ФАО, 2017с). Также отмечается рост использования более засухоустойчивых и устойчивых к болезням сортов зерновых, а также сортов, имеющих более высокие вкусовые качества и более привлекательный внешний вид. Примером последней тенденции является переход к более высококачественным сортам риса в Бангладеш (Minten, Murshid and Reardon, 2013).

Тенденция к снижению доли зерновых дополняется переходом к неосновным продуктам питания, в первую очередь к мясу, рыбе, молочным продуктам, пищевым маслам, фруктам и овощам, и заметным уменьшением объемов потребления кормовых зерновых, корнеплодов и бобовых (ФАО, 2017а; Hawkes and Popkin, 2015)⁸. Суточное потребление животного белка в странах с низким и средним уровнем доходов выросло с 9 г в 1961 году до 20 г в 2011 году, и, согласно прогнозам, к 2030 году достигнет 22 г, а к 2050 году – 25 г. Ожидается, что потребление овощей и фруктов возрастет во всех странах, но в странах с низким и средним уровнем доходов этот рост будет более медленным, чем в странах с высоким уровнем доходов (ФАО, 2017а). Данные, доступные для стран с низким и средним уровнем доходов, свидетельствуют о наличии этой тенденции во всех городских районах и во все возрастающей степени – в сельской местности (Popkin, Adair and Ng, 2012).

Однако есть одна важная оговорка. Данные по Замбии, Малави, Объединенной Республике Танзания и Уганде, особенно в части потребления растительного масла и мяса, показывают, что диверсификация рациона начинается значительно ниже порогового значения "среднего уровня доходов". Например, доля животного белка в общем объеме расходов на продукты питания в сельской местности составляет 12,9 процента для беднейших домохозяйств и 17,4 процента для семей со средним

⁸ В большинстве исследований тенденций в области рациона питания за основу берется продовольственный баланс, в котором оценивается физическая доступность продуктов. Такие приблизительные показатели полезны для отслеживания общих изменений в рационе на национальном и региональном уровнях, однако зачастую ощущается нехватка данных об индивидуальном потреблении продовольствия, особенно в странах с низким уровнем доходов, что затрудняет проведение более точного анализа тенденций в области питания. В этой связи предпринимаются усилия по активизации сбора и использования индивидуальных данных о питании (см. www.fao.org/nutrition/assessment/food-consumption-database/en/).

уровнем доходов; в городских районах соответствующая доля расходов составляет 14,1 процента для домохозяйств с низким уровнем доходов и 16,8 процента в хозяйствах со средним уровнем доходов. Независимо от уровня доходов, как в сельских, так и в городских районах доля растительных масел и животных жиров примерно одинакова (в диапазоне от 2,9 до 3,7 процента в сельской местности и от 4,6 до 5,1 процента в городах). Из этого можно сделать вывод, что облегчение доступа к этим продуктам благодаря увеличению объемов производства и улучшению транспортной инфраструктуры, в сочетании с разъяснительной работой по вопросам питания и изменением образа жизни, побудило даже относительно малоимущие домохозяйства резко увеличить потребление незерновых продуктов (Reardon *et al.*, 2015).

Подобные тенденции наблюдаются в Латинской Америке и Карибском бассейне. Как сообщается в публикации Anríquez, Foster and Valdés (2017), по сравнению с началом 1960-х годов среднесуточное потребление калорий в регионе выросло примерно на 27 процентов, а с началом 1990-х годов – на 12 процентов, при этом в беднейших странах темпы роста были выше. Значительное увеличение потребления калорий по сравнению с началом 1990-х годов зарегистрировано в Гаити, Никарагуа и Перу. Кроме того, в ходе исследования Anríquez, Foster and Valdés было установлено заметное увеличение потребления животного белка, главным образом в виде мясных и молочных продуктов, и выяснилось, что увеличение среднесуточного потребления калорий во многих странах и в регионе в целом в значительной мере объясняется увеличением потребления сахара и других подсластителей (врезка 5).

Во всех субрегионах регистрируются схожие тенденции, и Африка лишь немного отстает от Азии в плане повышения разнообразия рациона питания. Исследование положения в Восточной и Южной Африке Reardon *et al.* (2015) показало, что доля расходов на незерновые продукты в суммарных расходах на продовольствие в стоимостном выражении составила 66 процентов в городских районах и 61 процент в сельской местности. Следует обратить особое внимание на высокий относительный уровень потребления незерновых продуктов сельским населением. В результате исследования ситуации в Западной Африке (Hollinger and Staats, 2015) было установлено, что в странах Сахеля, где основными продуктами являются зерновые (Буркина-Фасо, Мали и Сенегал), доля расходов городского населения на незерновые продукты в его совокупных расходах на продовольствие в стоимостном выражении оставалась в период с 1990-х годов по 2000-е годы практически неизменной и составляла от 67 до 62 процентов. В

ВРЕЗКА 5 ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ РАЦИОНА ДЛЯ ПИТАНИЯ

В последние несколько десятилетий в мире отмечается увеличение разнообразия рациона питания. Тем не менее одновременно с этим распространяются определенные формы неполноценного питания. Особую озабоченность вызывает рост глобальной распространенности избыточной массы тела и ожирения. Расчеты, основанные на прогнозных данных, показывают, что к 2030 году примерно треть мирового населения будет иметь избыточную массу тела или страдать ожирением (Global Panel on Agriculture and Food Systems for Nutrition, 2016). В 2010 году издержки по всем неинфекционным заболеваниям (НИЗ), связанным с ожирением и избыточной массой тела, составили приблизительно 1,4 трлн долл. США (ФАО, 2013а). По оценкам Всемирного экономического форума, к 2030 году объем убытков по причине НИЗ, связанных с избыточной массой тела и ожирением, составит не менее 47 трлн долл. США (Bloom *et al.*, 2011).

В последние десятилетия потребление более питательных продуктов, таких как фрукты, овощи, цельнозерновые продукты и морепродукты, увеличилось во всем мире, однако при этом параллельно – и более быстрыми темпами – происходит увеличение потребления продуктов питания с высокой степенью переработки, таких как подслащенные напитки и переработанное мясо (ФАО, 2017а; Imamura *et al.*, 2015). Такого рода "переход к новым моделям питания" особенно распространен в странах с низким и средним уровнем доходов, где не отмечается изменений к лучшему с точки зрения перехода к более здоровому питанию в целом. Особую озабоченность вызывает рост потребления продуктов с высокой степенью переработки и с высоким содержанием добавленной соли, очищенных углеводов или насыщенных жиров (Hawkes and

Popkin, 2015). Данные по отдельным странам с высоким уровнем доходов, таким как Канада и Соединенные Штаты Америки, показывают, что около 60 процентов калорий, потребляемых домохозяйствами, приходится на группы пищевых продуктов и напитков, которые являются основными источниками добавленных сахаров, жиров и соли (Moubarac *et al.*, 2013; Stern, Ng and Popkin, 2016). В Бразилии, Китае и Мексике этот показатель составляет 26 (Monteiro *et al.*, 2013), 30 и 58 процентов, соответственно, и стремительно растет (Popkin, 2014).

Каковы последствия таких изменений с точки зрения преобразования продовольственных систем? Они могут быть источником самых широких перспектив для субъектов, действующих в "верхнем" сегменте, однако при этом директивные органы должны учитывать необходимость обеспечения качества питания населения и заниматься профилактикой неполноценного питания во всех его формах – например, путем создания стимулов для увеличения производства свежих фруктов и овощей (Pingali, 2015) или полуфабрикатов для быстрого приготовления, которые содержат меньше сахара и соли, а также просветительских мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни. Ряд стран проводят мероприятия по профилактике ожирения; в их числе такие меры политики, как налог на подслащенные напитки в Мексике, маркировка продуктов в Чили с указанием информации, способствующей выбору полезных продуктов, зонирование с целью снижения плотности размещения предприятий быстрого питания вблизи учебных заведений в Соединенных Штатах Америки и регулирование маркетинга и рекламы продуктов питания, ориентированных на детей, в Норвегии.

странах, где основными продуктами являются как зерновые, так и корнеплоды и клубнеплоды (Гана, Кот-д'Ивуар и Нигерия), доля неосновных продуктов в общем объеме расходов городского населения на продукты питания стабильно составляла около 60 процентов. На мясо и рыбу приходится 21 процент расходов, на продукцию садоводства – 17 процентов; в совокупности их доля почти равна доле зерновых, корнеплодов и клубнеплодов (40 процентов). В Восточной и Южной Африке, где уровень нищеты выше, чем в Западной Африке, отмечаются схожие тенденции.

По данным исследования Reardon *et al.* (2014), охватывающего Бангладеш, Вьетнам, Индонезию и Непал, в среднем 74 процента продовольственного бюджета городского населения в этих странах расходуется на продукты, не относящиеся к зерновым, в то время как в сельской местности этот показатель равен 63 процентам. Значительных отличий между тенденциями в сельских и городских районах не отмечено; при этом картина в сельской местности похожа на ту, что наблюдается в городских районах Западной Африки. Несмотря на различия в среднем уровне доходов между включенными в выборку странами Южной Азии (Бангладеш и Непал) и Юго-Восточной Азии (Индонезия и Вьетнам), доля

ТАБЛИЦА 5

ДОЛЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО БЮДЖЕТА, РАСХОДУЕМАЯ НА ПЕРЕРАБОТАННЫЕ ПИЩЕВЫЕ ПРОДУКТЫ НАСЕЛЕНИЕМ СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ РАЙОНОВ И ГРУППАМИ НАСЕЛЕНИЯ С НАИБОЛЕЕ НИЗКИМИ И НАИБОЛЕЕ ВЫСОКИМИ ДОХОДАМИ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АФРИКИ, 2010 ГОД

	Пищевые продукты низкой степени переработки	Пищевые продукты высокой степени переработки	Всего, переработанные пищевые продукты
	Доля, %		
Во всем регионе	32,7	37,4	70,1
Самый низкий доход	34,7	31,2	65,8
Самый высокий доход	24,1	62,0	86,1
Сельские районы	36,7	33,0	69,7
Самый низкий доход	36,2	29,5	65,8
Самый высокий доход	38,5	52,0	90,6
Городские районы	28,4	42,1	70,5
Самый низкий доход	30,3	35,7	66,0
Самый высокий доход	20,4	64,6	85,0

ПРИМЕЧАНИЯ. Самый низкий уровень доходов определен как 0-2 долл. США в день, самый высокий - >20 долл. США в день. Представлены данные по Малави, Мозамбику, Объединенной Республике Танзания, Уганде, Эфиопии и Южной Африке.

ИСТОЧНИК: Tschirley *et al.*, 2015b, таблица 6.

зерновых в продовольственных бюджетах городского населения этих стран примерно одинакова (29 и 23 процента, соответственно) – подобные тенденции наблюдаются в Западной Африке, как показано в исследовании Hollinger and Staatz (2015). Расходы на мясо и рыбу составляют в среднем 30 процентов бюджета городского населения Южной и Юго-Восточной Азии; в бюджетах жителей городских районов Западной Африки такую же долю составляют расходы на зерновые. Жители городских и сельских районов включенных в выборку стран Азии тратят на продукцию садоводства в среднем 14 процентов соответствующего бюджета; примерно столько же тратится на эти цели городским населением Западной Африки. Расходы на мясо, рыбу и овощи в совокупности составляют в среднем около 45 процентов от общего объема расходов по трем субрегионам, что выше соответствующего показателя по зерновым.

Последствия вышеуказанных изменений в моделях питания для продовольственной системы включают стремительное развитие цепей поставок фуражного зерна, продукции животноводства и садоводства. К примеру, за последние три десятилетия внутренние цепи поставок продукции аквакультуры в Бангладеш

(см. **врезку 4**) выросли в объеме более чем в 25 раз, так как из этой страны экспортируется очень мало рыбы (Hernandez *et al.*, готовится к выпуску). Масштабы роста продовольственных систем, связанных с неосновными продуктами, существенно выше, чем уровень роста цепи поставок продовольствия из сельских районов в городские в целом (при том, что последняя выросла в пять-десять раз). Это обусловлено тем, что темпы изменения состава цепей поставок продовольствия из сельских районов в городские превышают темпы собственно роста цепей. По мере трансформации структуры и технологии рынков цепи поставок удлинились, инфраструктура совершенствовалась и происходило развитие цепей поставок как зерновых, так и незерновых продуктов. Эти изменения в пищевой системе рассматриваются в следующем разделе.

Наконец некоторые данные показывают, что переработанные продукты питания стали неотъемлемым элементом рациона как городского, так и сельского населения Африки и Азии. Как и в случае других изменений, связанных с рационом питания, темпы перемен в Азии несколько выше, чем в Африке, и в городах ситуация меняется быстрее, чем в сельской местности. Однако, судя по всему, и в этом

случае имеется тенденция к сглаживанию различий между регионами. Данные свидетельствуют о том, что представители малоимущих групп населения как в городских, так и в сельских районах Восточной и Южной Африки расходуют две трети своего продовольственного бюджета на закупки значительных объемов переработанных продуктов, как показано в [таблице 5](#) (Tschirley *et al.*, 2015b).

В ходе исследования положения в Восточной и Южной Африке было установлено, что городские домохозяйства выделяют на переработанные продукты 56 процентов расходов на продовольствие, тогда как в сельских районах этот показатель составляет 29 процентов (Tschirley *et al.*, 2015b). Проведенное в Азии исследование (Reardon *et al.*, 2014) показало, что городские домохозяйства тратят на переработанные продукты 73 процента средств, выделяемых на продукты питания, а сельские домохозяйства – 60 процентов. Как и в случае моделей диверсификации, описанных выше, тенденции в городских районах Африки подобны тенденциям в сельских районах Азии и развиваются в аналогичной последовательности. Показатели в этих регионах существенно выросли по сравнению с 1980-ми и 1990-ми годами.

Последствия изменения моделей питания для всеобъемлющих преобразований в сельских районах

Изменения в составе рациона питания и рост потребления переработанных продуктов отражаются на спросе на услуги в сельскохозяйственных районах и малых городах. Необходимость развития, обслуживания и эксплуатации цепей поставок обусловила и стимулировала расширение масштабов несельскохозяйственных услуг в сельских районах и городах – в частности, по упаковке фруктов и овощей, сбору, охлаждению и отгрузке молока, забою животных и распределению мяса, а также сбору и помолу кормовых зерновых. Далее последовало массовое развитие оптовой торговли, сектора перевозок, предприятий по упаковке и переработке, которые обеспечивают ценные возможности для занятости и придают преобразованиям всеобъемлющий характер.

Появление этих видов деятельности создает мультипликаторы занятости в сельских районах и обслуживающих их малых городах. Поскольку такая деятельность связана с незерновыми продуктами, она более трудоемка, чем операции, связанные с зерновыми – как на уровне сельского хозяйства, так и вне его. Соответственно создаются рабочие места

и возрастает охват сельских районов, по крайней мере на первом этапе преобразований. ■

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Детерминанты перемен в фермерских хозяйствах и за их пределами

Преобразования продовольственной системы являются результатом действия "притягивающих" факторов, связанных с урбанизацией и изменением рациона питания, на уровне сбыта и "побуждающих" факторов, возникающих вследствие интенсификации сельскохозяйственного производства и развития рынка производственных ресурсов, на уровне производства. Урбанизация и изменение рациона являются движущей силой всего комплекса преобразований в части спроса, в то время как перемены на рынке производственных факторов и в сфере сельскохозяйственных технологий обуславливают остальные аспекты изменений на уровне производства, то есть в части предложения.

Продовольственная система ([врезка 6](#)) действует как промежуточное звено между сегментами предложения и спроса. Таким образом, факторы, определяющие изменения в "верхнем" и "нижнем" сегментах, сами по себе являются детерминантами преобразования системы. В их число входят повышение доходов, изменения в сфере технологии, изменения в плане занятости потребителей, производителей и работников, ведущие к изменениям в издержках упущенных возможностей, выражающихся в потраченном времени. Помимо этого, существует "притягивающий фактор" спроса, возникающий как положительная реакция на инвестиции в другие компоненты продовольственной системы и преобразование этих компонентов – например, приобретение грузового автомобиля для перевозки помидоров на расширяющиеся городские рынки. Ту же роль играют относящиеся к "верхнему" сегменту "побуждающие" факторы со стороны предложения: увеличение производства томатов заставляет предпринимателей покупать грузовой автотранспорт для их сбора и перевозки. В этом заключается суть межсекторальных связей между производством и потреблением как в "верхнем", так и в "нижнем" сегментах, которые определяют инвестиции в такие отрасли, как оптовая торговля, логистика и переработка, и преобразования этих отраслей.

Наконец существуют факторы, обуславливающие вышеупомянутые связи; эти факторы относятся к контексту и мерам политики и способствуют преобразованиям системы. Это, в частности,

ВРЕЗКА 6

ПРОИЗВОДСТВЕННО-СБЫТОВЫЕ ЦЕПИ: ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПОНЯТИЯ

Продовольственная система включает экосистемы и все виды деятельности, необходимые для производства, переработки, транспортировки и потребления продуктов питания, а также вводимые ресурсы, необходимые для каждого вида деятельности, и продукцию, получаемую в результате каждого из них. Входящие в эту систему **производственно-сбытовые цепи** включают все виды фермерских хозяйств и предприятий, а также осуществляемых ими операций по созданию стоимости, связанных с производством сельскохозяйственного сырья и его превращением в продукцию, которая продается конечным потребителям и утилизируется после использования (ФАО, 2015).

В "верхних" сегментах производственно-сбытовых цепей происходит перемещение вводимых ресурсов в фермерские хозяйства и предприятия рыбного хозяйства; затем продукция проходит по "средним" сегментам, где действуют предприятия оптовой торговли, организации, отвечающие за материально-техническое обеспечение, и перерабатывающие предприятия, и переходит на "нижний" уровень, где через организации розничной торговли и организации-экспортеры попадает к потребителям в регионе, стране или за рубежом. "Несельскохозяйственные компоненты" включают в себя все виды деятельности, не относящиеся к собственно сельскому хозяйству.

Каждая производственно-сбытовая цепь сама по себе является "кластером цепочек" – то есть каждый из сегментов производственно-сбытовой цепи того или иного продукта в свою очередь является конечной точкой производственно-сбытовых цепей, из которых продукт поступает в соответствующий сегмент. Например, удобрение, являющееся вводимым ресурсом для фермерских хозяйств по производству риса, доставляется по "производственно-сбытовой цепи удобрений", которая включает добычу компонентов для удобрения, его производство, сбыт через оптовые предприятия и продажу хозяйству через розничные предприятия. Пример на уровне переработки – оптовая торговля в производственно-сбытовой цепи риса,

которая представляет собой цепь "вводимые ресурсы – предприятия оптовой торговли" и включает производство грузовых автомобилей и строительство складских площадей как вводимых ресурсов для оптовой торговли и продажу этих ресурсов оптовым предприятиям.

Производственно-сбытовая цепь может быть любой длины: она может ограничиваться местным уровнем – например, при поставках от фермы до центра деревни, где она находится; может иметь среднюю длину в случае поставок от фермы до районного центра; возможны длинные "внутренние" цепи от фермы до города, находящегося на значительном расстоянии от нее, или международные производственно-сбытовые цепи (в этом случае они относятся к международной торговле) протяженностью от фермы до некоторого пункта, откуда осуществляется экспорт товара, который попадает в "средний" или "нижний" сегмент в другой стране.

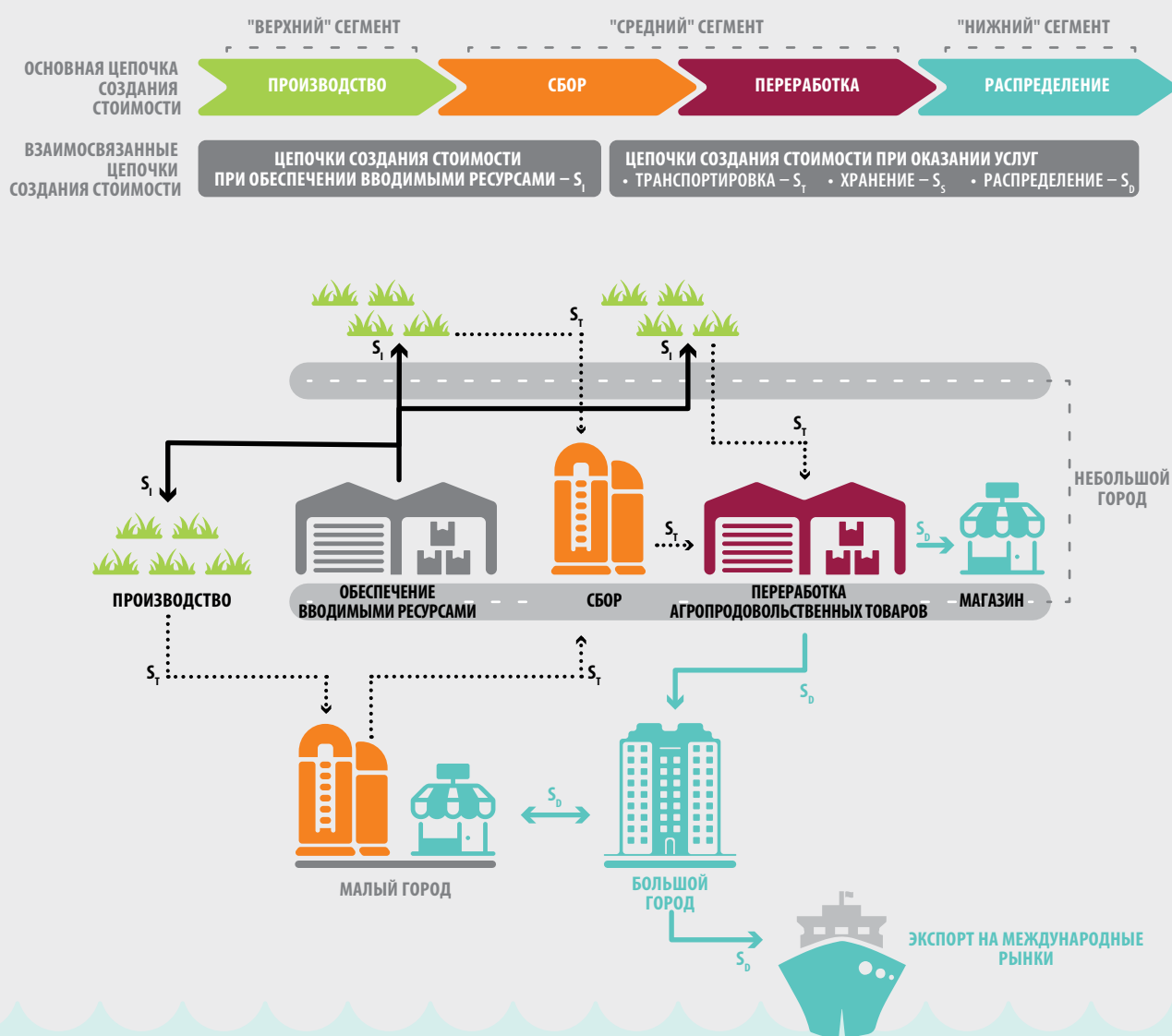
"Пространственное размещение" производственно-сбытовой цепи продукта представляет собой привязку этой цепи к кластеру цепей, сельской территории, малому городу или поселку, большому городу или мегаполису. Например, производственно-сбытовая цепь манго в Индонезии связывает малые города и поселки, которые обеспечивают фермерские хозяйства основной частью относящихся к цепи вводимых ресурсов и услуг; сельские районы, где выращиваются манго; малые города и поселки, где располагается основная база предприятий, осуществляющих перевозки манго, занимающихся брокерским обслуживанием, оптовой торговлей и переработкой; а также промежуточные и основные города, где находятся основные конечные рынки оптовой и розничной торговли манго и магазины, где продается этот фрукт. Воспринимая картину таким образом, можно "картировать" пространственное распределение кластера цепей в секторе производства манго, проанализировать функции в системе производства манго, выполняемые субъектами в сельской местности, малых городах и поселках, и проследить связи между ними.

действия государственного сектора, связанные с развитием инфраструктуры, влияющей на перевозки, с операционными издержками, рисками и исследованиями в области технологий, а также меры политики, направленные на развитие несельскохозяйственных отраслей, которые могут начинаться с прямого вмешательства государственного сектора, с последующей либерализацией и/или приватизацией. Контекстные

факторы включают в себя рост малых городов и поселков, которые создают экономику агломерации, то есть условия, благоприятные для инвестиций в продовольственную систему.

Изменения в рационе питания в сочетании с урбанизацией привели к изменениям в составе продукции сельскохозяйственного производства в относительном выражении с увеличением доли

РИСУНОК 12
ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ, СВЯЗЫВАЮЩИЕ СЕЛЬСКИЕ РАЙОНЫ И МАЛЫЕ ГОРОДА

ИСТОЧНИК: ФАО.

незерновых продуктов и кормового зерна и как следствие – к стремительному развитию цепей поставок как в Африке, так и в Азии. Эта трансформация, в свою очередь, потребовала расширения сектора несельскохозяйственных услуг в сельской местности и в малых городах. Такие услуги как правило сосредоточены в городах, что

способствует дальнейшему повышению значимости малых городов и населенных пунктов в преобразованиях сельских районов (см. рис. 12).

Развитие несельскохозяйственных компонентов продовольственной системы привело к дальнейшим пространственным изменениям, которые важно

учитывать при рассмотрении всеобъемлющей сельской трансформации; эти изменения были обусловлены укреплением связей и интеграцией между сельской местностью и небольшими городскими центрами. К ним относится перенос перерабатывающих и торговых предприятий вначале из фермерского хозяйства в деревню, а затем из деревни в поселок или город. Такие изменения предполагают увеличение потребностей в капитале и рост масштабов, а также перемещение в города с целью более эффективного использования потенциала инвестиций в основные средства, такие как здания и сооружения, в несельскохозяйственных сегментах товаропроводящих цепочек как незерновых пищевых продуктов, так и кормовых зерновых.

Эти изменения в плане инвестиций и местонахождения свидетельствуют о том, что трансформация продовольственной системы проходит в несколько этапов. На первом этапе, который начинается с сельских районов, основной деятельностью является производство зерновых, с мелкими, разрозненными элементами несельскохозяйственной деятельности. Второй этап предполагает распространение в сельских районах мелких несельскохозяйственных предприятий, связанных с цепью поставок, а также диверсификацию продукции. На третьем этапе несельскохозяйственные предприятия переносятся в близлежащие поселки, в то время как деятельность в сельских районах диверсифицируется и становится все более капиталоемкой и механизированной; при этом сокращается число несельскохозяйственных операций, за исключением тех, которые необходимы для немедленной обработки. На практике это указывает на необходимость отдельного анализа структуры сельских и городских районов на каждом из этих этапов и разработки мер политики и программ для каждого из них.

Преобразования за пределами фермерских хозяйств

В настоящее время в продовольственной системе за пределами фермерских хозяйств происходят преобразования пяти основных типов, которые обуславливают всеобъемлющий характер развития сельских районов. Во-первых, это преобразования пространственной структуры системы. Во-вторых, структурные изменения на уровне предложения, в частности, рост значения сегментов, не относящихся к фермерским хозяйствам – то есть "среднего" и "нижнего" сегментов. В-третьих, переход от разрозненной структуры к более консолидированной. В-четвертых, трансформация технологий, используемых в несельскохозяйственных компонентах системы, в целом ведущая к увеличению

отношения затрат капитала к затратам труда. И последняя категория изменений – появление новых требований к коммерческим операциям, стандартам и контрактам после вышеупомянутых преобразований в структуре рынка.

В преобразованиях пространственной структуры продовольственной системы отмечаются две тенденции. Одна из них – структурные изменения с переходом от разрозненных предприятий, расположенных в деревнях, к объединениям предприятий "среднего" и "нижнего" сегментов в городах и вблизи них. Этот процесс связан с быстрым ростом не только больших, но и малых городов, а также поселков. Вторая тенденция – переход от коротких производственно-сбытовых цепей к более длинным с географической точки зрения; эта тенденция связана с урбанизацией.

Увеличение длины цепей поставок из сельских районов в городские также означает, что они будут более уязвимы при климатических и энергетических потрясениях. Устранение этих факторов уязвимости имеет большое значение для обеспечения городов продовольствием, а также для смягчения последствий резкого снижения доходов у сельских поставщиков, которые будут все больше зависеть от сбыта в городских районах. Особенности удлинения производственно-сбытовых цепей во многом связаны с видами продукции, с тем, насколько продукция скоропортящаяся, и с географическим расположением зон производства. Так, овощи обычно поставляются из пунктов "зоны влияния", расположенных на таком расстоянии, что время в пути до города составляет не более 3-4 часов, в то время как расстояние до пунктов, из которых поступает рыба, как правило меньше, особенно в случае продукции аквакультуры, так как она развивается вокруг крупных городов. Однако быстрое развитие индустрии производства замороженной рыбы приводит к тому, что рыба все чаще перевозится на более дальние расстояния (Bai, Zhang and Reardon, 2017). Птицеводческие и свиноводческие хозяйства как правило находятся примерно в тех же "зонах влияния", откуда поставляются овощи, так как на замороженную птицу и свинину по-прежнему приходится относительно небольшая доля потребления. По мере увеличения разнообразия потребляемых фруктов и развития более длинных цепей поставок возможно увеличение среднего расстояния между местом происхождения фруктов и крупными городскими рынками (Qanti, Reardon and Iswariyadi, 2017). С развитием возможностей для отгрузки и хранения переработанных продуктов, таких как молотый рис, пищевые масла и закуски, они стали появляться на субрегиональных рынках.

Структурным изменениям в плане предложения, в результате которых возрастает доля в стоимости

ВРЕЗКА 7

ПРОИЗВОДСТВЕННО-СБЫТОВАЯ ЦЕПЬ КАРТОФЕЛЯ, ПОСТАВЛЯЕМОГО В ДЕЛИ: ОБЩАЯ КАРТИНА

За последние два десятилетия цепи поставок продовольствия в Индии претерпели стремительные преобразования. Современные розничные предприятия повышают объемы сбыта почти на 50 процентов в год и быстро проникают на городские и даже сельские продовольственные рынки (Reardon and Minten, 2012). Например, по оценкам Das Gupta *et al.* (2010), холодильные склады стали играть важную роль во многих аспектах производственно-сбытовой цепи картофеля в округе Агра и в районе между Агрой и Дели. Доля выращивающих картофель фермеров, использующих холодильные склады, выросла с 40 процентов в 2000 году до 95 процентов в 2009 году (Reardon and Minten, 2012). Это позволяет поддерживать работу производственно-сбытовой цепи в межсезонье: если в начале 1990-х годов, когда использовались главным образом традиционные способы хранения, продукция после сбора урожая могла храниться только в течение трех месяцев, то холодильные склады позволяют продлить срок хранения примерно до семи месяцев.

Благодаря холодильным складам фермеры получили возможность выбирать между несколькими видами торговых предприятий, конкурирующих за их картофель, включая предприятия оптовой торговли в Агре, в Дели и посреднические предприятия в сельских районах. Операторы холодильных складов также предоставляют финансовые услуги; так, 60 процентов крупных и малых фермерских хозяйств получают кредиты в виде авансовых платежей, используя картофель, который

помещен или должен быть помещен на хранение, в качестве обеспечения.

Судя по имеющимся данным, быстрое развитие услуг холодильного хранения в округе Агра в плане спроса было обусловлено тем, что выгода фермерских хозяйств, связанная с использованием холодильного хранения, составляет 26 процентов от суммарной выгоды в производственно-сбытовой цепи, тогда как выгода от сельскохозяйственной деятельности как таковой составляет 18 процентов, при этом их расходы на использование холодильных складов составляют всего 19 процентов расходов в цепи. При расчете общей цены картофеля для потребителей расходы и выгоды составляют примерно равные доли. Хранение продукции выгодно для фермеров.

В плане предложения показатели внутренней нормы доходности и внутренней нормы прибыли свидетельствуют о положительных тенденциях. Благодаря высокой обеспеченности картофелем, государственным субсидиям на строительство и расширение холодильных складов, надежно функционирующей энергосети, улучшению состояния подъездных путей в Дели и росту доходов в самом Дели, в районе сложился благоприятный инвестиционный климат. Рост малых городов и улучшение качества дорог способствуют процветанию коммерческого садоводства в районах вблизи Хайдарабада, Бангалора, Ченнаи, Колькаты и Мумбаи. Для развития потенциала в этой области потребуются дальнейшие вложения в энергосети, инфраструктуру водоснабжения и дороги.

"среднего" и "нижнего" сегментов цепей поставок, находящихся вне фермерских хозяйств, трудно дать количественную оценку в разбивке по видам продуктов, потребляемых в каждой стране. Однако есть основания полагать, что эти изменения нарастают и достигли значительных масштабов. Рост "среднего" и "нижнего" сегментов и их доли в экономике производства продовольствия, как представляется, тесно связан с уровнем развития и степенью либерализации экономики (Reardon and Timmer, 2014). Имеется ряд показателей, свидетельствующих о росте доли "среднего" и "нижнего" сегментов в общих объемах.

- ▶ Постепенно снижается доля продуктов для домашнего потребления, производимых в сельских районах; это изменение сопровождается переходом к производству овощей и продуктов животноводства, которые приносят больше прибыли. Фактически это означает развитие услуг

по стимулированию сбыта и материально-техническому снабжению.

- ▶ Стремительно возросла доля городских районов в общем объеме рынка продовольствия. Города растут, и для их обеспечения продовольствием требуются все более длинные цепи поставок, в зависимости от видов продукции и состояния транспортной инфраструктуры. Это обуславливает развитие секторов перевозок и оптовой торговли, необходимых для перемещения пищевых продуктов на большие расстояния. Исследования в ряде стран Африки и Азии показывают, что предприятия оптовой торговли и транспортные компании вкладывают значительные средства в транспорт, складские площади и холодильные установки для риса, манго, картофеля и рыбы – см. [врезки 7 и 8](#).
- ▶ Вывод о постепенном росте доли переработанных продуктов питания в общем объеме потребляемого продовольствия может быть сделан исходя из

ВРЕЗКА 8

УРБАНИЗАЦИЯ, РАЗВИТИЕ РЫБОЛОВСТВА И АКВАКУЛЬТУРЫ

Рыболовство и аквакультура являются важными источниками продовольствия, питательных веществ и доходов и обеспечивают средства к существованию для миллионов людей во всем мире. В 2014 году потребление рыбы на душу населения в мире впервые превысило отметку 20 кг в год и, согласно прогнозам, в ближайшее десятилетие этот показатель продолжит расти (ФАО, 2016а).

Урбанизация и достижение более высоких уровней развития станут одними из основных факторов прогнозируемого глобального увеличения потребления животных белков, включая рыбу, за счет продуктов растительного происхождения. Поэтому в странах с развивающейся экономикой, где растет население и увеличиваются доходы, в следующем десятилетии ожидается стабильный рост рынков рыбы и рыбной продукции (ГЭВУ, 2014). Например, в Китае, как ожидается, к 2025 году спрос на рыбу вырастет до 47 кг на душу населения в год по сравнению с 38 кг в 2013 году (OECD/FAO, 2016).

Развитие городов и промышленности, туризма и транспорта может оказать существенное воздействие на водные экосистемы (например, путем загрязнения) и средства к существованию (например, поставив под угрозу доступ к рыбопромысловым районам и права владения и пользования землей). В число механизмов, направленных на смягчение этих последствий, входят Кодекс ведения ответственного рыболовства (ФАО, 1995) и Добровольные руководящие принципы обеспечения устойчивого маломасштабного рыболовства в контексте продовольственной безопасности и искоренения бедности (ФАО, 2015b). Оба документа ориентированы на обеспечение преференциального доступа к рыбным и земельным ресурсам мелким рыбацким сообществам, в том числе принадлежащим к коренным народам и этническим меньшинствам.

Достижение первой из целей в области устойчивого развития – искоренения крайней нищеты, потребует увеличения инвестиций в городские районы, так как доля населения городских районов, живущего в крайней нищете, растет быстрее, чем население в целом (Ravallion, Chen and Sangraula, 2007). Аквакультура до сих пор была преимущественно характерна для сельских районов, однако в последние десятилетия она развивается в пригородных и городских районах, где играет важную роль в качестве источника средств к существованию, фактора безопасности в сферах продовольствия и питания для многих городских домохозяйств, особенно беднейших. Однако ускорение урбанизации и повышение плотности населения неизбежно приведут к дальнейшим переменам.

Преобразования в сельских районах нередко обуславливают повышение качества продукции и улучшения в области маркетинга, сбыта, холодильной цепи и инфраструктуры и как следствие – наличие более широкого выбора продуктов питания и доступа к ним (ФАО, 2016а). Повышение спроса на рыбу со стороны растущего городского и сельского населения способно стимулировать инвестиции, например, в такие отрасли, как аквакультура и рыболовство в пригородных и городских районах, в том числе рециркуляционные системы аквакультуры и аквапоники. Эффективные связи в производственно-сбытовых цепях позволяют повысить качество работы с рыбопродукцией, контроля потерь рыбы и утилизации отходов за счет оптимизации каналов поставок и перераспределения; обработки свежих продуктов, обеспечивающей возможность их более длительного хранения; и утилизации биоотходов для их инновационного применения. В других случаях, при низком текущем спросе на местном уровне, следует развивать новые рынки для маломасштабного сектора (ГЭВУ, 2014).

высокой доли продуктов как с минимальной, так и с высокой степенью переработки в рационе питания. В плане предложения эта тенденция приводит к расширению предприятий пищевой промышленности внутри стран и выходу на национальные рынки как региональных, так и глобальных иностранных компаний.

- ▶ В развитии розничной торговли в последние несколько десятилетий отмечается две тенденции: значительное увеличение объемов потребления продовольствия вне дома, которое на стороне предложения обуславливает быстрое распространение сетей общепита и ресторанов; и

стремительное распространение супермаркетов в Азии и Африке (Reardon, Timmer and Minten, 2012).

- ▶ Укрупнение структуры производственно-сбытовых цепей в Африке и Азии происходит неравномерно в зависимости от страны и продукта. Первый вариант – постепенное или быстрое объединение сегментов, состоящих из традиционных малых предприятий, за счет внутренних или прямых иностранных инвестиций. Такой подход, в частности, характерен для производства большинства скоропортящихся продуктов: птицы, рыбы, свинины, а также фруктов и овощей. В источниках по Азии приводятся аналогичные примеры относительно овощеводства

(например, Gorton, Sauer and Supatpongkul, 2011 – Таиланд; Moustier, 2009, и Moustier and Dao, 2003 – Вьетнам).

Второй вариант – частичное объединение традиционных маломасштабных фирм по инициативе государственного сектора, когда наряду с малыми предприятиями неформального сектора действует один или несколько полугосударственных субъектов. После роспуска полугосударственных предприятий в период после 1980-х годов их место нередко занимали формальные или неформальные малые предприятия. Следующим этапом было укрупнение по инициативе частного сектора с использованием крупного местного, регионального или международного капитала; результатом этого стало вытеснение, поглощение и в ряде случаев – слияние малых и средних фирм. Примеры такого варианта преобразований можно также найти в большинстве производственно-сбытовых цепей зерновых и бобовых. Следует отметить, что в Азии процесс укрупнения развивается более быстрыми темпами, однако многое свидетельствует о том, что Африка движется в том же направлении.

Четвертый тип преобразований – трансформация технологий, используемых в несельскохозяйственных компонентах продовольственной системы; для этого процесса в целом характерна тенденция к увеличению отношения затрат капитала к затратам труда. Данная тенденция отражается на положении в отношении занятости – например, увеличение объема переработки продукции в Индии привело к распространению малых предприятий, однако сопровождалось повышением капиталоемкости производств и концентрацией капитала.

Наконец, за вышеуказанными преобразованиями (как в структуре рынка, так и в составе секторов, их масштабах и применяемых технологиях) следуют изменения в требованиях к коммерческим операциям, стандартам и контрактам, которые приводят к появлению новых потребностей в "среднем" и "верхнем" сегментах. Такие институциональные и организационные изменения характерны в основном для третьего этапа и происходят по инициативе крупных перерабатывающих предприятий, супермаркетов и предприятий оптовой торговли; они имеют целью координацию работы с поставщиками, снижение затрат и повышение качества и безопасности продуктов питания. Крупные предприятия вносят в свою деятельность соответствующие изменения для того, чтобы конкурировать или действовать в симбиозе друг с другом (либо конкурировать с мелкими разрозненными предприятиями, которые остались от традиционных систем), а также во исполнение требований законов и нормативных документов в сфере безопасности и фитосанитарии.

Последствия изменения продовольственных систем

Развитие в таких сферах, как оптовая торговля, перевозки, упаковка и переработка дает эффект мультипликатора занятости в сельских районах и поселках. Эти виды деятельности – как в фермерских хозяйствах, так и за их пределами – более трудоемки, чем производство и обработка зерновых; соответственно благодаря им появляются рабочие места, а преобразования в сельских районах приобретают более всеобъемлющий характер (см. [врезку 9](#)). Тем не менее со временем их капиталоемкость повышается, что, в частности, становится источником проблем для низкоквалифицированных работников. Изменения имеют и последствия гендерного характера, которые необходимо тщательно оценивать и контролировать. С одной стороны, развитие услуг вне фермерских хозяйств создает возможности трудоустройства для сельских женщин, однако с другой стороны, повышение капиталоемкости цепи и формализация ее сегментов зачастую обостряет гендерную сегрегацию на рынке труда.

Вышеописанные изменения вынуждают субъекты, действующие в "среднем" и "верхнем" сегментах, также соблюдать относительно новые для традиционной продовольственной системы требования. Это прежде всего приводит к ускорению изменений в структуре и пространственном распределении несельскохозяйственных сегментов цепи поставок, таких как сокращение исходного количества малых и средних предприятий. В зависимости от законов о владении и пользовании земельными ресурсами, особенностей аграрных систем и целого ряда других факторов, эти изменения могут привести или не привести к концентрации сельскохозяйственных угодий.

Кроме того, средства, необходимые для инвестирования в вышеперечисленные преобразования, как правило поступают от хозрасчетной деятельности, а не от банков, трейдеров или неформальных кредитных организаций. В случаях, когда фермерам необходимо финансирование из внешних источников, они как правило обращаются к различным компаниям, торгующим вводимыми ресурсами, и обычно занимают слабую позицию на переговорах. Эти особенности нужно учитывать при разработке кредитных схем для преодоления барьеров, с которыми сталкиваются мелкие фермерские хозяйства.

Вышеприведенная информация подчеркивает тот факт, что, для того чтобы обеспечить устойчивость источников средств к существованию жителей сельских районов и сохранить конкурентоспособность сельских предприятий на внутреннем рынке, директивные органы должны задумываться не только

ВРЕЗКА 9 ИНКЛЮЗИВНЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННО-СБЫТОВЫЕ ЦЕПИ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

Экономические, социальные и политические ограничения часто не позволяют сельским женщинам принимать участие в происходящих на селе преобразованиях и в полной мере пользоваться их результатами. Сельским женщинам приходится преодолевать более высокие барьеры, чем мужчинам, если они стремятся стать участниками динамичных рынков и цепей поставок продуктов питания с высокой добавленной стоимостью, а также получить доступ к земле, ресурсам сельскохозяйственного производства и другим производственным ресурсам. Для обеспечения всеобъемлющего характера преобразований в сельских районах необходимы меры политики и инвестиции, направленные на содействие мелким производителям в преодолении рыночных барьеров. Для сельских женщин крайне важны облегчение доступа к производственным ресурсам и активам и контроля над ними, а также возможность участия в процессах принятия решений.

В Афганистане ФАО поддерживает женщин, стремящихся участвовать в более прибыльных рынках и получать от этого выгоду через программу комплексного развития молочной промышленности, осуществляемую в сотрудничестве с Министерством сельского хозяйства, ирригации и животноводства, Международным фондом сельскохозяйственного развития (МФСР) и правительством Италии. Цель этой работы заключается в формировании комплексной производственно-сбытовой цепи с участием мелких производителей. Поддержка включает техническую помощь и материалы, создание кооперативов мелких производителей и центров сбора и охлаждения молока. Кроме того, были построены четыре завода по переработке молока – в Герате, Кабуле, Кундузе и Мазари-Шарифе. Более 4500 домохозяйств – мелких производителей, из них 1540, возглавляемых женщинами, продают излишки молока непосредственно на перерабатывающие предприятия и ежедневно получают доходы, которые становятся прибавкой к семейному бюджету.

Благодаря более широким возможностям контролировать доходы и проходить обучение, женщины могут вкладывать средства и расширять свою производственную деятельность. Кроме того, такие меры позволяют повысить качество питания членов семей, особенно детей, увеличить число мальчиков и девочек, посещающих школы, и упрочить статус женщин в домохозяйствах и сообществах.

ИСТОЧНИК: ФАО, 2015б.

о достижении конкурентоспособности как таковой, но и о придании преобразованиям всеобъемлющего характера. Когда фермеры получают возможность действовать за пределами отдаленных сельских районов, их рыночные возможности расширяются. Из "узкого вопроса для представителей агробизнеса" конкурентоспособность становится центральным вопросом, связанным с преобразованиями в сельских районах. ■

ВЫВОДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ В ОБЛАСТИ ПОЛИТИКИ

В этой главе была рассмотрена роль урбанизации, рациона питания и продовольственных систем в процессе преобразований в сельских районах и были представлены данные, свидетельствующие о том, как изменения во всех трех областях способствуют преобразованиям и определяют их всеобъемлющий характер. В ней была подчеркнута растущая важность малых городов и поселков в продовольственной системе развивающихся стран и рассматривался вопрос, как их роль должна учитываться в стратегиях осуществления всеобъемлющих преобразований в сельских районах. Рынки небольших городских центров часто интегрированы с сельскими рынками на обширной территории сельских районов, на которую могут быть ориентированы меры политики и программы. Охват сельских преобразований будет зависеть от возможностей внутреннего рынка, поскольку большинство продуктов, потребляемых в развивающихся странах, производится внутри этих стран.

Вместе с тем следует обратить внимание на две новые проблемы: i) малые города и поселки являются каналами, через которые поступают переработанные продукты питания; такая ситуация может быть выгодна для потребителей за счет местных мелких производителей; и ii) значительное увеличение разнонаправленных цепей поставок приводит к тому, что сельские районы подвергаются внешним потрясениям и оказываются уязвимыми для них. Из этого следует, что меры по повышению конкурентоспособности должны быть расширены до масштаба территорий, а не сосредоточены на поступающих в продажу продуктах, и должны применяться в комплексе, как единый инструмент для управления рисками и повышения стойкости к внешним воздействиям.

Значение малых городов и поселков для преобразований в сельских районах возрастает в связи с изменениями рациона питания, которые являются движущей силой стремительного развития цепей поставок и таких сфер деятельности, как

оптовая торговля, перевозка, упаковка и переработка продукции. Поскольку эти виды деятельности более трудоемки, они создают эффект мультипликатора занятости в сельских районах и открывают важные перспективы для обеспечения всеобъемлющего характера преобразований в сельской местности.

Однако дальнейший рост капиталоемкости этих отраслей станет источником дополнительных проблем, особенно для низкоквалифицированных работников. Эти проблемы необходимо учитывать

при разработке стратегий развития сельских районов и соответствующих мер политики. В связи с изменениями рациона питания субъекты, действующие в "верхнем" и "среднем" сегментах продовольственной системы, вынуждены выполнять новые, непривычные требования, что ускоряет структурные изменения в несельскохозяйственных сегментах цепи поставок. Эти факторы могут привести или не привести к концентрации сельскохозяйственных угодий – данный вопрос рассматривается в главе 3. ■

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ, ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Международная торговля может оказывать положительное воздействие на развитие сельских районов путем поставок материалов и оборудования, а также удовлетворения спроса на сельскохозяйственную продукцию, который стимулирует рост маломасштабных торговых предприятий и центров переработки продукции в городах. Однако либерализация торговли может привести и к тому, что в городские центры будет поступать импортная продукция, что выгодно для потребителей, но сдерживает ответное развитие отечественного производства в сельских районах.

В последние десятилетия глобализация вышла за рамки торговли вводимыми ресурсами для сельскохозяйственного производства и его продукцией. Переломный момент настал в первой половине 1990-х годов, так как именно к тому времени были сокращены или отменены меры контроля и государственного вмешательства в деятельность товарных рынков во многих развивающихся странах. За этим последовала либерализация рынков капитала; сочетание этих факторов обусловило глубокие изменения на рынках продукции в следующем десятилетии, в частности, реструктуризацию внутренних продовольственных рынков посредством прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (Reardon and Timmer, 2007).

Проблема глобализации заключается в том, что она может ослабить исторические связи между сельским хозяйством, индустриализацией и урбанизацией, которые лежали в основе экономических перемен в

ДАКАР, СЕНЕГАЛ
Международная торговля -
разгрузка азиатского риса с
американского судна
в африканском порту.
©FAO/Marco Longari

прошлом (UNRISD, 2010). Новые связи с зарубежными рынками, возникающие в результате открытия торговли и роста новых глобальных цепей поставок, могут стимулировать усилия по повышению производительности и конкурентоспособности, но могут и ограничить доступ местных производителей на внутренний рынок из-за усиливающейся асимметричной конкуренции со стороны зарубежных производителей. Такая ситуация может отразиться на снабжении продовольствием жителей городских районов, которые могут сделать выбор в пользу дешевых импортных товаров (Losch *et al.*, 2016).

Импорт: вводимые ресурсы и сельскохозяйственные товары

Одним из следствий либерализации рынка является то, что вместе с падением тарифов падает стоимость импортируемых вводимых ресурсов, таких как удобрения и сельхозтехника. Как отмечается в исследовании Anríquez, Foster and Valdés (2017), интеграция Латинской Америки с мировыми рынками в результате односторонних реформ пограничной политики и торговых соглашений сыграла значительную роль в изменении стимулов для фермеров и инвесторов и способствовала изменениям в масштабах и составе сельскохозяйственного производства. Соответствующие изменения в методах ведения сельского хозяйства, структуре растениеводства и деятельности предприятий "нижнего" сегмента повлияли на использование ресурсов. Международная торговля остается одним из основных факторов преобразований в аграрном секторе Латинской Америки, и одним из важнейших результатов этих преобразований стал рост объема торговли.

Одним из последних изменений, связанных с увеличением потребления продукции животноводства, является растущая важность международной торговли кормами для животных. Импорт кормов для животных способствует увеличению объема производства продукции животноводства и снижению ее стоимости для потребителей с низкими доходами; при этом снижается потребность в прямом импорте этой продукции. Этот аспект изменения рациона питания зачастую остается незамеченным: увеличение производства кукурузы и сои в мире способствует обеспечению кормами растущего животноводческого сектора, особенно в развивающихся странах (Vorley and Lançon, 2016).

Например, в Перу в период с 2005 по 2011 годы потребление курятины выросло в среднем на 9,4 процента, а потребление яиц – на 6,8 процента. В настоящее время на птицеводческую промышленность приходится 22 процента сельскохозяйственного ВВП;

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ, ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

непосредственно в этой отрасли заняты 280 000 человек, а косвенно она обеспечивает занятость более 1 млн человек. В 2012 году предприятиями отрасли было потреблено 3,7 млн тонн корма на основе кукурузы; около 40 процентов этого объема было импортировано (Del Pozo-Vergnes and Vorley, 2015). Импорт кормов может иметь чистое положительное воздействие, если позволит высвободить земли для производства более выгодных культур. Так, в Китае импорт сои дал фермерам возможность специализироваться на производстве кукурузы, которая дает более высокие урожаи и более высокую чистую прибыль, чем соя (Vorley and Lançon, 2016).

В этом меняющемся контексте, для того чтобы стимулировать ответную реакцию предложения от производителей внутри стран – как в случае вводимых ресурсов, так и в случае продукции – и оградить производителей от скачков цен на международном рынке, используются ограничения импорта. При реализации некоторых уникальных крупномасштабных инициатив, таких как Повестка дня в области преобразования сельского хозяйства в Нигерии, пограничные меры наряду с другими инструментами используются для стимулирования отечественных производственных и обрабатывающих отраслей. Снятие ограничений на импорт в рамках международных торговых соглашений будет иметь многоплановые последствия для внутренних рынков. Например, эта мера приведет к удешевлению импортируемых кормов и снижению цен на импортируемое мясо и птицу, которые смогут конкурировать с продукцией внутренних производителей, в результате чего многие местные поставщики могут быть вытеснены с рынка.

Найти баланс между требованиями международных торговых соглашений и необходимостью защиты внутренних рынков непросто. Продовольственные системы стремительно развиваются, и в этом процессе директивные органы должны сопоставлять выгоды производителей с убытками для потребителей. Различия между городскими и сельскими районами размываются, и все больше сельских жителей удовлетворяют свои потребности в продовольствии на рынке. Торговые меры, предназначенные для стимулирования внутреннего производства, принесут сельским нетто-потребителям мало пользы, зато могут принести серьезные убытки (Vorley and Lançon, 2016).

Экспорт: перспективы для мелких производителей

Объемы мировой торговли продовольствием кажутся незначительными в сопоставлении с размерами внутренних рынков продовольствия в развивающихся странах. Однако так выглядит ситуация в совокупности – некоторые товары, такие как кофе и какао, обычно производятся для экспортного рынка. Последние рыночные тенденции также создали новые возможности – примеры включают экспорт срезанных цветов из Кении, черники из Чили и квиноа из андских стран.

Международные рынки и внутренние рынки дорогостоящих товаров могут оказаться перспективными для мелких производителей: так, у них может появиться возможность заключать контракты с крупными компаниями – производителями продуктов питания, которые закупают продукцию у малых предприятий сельскохозяйственного сектора. В прошлом десятилетии эта стратегия получила политическую и финансовую поддержку от многих международных агентств развития и неправительственных организаций (НПО). Утверждалось, что выход на рынки частных корпораций стал крупным шагом на пути к решению, лишенному недостатков традиционных стратегий оказания помощи мелким фермерам (IFAD, 2016, стр. 237). В исследовании Ion, Beyard and Sedaca (2014) отмечается, что партнерство с частным сектором наиболее эффективно, когда ориентировано на содействие целым секторам или кластерам. Однако в публикации МФСР (IFAD, 2016, стр. 240) отмечается, что крупные корпорации, заинтересованные в таких партнерских отношениях, "судя по всему, способны привлечь в качестве прямых поставщиков не более 10-20 процентов мелких фермерских хозяйств в мире (от 50 до 100 млн) – во всяком случае в ближайшие 10-20 лет".

Безусловно, внутренние рынки являются основным каналом, через который мелкие фермеры могут получать выгоду от преобразований в сельских районах, вследствие высокого внутреннего спроса; однако это не исключает того, что для определенной категории мелких производителей способом повышения доходов может быть экспорт сельскохозяйственной продукции. Например, в последние годы квиноа, культура, которая в основном производится в Боливии (Многонациональное Государство)

и Перу, стала одним из наиболее востребованных сырьевых товаров; объем международной торговли этой культурой в последние годы растет стремительными темпами. Поставки киноа крайне нестабильны, поскольку этот товар в основном производится фермерами, ведущими натуральное хозяйство. Согласно оценкам, только в Боливии (Многонациональное Государство) насчитывается не менее 70 000 мелких производителей киноа (Furche *et al.*, 2015).

В результате увеличения международного спроса мировое производство киноа увеличилось с 79 000 тонн в 2010 году до 193 000 тонн в 2014 году; это привело к росту цен на эту культуру; часть средств от ее продажи получают фермеры, что позволяет им повышать доходы. Как сообщается в публикации Carimentrand *et al.* (2015), в период с 2007 по 2011 годы отпускные цены в Перу возросли втрое. В публикации Furche *et al.* (2015) описываются производственно-сбытовые цепи киноа на внутреннем и международном рынках с акцентом на роль ассоциаций производителей в увеличении стоимости на различных этапах цепи.

Хотя история киноа обнадеживает, при выходе на международные рынки мелкие производители также оказываются незащищенными от колебаний рынка, которые могут иметь непредсказуемую амплитуду. Например, в работе Filipiński *et al.* (2015) приводится информация о регионе в Марокко, где фактором развития местной экономики является производство шафрана. Цена на шафран на мировом рынке крайне нестабильна; это приводит к ценовым потрясениям, которые существенно влияют на производство шафрана и спрос на него и, в частности, сказываются на заработной плате женщин.

Роль прямых иностранных инвестиций

Инвестиции в инфраструктуру обусловили удлинение цепи поставок и преобразования в ее "среднем" и "нижнем" сегментах. Доступ мелких фермеров к рынкам также зависит от инфраструктуры и расстояния до рынка. В ходе исследования Barrett (2008) было установлено, что расстояние является гораздо более важным фактором, определяющим участие мелких фермеров в рынках, чем меры политики в сфере макроэкономики и торговли. Важную роль также играют прямые иностранные инвестиции и вложения, осуществляемые государственным сектором.

До либерализации политики в отношении прямых иностранных инвестиций в 1990-е годы ПИИ в продовольственную систему были в основном ориентированы на "верхний" сегмент, например, на выращивание бананов на плантациях (Reardon and Timmer, 2007). Важным событием, которое последовало за глобализацией и относительной свободой ПИИ, стал

резкий рост объемов инвестиций, большинство из которых направляются на "нижний" сегмент, то есть на переработку, розничную торговлю и услуги, относящиеся к продуктам питания. Кроме того, благодаря урбанизации стран, соответственно повышению плотности размещения потребителей и улучшениям в распределительной инфраструктуре удалось привлечь ПИИ и внутренние капиталовложения в животноводство, пищевую промышленность, сферу услуг и розничную торговлю.

В конечном счете прямые иностранные инвестиции способствуют глобализации моделей потребления продуктов питания (Hawkes, 2005; Kearney, 2010; Popkin, 1999). Пропорционально росту ПИИ увеличилась доля капиталовложений в продукты питания с высокой степенью обработки для продажи на рынках принимающих стран. Метаанализ исследований, посвященных ПИИ в агробизнес в странах Африки к югу от Сахары (Dentoni and Mitsopoulos, 2013), показал, что подавляющее число инвестиционных проектов относятся к сфере переработки продуктов питания и производства напитков. В исследовании Hawkes (2005) ПИИ считаются более эффективным, чем торговля, средством повышения объема сбыта продуктов питания с высокой степенью обработки.

В сочетании с более эффективными транспортными системами и облегчением доступа для иностранных поставщиков ПИИ способствуют значительному повышению роли импорта в обеспечении продовольствием в целом (Vorley, Fearne and Ray, 2007). Однако частный сектор внутри стран, включая тех, кто оказывает неофициальные услуги по организации питания, быстро учится конкурировать с транснациональными компаниями. Именно этой быстрой реакцией национальных секторов переработки продуктов питания и организации питания на изменение моделей потребления объясняется то, что урбанизация не обязательно ведет к быстрому росту импорта продовольствия.

Внутренние продовольственные рынки играют наиболее важную роль с точки зрения объемов в большинстве развивающихся стран. Именно эту динамику, которая во многом зависит от конкретных условий, следует учитывать директивным органам при разработке таких мер политики в сфере продовольствия и торговли, которые будут способствовать появлению и укреплению конкурентоспособной продовольственной системы внутри стран. В некоторых странах, включая большинство стран Африки к югу от Сахары, для этого потребуются коммерциализация и индустриализация сельского хозяйства и продовольственных систем и применение достижений науки и техники, которые в перспективе обеспечат максимальную производительность (Nassirou Ba, 2016). ■

УНАМИНТ, ГАИТИ

Восстановление дорог в сельской местности способствует укреплению продовольственной безопасности.

©FAO/Luca Tommasini

ГЛАВА 3 КАКОЕ БУДУЩЕЕ ОЖИДАЕТ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕН- НЫЕ СИСТЕМЫ?

Основные тезисы

→ Преобразования в сельских районах приобретают инклюзивный характер при одновременном повышении производительности сельскохозяйственных угодий и труда в аграрном секторе; однако в случаях, когда раздробленность земель приводит к уменьшению среднего размера фермерских хозяйств, необходимо искать компромиссные варианты.

→ Механизация сельского хозяйства способна увеличивать производительность земли и труда даже в небольших фермерских хозяйствах, особенно там, где высоко развиты рынки оборудования или действуют эффективные схемы совместного использования оборудования через фермерские кооперативы.

→ Благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям фермеры получают множество возможностей для покупки вводимых ресурсов, продажи продукции и расширения доступа к информации.

→ В странах с быстрым ростом численности населения и ограниченными перспективами индустриализации созданию рабочих мест для молодежи будет способствовать динамичное расширение возможностей достойной занятости как в сельском хозяйстве, так и в несельскохозяйственных отраслях, например в пищевой промышленности, секторе услуг и агротуризме.

КАКОЕ БУДУЩЕЕ ОЖИДАЕТ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ?

Спрос и обусловленное им развитие производственно-сбытовых цепей, описанные в главе 2, – не единственные условия структурной трансформации и преобразований на селе. Еще одним важным фактором является коммерциализация сельского хозяйства наряду с перестройкой систем земледелия и сельских рынков факторов производства. В странах, где сельское хозяйство является основным источником занятости, рост его производительности является главной движущей силой преобразований. Повышение производительности сельского хозяйства достигается за счет технологических инноваций, изменений в структуре производимой продукции и улучшения доступа к рынкам.

Фермерские хозяйства получают доходы от продажи значительных объемов излишков, что стимулирует спрос на товары и услуги в местной сельской экономике. С этим связаны появления возможностей для трудоустройства в несельскохозяйственных отраслях, перемещение рабочей силы из сельского хозяйства в несельскохозяйственные отрасли и постепенное укрупнение остающихся в аграрном секторе фермерских хозяйств. Указанный процесс невозможен без рынков, на которые можно поставлять излишки продукции, и доступа к ним. В большинстве случаев для их появления необходимо, чтобы сельские районы находились в непосредственной близости от городских центров и с ними существовали связи, обеспечивающие возможности для взаимодействия между аграрным сектором и другими отраслями экономики и коммуникации в обоих направлениях.

Развитие продовольственной системы и цепей поставок обуславливает соответствующие изменения в системах ведения сельского хозяйства. Они происходят как напрямую – через освоение новых методов и технологий производства, так и опосредованно – через изменение рынков факторов производства, которое приводит к перераспределению труда и капитала, а впоследствии также и земельных ресурсов. Кроме того, преобразования сельскохозяйственных систем связаны с изменениями в "верхнем" сегменте цепи поставок, такими как появление технологий, повышающих производительность, и принятие мер политики, способствующих их внедрению. После либерализации

рынков вводимых ресурсов в различных странах более крупные фермы, ведущие коммерческую деятельность, воспользовались доступностью высокопроизводительных ресурсов, включая гибридные сорта сельскохозяйственных культур и качественные семена. Однако мелкие фермеры зачастую остаются в стороне из-за отсутствия мер политики, инфраструктуры и институциональных механизмов, позволяющих им расширять деятельность и облегчающих доступ к технологиям и рынкам. После объединения глобальных рынков вводимых ресурсов агропромышленные фирмы, поставляющие материалы и технологии, могут оказаться незаинтересованными в том, чтобы вкладывать средства в мелкие фермерские хозяйства в малых развивающихся странах. Соответственно необходимы мероприятия в области политики, направленные на устранение сбоев рыночного механизма и удовлетворение потребностей мелких фермеров, в частности, через предоставление таких общественных благ, как консультационные услуги по развитию сельских районов и поддержка коллективных действий фермеров.

Для того чтобы начать и поддерживать процесс преобразований, необходимо устанавливать режимы обмена, стимулирующие устойчивый рост производительности аграрного сектора на благо значительной доли сельского населения. Они зачастую предполагают снижение операционных издержек и повышение отпускных цен, с тем чтобы окупить затраты на вводимые ресурсы, а также укрепление механизмов обмена в цепях поставок, создающих благоприятные условия для участия в сельскохозяйственных цепях поставок мелких хозяйств (Barrett, 2008; Poulton, Kydd and Dorward, 2006; Reardon and Timmer, 2012).

В этой главе рассматриваются четвертый и пятый типы преобразований из перечисленных в главе 2, а именно преобразования сельских рынков производственных факторов и сельскохозяйственных технологий. В ней оценивается их взаимодействие с экономикой агломераций и его последствия с точки зрения производительности сельского хозяйства, охвата сельских районов и экологической устойчивости. Будут проанализированы основные тенденции в области механизации, сельскохозяйственных технологий,

размеров фермерских хозяйств и рынков земли, после чего будут рассмотрены изменения, затрагивающие социальную, институциональную и политическую среду, в которой ведется деятельность фермерских хозяйств, и основные проблемы, требующие решения. В завершение, будет затронут вопрос о том, какие меры политики следует принять для придания преобразованиям сельскохозяйственных систем инклюзивного и устойчивого характера. ■

МЕХАНИЗАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИИ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ

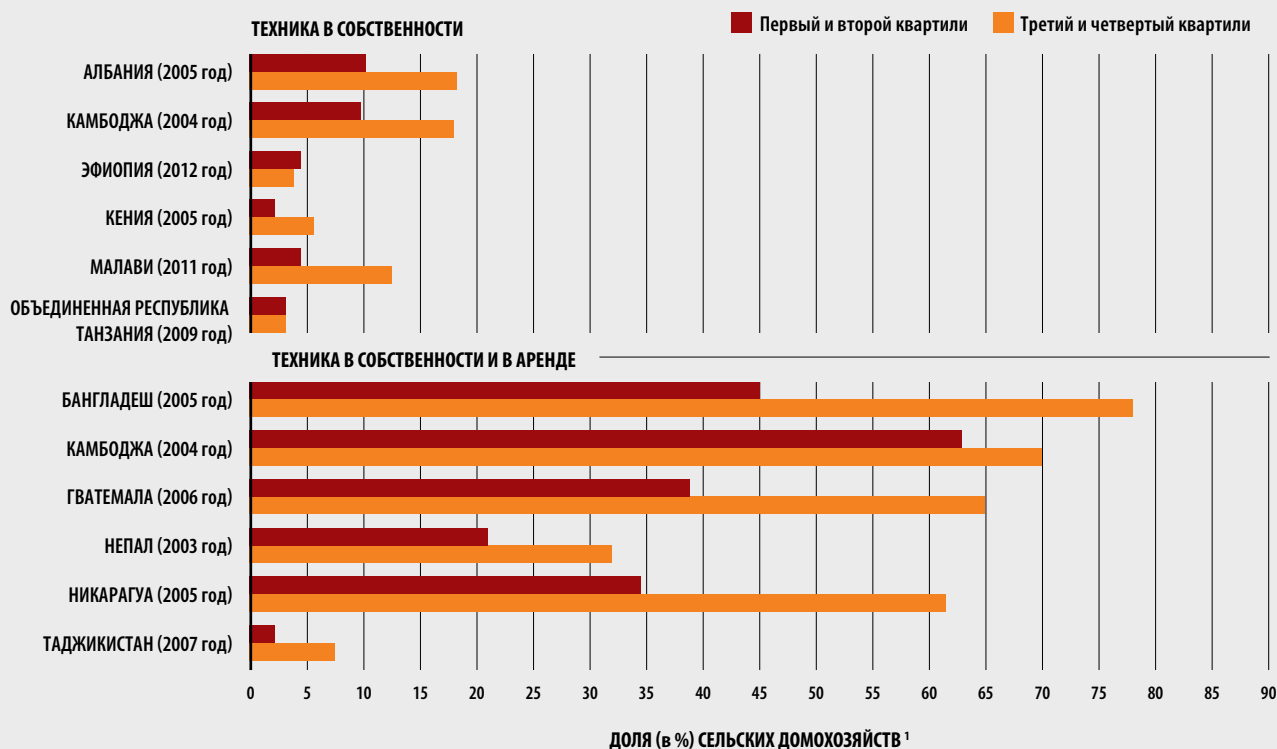
Рост объемов производства сельскохозяйственной продукции и ее диверсификация служат предпосылками для развития пищевой промышленности и соответствующего расширения возможностей трудоустройства и получения доходов в сельской местности. Поскольку нехватка земли является одним из основных факторов, ограничивающих рост производства, повышение показателей производительности сельхозугодий имеет решающее значение. Одним из вариантов решения этой проблемы является устойчивая интенсификация с использованием современных физических ресурсов, например, высокоурожайных сортов и улучшенных комбинаций удобрений, а также ресурсосберегающих методов, таких как смешанное возделывание культур и нулевая обработка почвы. Устойчивого повышения производительности удастся добиться с помощью альтернативных подходов. Одним из них является агроэкология – система, в которой применяются методы, объединяющие научные и традиционные знания (ФАО, 2016с). В большинстве стран Ближнего Востока и Северной Африки, где важнейшим ограничивающим фактором является вода, дальнейший рост производительности в сельском хозяйстве будет зависеть от эффективности использования водных ресурсов и повышения эффективности орошения, которые невозможно обеспечить без вложений в технологии и инфраструктуру.

В этом контексте особое значение приобретает механизация сельского хозяйства, поскольку она повышает производительность других факторов производства, таких как семена, удобрения и вода, и может приводить к повышению производительности труда и земельных ресурсов. Механизация, которая является важнейшим условием перемещения рабочей силы из сельского хозяйства в несельскохозяйственный сектор, стала гораздо более широко применяться во всем мире, особенно в странах, претерпевших стремительные преобразования. Имеющиеся данные (рис. 13) свидетельствуют о том, что механизация больше распространена в хозяйствах, находящихся по размеру в третьем и четвертом квартилях (то есть в крупных хозяйствах), которые имеют более легкий доступ к финансам, необходимым для инвестиций в оборудование. Кроме того, они больше заинтересованы в механизации работ, так как это помогает им увеличивать масштабы деятельности и снижать расходы на оплату труда и контроль на единицу продукции.

Однако механизация может быть выгодна и для мелких фермерских хозяйств. На определенном этапе преобразований затраты на оплату труда в аграрном секторе поднимаются и создается эффект синергии при использовании оборудования и других вводимых ресурсов, что обуславливает интерес к механизации даже со стороны мелких хозяйств. Это, в свою очередь, создает стимулы для развития рынка аренды техники, благодаря которому мелкие производители получают возможность механизировать работы в своих хозяйствах. Данные по Камбодже за 2004 год показывают, что только 20 процентов фермерских хозяйств, где труд механизирован, используют собственную технику; остальные пользуются исключительно арендованным оборудованием (рис. 13). Во многих странах широко распространено совместное использование техники через фермерские кооперативы, от которого выигрывают даже самые мелкие хозяйства. Расширению использования сельскохозяйственных машин и оборудования в значительной степени будет способствовать улучшение их конструкции с учетом потребностей мелких фермеров.

Опыт стран в области механизации зависит от факторов, характерных для конкретных условий, в том числе от достигнутого этапа преобразований в сельских районах и

РИСУНОК 13
УРОВЕНЬ МЕХАНИЗАЦИИ В РАЗБИВКЕ ПО КВАРТИЛЯМ ЗЕМЛИ
И ИСТОЧНИКАМ МЕХАНИЗАЦИИ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

¹ Сельские домохозяйства – это домохозяйства, занимающиеся обработкой сельскохозяйственных земель.

ПРИМЕЧАНИЕ: сопоставление между странами имеет ограниченный масштаб, так как инструменты и оборудование, по которым проводятся расчеты, в разных странах неодинаковы; так, в некоторых странах учитываются только тракторы и водяные насосы, в то время как в других используются данные по другим видам техники.

ИСТОЧНИКИ: Сборник ФАО, составленный с использованием данных правительства Албании, 2005 год; правительства Бангладеш, 2005 год; правительства Гватемалы, 2006 год; правительства Камбоджи, 2004 год; правительства Кении, 2005 год; правительства Непала, 2003 год; правительства Никарагуа, 2005 год; правительства Республики Таджикистан, 2007 год; правительства Объединенной Республики Танзания, 2009 год.

значения стимулирующих мер государственной политики (врезка 10). Следует отметить, что в азиатских странах механизация развивается по инициативе частного сектора, а в Индии государство принимает меры, направленные не на стимулирование освоения той или иной технологии, а на содействие механизации как таковой.

Как сообщается в публикации Poarongsakorn, Pantakua and Wiwatvicha (2017), уровень механизации также варьируется в зависимости от сельскохозяйственных операций и культур. В Таиланде развитие механизации сельского хозяйства началось с использования энергоёмкой техники, такой как ирригационные насосы, мотокультиваторы и молотилки (Thepent and Chamsing, 2009); к началу 2000-х годов в стране были

механизированы все виды сельскохозяйственных работ, связанные с производством риса, сахарного тростника и кукурузы, а также послеуборочной обработкой риса. Тем не менее, сбор урожая некоторых важных культур, таких как маниок, каучук и плоды фруктовых деревьев, механизировать пока не удалось, в основном в связи с техническими и конструктивными проблемами.

Повышение производительности в сельском хозяйстве также объясняется более активным использованием физических ресурсов и наличием доступа к источникам недорогой энергии. Как правило удобрения, пестициды, орошение и семена повышенного качества используются в комплексе; таким образом, за счет синергетического действия агрономических методов обеспечивается

ВРЕЗКА 10

МОДЕЛИ МЕХАНИЗАЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УСЛОВИЙ КОНКРЕТНОЙ СТРАНЫ

В Китае объем использования сельскохозяйственной техники, измеренный в киловаттах, в период с 1985 по 2009 годы вырос в семь раз. С начала 1980-х годов применение малых тракторов стабильно росло и к 2010 году парк этих машин вырос более чем в 20 раз. Начало использования средних и больших тракторов совпало с резким ростом заработной платы в сельском хозяйстве, который начался в середине 2000-х годов. Ускоренной механизации фермерских хозяйств способствовал рост частных служб механизации сельского хозяйства, которые, в частности, предоставляют специализированную рабочую силу и крупные уборочные машины. Таким службам, которых по стране насчитывается десятки тысяч, все чаще заказывают выполнение таких работ, как подготовка почвы и уборка урожая; их работники перемещаются по сельскохозяйственным зонам страны и работают до восьми месяцев в году (Yang *et al.*, 2013).

В Бангладеш, стране с высокой плотностью населения, где фермерские хозяйства имеют небольшие размеры, объемы механизации стремительно растут; процесс в этой стране начался с внедрения техники, адаптированной к условиям страны, такой как дешевые водяные насосы, мотокультиваторы и молотилки, которые легко использовать в мелких хозяйствах. Сегодня аграрный сектор в Бангладеш высоко механизирован, но сельскохозяйственная деятельность остается трудоемкой в силу того, что в хозяйствах главным образом применяется малая техника – например, четырехколесные тракторы составляют лишь 8 процентов от мощности всего парка тракторов (Diao *et al.*, 2014). Кроме того, собственными мотокультиваторами владеют всего 2 процента фермеров в стране, однако используют их 72 процента фермеров, что свидетельствует о наличии рынка аренды (Ahmed *et al.*, 2013).

В Индии был применен другой подход. Наиболее распространенной техникой в этой стране являются средние тракторы (20–40 л.с.); первыми их начали использовать средние и крупные хозяйства. В мелких и малопродуктивных фермерских хозяйствах продолжают

активно использоваться тягловые животные; кроме того, такие хозяйства могут пользоваться услугами аренды тракторов (Kulakarni, 2009). В отличие от Бангладеш, правительство Индии выделяет субсидии на сельскохозяйственную технику, чтобы стимулировать ее применение, но принимает меры к тому, чтобы выбор оборудования был обусловлен спросом, а не субсидиями (Diao *et al.*, 2014).

Интерес к механизации растет и в Африке. Исследование Diao *et al.* (2014) показало, что высокий спрос на сельскохозяйственную продукцию в Гане привел к увеличению площади возделываемых земель, росту числа средних и крупных фермерских хозяйств, а также повышению коэффициента соотношения земли и труда. Эти изменения, наряду с повышением уровня оплаты труда, побудили фермеров задействовать трудосберегающие технологии. Даже в мелких хозяйствах для таких операций, как вспашка, теперь используются тракторы. Частные инвесторы импортируют примерно столько же тракторов, сколько государство. Как и в Индии, приобретение этой техники в собственность наиболее распространено среди средних и крупных фермерских хозяйств. С 2003 года правительство Ганы субсидирует деятельность центров механизированных сельскохозяйственных услуг, модель деятельности которых подобна используемой в Китае. Целью программы является предоставление фермерам недорогого, своевременного доступа к сельскохозяйственной технике, такой как тракторы для подготовки почвы, сеялки для точного посева, штанговые опрыскиватели и насосы для обслуживания сельскохозяйственных культур, а также комбайны для уборки урожая.

Правительство Ганы приобретает технику в странах, которые предоставляют льготные кредиты (Diao *et al.*, 2014). В других африканских странах, таких как Камерун, Демократическая Республика Конго, Мали, Нигерия и Объединенная Республика Танзания, применяются аналогичные меры политики, направленные на поддержку механизации через субсидируемое ценообразование.

максимальная техническая эффективность. Наиболее широко используемым физическим вводимым ресурсом являются удобрения; степень их использования может служить показателем интенсификации производства. Имеющиеся данные указывают на то, что объем используемых

удобрений выше всего в Восточной Азии, где он превышает 300 кг на гектар (га), а ниже всего – в странах Африки к югу от Сахары – менее 10 кг/га; такие отличия объясняются разными темпами преобразований и разной производительностью по регионам (ФАО, 2017с).

В странах Африки к югу от Сахары фермеры как правило работают в очень сложных условиях, в довольно мелких хозяйствах. В связи со слабым развитием сельской инфраструктуры у многих из них нет доступа к средствам сельскохозяйственного производства и технике. Нехватка орошаемых земель делает производство уязвимым для капризов погоды и ограничивает интенсивное использование современных вводимых ресурсов, что приводит к низкой урожайности (Adjognon, Liverpool-Tasie and Reardon, 2017; Filmer and Fox, 2014). Соответственно для повышения производительности сельского хозяйства в регионе необходимы инвестиции в строительство дорог и других объектов инфраструктуры, благодаря которым будет расширен доступ фермеров к приобретаемым ресурсам и улучшенным сортам сельскохозяйственных культур, а также к рынкам продукции. Однако при определении уровня приоритетности инвестиций в инфраструктуру следует учитывать такие факторы, как плотность населения, поскольку совокупные и среднестатистические выгоды от инвестиций будут зависеть от плотности населения районов. ■

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ: ДРОБЛЕНИЕ, УКРУПНЕНИЕ И РЫНКИ

В связи с продолжающимся развитием продовольственных систем и агропромышленности в развивающихся странах, которому была посвящена глава 2, перед мелкими фермерскими хозяйствами встает непростая задача вести торговлю во все усложняющихся условиях, обеспечивать соответствие продукции строгим стандартам и особым количественным требованиям. В данном контексте многое определяется размером фермерских хозяйств, поскольку от него могут зависеть возможности сокращения затрат. Так, по результатам исследования Collier and Dercon (2014), крупные фермерские хозяйства осваивают современные технологии быстрее, чем мелкие, поскольку имеют более широкий доступ к ресурсам и, как следствие, обычно более компетентны в вопросах управления рисками; для мелких производителей важнее оптимизация трудозатрат и использование систем смешанного возделывания культур, пригодных для небольших хозяйств (Rapsomanikis, 2015).

Во всех развивающихся регионах, за исключением Латинской Америки и Карибского бассейна, большинство фермерских хозяйств относятся к категории наиболее мелких, то есть имеют площадь менее 2 га. В 11 странах Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского региона 78 процентов фермерских хозяйств имеют площадь менее 2 га, но при этом они занимают лишь 34 процента

сельскохозяйственных угодий⁹. В Южной Азии более 85 процентов хозяйств имеют площадь менее 2 га, но занимают только 43 процента сельскохозяйственных угодий; на Ближнем Востоке и в Северной Африке на фермерские хозяйства площадью менее 2 га приходится 68 процентов от общего числа хозяйств, но занимают они лишь 11 процентов сельхозугодий (Lowder and Bertini, 2017). В этом разделе рассматриваются тенденции развития фермерских хозяйств среднего размера и распределения сельскохозяйственных земель в развивающихся странах, а также проводится анализ того, в какой степени в настоящее время повторяются преобразования прошлого и каковы их последствия для производительности сельского хозяйства и уровня благосостояния сельских жителей.

Тенденции в распределении фермерских хозяйств по размерам

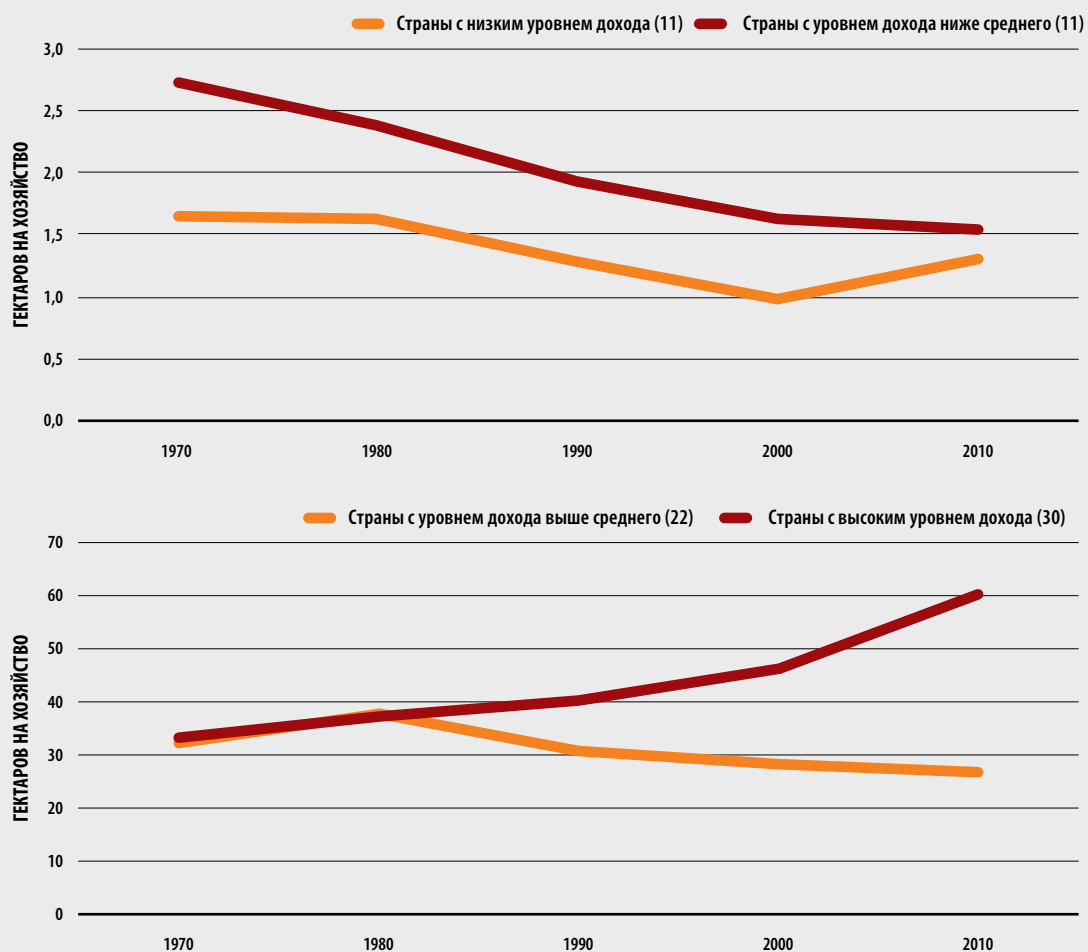
Данные по 74 странам с различным уровнем доходов¹⁰ (рис. 14) свидетельствуют о том, что средний размер хозяйств положительно связан с уровнем доходов – то есть площадь хозяйств больше в странах с высокими доходами и с доходами выше среднего (в 2010-е годы в среднем 27 и 60 га соответственно), где преобразования уже завершились или давно начались, и значительно меньше в странах с низкими доходами и доходами ниже среднего (в 2010-е годы 1,3 и 1,5 га соответственно).

Доля сельскохозяйственных угодий, принадлежащих более крупным хозяйствам, растет параллельно с уровнем доходов. Фермерские хозяйства площадью более 5 га занимают 27 процентов сельскохозяйственных угодий в странах с низкими доходами, 41 процент в странах с доходами ниже среднего, 93 процента в странах с уровнем доходов выше среднего, за исключением Китая, и 98 процентов в странах с высокими доходами. Для небольших хозяйств ситуация обратная: в странах и регионах с низкими доходами на них приходится более значительная доля сельскохозяйственных угодий, чем в странах и регионах с более высоким уровнем доходов (см. подробности в публикации ФАО, 2015а). Этот статистический срез данных подтверждает общепринятый вывод о том, что в процессе преобразований участки

⁹ Данные по распределению сельскохозяйственных угодий в Китае недоступны. С учетом Китая доля мелких хозяйств (менее 2 га) в Азии увеличится. Это объясняется тем, что в 2006 году доля фермерских хозяйств площадью менее 2 га в этой стране превысила 97 процентов от общего числа хозяйств (Tan *et al.*, 2013).

¹⁰ Имеются данные по 30 странам с высоким уровнем доходов, 22 странам с уровнем доходов выше среднего, 11 странам с доходами ниже среднего и 11 странам с низкими доходами. Для классификации стран по уровню доходов использовалась публикация World Bank (2016b).

РИСУНОК 14
ИЗМЕНЕНИЕ СРЕДНЕГО РАЗМЕРА ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ В РАЗБИВКЕ ПО УРОВНЮ ДОХОДОВ, 1970–2010 ГОДЫ

ИСТОЧНИК: Lowder and Bertini, 2017.

небольшой площади объединяются в более крупные землевладения.

На это же указывает динамика в странах с высоким уровнем доходов, где средний размер фермерских хозяйств растет, однако показатели в странах со средним и низким уровнем доходов, где он обычно сокращается, заставляют сделать иной вывод. При этом данные о среднем размере хозяйств в разбивке по уровню доходов стран не показывают значительных различий между регионами, между странами и внутри стран. Средний размер фермерских хозяйств уменьшается, но в 9 из 22

стран с уровнем доходов выше среднего, по которым имеются данные за последнее время, отмечается неравномерная внутренняя динамика. Например, в Мексике средний размер фермерских хозяйств резко снизился с 137 га в 1970-х годах до 20 га в текущем десятилетии, в то время как в Аргентине за этот период он вырос с 404 до 620 га, в Уругвае – с 212 до 365 га, а в Бразилии остался неизменным на уровне около 60-65 га. Данные по странам с уровнем доходов выше среднего в других регионах также отражают разнонаправленную динамику, однако средние размеры фермерских хозяйств в них гораздо меньше и сопоставимы с масштабами

хозяйств в странах с низким уровнем доходов и уровнем доходов ниже среднего.

В период с 1970 по 2000 годы в странах с уровнем доходов ниже среднего и странах с низким уровнем доходов тенденция к уменьшению размеров участков была более выражена, и все же данные показывают, что в период с 2000 по 2010 годы в первых ее развитие замедлилось, а в последних обратилась вспять (рис. 14). Чтобы понять, как система ведения хозяйства меняется в процессе преобразований, необходимо также рассмотреть распределение сельскохозяйственных земель в зависимости от размера участков и динамику в этом отношении в странах, где преобразования начались недавно. Поэтому разбивка по странам позволяет увидеть более подробную картину, в частности, различия между странами с одним и тем же уровнем доходов.

Данные свидетельствуют о том, что в течение последнего десятилетия тенденция к уменьшению среднего размера хозяйств в ряде стран с уровнем доходов ниже среднего преодолена и в настоящее время их размеры остаются стабильными или немного увеличиваются. Данные странового уровня показывают, что в период с 2000 по 2010 годы средний размер фермерского хозяйства вырос в 7 из 12 стран с низким уровнем доходов, по которым имеются данные (Бангладеш, Малави, Мозамбике, Мьянме, Объединенной Республике Танзания, Того и Эфиопии), но продолжал падать в Гаити, Непале, Нигере, Руанде и Уганде. Средний размер фермерских хозяйств вырос в 4 из 11 стран с уровнем доходов ниже среднего, по которым получены данные за последнее время. Это Египет, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Парагвай и Тонга¹¹.

Данные об изменениях в распределении сельскохозяйственных угодий по размерам участков позволяют лучше понять динамику изменения средних размеров хозяйств. При определенных условиях объединение хозяйств происходит одновременно с их дроблением, как следует из публикации Filmer and Fox (2014), где приводятся сведения по Малави, Объединенной Республике Танзания и Уганде. Кроме того, в исследовании Anríquez, Foster and Valdés (2017) на основании данных переписи населения в Перу показано, что мелкие фермерские хозяйства, где ведется натуральное хозяйство, становятся все более раздробленными, в то время как более крупные коммерческие хозяйства растут.

¹¹ В последнее десятилетие сокращение среднего размера фермерских хозяйств продолжилось в следующих странах с уровнем доходов ниже среднего: Индия, Лесото, Никарагуа, Пакистан, Сальвадор, Самоа и Фиджи.

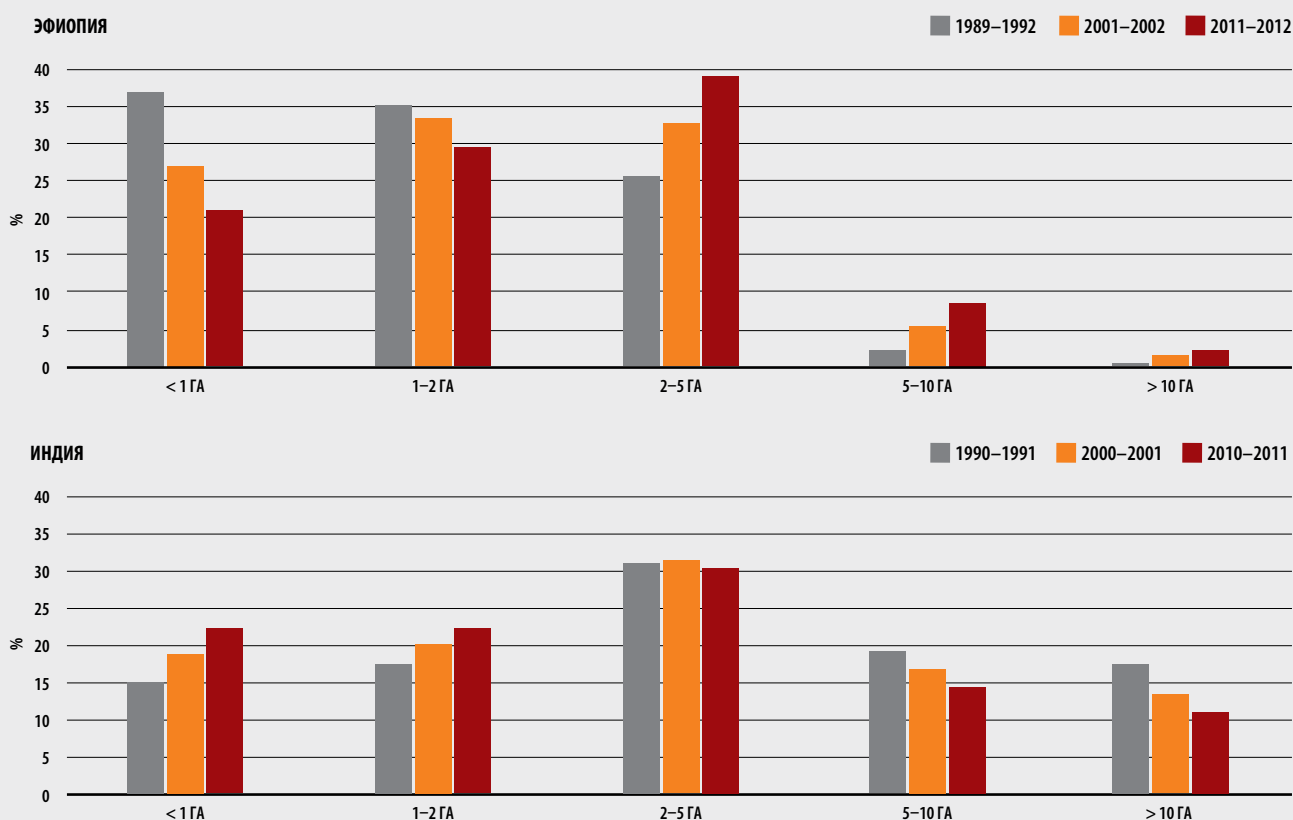
Рисунок 15 иллюстрирует изменения в распределении сельскохозяйственных земель в Эфиопии и Индии в последние два десятилетия. В обеих странах динамика изменения среднего размера фермерских хозяйств совпадает с тенденциями в распределении сельскохозяйственных земель по землевладениям различных размеров; это свидетельствует о том, что в Эфиопии происходит укрупнение фермерских хозяйств, в то время как в Индии сельскохозяйственные угодья становятся все более раздробленными. В 1992 году более 35 процентов сельскохозяйственных угодий в Эфиопии были представлены участками площадью менее 1 га, а 65 процентов – участками менее 2 га. С течением времени ситуация здесь изменилась: заметно выросло число средних фермерских хозяйств (2-10 га) и появились крупные (более 10 га). Динамика изменения количества участков в каждой категории подтверждает, что в Эфиопии действительно идет объединение земельных участков. Если в 1992 году мелкие участки (площадью менее 1 га) составляли 72 процентов от общего числа хозяйств, то в 2002 году их доля снизилась до 63 процентов; участки площадью 2-5 га, на которые в 1992 году приходилось лишь 7 процентов от общего числа землевладений, в 2002 году составили 12 процентов (Federal Democratic Republic of Ethiopia, Central Statistical Agency, 2012)¹².

В Индии наблюдается противоположная тенденция: здесь в 1991 году на хозяйства площадью менее 1 га приходилось всего 15 процентов угодий, а на хозяйства площадью менее 2 га – около 32 процентов. На сегодняшний день эти две категории составляют 22 и 44 процента соответственно, в то время как доля сельскохозяйственных угодий, представленная средними и крупными хозяйствами, сократилась. Данные из Индии за тот же период показывают, что число крупных ферм уменьшилось, а число мелких выросло. Например, доля мелких фермерских хозяйств (площадью менее 1 га) в общем числе участков выросла с 59 процентов в 1991 году до 67 процентов в 2011 году, в то время как доля средних хозяйств (2-5 га) упала с 16 до 12 процентов, а доля крупных хозяйств (более 5 га) – с 6 до 3 процентов (Government of India, 2012).

В Латинской Америке ярким примером одновременного объединения и дробления сельхозугодий служит Перу. С 2005 по 2014 год число мелких ферм, ведущих натуральное хозяйство, в этой стране увеличилось на 25 процентов, а средний размер хозяйств в данной категории сократился с 1 га до 0,75 га. За тот же период количество крупных коммерческих хозяйств выросло почти в три раза, при этом их средний размер пока остается постоянным, на уровне около 9 га (Anríquez, Foster and Valdés, 2017). В целом площадь земли, используемой крупными фермерскими хозяйствами, в

¹² Более актуальные данные о количестве участков в разбивке по размерам фермерских хозяйств для Эфиопии недоступны.

РИСУНОК 15
ИЗМЕНЕНИЕ ДОЛЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В РАЗБИВКЕ ПО РАЗМЕРУ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ЭФИОПИИ И ИНДИИ, 1990-е–2010-е ГОДЫ

ИСТОЧНИКИ: данные Федеральной Демократической Республики Эфиопия, 2012 год; правительства Индии, 2012 год.

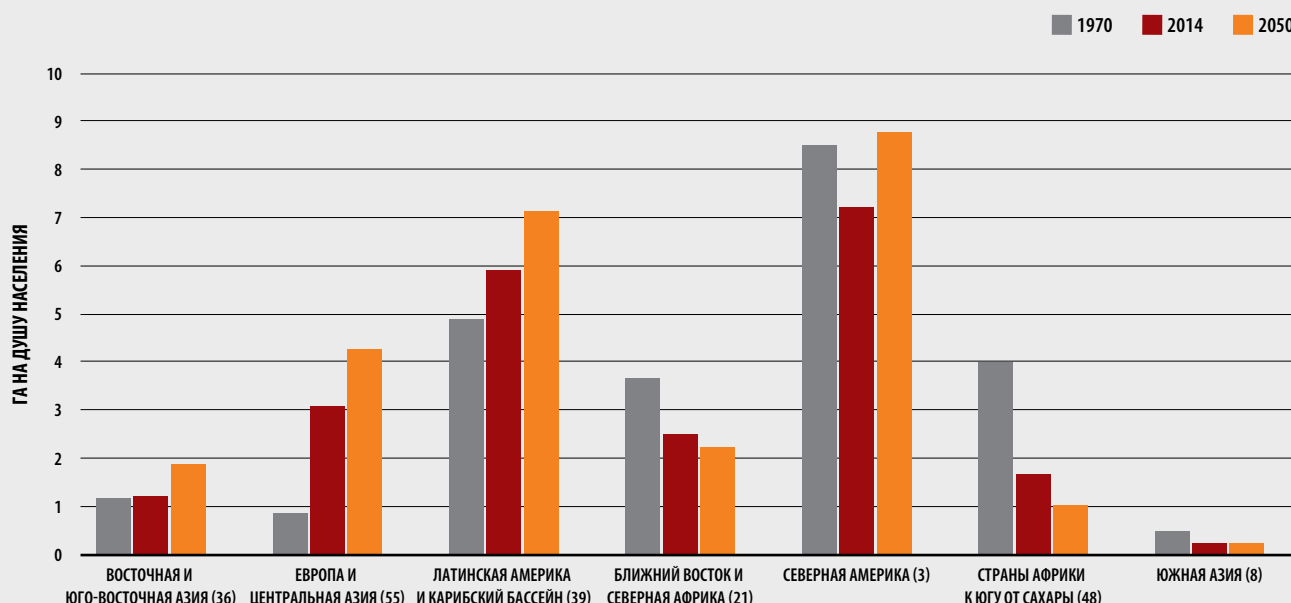
Перу увеличивается, из чего следует, что в долгосрочной перспективе тенденция к объединению участков будет преобладать.

Факторы, определяющие изменение размеров фермерских хозяйств, и последствия их изменения с точки зрения производительности сельского хозяйства и доходов жителей сельских районов

Различия в размерах среднего фермерского хозяйства могут объясняться, в частности, демографическими тенденциями в сельских

районах, такими как рост численности и плотности населения. Именно высоким уровнем плотности населения объясняется меньшая площадь фермерских хозяйств во многих странах Азии, таких как Индия и Пакистан. Демографические тенденции должны учитываться при любой оценке характера изменения распределения сельскохозяйственных земель в будущем, хотя важную роль в таком изменении играют и другие факторы; основной вопрос заключается в том, какова будет численность населения в сельской местности по сравнению с площадью сельскохозяйственных земель, доступных для использования. Как показано на рисунке 16, в 1970-е годы в Северной и Южной Америке было

РИСУНОК 16
ИЗМЕНЕНИЕ ПЛОЩАДИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ДУШУ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РАЗБИВКЕ ПО РЕГИОНАМ, 1970-2050 ГОДЫ

ПРИМЕЧАНИЕ: при допущении, что в 2050 году площадь сельскохозяйственных угодий остается постоянной на уровне 2014 года.

ИСТОЧНИК: расчеты по данным World Bank (2017a).

значительно больше доступных земель на душу населения сельских районов, чем есть в любом другом регионе на сегодняшний день или будет к 2050 году. Учитывая, что в большинстве стран Азии уже сейчас ощущается острый дефицит земельных ресурсов, а наиболее высокие темпы роста численности сельского населения в предстоящие десятилетия ожидаются в странах Африки к югу от Сахары, маловероятно, что средний размер фермерских хозяйств в этих двух регионах сравняется с площадями ферм в Соединенных Штатах Америки, Аргентине и Бразилии.

Увеличение размера фермерских хозяйств в некоторых африканских странах к югу от Сахары, особенно в течение последнего десятилетия, может объясняться тем, что земли приобретают богатые африканцы – в исследовании Jaune and Traub (2016) это явление названо недооцененной

"мегатенденцией". Авторы отмечают, что участки, приобретаемые местными инвесторами, зачастую проживающими в городских районах, по площади превышают земли, которые приобретаются иностранными инвесторами. В Гане, Замбии и Кении площадь участков, используемых средними фермерскими хозяйствами, превышает совокупные размеры крупных землевладений, принадлежащих как зарубежным гражданам, так и жителям указанных стран (Jaune, 2014). Эта тенденция помогает понять причины резкого роста цен на землю в районах с высоким агроэкологическим потенциалом (AGRA, 2016), где в основном сконцентрированы средние фермы и факторные рынки функционируют лучше, чем в других частях Африки (Dillon and Barrett, 2017).

Появление отечественных инвесторов привело к сокращению площадей, доступных для сельской

молодежи, что обусловило увеличение разрыва между землевладениями и отток населения (Jaune, Chamberlin and Headey, 2014). В сочетании с продолжением дробления небольших ферм эта тенденция в будущем приведет к увеличению барьеров для доступа молодых поколений к земельным ресурсам, так как фермы становятся слишком мелкими и нерентабельными, чтобы их можно было разделить между наследниками. Инвесторы, которые скупают новые земли для сельскохозяйственной деятельности, взвинчивают цены на землю, что делает ее слишком дорогой для большей части сельского населения. Следствием этого может стать увеличение миграции. Так, в работе Bezu and Holden (2014) сообщается, что отток сельской молодежи в Южной Эфиопии значительно вырос за последние шесть лет, отчасти вследствие серьезных трудностей, с которыми сталкиваются молодые люди, желающие получить доступ к земельным ресурсам.

В исследовании Filmer and Fox (2014) отмечается, что еще одним фактором, ограничивающим размер фермерских хозяйств во многих странах Африки, является отсутствие механизации. Ввиду дороговизны сельхозтехники и невозможности приобрести ее без привлечения заемных средств большинство мелких фермерских хозяйств в Африке не растут и остаются на площадях, которые можно обрабатывать вручную. Приобретение сельскохозяйственных земель еще более осложняется в связи с повсеместной неопределенностью на рынках земельных ресурсов и неясностью в отношении прав владения и пользования землей, которые определяются нормами обычного права относительно покупки, продажи, аренды, наследования, уступки и залога (World Bank, 2012a). Сталкиваясь с этими трудностями, дети фермеров либо возделывают часть участка, которым изначально владела семья, либо принимают решение уехать из района, где выросли.

Изменения размера и распределения сельскохозяйственных угодий отражаются на производительности сельского хозяйства и сельских районов (врезка 11). Принято считать, что воздействие структурных преобразований на сельскохозяйственные системы заключается в том, что они ведут к укрупнению земельных участков, которым сопровождается переход к специализированным системам и придание сельскому хозяйству коммерческой направленности и, соответственно, к повышению производительности в аграрном секторе. Однако для всестороннего понимания понятия "производительность" следует отдельно рассматривать производительность земельных ресурсов и производительность труда. В ходе

исследования Mikecz and Vos (2016) было установлено, что, несмотря на низкую производительность труда в мелких фермерских хозяйствах, именно в них производительность земель наиболее высока, в то время как в крупных хозяйствах наблюдается обратная зависимость: самая высокая производительность труда при самой низкой производительности земель. Такое взаимовлияние между производительностью труда и земли важно учитывать при оценке влияния изменений в распределении сельскохозяйственных угодий в процессе преобразований на производительность сельского хозяйства.

Взаимозависимость между производительностью земли и производительностью труда и обратная зависимость между производительностью и размером фермерского хозяйства (см. врезку 11) свидетельствует о том, что уменьшение размера фермерского хозяйства не всегда ограничивает производительность, а в некоторых случаях приводит к увеличению объема производства на единицу площади. Определяющими факторами в данном случае является не только исходное распределение сельхозугодий и средняя площадь хозяйств, но и наличие у мелких производителей доступа к производственным ресурсам, рынкам продукции и кредитам, необходимого для осуществления инвестиций и внедрения новых технологий, а также к соответствующим сведениям и знаниям.

Когда мелкие фермерские хозяйства становятся все меньше, раздробленность не позволяет им ориентироваться на рынок и внедрять технологии, необходимые для устойчивого роста производительности, что повышает уязвимость их источников средств к существованию (Rapsomanikis, 2015). В такой ситуации фермерам необходимо объединяться, чтобы выигрывать за счет масштабов и преодолевать барьеры на пути внедрения технологий и интеграции в современные цепи добавленной стоимости. В таких процессах трудно переоценить роль сельских консультационных услуг, а также важность коллективных действий мелких производителей, направленных на увеличение масштабов деятельности.

Производительность также зависит от систем землевладения и землепользования и рынков земли. Результаты ряда исследований указывают на то, что укрепление прав собственности приводит к повышению производительности земельных ресурсов (Deininger and Jin, 2008; Dercon and Ayalew, 2007; Holden, Deininger and Ghebru, 2009). Соответственно необходимо решать вопросы, касающиеся систем владения и

ВРЕЗКА 11

ИЗМЕНЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ И ПЛОЩАДЕЙ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЙ В ПЕРУ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ

С 2005 по 2014 год ВВП на душу населения в Перу рос ежегодно в среднем на 4,8 процента, а добавленная стоимость, создаваемая сельским хозяйством, увеличивалась в среднем на 3,5 процента в год. В Перу изменения демографической ситуации начались позже, чем в других странах Латинской Америки, и, судя по данным, именно с ними связан рост числа лиц, занятых в сельском хозяйстве. Перу – единственная латиноамериканская страна, где темпы роста занятости в сельском хозяйстве выше, чем в несельскохозяйственных секторах, несмотря на быстрое развитие несельскохозяйственных отраслей на селе. Можно предположить, что подобные тенденции характерны и для других стран, запаздывающих с преобразованиями.

В таблице показано развитие фермерских хозяйств различных типов в период с 2005 по 2014 годы. Фермеры, ведущие "натуральное хозяйство", сообщили, что производят продукцию главным образом для собственного потребления, имеют во владении менее 1,5 га земель под культурами и менее 10 голов скота. В хозяйствах "переходного уровня" земля используется для производства товарных культур, однако в их владении находится менее 5 га земель под культурами и менее 10 голов скота. Хозяйства с "коммерческим производством" имеют во владении более 5 га земель под культурами и/или 10 голов скота и учитываются отдельно от хозяйств уровня предприятий, так как представляют собой семейные хозяйства. Хозяйствами уровня "предприятий" управляют руководители, работающие на платной основе, соответственно их деятельность ведется в коммерческих масштабах.

Из таблицы также следует, что перуанские фермы, ведущие натуральное хозяйство, имеют более высокую

производительность на единицу площади, измеренную в доходах, чем другие семейные фермы, однако по сравнению с хозяйствами уровня предприятий их производительность ниже. Этот вывод согласуется с предположением об обратной зависимости между размером и производительностью фермерских хозяйств – темой, которая широко обсуждается в экономической литературе, посвященной вопросам сельского хозяйства¹. В странах и регионах, где аграрный сектор в основном представлен мелкими хозяйствами, а коммерческий сектор развит слабо, мелкие хозяйства действительно более производительны, чем крупные. Однако в странах, где развит коммерческий сектор, таких как Бразилия (Anríquez and Bonomi, 2007), мелкие фермерские хозяйства обгоняют по производительности крупные, но отстают в этом отношении от крупномасштабных коммерческих хозяйств с более высокой капиталоемкостью, чем мелкие хозяйства.

Данные, представленные в таблице, подтверждают предположения, высказанные в литературе: хозяйства, производящие продукцию для собственного потребления, имеют более высокую производительность, измеренную в доходах на единицу сельскохозяйственных угодий, чем хозяйства переходного уровня и коммерческие семейные хозяйства, но не более высокую, чем хозяйства уровня предприятий. Кроме того, средний разрыв в производительности между фермами, где ведется натуральное хозяйство, и хозяйствами переходного уровня сократился, так как первые расширили масштабы производства несельскохозяйственной продукции. В целом приведенные выше данные указывают на растущее значение несельскохозяйственной деятельности в сельских районах Перу.

ИЗМЕНЕНИЕ ТИПОВ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ, ПЕРУ, 2005-2014 ГОДЫ

Виды фермерских хозяйств		Год	Количество респондентов	Общая площадь земельных угодий (га)	Доля продукции, идущей на продажу	Голов скота	Доход фермерского хозяйства на гектар посевной площади (долл, США, по курсу 2014 года)
Семейные фермерские хозяйства	Натуральное хозяйство	2005	931 633	1,0	0,1	2,9	949
		2014	1 170 016	0,7	0,1	2,5	2249
	Переходный уровень	2005	817 712	2,0	0,6	4,5	742
		2014	787 410	2,0	0,6	3,8	1950
	Коммерческое производство	2005	239 148	12,0	0,5	14,4	234
		2014	212 549	17,0	0,5	17,4	365
Предприятие	2005	8726	9,0	0,9	3,9	1292	
	2014	22 020	9,0	0,9	5,4	3699	
Всего	2005	2 002 498	1,5	0,3	5,0	999	
	2014	2 191 996	1,0	0,3	4,4	2556	

ПРИМЕЧАНИЕ: Доход фермерских хозяйств конвертировался по обменному курсу на 2014 год (1 долл, США = 2,84 нового соля), ИСТОЧНИК: Anríquez, Foster and Valdés, 2017, таблица 3.

¹ Обратная зависимость между производительностью и размером хозяйства наблюдалась и подтверждалась в различных контекстах с 1950-х годов, когда впервые был проведен анализ обследований домохозяйств в Индии. См. общие сведения по данной теме в публикации Muyanga and Jayne (2016).

ИСТОЧНИК: Anríquez, Foster and Valdés, 2017.

» пользования земель, безопасности землевладения и землепользования для лиц, являющихся землевладельцами, на основании норм обычного права, неоформленных прав собственности на землю, а также необходимости более тесного сотрудничества между инвесторами и местными фермерами. Однако выгоды от укрепления прав собственности зависят также от конкретных условий и других факторов. Метаанализ, результаты которого приводятся в работе Lawry *et al.* (2017), показал, что оформление прав собственности на земельные участки, ранее принадлежавшие владельцам на основании обычно-правовых норм, привело к повышению объемов инвестиций и приросту производительности в Азии и Латинской Америке, но не имело такого эффекта в странах Африки к югу от Сахары (где большая часть сельскохозяйственных земель находится во владении и собственности на основании норм обычного права). Исследование указывает на то, что существенное значение имеют и другие факторы, такие как кредиты, обеспеченность вводимыми ресурсами и доступ к рынкам продукции. Таким образом, повышение безопасности владения и пользования землей является необходимым, но не достаточным условием для привлечения инвестиций в сельскохозяйственные земли, на что указывают выводы исследования Holden and Ghebru (2016).

По данным исследования Ali *et al.* (2015), прояснение ситуации с правами на землю остается решающим фактором для развития и эффективного функционирования рынков аренды земли и рынков сбыта (врезка 12). Бесперебойное функционирование рынков земли, в свою очередь, является важным фактором структурных преобразований и преобразований в сельских районах. Эффективные рынки продажи и аренды земли обеспечивают фермерам возможность экономии за счет масштаба, тем самым способствуя повышению производительности хозяйств и повышению доходов фермеров, располагающих ограниченными земельными ресурсами, и даже облегчая переход к несельскохозяйственным видам деятельности (Deininger, Hilhorst and Songwe, 2014). ■

ЧТО МЕНЯЕТСЯ ДЛЯ ФЕРМЕРОВ?

Новые посредники в качестве связующих звеньев

Отношения фермеров с посредниками быстро меняются. Например, так произошло в производственно-сбытовой цепи картофеля, который поставляется в Дели из города Агры

(см. врезку 7, стр. 41): холодильные склады, которые в силу целого ряда факторов стали использоваться лишь недавно, функционируют не только как механизм хранения товаров. В работе Reardon and Minten (2012) показано, что фермеры, чьи хозяйства находятся вблизи Агры и пользуются для хранения своей продукции холодильными складами, теперь продают только 10 процентов выращиваемого ими картофеля сельским посредникам непосредственно в хозяйствах и всего 20 процентов – местным посредникам. Почти 60 процентов производимой продукции поступает непосредственно на оптовые рынки в Агре и Дели, минуя местных посредников. Такой отказ от посредничества нехарактерен для традиционной производственно-сбытовой цепи. Отказ от услуг посредников ведет к укорочению товаропроводящих цепей и повышает их эффективность. Подобная картина, то есть "выведение из игры" сельских посредников, покупающих товар с полей, в последнее время наблюдается в целом ряде стран, включая Индонезию (Natawidjaja *et al.*, 2007), Китай (Huang *et al.*, 2007) и Мексику (Berdegue *et al.*, 2006). Распространение сельских оптовых рынков, повышение качества дорог, связывающих сельские районы с городами, и широкое использование мобильных телефонов, которые позволяют фермерам получать дополнительные сведения об альтернативных вариантах, способствуют изменению их отношений с посредниками. Операторы холодильных складов, используемых в цепи поставки картофеля в Дели, также предоставляют фермерам финансовые услуги: так, 60 процентов фермерских хозяйств, как крупных, так и мелких, получают кредиты.

Другие важные для фермеров изменения в странах, которые идут по пути преобразований, включают новые возможности для доступа к источникам финансирования и инвестиций и более активное использование доходов от несельскохозяйственной деятельности как источника средств на приобретение физических вводимых ресурсов, таких как семена и удобрения (см. главу 2). Роль финансирования крайне важна, так как оно позволяет фермерам вкладывать средства в новые технологии, оборудование для орошения и механизации работ. Для крупных фермеров указанные изменения не особо значимы, поскольку они как правило лучше информированы, приобретают вводимые ресурсы на собственные сбережения и могут предоставить обеспечение, которое необходимо банкам, выдающим кредиты на инвестиционные цели. Частные банки обычно выделяют фермерам лишь небольшие суммы, так как их кредитование связано с высокими

ВРЕЗКА 12 ПОСЛЕДНИЕ ТЕНДЕНЦИИ НА РЫНКАХ АРЕНДЫ ЗЕМЛИ

В работе Lowder and Bertini (2017) представлены данные сельскохозяйственных переписей в 26 странах, указывающие на то, что в большинстве стран преобладают землевладения, которыми управляют их владельцы. Доля арендованных участков невелика и составляет от нуля в некоторых странах до 22 процентов в Эфиопии. Тем не менее, судя по имеющимся данным о рынках аренды земли (полные данные о динамике развития этих рынков во всем мире недоступны), эти рынки растут. Так, если в 1988 году доля арендованной земли в Китае составляла всего 1 процент, то к 2008 году она достигла 18 процентов (Jia, 2013).

Последние данные, представленные в исследовании Deininger, Savastano and Xia (2017), свидетельствуют о том, что в шести странах Африки к югу от Сахары рынки

аренды земли более распространены, чем считалось ранее, и в перспективе могут способствовать развитию несельскохозяйственных отраслей в регионе. В ходе исследования Chamberlin and Ricker-Gilbert (2016) было установлено, что сельские рынки аренды земли функционируют более активно в густонаселенном Малави, чем в Замбии, где плотность населения ниже. Кроме того, в ряде стран существуют землевладения, пользование которыми осуществляется одновременно в нескольких правовых режимах. Например, в Бангладеш и Того 40 процентов участков подпадают под категорию находящихся в аренде, в собственности или в пользовании в соответствии с иным правовым режимом (Lowder and Bertini, 2017).

операционными издержками и фермеры не могут предоставить обеспечение. Мелкие производители сталкиваются с особо серьезными трудностями при получении доступа к формальным источникам заемных средств и вынуждены обращаться к местным ростовщикам, которые часто устанавливают обременительные условия и высокие процентные ставки. В докладе Adjognon, Liverpool-Tasie and Reardon (2017) сообщается, что в ряде стран Африки к югу от Сахары фермеры используют на приобретение средств сельскохозяйственного производства доходы от деятельности, не связанной с сельским хозяйством. Однако для многих мелких производителей их едва хватает на покрытие текущих расходов, особенно в районах, где возможности для трудоустройства в секторах, не связанных с сельским хозяйством, ограничены.

В перспективе вакуум, образовавшийся после начавшегося в 1990-е годы упадка системы сельскохозяйственных кредитов, которая играла важную роль в развивающихся странах на протяжении нескольких десятилетий, может быть заполнен в результате развития новых посреднических организаций, непосредственно связанных с фермерскими хозяйствами. Неформальные механизмы финансирования, связанные с меняющимися производственно-сбытовыми цепями, могут стать благом для мелких производителей, при условии, что они не окажутся заложниками единственного источника заемных средств, который будет диктовать им условия. Данные свидетельствуют о том, что ситуация в

сельских районах весьма неоднородна, поскольку мелкие хозяйства находятся на различных этапах преобразований, призванных обеспечить им более широкий доступ к финансовым ресурсам и рынкам. Поскольку в сельской глубинке преобладают взаимосвязанные рынки факторов производства¹³, которые могут устанавливать для фермеров кабальные условия (Lebbe, 2015), улучшение инфраструктуры в сельских районах играет ключевую роль в улучшении доступа фермеров к факторам производства и вводимым ресурсам. Например, исследование Shami (2010) показало, что в Пакистане строительство автомагистрали изменило рыночные позиции арендодателей и малоимущего сельского населения в пользу последних. Ту же функцию может выполнять доступ мелких производителей к социальным сетям, как сообщается в публикации Abay, Kahsay and Berhane (2014), где рассматривается положение в Эфиопии. В Замбии и Кении выход крупных торговых компаний на рынки кукурузы позволяет мелким производителям устанавливать более высокие цены и облегчает их доступ к вводимым ресурсам (см. [врезку 13](#)).

¹³ Взаимосвязанные рынки факторов производства существуют там, где доступ к одному фактору (например, кредитам) зависит от предоставления другого фактора. Наиболее известным примером является долевая аренда, при которой арендатор предлагает арендодателю свой труд в обмен на доступ к земле и кредитам и делит продукцию с арендодателем, обычно на кабальных условиях.

ВРЕЗКА 13

КРУПНООПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ ЗЕРНОВЫМИ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Появление крупных торговых компаний (КТК) открывает перспективы для повышения благосостояния жителей сельских районов Восточной Африки (Jayne *et al.*, 2010). В Замбии доля кукурузы, которую фермерские хозяйства продают КТК, с 2012 по 2015 год выросла в четыре раза – с 3 до 12 процентов от общего объема продаж кукурузы; в Кении продажи крупным торговым компаниям выросли с практически нулевого уровня в 2004 году до 37 процентов всего объема продаваемой кукурузы в 2014 году.

При продаже кукурузы КТК фермеры в Кении выручают на 3,6 процента больше, а в Замбии – на 4,9 процента больше, чем при ее продаже по традиционным каналам сбыта. Однако продажи крупным компаниям не всегда обеспечивают фермерам ценовое преимущество. В Объединенной Республике Танзания, где КТК в 2016 году закупили 34 процента от объема продаваемой кукурузы, цена за килограмм, которую они устанавливали для фермеров, была примерно на 5,7 процента ниже.

Изначально крупным торговым компаниям интересны средние и крупные фермерские хозяйства, но со временем они занимают прочное положение в соответствующем районе, и тогда даже мелкие хозяйства предпочитают их другим покупателям. Для координации работы цепей поставок большинство КТК в Восточной Африке заключают договоры с перерабатывающими предприятиями в "верхнем" сегменте и с мелкими торговыми предприятиями в "нижнем" сегменте – это серьезный шаг, позволяющий отойти от традиционных для рынков зерновых механизмов, предполагающих немедленную поставку и оплату товара. Кроме того, КТК все чаще оказывают мелким производителям услуги, в том числе по распространению передового сельскохозяйственного

опыта, предоставлению информации о ценах и выдаче кредитов для приобретения вводимых ресурсов.

Роль КТК в Восточной Африке меняется, и параллельно с этим происходят другие важные преобразования в сегментах региональных продовольственных систем, относящихся к спросу и производству. Рост крупномасштабной торговли объясняется быстрым и устойчивым ростом спроса как на внутренних, так и на региональных экспортных рынках, а также меняющимися условиями поставок, в частности, ростом производства в секторе средних фермерских хозяйств.

В докладе Sitko *et al.* (2017) особое внимание обращается на следующий важный вопрос в сфере политики: как эффективно использовать преимущества роста инвестиций в рынки зерна со стороны КТК и при этом регулировать риски убытков, связанные с позициями на рынке и ограниченным присутствием на рынке фермеров с низким уровнем доходов. В публикации приводятся четыре возможные ответные меры политики: стимулирование конкуренции между торговыми компаниями внутри стран (например, путем регулирования запасов зерна с помощью товарных квотаций или законов о движимом залоговом имуществе); поддержка горизонтальных структур сбора продукции, позволяющих небольшим фермерским хозяйствам, которые производят ограниченное количество излишков, эффективно получать доступ к координируемым КТК каналам сбыта и продавать продукцию через эти каналы; введение мер политики, позволяющих повышать предсказуемость цен на зерновые; и разработка инновационных финансовых инструментов для покрытия рисков и расходов, которые несут КТК при предоставлении кредитов и других услуг мелким производителям.

ИСТОЧНИК: Sitko *et al.*, 2017.

Услуги по распространению передового сельскохозяйственного опыта и консультированию в области развития сельских районов

Роль услуг по распространению передового сельскохозяйственного опыта и консультационных услуг в области развития сельских районов (КУРС) в развивающихся странах значительно изменилась по сравнению с 1980-ми годами, что объясняется сокращением государственного финансирования,

повышенной сложностью сельскохозяйственных систем и ландшафтов и происходящей в настоящее время коммерциализацией сельского хозяйства. Во многих странах раньше применялись традиционные системы оказания услуг по распространению передового сельскохозяйственного опыта и консультированию в области развития сельских районов, которые были построены по принципу "сверху вниз", контролировались государством и были ориентированы на производство и передачу технологий; в последнее время на смену им пришли подходы, предполагающие широкое участие сторон.

Они ориентированы на расширение прав и возможностей фермеров, стимулирование и поддержку инновационной деятельности путем укрепления связей между фермерами и другими заинтересованными сторонами, способствуют укреплению предпринимательского духа, активизации организационного развития и улучшению доступа к ресурсам и кредиту. В настоящее время круг ведения систем оказания услуг по распространению передового сельскохозяйственного опыта и консультированию в области развития сельских районов включает в себя такие вопросы, как продовольственная безопасность, адаптация к изменению климата, питание, гендерные вопросы и здоровье.

Фермеры получают услуги по развитию сельских районов из целого ряда источников, включая субъекты государственного сектора, частные структуры, организации гражданского общества и НПО. Значение государственных систем оказания услуг по распространению передового сельскохозяйственного опыта в большинстве стран снизилось в силу бюджетных сокращений и слабости институтов. Последние данные по выборке из десяти стран показывают, что государственными услугами по распространению передового сельскохозяйственного опыта охвачены в лучшем случае не более 25 процентов, а в некоторых случаях менее 10 процентов фермеров (ФАО, 2015а). Таким образом, большинство фермеров черпают информацию главным образом из других источников – это могут быть другие фермеры, продавцы вводимых ресурсов, радио, телевидение, Интернет и мобильные телефоны (Bitzer *et al.*, 2016).

В публикации Gómez, Mueller and Wheeler (2016) представлены результаты обследования более чем 100 организаций, предоставляющих консультационные услуги мелким фермерским хозяйствам в 42 странах¹⁴. Исследование охватывало различные типы организаций, включая частные предприятия (52 процента), НПО (31 процент), фермерские организации (7 процентов) и социальные предприятия (5 процентов); в нем были рассмотрены их роли в производственно-сбытовой цепи в разбивке по типам организационной структуры (рис. 17). Из организаций, включенных в выборку, 84 процента сообщили, что их клиентура включает фермерские хозяйства площадью менее 2 га.

Результаты обследования показывают соотношение между основной ролью структуры, оказывающей услуги по распространению передового

сельскохозяйственного опыта, в производственно-сбытовой цепи и результативностью ее работы. Так, организации, принадлежащие к "нижнему" сегменту, которые содействуют хозяйствам в сбыте сельскохозяйственной продукции перерабатывающим предприятиям и конечным потребителям, более эффективно достигают целей, связанных с качеством продукции, в то время как организации "верхнего" сегмента, которые занимаются поставкой вводимых ресурсов, более успешно решают задачи, связанные с освоением технологий. Организации, которые оказывают субъектам в производственно-сбытовой цепи внешнюю поддержку путем консультирования и сертификации, успешно решают весь комплекс задач, независимо от того, в каком сегменте они находятся.

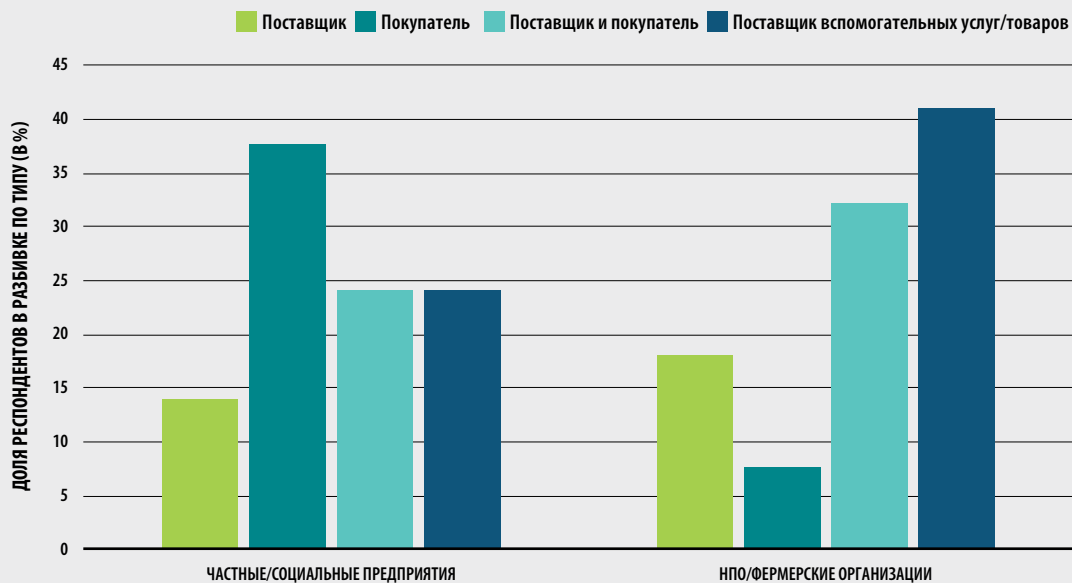
В исследовании Gómez, Mueller and Wheeler (2016) также отмечается, что организации, финансирование и деятельность которых в основном контролируются частными структурами, чаще используют новаторские подходы к работе по распространению передового опыта и активнее стимулируют использование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и таких механизмов, как сети "фермер-покупатель" и "фермер-фермер". С другой стороны, подход НПО к такой работе гораздо чаще ориентирован на решение задач в области социального развития; им удается положительно влиять на представителей маргинальных групп населения и стимулировать освоение технологий, однако они не настолько успешно решают задачи по улучшению доступа к рынкам.

В последние десятилетия появляются разнообразные подходы к оказанию услуг по распространению передового сельскохозяйственного опыта и консультированию по вопросам сельского хозяйства, однако эта тенденция не должна восприниматься как прекращение существования государственных систем, решающих соответствующие задачи. Такая ситуация позволяет направлять ограниченные государственные ресурсы на деятельность, дополняющую услуги частных организаций, например, на то, чтобы доносить информацию до конкретных хозяйств или координировать роли различных субъектов. Правительства должны принимать меры к тому, чтобы консультационные услуги, предоставляемые частным сектором и организациями гражданского общества, оказывались квалифицированно и имели практическую направленность не только в своих технических аспектах, но и с экономической и социальной точки зрения. Государство играет особую роль в удовлетворении потребностей мелких фермерских хозяйств, поскольку частный сектор не всегда может удовлетворить эти потребности. В этой связи особенно важна государственная поддержка формирования организаций производителей,

¹⁴ В исследовании Gómez, Mueller and Wheeler (2016) представлена более репрезентативная выборка по Африке, так как 72 процента респондентов в этом случае находились в Африке, 17 процентов в Латинской Америке и только 9 процентов – в Азии.

РИСУНОК 17

ВИДЫ СВЯЗАННЫХ С ЦЕПЬЮ ПОСТАВОК КОНСУЛЬТАЦИОННЫХ УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ЧАСТНЫМИ/СОЦИАЛЬНЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ И НПО/ФЕРМЕРСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

ПРИМЕЧАНИЕ: по данным, полученным из 42 развивающихся стран.

ИСТОЧНИК: Gómez, Mueller and Wheeler, 2016.

закрывающаяся в оказании услуг и привлечении внимания к проблемам фермеров. Таким образом, консультационные услуги становятся в большей мере ориентированными на конкретные потребности (ФАО, 2015a).

Учитывая многообразие применяемых в настоящее время подходов в этой сфере, важно понять, какую именно структуру целесообразно привлекать к оказанию консультационных услуг хозяйствам различных категорий. Например, в категорию мелких хозяйств входят, с одной стороны, производители, которые полностью ориентированы на рынок, являются активными субъектами производственно-сбытовых цепей и имеют прочные контакты с поставщиками вводимых ресурсов, а с другой – крайне уязвимые фермы, ведущие натуральное хозяйство, находящиеся в отдаленных сельских районах, имеющие крайне мало связей с городскими рынками или совершенно не имеющие таких связей и практически лишенные доступа к ресурсам и технологиям. Потребности фермеров в значительной степени зависят от того, к какой части этого диапазона они принадлежат. Без эффективной координации

разнообразных систем консультирования они окажутся неэффективными. Кроме того, в связи со снижением значения государственного сектора в системе услуг по распространению передового сельскохозяйственного опыта возникает вопрос о том, кто должен оплачивать эти услуги. Если коммерческие фермерские хозяйства могут покрыть расходы на консультационные услуги за счет производства продукции с высокой добавленной стоимостью, то фермы, ведущие натуральное хозяйство, и мелкие хозяйства, чья деятельность носит полукommerческий характер, нуждаются во внешней поддержке.

Потенциал информационно-коммуникационных технологий

Оказание услуг по распространению передового сельскохозяйственного опыта в очной форме и отношения с покупателями, подразумевающие непосредственный, очный контакт все чаще дополняются – а иногда и заменяются – передачей информации с помощью современных ИКТ. В частности, в Индии группа частных предприятий – производителей продуктов питания предоставляет

ВРЕЗКА 14 ЧАСТНЫЕ КОНСУЛЬТАЦИОННЫЕ УСЛУГИ В ИНДИИ

Инициатива группы частных предприятий – производителей продуктов питания e-Choupal реализуется с целью установить непосредственный контакт между компанией и фермерскими хозяйствами в целях координации поставок производственных ресурсов и закупки продукции, такой как соя, пшеница, кофе и креветки.

Начиная с 2000 года, компания устанавливает в деревнях компьютеры с доступом к Интернету для передачи в реальном времени информации и адаптированных под конкретные потребности знаний, которые помогают фермерам регулировать производство в зависимости от рыночного спроса и потребительского сегмента. Эти меры помогают фермерам повышать качество продукции и устанавливать наиболее выгодные цены на свою продукцию. Система позволяет фермерам получать доступ к ресурсам более высокого качества по более низкой цене. Она создает прямой канал сбыта, который позволяет отказаться от расходов на посреднические услуги и обработку продукции, снижает операционные издержки и повышает эффективность работы по материально-техническому снабжению. E-Choupal позволяет идентифицировать продукты различных типов при их перемещении по цепи поставок "от поля до тарелки".

Для покрытия расходов на деятельность платформы e-Choupal применяются различные модели, такие как плата за обслуживание, передача части прибыли от сбыта продукции и включение издержек в цену при заключении сделок. Фермеры платят символический регистрационный взнос.

ИСТОЧНИКИ: Goyal, 2010; Singh, Shahi and Singh, 2016.

По данным ARAARI, 2014.

доступ к Интернету жителям сельских районов, с тем чтобы обеспечить фермерам возможность вести переговоры по ценам на их продукцию (врезка 14).

Во многих развивающихся странах инвестиции в инфраструктуру остаются низкими, однако в последние два десятилетия стремительно расширяется охват населения сотовой связью и растет число пользователей сотовых телефонов. Например, в 1999 году в странах Африки к югу от Сахары сотовые сети обеспечивали охват всего 10 процентов населения, тогда как сегодня этот показатель составляет более 90 процентов. Данные

о фактическом количестве абонентов показывают, что в настоящее время в Африке к югу от Сахары сотовой связью пользуются 42 процента населения, и, как ожидается, к 2020 году этот показатель превысит 50 процентов (GSMA, 2016). В развивающихся странах в целом в 2016 году сотовой связью пользовались 59 процентов населения, и согласно прогнозам, к 2020 году этот показатель составит 70 процентов (GSMA, 2016).

Мобильные телефоны фактически сокращают расстояние между отдельными мелкими хозяйствами и другими субъектами, осуществляющими переработку, транспортировку, стимулирование сбыта и регулирование продукции фермерских хозяйств (Conway, 2016). По мере распространения систем широкополосной связи третьего поколения (3G) в сельской местности население перестает пользоваться самыми простыми мобильными телефонами с функциями передачи и приема голосовых и текстовых сообщений и переходит на устройства, которые поддерживают такие медиаформаты, как изображения и видео, и с помощью которых можно подключиться к Интернету (FAO, 2013b). В период с 2011 по 2015 годы доля населения, охваченного сетями, основанными на технологии 3G, резко увеличилась с 45 до 69 процентов, при этом в Африке широкополосные сети распространяются медленнее: здесь охват ниже 20 процентов (FAO & ITU, 2016). Число пользователей мобильных телефонов растет, вызывая необходимость адаптации информационных услуг. Так, в Индии с 2004 года действует телефонный справочный центр Kisan, находящийся в ведении национального правительства; его сотрудники отвечают на вопросы фермеров на местных диалектах. С 2013 года работает государственный портал M-Kisan, онлайн-служба, через которую фермерам предоставляется информация с учетом местной специфики (FAO & ITU, 2016).

Как самые простые, так и более сложные мобильные телефоны позволяют фермерам консультироваться с другими фермерами или находить решения с использованием других источников информации. В Шри-Ланке создана виртуальная торговая площадка FarmerNet, с помощью которой покупатели продукции и фермеры могут связываться друг с другом через обмен текстовыми сообщениями (FAO & ITU, 2016). Мобильные телефоны могут также ускорять поставки вводимых ресурсов с помощью электронных ваучеров и служб, позволяющих отслеживать запасы в реальном времени. Так, в Нигерии начала действовать программа "электронный кошелек", с помощью которой ваучеры на покупку семян и удобрений доставляются непосредственно на мобильные телефоны фермеров. Недавно функционал платформы был расширен за счет включения в него других услуг, таких как доставка ваучеров на пищевые добавки (Adesina, 2016). В Кении действует экспериментальная программа Kilimo Salama ("безопасное сельское хозяйство"), которая позволяет с

помощью метеорологических станций выявлять избыточное и недостаточное количество осадков и отправлять пособия пострадавшим фермерам через службу мобильного перевода денежных средств M-Pesa (FAO & ITU, 2016). В ближайшем будущем такие системы смогут обеспечить платформу для обеспечения связи с миллионами мелких хозяйств в субсахарской Африке, которые ранее находились вне зоны доступа. Кроме того, с помощью ИКТ можно обеспечивать более своевременный и эффективный доступ к местным источникам заемных средств.

Городские агломерации и их влияние на сельское хозяйство

Темпы урбанизации нарастают, ускоряется рост малых городов и поселков, и со временем многие фермерские хозяйства будут располагаться ближе к городским районам. Экономические перемены, с которыми сталкиваются фермеры в пригородах, заставят их перестраиваться и в то же время станут источником возможностей и благ для тех, кто будет идти в ногу со временем. Благодаря росту городского населения фермеры смогут выращивать новые культуры и находить новые способы их сбыта, в частности, через местные городские рынки. Близость к городским центрам также обеспечивает более легкий доступ к рабочей силе, которую можно нанимать на сезонные работы или на условиях частичной занятости, что особенно необходимо во время сбора урожая высокотоварных культур. В странах с высоким уровнем доходов одним из факторов, благодаря которым хозяйства, расположенные поблизости от городских районов, смогли освоить производство высокотоварных культур, стала доступность местной рабочей силы в периоды пиковой нагрузки (Jordan, 1989).

Кроме того, близость к городским центрам расширяет возможности несельскохозяйственной занятости, что позволяет фермерским домохозяйствам получать дополнительные доходы. Во многих развитых странах близость ферм к городским центрам позволила горожанам заниматься сельскохозяйственной деятельностью на условиях неполной занятости; это же явление распространяется в некоторых районах Африки (Yeboah and Jayne, 2016). Близость к городам усиливает конкуренцию за землю для несельскохозяйственного коммерческого использования или развития городов, что увеличивает стоимость сельскохозяйственных земель, особенно вокруг крупных городов. Это может быть положительно воспринято мелкими фермерами, желающими продать свои участки и переключиться на несельскохозяйственные виды деятельности, но может помешать объединению земельных участков, так как ведет к увеличению издержек крупных хозяйств, которые стремятся расширить свою деятельность.

Следствием урбанизации становится повышенный спрос на скоропортящиеся и высокотоварные культуры местного производства, такие как овощи, от продажи которых фермеры могут получить доход, зависящий от востребованности продукции горожанами. По мере роста размеров городской агломерации могут увеличиваться и площади, выделяемые под пригородное садоводство и городское сельское хозяйство (De Bon, Parrot and Moustier, 2010). Поскольку производство овощной продукции как правило представляет собой трудоемкий процесс, оно способствует созданию рабочих мест (Midmore and Jansen, 2003). В то же время сельскохозяйственные предприятия, находящиеся на окраинах городских районов, могут сталкиваться с жесткой конкуренцией за воду, которая становится все более дефицитным ресурсом во многих частях света. Интенсификация сельскохозяйственных систем, которая стала распространенным явлением во многих регионах мира, особенно в непосредственной близости от городских центров, понижает экологическую устойчивость сельского хозяйства (см. "Крупным планом: проблемы, связанные с окружающей средой и природными ресурсами", стр. 76).

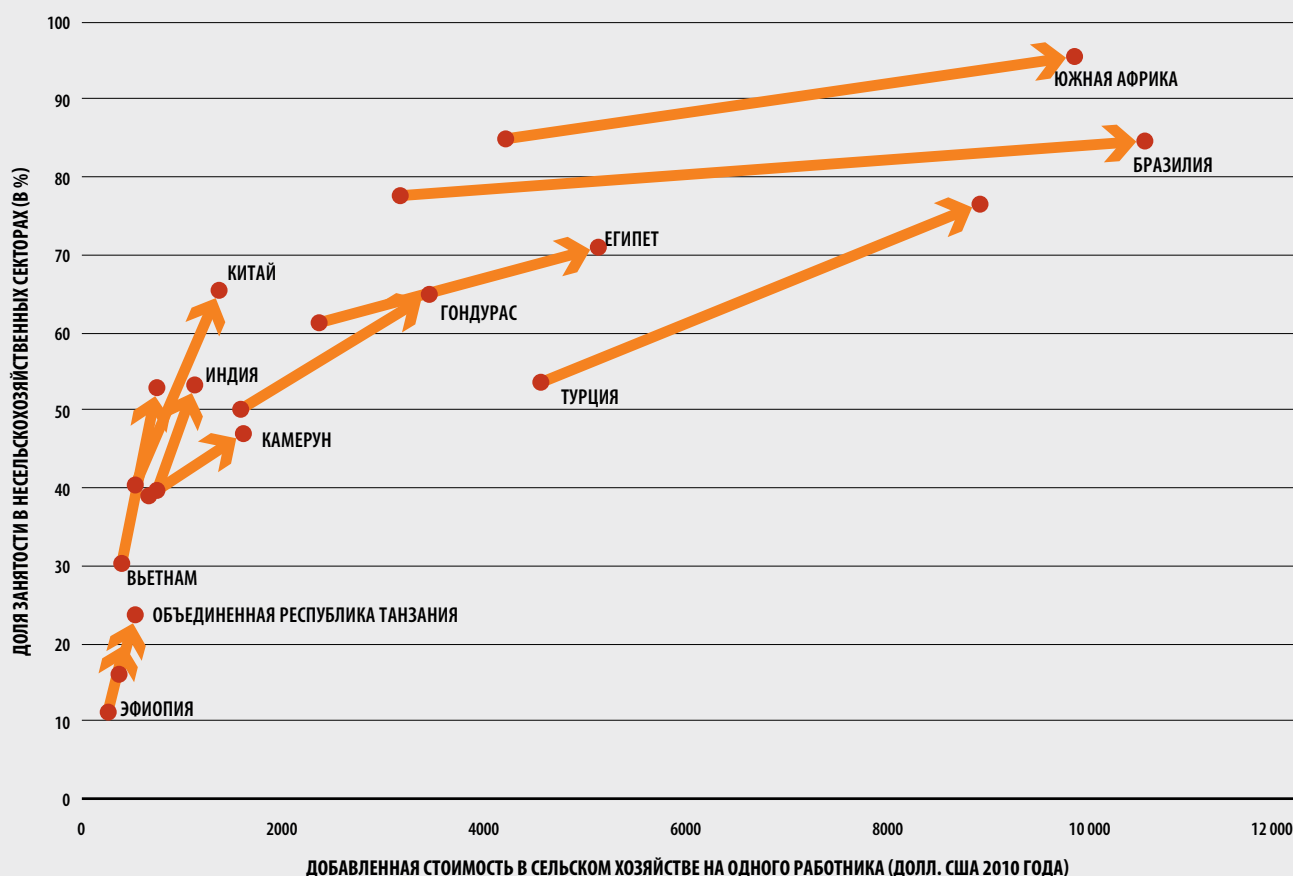
Под действием движущих сил урбанизации складывается система городов-регионов, в которой сосуществуют различные типы фермерских хозяйств, по-разному адаптирующиеся к непростым условиям жизни в городских районах. Система формируется главным образом под влиянием изменений на рынках вводимых ресурсов и продукции, на которых фермеры покупают и продают товары, а также действий местных органов власти, в чьем ведении в силу закона и традиции находятся вопросы землепользования (Heimlich and Brooks, 1989). По сравнению с хозяйствами в более удаленных сельских районах фермерские хозяйства, находящиеся в непосредственной близости от городов, как правило имеют меньшую площадь, более высокую производительность на гектар, ведут более разнообразную деятельность и уделяют приоритетное внимание производству высокотоварных культур (Heimlich and Anderson, 2001). ■

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ФЕРМЕРОВ В СВЯЗИ С ПРЕОБРАЗОВАНИЯМИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Проблема трудоустройства

Одной из тенденций, наблюдающихся в странах с низкими доходами, которая, как представляется, не отличается от тенденций, характерных для преобразований прошлого, является отток рабочей силы из аграрного сектора. На начальных этапах

РИСУНОК 18
ИЗМЕНЕНИЯ В ДОЛЕ ЗАНЯТОСТИ В НЕСЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СЕКТОРАХ И ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ, 1990-е–2010-е ГОДЫ

ИСТОЧНИК: расчеты ФАО по данным World Bank & IFAD (2016).

преобразований наблюдаются высокие темпы оттока, поскольку даже небольшое увеличение производительности сельского хозяйства обычно сопровождается несоразмерным сокращением доли работников, занятых в сельском хозяйстве. На рис. 18 эта тенденция показана на примере таких стран, как Индия, Китай и Объединенная Республика Танзания, которые в 1990-е годы имели низкий уровень доходов. Однако на определенном этапе преобразований отток рабочей силы из сельскохозяйственного сектора значительно замедляется, несмотря на продолжающийся рост производительности, как показано на примере Бразилии, Турции и Южной Африки.

Эти тенденции не обязательно означают, что уменьшается абсолютное количество людей, занятых в

сельском хозяйстве. Этот показатель зависит не только от темпов преобразований, но и от роста численности населения. В частности, в Объединенной Республике Танзания общее число занятых в сельском хозяйстве в период с 2000 по 2015 годы увеличилось примерно на 2,5 млн человек, в то время как доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, в общем количестве трудоустроенных людей упала с 79 до 68 процентов. Однако в странах, где произошли стремительные преобразования, таких как Китай и Вьетнам, темпы преобразований превысили темпы роста численности населения, что привело к резкому снижению даже абсолютного количества занятых в сельском хозяйстве – на 131 млн человек в Китае и на 2 млн человек во Вьетнаме (расчеты ФАО на основании ФАО, 2017с).

В странах, где преобразования находятся на более поздних этапах, темпы оттока рабочей силы из сельскохозяйственного сектора ниже. В 14 из 22 стран Латинской Америки и Карибского бассейна, по которым имеются данные, включая Мексику, Перу, Чили и Эквадор, абсолютное число занятых в сельском хозяйстве в период с 1984 по 2012 годы увеличилось (Anríquez, Foster and Valdés, 2017). Однако доля занятости в сельском хозяйстве сократилась во всех странах. Так, в период с 2000 по 2015 годы она снизилась с 14 до 9,6 процента в Чили и с 18 до 14 процентов в Мексике, хотя абсолютное число занятых в сельском хозяйстве в Чили выросло на 27 000, а в Мексике – на 379 000 человек.

Эта динамика объясняется двумя категориями факторов. Во-первых, возникают побуждающие факторы, связанные с ростом численности населения в сельских районах (относительно наличия земель) и механизацией и, соответственно, сокращением заработной платы в сельском хозяйстве; во-вторых, в связи с ростом несельскохозяйственных секторов экономики трудовые ресурсы перемещаются в промышленность и сферу услуг, где возможна более высокая заработная плата (Tsakok, 2011). Сочетание побуждающих и притягивающих факторов на начальных этапах преобразований создает условия для массового оттока рабочей силы из сельского хозяйства, как показано на примере Вьетнама и Китая. На более поздних этапах обеспеченность сельскохозяйственной рабочей силой падает, что ведет к повышению заработной платы в аграрном секторе и побуждает фермеров инвестировать в сельхозтехнику. В результате отток рабочей силы из сельского хозяйства продолжается, но замедляется, как в случае Бразилии и Турции.

За последние 15 лет доля работников, занятых в сельском хозяйстве, в большинстве стран сократилась, несмотря на незначительный рост абсолютной продолжительности рабочего времени в секторе. Эта тенденция наблюдается во всех регионах, но в Азиатско-Тихоокеанском регионе темпы изменений выше (15 процентов), а в Латинской Америке и Карибском бассейне, где массовый отток трудовых ресурсов из сельского хозяйства уже завершился – гораздо ниже (–1,6 процента). В странах Африки к югу от Сахары средняя продолжительность рабочего времени изменилась незначительно (–3 процента), однако показатели в разных субрегионах существенно отличаются. Наиболее заметные изменения произошли в Западной и Южной Африке (–11 и –8 процентов, соответственно), в то время как в Восточной Африке отмечено увеличение показателя на 3 процента, вероятно, в связи с быстрым ростом числа занятых в сельском хозяйстве в Эфиопии (23 процента). Даже в Азии скорость изменений неравномерна – она выше всего в Восточной Азии (–18 процентов), а в Центральной, Южной и Западной Азии в среднем составляет примерно –12 процентов (расчеты ФАО по данным ФАО, 2017с).

Снижение доли лиц, занятых в сельском хозяйстве, серьезно осложняет ситуацию в странах с переходной экономикой, где необходимо создавать рабочие места в несельскохозяйственных секторах для большого количества людей. Эта проблема особенно актуальна в странах, где вследствие низких темпов преобразований и ограниченной индустриализации в несельскохозяйственном секторе создается недостаточно рабочих мест для трудоустройства новых работников (Jayne and Traub, 2016). Например, в ходе исследования Filmer and Fox (2014) было установлено, что 62 процента трудовых ресурсов в странах Африки к югу от Сахары используются в семейных фермерских хозяйствах. По оценкам, приведенным в публикации Fine *et al.* (2012), в период с 2010 по 2020 годы в странах Африки к югу от Сахары в состав рабочей силы войдут около 122 млн молодых людей, причем, согласно прогнозам, только 72 млн человек из их числа найдут работу в несельскохозяйственном секторе.

Рост аграрного сектора необходимо будет поддерживать с помощью параллельного развития несельскохозяйственных видов деятельности, связанных с сельским хозяйством, таких как переработка продуктов питания и торговли. Потенциально в сельском хозяйстве могут создаваться новые рабочие места, как это происходит во многих странах, где число лиц, занятых в сельском хозяйстве, увеличилось, однако темпы создания рабочих мест в нем ниже, чем в других секторах, а во многих странах также ниже, чем темпы роста населения, особенно в сельской местности. Таким образом, рабочие места в сельском хозяйстве должны создаваться не только в фермерских хозяйствах, но и за их пределами, для чего необходимо стимулировать рост несельскохозяйственных секторов экономики за счет развития предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, сектора торговли и смежных видов деятельности.

Решающая роль объединений производителей

В мире насчитывается около 475 млн фермерских хозяйств площадью менее 2 га (Lowder, Scoet and Raney, 2016). Небольшие участки являются источником средств к существованию почти 2 млрд человек, а в Азии и странах Африки к югу от Сахары на них производится около 80 процентов потребляемых продуктов питания (ГЭВУ, 2013). Однако доступ мелких фермеров к земельным ресурсам, инновациям, технологиям, знаниям и информации, необходимым для повышения производительности и доходов, остается ограниченным. Доступ женщин-фермеров к знаниям в области сельского хозяйства и питания очень важен для достижения ЦУР "Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства". Компетентные, профессиональные сельские учреждения и организации могут сыграть важнейшую роль в ликвидации этих пробелов и

способствовать устойчивому росту сельского хозяйства и развитию (GFRAS, 2015).

Мелкие фермерские хозяйства в большинстве развивающихся стран сталкиваются с рядом ограничений, которые не позволяют им воспользоваться возможностями развивающихся рынков. Будучи рассеянными и раздробленными, эти крошечные хозяйственные единицы несут высокие операционные издержки, которые влияют на их доступ не только к рынкам вводимых ресурсов и продукции, но и к ряду услуг в сельской местности, в частности, к услугам по распространению передового опыта и кредитам (Poole and de Fresse, 2010). Объединения производителей, такие как ассоциации фермеров и кооперативы, позволяют мелким фермерам объединять ресурсы и снижать операционные издержки, что обеспечивает выгоду за счет масштаба и расширяет доступ фермеров к рынкам и производственным активам. Например, небольшие продуктовые магазины в Нигере способствуют развитию эффективных местных рынков вводимых ресурсов, собирая запросы фермеров и доставляя то количество и те типы ресурсов, которые соответствуют потребностям фермеров и их финансовым возможностям. Кроме того, объединения производителей облегчают доступ к кредитам напрямую с помощью систем микрокредитования, находящихся в их ведении, и опосредованно – с помощью таких инновационных механизмов, как системы складских расписок, которые позволяют использовать находящуюся на хранении продукцию в качестве обеспечения для получения краткосрочных кредитов (Herbel *et al.*, 2012). Удовлетворение финансовых потребностей мелких фермеров, особенно связанных с ликвидностью, является мощным стимулом для участия фермеров в объединениях (Berdegúe, Biénabe and Peppelenbos, 2011).

Через объединения производителей мелкие фермеры могут участвовать в коллективных мероприятиях по стимулированию сбыта, тем самым сокращая операционные издержки, распределяя между собой риски и улучшая свои рыночные позиции. В случаях, когда объединения взаимодействуют с другими частными и государственными структурами, фермеры могут участвовать в многосторонней координации на различных уровнях производственно-сбытовых цепей и эффективно использовать системы сельскохозяйственных подрядов и программы справедливой торговли (Prowse, 2008). Например, в Кении мелкие производители листовых овощей объединяются в группы, чтобы оперативно реагировать на требования современного рынка. Объединяясь в ассоциации, фермеры получают возможность выполнять требования контрактов с супермаркетами в отношении количества, качества и условий доставки продуктов питания (Herbel *et al.*, 2012).

Объединения производителей также придают мнению мелких фермеров политический вес и позволяют им поднимать вопросы и заявлять о своих интересах в

процессе выработки мер политики. Действенными механизмами, позволяющими мелким производителям участвовать в разработке и осуществлении мер государственной политики, могут быть многосторонние платформы и консультационные форумы. В частности, в Гамбии действует Операционная платформа по вопросам послепромысловой обработки, с помощью которой государство, НПО, учреждения микрофинансирования и другие партнеры могут выяснять потребности мелких производителей, а производители – высказывать свои опасения и пожелания.

Доверие является предпосылкой для разработки и осуществления мер политики в области инклюзивного развития, именно поэтому для формирования общих взглядов и ценностей важен прозрачный диалог (Crowley *et al.*, 2007). Взаимодействуя с НПО, государственными и частными структурами, объединения производителей также могут функционировать как каналы связи и передачи знаний, с помощью которых мелкие фермеры могут осваивать новаторские подходы, повышать квалификацию, получать и использовать соответствующие сведения и знания и адаптироваться к меняющимся рынкам (Chirwa *et al.*, 2005; Herbel *et al.*, 2012).

Такие объединения призваны сыграть ведущую роль в рациональном использовании природных ресурсов на устойчивой основе. Примерами коллективных действий служат посреднические комитеты по урегулированию конфликтных ситуаций, связанных с земельными ресурсами, и обеспечению соблюдения прав землепользования, ассоциации водопользователей, женские группы по рекультивации земель и местные проекты в области лесопользования – они формируют у мелких производителей заинтересованность в рациональном использовании природных ресурсов на устойчивой основе, от чего выигрывают сельские сообщества в целом. В докладе Herbel *et al.* (2012) показано, как такие организации помогли обеспечить устойчивое использование и регулирование природных ресурсов с учетом интересов различных сторон в ряде стран, включая Бенин, Гамбию, Египет и Индию.

Необходимо продолжать реформирование и совершенствование услуг по распространению передового сельскохозяйственного опыта и консультационных услуг в области развития сельских районов, так как организации, оказывающие данные услуги, располагают оптимальными полномочиями и возможностями для оказания фермерам поддержки, необходимой им в процессе перехода к устойчивым системам производства. Многие из таких организаций были оставлены без внимания в течение многих лет, до сих пор не обеспечены достаточными ресурсами и испытывают значительные потребности в развитии потенциала. Благодаря организациям, оказывающим услуги по распространению передового опыта и консультированию в области развития

ВРЕЗКА 15

**ОБМЕН ОПЫТОМ МЕЖДУ
ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ОКАЗЫВАЮЩИМИ
КОНСУЛЬТАЦИОННЫЕ УСЛУГИ В ОБЛАСТИ
РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ**

Страновые форумы по консультированию в области развития сельских районов позволяют заинтересованным сторонам, которые оказывают консультационные услуги в области развития сельских районов (КУРС) взаимодействовать с целью оказания влияния на реформы и обмена опытом с другими странами через более широкие региональные сети. Они представляют собой механизм, посредством которого различные субъекты, включая фермеров и их объединения, могут обмениваться знаниями, новаторскими методами и приобретенным опытом, сообщать друг другу о своих приоритетах и потребностях и распространять новые подходы к повышению эффективности своей деятельности. Кроме того, они служат ориентиром для региональных и международных инициатив, направленных на улучшение КУРС и повышение уровня жизни сельских районов в целом.

В настоящее время страновые форумы действуют в 24 странах Африки к югу от Сахары, шести странах Латинской Америки и трех азиатских странах. Местные и национальные структуры, предоставляющие КУРС, объединяются с помощью страновых форумов, координируемых через региональные сети КУРС и обменивающихся информацией через Глобальный форум консультационных услуг для сельских районов; опыт показал, что эти структуры обеспечивают согласованную основу для накопления знаний, обмена ими и наращивания потенциала на уровне отдельных лиц и организаций, а также формируют благоприятную среду.

ИСТОЧНИКИ: FAO, 2010a; GFRAS, 2015.

сельских районов, фермеры и другие субъекты, находящиеся в сельской местности, получают содействие в развитии технических, организационных и управленческих навыков и освоении методов, необходимых для повышения их благосостояния. Они оказывают содействие в важнейших аспектах, способствуя повышению производительности и благосостояния мелких фермерских хозяйств и обеспечивая им возможность вносить более масштабный вклад в национальное и глобальное развитие (врезка 15).

Для обеспечения устойчивого и эффективного взаимодействия объединений производителей с субъектами рынка и директивными органами необходимы институциональные механизмы. Эти механизмы построены на взаимозависимых отношениях трех уровней: между самими мелкими производителями в рамках объединений; между объединениями мелких производителей с целью учреждения руководящих органов; и между организациями малых производителей, другими субъектами рынка и директивными органами (Herbel *et al.*, 2012).

Поскольку мелкие фермерские хозяйства характеризуются значительным разнообразием с точки зрения подходов к производству и местонахождения, многие из них имеют разные и даже конфликтующие интересы и приоритеты (Chirwa *et al.*, 2005). Поэтому необходимо укреплять доверие в рамках местных организаций. Объединяясь, мелкие производители приобретают уверенность и знания, необходимые для анализа своих проблем, принятия обоснованных решений и коллективных действий и ощущают причастность к общему делу своих организаций. Полевые школы фермеров и бизнес-школы также могут помочь мелким фермерам и другим группам сельского населения глубже понимать многочисленные аспекты территориального развития, которое невозможно без экспериментов и ошибок (Herbel *et al.*, 2012). Способность мелких фермеров вырабатывать новаторские подходы и внедрять новые модели управления с применением общепризнанных методов стимулирования сбыта является одним из ключевых факторов, способствующих их успешной деятельности на динамично развивающихся рынках (Berdegué, Biénabe and Peppelenbos, 2011).

Деятельность объединений производителей прежде всего должна быть направлена на содействие участникам в ведении прибыльной коммерческой деятельности, которая является важным условием для обеспечения долгосрочного успеха коллективных действий (Chirwa *et al.*, 2005). Еще одним важным условием является добросовестное внутреннее управление, которое осуществляется с соблюдением принципов подотчетности, транспарентности и справедливости, ответственного руководства и активной работы участников (Agrawal and Perrin, 2009). Кроме того, чтобы иметь возможность влиять на работу директивных органов, подобные организации должны объединяться в более крупные союзы, федерации и сети (Herbel *et al.*, 2012).

Успешно действующие фермерские ассоциации позволяют производителям объединять активы и навыки для преодоления рыночных барьеров, увеличения своей доли на рынке, получения доступа к более качественной информации и расширения своих политических полномочий. Взаимодействуя с внешними экономическими и политическими субъектами, например,

частными предприятиями и правительствами, они могут получать доступ к национальным и международным рынкам и участвовать в обсуждении своих потребностей, таких как потребность в агротерриториальных инвестициях, с национальными и местными директивными органами. ■

ВЫВОДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ В ОБЛАСТИ ПОЛИТИКИ

В связи с преобразованиями сельскохозяйственных систем и нехваткой земли, которая препятствует увеличению объемов производства мелких хозяйств, важнейшим условием обеспечения производительности и устойчивости становится совершенствование технологий. Повсеместное распространение механизации оказалось выгодным даже для мелких фермеров, что связано с эффектом синергии при ее совместном использовании с другими факторами производства. По мере увеличения спроса на технику важнейшим фактором успешной механизации стали рынки аренды. Кроме того, для повышения производительности потребуются изменение систем ведения хозяйства с переключением на такие методы, как устойчивая интенсификация и агроэкология.

Средний размер фермерских хозяйств в большинстве развивающихся стран уменьшается, однако в перспективных районах, особенно в субсахарской Африке, появляются хозяйства средних масштабов. Уменьшение размеров хозяйств не обязательно препятствует повышению производительности, так как для небольших фермерских хозяйств характерна высокая производительность земельных ресурсов при низкой производительности труда. Однако для получения доступа к рынкам и освоения новых технологий мелким хозяйствам необходим эффект экономии за счет масштабов. Его достижению способствуют такие меры, как содействие фермерам в установлении связей с субъектами, относящимися к "нижнему" сегменту производственно-сбытовых цепей, укрепление их прав собственности, поддержка объединений производителей и расширение охвата консультационными услугами в сельских районах.

В странах с переходной экономикой появление на селе новых торговых компаний-посредников, непосредственно взаимодействующих с фермерами, способно в перспективе стать фактором повышения доходов фермеров; в то же время развитие производственно-сбытовых цепей может облегчить доступ к поставщикам физических вводимых ресурсов, техники, информации и финансов на более выгодных для фермеров условиях. Все более важную роль в обеспечении доступа фермеров к рынкам играют мобильные телефоны. Однако, чтобы использовать эти ресурсы, мелким фермерам также необходимо иметь возможность получать консультации и помощь, которые в прошлом предоставлялись в рамках

услуг по распространению передового сельскохозяйственного опыта. В этой главе приводятся данные, свидетельствующие о том, что государственные системы распространения передового сельскохозяйственного опыта охватывают лишь небольшую долю населения, занятого в сельском хозяйстве, особенно в развивающихся странах с низким уровнем доходов. Следовательно, более целенаправленное использование ресурсов и более тесное взаимодействие с частными организациями, оказывающими консультационные услуги по развитию сельских районов, будет способствовать повышению эффективности работы специалистов по распространению опыта, которые, как ожидается, должны помогать фермерам в решении целого ряда новых проблем, таких как изменение климата, и информировать их о новых подходах к сельскому хозяйству, например, о сельскохозяйственных системах, ориентированных на решение проблем питания, и устойчивой интенсификации.

Появление разнообразных систем консультационных услуг по развитию сельских районов заставляет задаться вопросом о координации между различными структурами для обеспечения максимального охвата фермерских хозяйств. Ответ на этот вопрос зависит от конкретных условий, а также от потребностей и приоритетов фермеров. В ходе преобразований возникают новые вопросы, касающиеся выбора наиболее эффективных структур для оказания консультационных услуг и методов информационно-разъяснительной деятельности и взаимодействия с мелкими фермерскими хозяйствами. В поиске ответов на такие вопросы следует отказаться от мысли о том, что "все фермеры нуждаются в консультационных услугах", и стремиться к более тонкому пониманию потребностей и приоритетов конкретных фермеров.

Консультационные услуги по развитию сельских районов, которые способствуют решению важной задачи по "наведению мостов", в частности, путем содействия фермерам в установлении контактов с частным сектором, субъектами рынка и научно-исследовательскими институтами, должны подкрепляться мероприятиями по обучению фермеров новым навыкам и компетенциям, в частности, в области посредничества. Для того чтобы обеспечить мелким фермерам доступ к источникам знаний, вводимых ресурсов и финансов и к прибыльным производственно-сбытовым цепям, необходимы меры по укреплению объединений производителей. Укрепление объединений производителей позволит им более результативно решать задачи, связанные со все ускоряющимися преобразованиями сельских районов в развивающихся странах. Например, коллективные действия позволяют эффективнее решать вопросы, касающиеся землепользования, дробления и укрупнения земельных участков. Они также позволяют эффективнее использовать механизацию для повышения производительности. Если в деятельности таких

объединений будет учитываться возрастная и гендерная проблематика, они станут эффективным механизмом защиты интересов маргинализированных и уязвимых групп, таких как сельская молодежь и женщины, в ходе преобразований в сельских районах.

Мероприятия, направленные на повышение производительности сельского хозяйства для удовлетворения растущего спроса на продовольствие, повышают нагрузку на природные ресурсы и сельскохозяйственные системы, создавая угрозу снижения их устойчивости. Преобразования должны не только охватывать разные слои общества, но и осуществляться с соблюдением принципа устойчивости, с помощью новаторских методов, которые позволяют сократить объем используемых ресурсов без снижения урожайности и наилучшим образом контролировать источники выбросов парниковых газов. В этой связи трудно переоценить важность консультационных услуг в области развития сельских районов в следующих сферах: повышение экологической устойчивости и решение задач, связанных с многоплановым воздействием факторов преобразований, таких как урбанизация, рост численности населения и диверсификация рациона питания.

В связи с урбанизацией продолжится изменение рациона питания людей и повысится спрос на продукты с более высокой пищевой ценностью, такие как мясо, фрукты и овощи, что приведет к изменению производственных систем в фермерских хозяйствах. Если с помощью сельскохозяйственных систем удастся удовлетворить растущий спрос, урбанизация создаст условия для более инклюзивного развития сельских районов. В противном случае результатом урбанизации станет увеличение зависимости от импорта продовольствия.

Число занятых в сельском хозяйстве продолжает снижаться, в связи с чем развитие несельскохозяйственной деятельности в сельских районах становится важным средством обеспечения занятости для избыточной рабочей силы, высвобождающейся в результате оттока трудовых ресурсов из аграрного сектора. Диверсификация с переключением на несельскохозяйственную деятельность в сельских районах все чаще рассматривается как основная стратегия содействия мелким фермерам и безземельному населению сельских районов в повышении их доходов и контроле факторов риска. Меры политики в поддержку развития несельскохозяйственных секторов экономики рассматриваются в главе 4. ■

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ И ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ

ГОВЕРНОРАТ ИСМАИЛИЯ, ЕГИПЕТ

Полив саженцев кипариса, предназначенных для высаживания лесонасаждений вокруг пригородных районов.
©FAO/Rosetta Messori

В продовольственных системах для производства, переработки сельскохозяйственной продукции и ее доставки потребителям используются природные ресурсы и энергия. В ресурсоемких системах, типичных для сельского хозяйства времен "зеленой революции", использовалось огромное количество вводимых ресурсов, и их применение имело серьезные последствия для окружающей среды, включая истощение почвы и выбросы гигантских объемов парниковых газов с сопутствующим изменением климата и увеличением дефицита воды (ФАО, 2012). В сельском хозяйстве в качестве посевных площадей используется 11 процентов поверхности суши в мире, и оно является пользователем 70 процентов всей пресной воды (ФАО, 2012). С расширением сектора связано около 80 процентов случаев сведения лесов в мире (ФАО, 2017а). Производственно-сбытовые цепи, связанные с производством продовольствия, потребляют около 30 процентов энергии, а годовой объем приходящихся на них выбросов парниковых газов оценивается в 10 гигатонн в эквиваленте диоксида углерода (ФАО & USAID, 2015). Согласно прогнозам, в результате роста мирового населения мировой спрос на продовольствие, корма и биотоплива в 2050 году вырастет на 50 процентов по сравнению с соответствующим показателем на 2012 год, что повысит нагрузку на базу природных ресурсов (ФАО, 2017а).

Преобразования, которые пережили в прошлом современные развитые страны, происходили при относительном изобилии природного капитала

(UNESCAP, 2016). Предстоящие преобразования будут осложняться беспрецедентным количеством экологических проблем; при их осуществлении потребуются меры по смягчению последствий изменения климата, а также адаптация к его изменению и нехватке природных ресурсов. Использование интенсивных систем не может гарантировать продовольственную безопасность в долгосрочной перспективе, если будет негативным образом сказываться на состоянии природных ресурсов, необходимых для устойчивого производства продуктов питания. Преобразования в сельских районах не должны снижать экологическую устойчивость, и для ее поддержания необходимо, в частности, снизить объем используемых в сельском хозяйстве ресурсов без ущерба для урожайности и оптимально регулировать отходы жизнедеятельности скота, являющиеся одним из основных источников парниковых газов.

Стратегии сокращения энергопотребления

Как напрямую, так и косвенно энергия является важным вводимым ресурсом для сельскохозяйственного производства. Энергия используется непосредственно в хозяйствах в виде топлива для машин и оборудования, например, тракторов, или электроэнергии для оросительных насосов. Годовой объем энергии, используемой во всем мире для питания насосов, которые орошают около 300 млн га земли (Smil, 2008), составляет около 225 ПДж, – около 4 процентов от общего объема энергоресурсов Австралии на 2014 год (UN, 2016). Использование ископаемых видов топлива может быть уменьшено за счет применения более эффективных насосов и механизмов – например, расход топлива трактором можно снизить путем соотношения размера трактора с условиями в поле и объединения таких операций, как вспашка, посев и внесение удобрений.

Орошаемые земли более производительны, чем богарные земли, поскольку позволяют снимать два или три урожая в год (ФАО, 2011). Однако чрезмерная откачка грунтовых вод может привести к необратимому снижению их уровня. Поэтому конструкция оросительных систем должна обеспечивать оптимальное потребление энергии и воды. В некоторых районах мира, где водные ресурсы уже ограничены, необходимо, например, применять системы капельного орошения. Они могут потреблять больше энергии, чем самотечные системы орошения, однако их применение в сочетании с возобновляемыми источниками энергии, такими как насосы с приводом, работающим от солнечной батареи, может помочь свести к минимуму экологические последствия. Например, в Зимбабве благодаря финансовой помощи, предоставленной Европейским союзом (организация-член) и "Оксфам", были установлены такие насосы, которые обеспечивают водой до 250 га орошаемых земель (Oxfam, 2012).

Энергия также используется косвенно – в производстве удобрений, инсектицидов, гербицидов и других химикатов. Около половины ископаемого топлива, используемого в сырьевом производстве, расходуется на производство азотных удобрений, на которое приходится значительная доля выбросов закиси азота с сельскохозяйственных угодий (GOS, 2011). Фермеры могут снизить косвенные энергозатраты с помощью таких методов, как "точное внесение" удобрений, что также снижает выбросы парниковых газов на единицу продукции и уменьшает загрязнение нитратами водоносных горизонтов и поверхностных вод. Использование систем с геопозиционированием (например, глобальной системы позиционирования) для оптимизации применения агрохимикатов является еще одним примером различных методов устойчивого ведения сельского хозяйства, которые еще не получили широкого распространения, но экономически целесообразны и безопасны для окружающей среды (FAO & USAID, 2015).

Использование возобновляемых источников энергии для отопления, электроснабжения и получения транспортного топлива уменьшает как зависимость от ископаемого топлива, так и уровни выбросов парниковых газов. В настоящее время наиболее широко используемым в мире возобновляемым источником энергии является биомасса. В Турции, где устойчивый экономический рост и урбанизация стали факторами стабильного роста потребления электроэнергии и повышению зависимости от импорта ископаемого топлива, правительство установило масштабные цели, включая повышение доли возобновляемых источников энергии с 13,5 процента в 2013 году до 20,5 процента в 2023 году. Аграрный сектор Турции производит большое количество отходов, которые могут быть использованы для производства энергии и компенсировать использование ископаемого топлива. Проведенное ФАО в Турции исследование по вопросам биоэнергии и продовольственной безопасности показало, что, используя более 25 млн тонн остатков сельскохозяйственных культур – главным образом подсолнечника, кукурузы и хлопка – и около 150 млн тонн отходов жизнедеятельности крупного рогатого скота, буйволов и кур-несушек, можно производить более 1 ГВт электроэнергии, или 100 процентов национального целевого показателя по возобновляемой энергии из биомассы. По оценкам ФАО, если направлять на изготовление брикетов и гранул всего 20 процентов остатков стеблей хлопка, можно ежегодно производить еще 1 млн тонн в нефтяном эквиваленте (FAO, 2016b).

Для производства устойчивой энергии может быть использован широкий диапазон источников твердой биомассы, включая дернообразующие культуры, порубочные остатки, отходы жизнедеятельности животных и растительные остатки, такие как ореховая

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ И ПРИРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ

скорлупа и рисовая шелуха. В идеале для обеспечения подлинно устойчивой биоэнергетики любые порубочные остатки, остатки сельскохозяйственных культур или растений, собираемые для производства энергии, должны заменяться новыми растениями (FAO & USAID, 2015).

Навоз является основным источником выбросов метана. По мере развития стран возрастает потребление молочных и мясных продуктов, что приводит к дальнейшему повышению уровня выбросов метана и изменению климата. Производство биогаза из навоза дает возможность использовать эти отходы для устойчивого развития сельских районов, повышать доходы фермеров, получаемые из традиционных источников, и сокращать объемы воздействия сектора животноводства на окружающую среду в целом. Биогаз можно также производить из растительных остатков, отходов переработки продовольствия и любого другого биологического сырья.

Устойчивые сельскохозяйственные системы¹

ФАО разработала ряд подходов для оказания помощи мелким фермерам в повышении производительности и адаптации к изменению климата с сохранением природных ресурсов. Они направлены на создание синергизма с естественной средой обитания и предотвращение истощения природных ресурсов, с целью повышения урожайности и эффективности использования ресурсов и укрепления стойкости хозяйств к внешним воздействиям. Устойчивость многих мелких систем производства продовольствия также будет зависеть от способности мелких производителей внедрять практические методы и технологии в рамках подхода "климатически оптимизированное сельское хозяйство".

"Сохранить и приумножить". ФАО разработала модель устойчивой интенсификации растениеводства "Сохранить и приумножить", в основе которой лежит участие самой природы в выращивании сельскохозяйственных культур – использование органического вещества почвы, регулирование водотоков, опыление и биологические методы борьбы с насекомыми-вредителями и болезнями. Она предполагает применение таких вводимых ресурсов, как минеральные удобрения, в нужное время и в нужном объеме, в сочетании с использованием улучшенных сортов сельскохозяйственных культур, устойчивых к

изменению климата, и более эффективное использование питательных веществ, воды и внешних факторов. Ключевыми компонентами подхода являются повышение эффективности использования ресурсов, сокращение использования ископаемого топлива и непосредственных нежелательных последствий для окружающей среды. Он позволяет фермерам снижать расходы, при этом избегая негативных последствий чрезмерного использования внешних факторов производства. Этот подход был распространен на другие сельскохозяйственные отрасли.

Агроэкология. Агроэкологический подход предполагает не только эффективное применение и замещение вводимых ресурсов, но и использование основных экологических процессов, таких как оборот питательных веществ, и синергизм между компонентами сельскохозяйственного биоразнообразия. Важной особенностью подхода является то, что решения, отвечающие потребностям фермеров, вырабатываются на основе традиционных знаний фермеров. Например, в Китае в хозяйствах, где выращивались различные комбинации традиционных сортов риса, регистрировалось на 44 процента меньше случаев пирикулярриоза, чем в полях, где выращивался единственный сорт, а урожайность на 89 процентов превышала соответствующие показатели, при этом такие результаты удавалось получать без применения фунгицидов. Агроэкология также предполагает широкое использование поликультур, которые отличаются более стабильной урожайностью, чем монокультуры и не столь значительным снижением производительности во время засухи по сравнению с ними.

Климатически оптимизированное сельское хозяйство. Климатически оптимизированное сельское хозяйство (КОСХ) предлагаемый ФАО подход, направленный на устойчивое повышение производительности сельского хозяйства, повышение способности к адаптации и стойкости к климатическим потрясениям, а также по возможности снижение выбросов парниковых газов и повышение уровня связывания углерода. КОСХ опирается на сельскохозяйственные технологии и методы, которые страны уже поставили во главу угла при разработке мер политики и планировании в области сельского хозяйства. В рамках подхода проводится оценка продовольственной безопасности и возможностей адаптации этих технологий и методов к местным условиям и определяется, каким образом необходимо их корректировать. В частности,

¹ Источник: FAO, 2016b.

предлагаются следующие корректировки: использование сортов, устойчивых к жаре и засухе; расширение ассортимента продукции хозяйств; улучшение почвы и рациональное использование водных ресурсов; а также стимулирование занятости в несельскохозяйственных секторах (ФАО, 2016с). Зачастую одним из результатов применения методов, приносящих существенную выгоду с точки зрения адаптации и укрепления продовольственной безопасности, становится сокращение выбросов парниковых газов или повышение уровня связывания углерода.

Регулирование землевладения и землепользования в целях повышения устойчивости сельского и лесного хозяйства²

Производство продуктов питания в сочетании с неэффективным регулированием земельных ресурсов ведет к расширению посевных площадей за счет сведения лесов. В период с 2000 по 2010 годы чистая убыль лесных площадей в тропических странах составляла 7 млн га в год при чистом приросте сельскохозяйственных угодий 6 млн га в год. Самая значительная убыль лесных массивов и самый существенный прирост сельскохозяйственных площадей в указанный период регистрировались в группе стран с низким уровнем доходов, где одновременно с этим росла численность сельского населения. Примерно в 40 процентах случаев вырубка лесов в тропиках и субтропиках связана с крупномасштабным производством товарных сельскохозяйственных культур, а в 33 процентах случаев – с расширением площадей, на которых ведется натуральное сельское хозяйство, по регионам существуют большие различия. Так, вклад товарного сельского хозяйства в убыль лесов в Латинской Америке составил почти 70 процентов, тогда как в Африке, где преобладают мелкие хозяйства, на его долю пришлось лишь треть сокращения лесных площадей.

Результаты тематических исследований по Вьетнаму, Гамбии, Гане, Грузии, Коста-Рике, Тунису и Чили позволяют сделать вывод о необходимости использования эффективных инструментов политики для повышения производительности сельского хозяйства при расширении устойчивого лесопользования. Они показывают важность применения комплексных подходов к землепользованию на национальном, ландшафтном и местном уровнях, таких как генеральные планы землепользования, управление водохозяйственной деятельностью в водосборных бассейнах, агролесоводческие системы, а также взаимодействие между сельским и лесным хозяйством, научно-исследовательскими институтами и службами по распространению передового сельскохозяйственного опыта.

Кроме того, необходимы эффективные правовые и институциональные механизмы, обеспечивающие предсказуемость и надежность режима землевладения и землепользования, и меры регулирования изменений в землепользовании, включая требования о проведении оценки экологического воздействия и особой охране обозначенных районов. Это особенно актуально в свете недавних международных соглашений, таких как Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и Парижское соглашение об изменении климата. Признание традиционных прав особенно важно для уязвимых групп населения, чья жизнедеятельность зависит от лесопользования, поскольку их права владения и пользования землей недостаточно защищены, и они живут за счет использования ресурсов лесов, находящихся в общественной собственности. При отсутствии механизмов, обеспечивающих признание прав владения и пользования, в том числе традиционных прав, повышается вероятность возникновения земельных споров, вызванных конфликтующими правами на одни и те же земельные объекты.

Наследование прав на землю в сельскохозяйственных сообществах и соглашения о владении и пользовании землей на местном уровне регулируются обычаями, и эти сделки редко закрепляются документально. Обеспечение безопасности владения землей для фермерских хозяйств и для сообществ, чья жизнедеятельность зависит от лесопользования, способствует предотвращению земельных конфликтов и повышению благосостояния на местном уровне, обеспечивает эффективное землепользование путем создания безопасных рынков аренды земли и стимулирует партнерство между фермерами и сообществами, которые зависят от лесопользования, с одной стороны, и коммерческими структурами – с другой.

Добровольные руководящие принципы ответственного регулирования вопросов владения и пользования земельными, рыбными и лесными ресурсами в контексте национальной продовольственной безопасности (ФАО, 2013), принятые странами – членами Комитета по всемирной продовольственной безопасности в 2012 году, содержат четкие указания по обеспечению того, чтобы правовые механизмы государственного регулирования "признавали и уважали, в соответствии с положениями национальных законов, законные права владения и пользования, в том числе традиционные права владения и пользования, пока не защищены законом, а также содействовали осуществлению прав владения и пользования и защищали их". Такие механизмы должны быть недискриминационными и способствовать достижению социальной справедливости и гендерного равенства. ■

² Источник: ФАО, 2016b.

БАНГЛАДЕШ

ФАО содействует обеспечению безопасности уличной торговли продовольствием и совершенствует мониторинг безопасности пищевых продуктов в городах.

©FAO

ГЛАВА 4 НЕСЕЛЬСКОХОЗЯЙ- СТВЕННЫЙ СЕКТОР: ДОХОДЫ, ЗАНЯТОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Основные тезисы

→ Если не начать принимать меры уже сейчас, то рост населения и развитие городских и сельских районов могут со временем стать причиной огромных миграционных потоков.

→ Диверсификация доходов сельских домохозяйств является важнейшим фактором сокращения масштабов нищеты и развития несельскохозяйственных видов экономической деятельности.

→ В странах с низкими доходами занятость в сельском хозяйстве может расти, особенно если будут построены стабильные двунаправленные связи между первичным производством и несельскохозяйственными отраслями, а также между сельскими районами и малыми городами и поселками.

→ Социальная защита обеспечивает инклюзивный характер преобразований, способствует более эффективному использованию ресурсов и увеличению производственного потенциала малоимущих домохозяйств.

НЕСЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СЕКТОР: ДОХОДЫ, ЗАНЯТОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В странах с высоким уровнем доходов в сельском хозяйстве занято лишь около 3 процентов от общей численности рабочей силы. Падение доли занятых в сельском хозяйстве до этого уровня в развивающихся странах будет означать, что за ближайшие несколько десятилетий число работающих в аграрном секторе мужчин и женщин сократится примерно на 1,7 млрд человек. Проблема создания рабочих мест может стать неразрешимой, что приведет к высокому уровню нищеты и изоляции определенных групп населения и будет иметь масштабные социальные, экономические и геополитические последствия (d'Orfeuil, 2012).

В ходе преобразования экономики во многих странах с низким уровнем доходов начинается сокращение численности рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, и увеличивается число сельских домохозяйств, получающих дополнительный заработок от несельскохозяйственной деятельности. Однако во многих странах, включая большинство стран в Африке к югу от Сахары, снижение доли сельского хозяйства в ВВП не сопровождается соответствующим ростом формальной занятости в промышленности и секторе услуг – в этом особенность наблюдаемой в настоящее время трансформации по сравнению с преобразованиями прошлого (см., например, McMillan and Harttgen, 2014). Высвобождающиеся работники переходят в неформальный сектор городских и сельских районов, который в основном представлен мелкими торговыми предприятиями и сектором услуг и характеризуется низкой производительностью (Всемирный банк, 2007). Следовательно, для обеспечения инклюзивного характера преобразований необходимы меры содействия развитию несельскохозяйственных секторов экономики в сельских районах, в особенности агропромышленного комплекса (IFAD, 2016).

Характерными особенностями сельских рынков труда во многих развивающихся странах являются высокий уровень неформальной занятости, преобладание лиц, совмещающих несколько работ и выполняющих разовые работы, разрозненность рабочей силы, неравенство, обусловленное полом и возрастом, и

непредсказуемость сельскохозяйственного производства. Зачастую трудовое законодательство не соблюдается, работники в сельской местности часто не принадлежат к объединениям и не защищены, а социальный диалог находится на очень слабом уровне (FAO, 2012a). В большинстве стран Африки к югу от Сахары зарождающийся сектор услуг и развивающиеся семейные предприятия меняют характер несельскохозяйственных отраслей в сельской местности, однако создание возможностей оплачиваемой формальной занятости в несельскохозяйственных секторах сопряжено с огромными трудностями даже в странах с быстро растущей экономикой. Маловероятно, что в обозримом будущем лица, занятые в формальном секторе, составят значительную долю на рынке труда региона (Fox and Sohnesen, 2012).

Кроме того, во многих странах с низким уровнем доходов продолжает расти доля молодежи в составе рабочей силы. По оценкам Международной организации труда (МОТ), в период с 2010 по 2015 годы на рынок труда стран Южной Азии и стран Африки к югу от Сахары ежегодно выходили в среднем 1 млн и 2,2 млн молодых людей соответственно (ILO, 2010). По прогнозам, примерно к 2080 году в Азии будет жить больше молодых людей, чем в любом другом регионе мира; численность молодого населения Африки тоже продолжит расти в течение всего XXI века (ILO, 2015). Увеличение численности трудоспособного населения создает значительный потенциал роста благодаря более высокой доступности трудовых ресурсов и изменениям в структуре потребления, связанным с демографическим омоложением. Однако для большинства стран с низким уровнем доходов и стран с уровнем доходов ниже среднего создание рабочих мест для молодежи становится серьезной проблемой.

Приведенные в публикации Fox and Sohnesen (2012) гипотетические расчеты по 12 странам Африки, где в 2010 году в среднем около 10 процентов рабочей силы было занято на оплачиваемых работах в частном секторе, показывают, что если число рабочих мест в частном секторе будет расти на 10 процентов в год, то к 2020 году лишь 20 процентов работников смогут

найти в нем работу. Страны, где доля наемных работников в частных предприятиях ниже – такие как Буркина-Фасо, Малави и Сьерра-Леоне – вряд ли приблизятся по соответствующему показателю к Уганде, даже если в течение десяти лет в этих странах будут производиться значительно более высокие частные инвестиции в трудоемкие средние и крупные предприятия. В случае развития по этим сценариям основная часть рабочей силы останется в сельском хозяйстве либо будет искать основную работу или работу по совместительству в несельскохозяйственном секторе.

Одним из вариантов решения проблемы безработицы среди растущего стремительными темпами молодого населения Африки к югу от Сахары называют семейные предприятия. Однако большинство молодых людей в возрасте до 25 лет вряд ли смогут успешно работать в семейных предприятиях, так как они не имеют ни базовых технических навыков и деловых качеств, ни необходимого стартового капитала (Fox and Sohnesen, 2012). В Малави, где аграрный сектор является основным источником занятости для молодежи, вступающей в трудоспособный возраст, молодые люди не только обязаны трудиться в семейных хозяйствах, но и практически никогда не имеют достаточного капитала, чтобы стать субъектами малого предпринимательства (Thurlow *et al.*, 2016).

При разработке мер по увеличению числа рабочих мест и расширению возможностей достойного трудоустройства для быстро растущего молодого населения следует обратить особое внимание на сельские районы. В дополнение к отсутствию возможностей для трудоустройства, работа в сельской местности часто малоодоходна и выполняется на эксплуататорских условиях (FAO, 2012a). В регионах, где имеются значительные излишки рабочей силы, отсутствие достойных рабочих мест может ограничивать стимулы к повышению производительности сельскохозяйственного труда. Кроме того, следствием низкой производительности может быть работа в неудовлетворительных условиях. В ходе исследования Conforti *et al.* (2016) было установлено, что повышение предельной

производительности труда семейных хозяйств в Объединенной Республике Танзания значительно снизило масштабы нестабильной занятости и использования детского труда. Соответственно, как заключают авторы исследования, именно с мероприятий, направленных на повышение производительности труда, целесообразно начинать деятельность по созданию достойных рабочих мест. ■

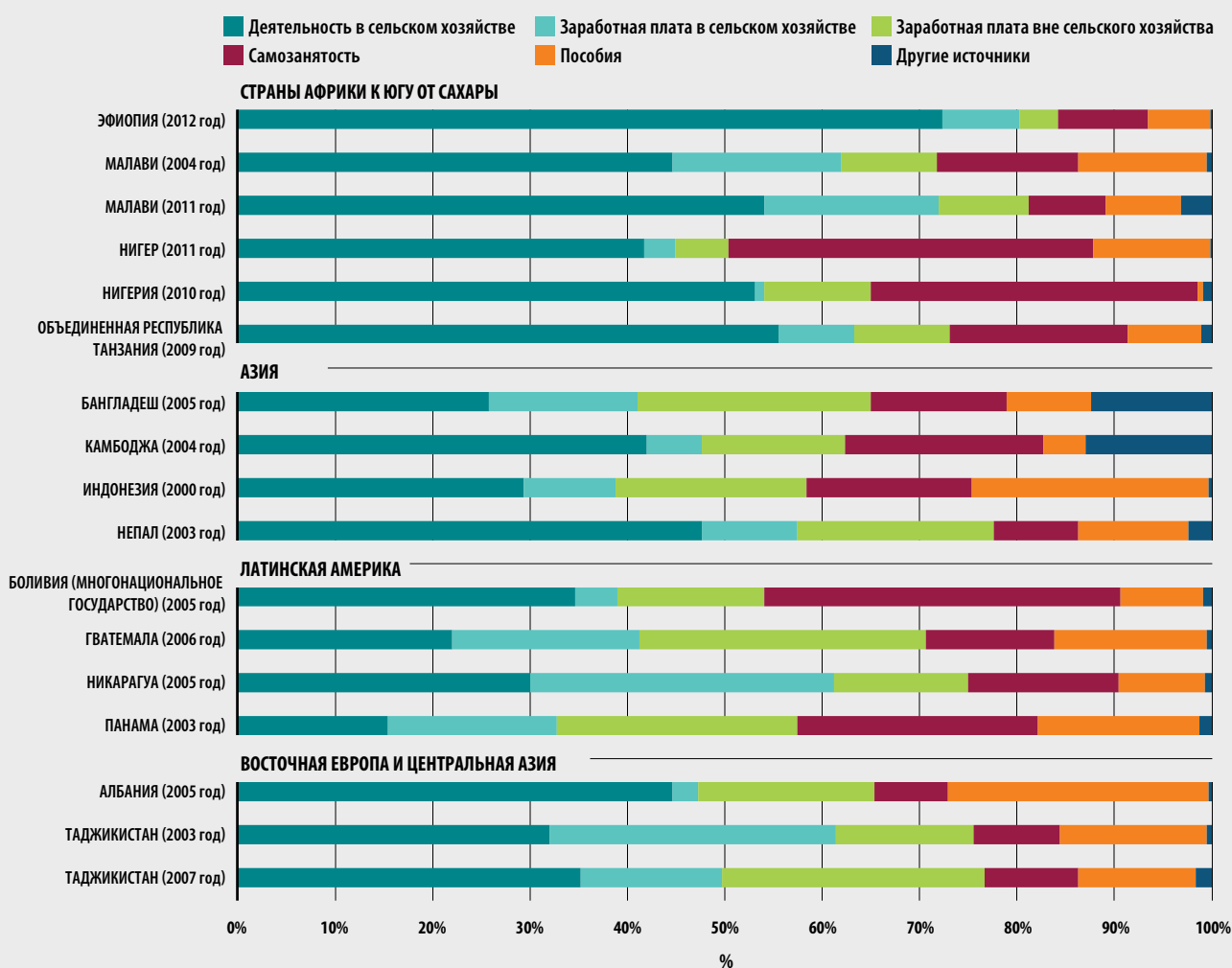
СТРАТЕГИИ ДИВЕРСИФИКАЦИИ И БЛАГОСОСТОЯНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ

По сравнению с 1970-ми годами, когда на несельскохозяйственные отрасли приходилось менее 20 процентов доходов домохозяйств в сельских районах, объем этих секторов существенно вырос. Представленные в публикации Reardon, Stamoulis and Pingali (2007) результаты анализа 54 обследований доходов сельского населения за период с 1990-х по 2000-е годы показывают, что в Африке доля заработков в несельскохозяйственных секторах в совокупном доходе населения составляет около 35 процентов, а в Азии и Латинской Америке – около 50 процентов.

Анализ данных, приведенных в разработанном ФАО "Статистическом портрете мелкого собственника"¹⁵ (FAO, 2017d), позволил определить структуру доходов сельских жителей 17 стран в четырех развивающихся регионах от разных видов экономической деятельности (рис. 19). Источники доходов включают: сельскохозяйственную деятельность; средства, заработанные наемными работниками в сельском хозяйстве и несельскохозяйственных секторах вне фермерских хозяйств; несельскохозяйственную самозанятость; а также пособия на поддержание уровня доходов и на потребительские нужды, выплачиваемые, в частности, в рамках программ социальной защиты, и денежные переводы от мигрантов. В четырех из шести стран

¹⁵ Источником данных для "Статистического портрета мелкого собственника" послужила база данных ФАО по видам деятельности, формирующей доходы сельского населения (RIGA) (FAO, 2017e), которая охватывает 19 стран Африки, Азии, Восточной Европы и Латинской Америки.

РИСУНОК 19
ДОЛЯ ДОХОДОВ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ОТДЕЛЬНЫХ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

ИСТОЧНИК: FAO, 2017d.

Африки к югу от Сахары более половины совокупного дохода обеспечивает сельскохозяйственная занятость. В четырех странах Азии эта доля меньше и варьируется от 26 процентов до 48 процентов; еще меньше она в четырех странах Латинской Америки. По сравнению с соответствующими показателями в африканских странах в Азии и Латинской Америке доля заработной платы, получаемой за выполнение несельскохозяйственной работы, в совокупном доходе выше, в то время как доля доходов от самозанятости ниже.

Данные в разбивке по типу домохозяйств в каждой стране показывают, что доля поступлений от несельскохозяйственной деятельности в совокупном объеме доходов домохозяйств колеблется в широких пределах, при этом в более состоятельных семьях, члены которых как правило имеют более высокий уровень образования, доля таких доходов выше. В выборке, включающей девять африканских стран, приводятся данные, разделенные по квинтилям, которые показывают, что доля доходов от несельскохозяйственной деятельности в суммарных доходах наиболее высока (более 50 процентов) у

домохозяйств в пятом квинтиле (т.е. самых зажиточных); такая ситуация повторялась во всех странах выборки, кроме Эфиопии (FAO, 2017e). Однако в шести странах выборки доля доходов от деятельности вне фермерских хозяйств (в том числе от работы по найму, самозанятости и пособий) в общем доходе наиболее малоимущих семей оказалась выше соответствующего показателя для домохозяйств во втором квинтиле. Более того, в пяти странах доля доходов от работы вне ферм в совокупном доходе самых бедных домохозяйств была даже выше, чем соответствующий показатель в третьем квинтиле.

На ту же тенденцию указывают данные по шести азиатским странам и четырём странам Латинской Америки (FAO, 2017e)¹⁶. Так, в ходе исследования Angiquez, Foster and Valdés (2017) на основе данных общенациональных обследований домохозяйств в Никарагуа, Перу и Чили за период с 2005 по 2014 год была установлена однозначная тенденция к увеличению числа домохозяйств, ведущих несельскохозяйственную деятельность, и домохозяйств, члены которых зарабатывали наёмным трудом в аграрном секторе, при одновременном снижении количества домохозяйств, живущих преимущественно на доходы от собственной фермерской деятельности (врезка 16).

Вышеописанные общие тенденции подтверждаются результатами других исследований. Во-первых, при более высоком уровне благосостояния зависимость от сельского хозяйства как правило ниже (Davis, Di Giuseppe and Zezza, 2017). Во-вторых, если доходы от несельскохозяйственной деятельности жизненно необходимы безземельным и почти безземельным домохозяйствам, то для прочих фермерских домохозяйств они не настолько важны и используются для диверсификации рисков, смягчения последствий сезонных колебаний доходов и приобретения сельскохозяйственных ресурсов (Adjognon, Liverpool-Tasie and Reardon, 2017; Kangasniemi, Knowles and Karfakis, 2017).

Данные в разбивке по видам доходов (от сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности) по разным странам и регионам показывают, что чем ниже уровень благосостояния семьи, тем выше доля в общем доходе заработков от сельскохозяйственной деятельности и пособий и тем меньше доля поступлений от несельскохозяйственной деятельности (т.е. наёмного труда и самозанятости в несельскохозяйственных отраслях). Это несоответствие можно объяснить существенными колебаниями уровней производительности в несельскохозяйственной

деятельности: поскольку деятельность зажиточных домохозяйств как правило требует участия квалифицированной рабочей силы, она приносит более высокие доходы, чем соответствующая деятельность бедных семей (Davis, Di Giuseppe and Zezza, 2017; Kangasniemi, Knowles and Karfakis, 2017).

Влияние на эффективность сельскохозяйственного производства диверсификации с работой в несельскохозяйственных секторах зависит от того, насколько она дополняет или заменяет деятельность в самих хозяйствах. Если такая деятельность осуществляется для поддержания производства в хозяйстве, ее следствием может стать повышение производительности (Kangasniemi, Knowles and Karfakis, 2017); однако виды занятости, не связанные с сельским хозяйством, также могут способствовать смягчению рисков потери доходов и компенсации потребительских расходов (Davis, Di Giuseppe and Zezza, 2017). Если работа вне фермерского хозяйства заменяет собственно сельскохозяйственную деятельность, следствием этого может стать специализация внутри домохозяйств, когда каждый его член занимается тем, в чем имеет сравнительное преимущество (Losch, Fréguin-Gresh and White, 2012). Такая диверсификация характерна для молодых членов семей; можно предположить, что она является переходным этапом перед полным отказом от сельскохозяйственной деятельности. Во Вьетнаме 20 процентов от уровня снижения относительной доли сельского хозяйства в общей занятости объясняется тем, что сельская молодежь находит работу в секторах с более высокой производительностью, таких как промышленное производство (McCaig and Pavcnik, 2013).

Несмотря на то что исторические тенденции свидетельствуют об устойчивой положительной корреляции между благосостоянием и занятостью вне фермерских хозяйств (врезка 17), взаимосвязь между диверсификацией и благосостоянием не настолько однозначна и зависит от социально-экономического статуса семьи до диверсификации. Более зажиточные домохозяйства как правило выбирают специализацию, чтобы накапливать опыт и наращивать масштабы деятельности, но могут выбрать и диверсификацию как один из этапов перехода к другому виду деятельности, используя прибыль от деятельности, которой занимались в прошлом, для преодоления барьеров и ограничений. Более бедные домохозяйства используют диверсификацию для удовлетворения неотложных потребностей в денежных средствах или распределения рисков; если такие хозяйства решают заняться дополнительной деятельностью, они могут столкнуться с серьезными препятствиями, что ограничивает их возможности для дальнейшей диверсификации. ■

¹⁶ Только во Вьетнаме уровень благосостояния в большей степени определялся доходами от деятельности в фермерских хозяйствах.

ВРЕЗКА 16

ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ПО ВИДАМ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ В ПЕРУ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ

В таблице показано изменение показателей благосостояния и производительности фермерских хозяйств различных типов в Перу в период с 2005 по 2014 годы. Фермы, где ведется "натуральное хозяйство", сообщили, что производят продукцию главным образом для собственного потребления, имеют во владении менее 1,5 га посевных земель и менее 10 голов скота.

В хозяйствах "переходного уровня" земля используется для производства товарных культур, однако в их владении находится менее 5 га посевных земель и менее 10 голов скота. Хозяйства с "коммерческим производством" имеют во владении более 5 га посевных земель и/или 10 голов скота и учитываются отдельно от хозяйств уровня предприятий, так как представляют собой семейные хозяйства. Хозяйствами уровня "предприятий" управляют руководители, работающие на платной основе, соответственно их деятельность ведется в коммерческих масштабах.

В таблице приведены сведения, свидетельствующие о значительном повышении уровня благосостояния

перуанских фермеров за десятилетний период. Существенное сокращение нищеты по показателю потребления в хозяйствах всех типов сопровождалось расширением доступа домохозяйств к санитарным услугам, компьютерам и Интернету, приобретением в собственность таких активов, как легковые и грузовые автомобили, а также значительным увеличением доходов на душу населения. Кроме того, значительно выросла доля доходов домохозяйств, получаемых от деятельности вне фермерских хозяйств – это изменение коснулось различных типов семейных хозяйств, но не затронуло фермы уровня предприятий. Этот результат свидетельствует о растущей роли доходов от работы вне ферм в повышении благосостояния и сокращении масштабов нищеты населения, особенно небольших семейных хозяйств. Он же указывает на переход рабочей силы в несельскохозяйственные секторы. По состоянию на 2014 год только треть доходов домохозяйств, производящих продукцию для собственного потребления, была получена от сельскохозяйственной деятельности.

ИСТОЧНИК: Anríquez, Foster and Valdés, 2017.

	Виды фермерских хозяйств	Год	Уровень нищеты (%)	Доход на душу населения (в долл. США по курсу 2014 года)	Доход фермерского хозяйства/ совокупный доход (%)	С доступом к санитарным услугам (%)	Имеющие компьютер (%)	Имеющие пассажирский или грузовой автомобиль (%)
Семейные фермерские хозяйства	Натуральное хозяйство	2005	84,2	556	40,0	48,6	1,3	0,5
		2014	45,7	1377	33,8	78,7	5,8	2,0
	Переходный уровень	2005	71,3	792	51,0	58,8	2,5	1,8
		2014	31,7	1887	44,4	81,4	11,4	5,6
	Коммерческое производство	2005	66,3	914	61,3	59,0	3,3	5,7
		2014	25,8	2236	50,6	78,1	13,6	8,1
Предприятия	2005	9,7	3418	74,4	91,8	17,2	9,0	
	2014	6,2	9210	81,0	94,6	30,6	34,5	
Всего	2005	76,3	711	49,6	54,3	2,1	1,8	
	2014	38,4	1721	42,8	79,7	8,8	4,2	

ПРИМЕЧАНИЕ. Доход на душу населения конвертировался по обменному курсу на 2014 год (1 долл. США = 2,84 нового соля).

ИСТОЧНИК: Anríquez, Foster and Valdés, 2017, таблица 4.

Как структурная трансформация, так и преобразования в сельских районах предполагают перераспределение трудовых ресурсов с их оттоком из сельского хозяйства. На уровне домохозяйств эта тенденция выражается в диверсификации и специализации различной степени, в зависимости от социально-экономических характеристик и уровня благосостояния хозяйств, включая человеческий капитал. Несмотря на отсутствие прямой зависимости между благосостоянием и диверсификацией или специализацией, у зажиточных домохозяйств больше возможностей заниматься прибыльными видами деятельности вне фермерских хозяйств, тогда как для малоимущих семей основным способом диверсификации являются наемный труд в сельскохозяйственном секторе и самозанятость (Davis *et al.*, 2010; Davis, Di Giuseppe and Zezza, 2017).

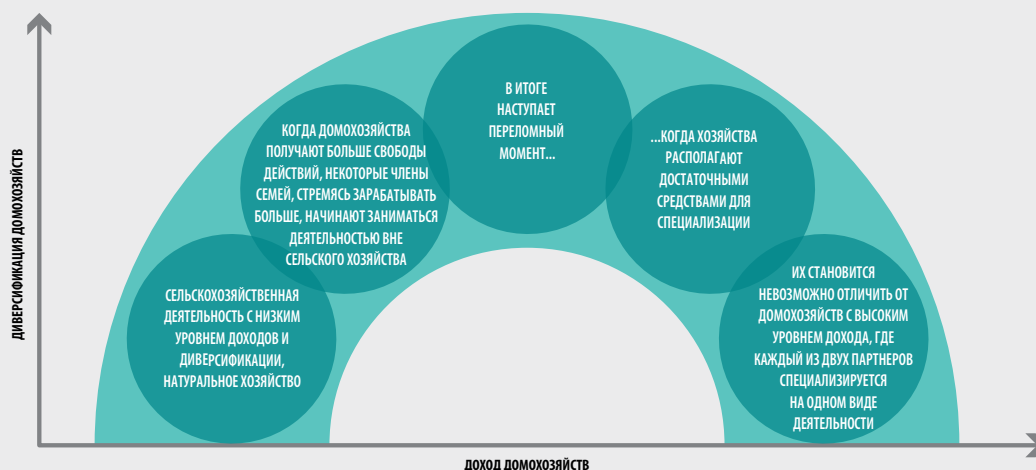
Специализация зачастую более эффективна, так как позволяет накапливать опыт и выигрывать за счет масштаба; этот способ выбирают домохозяйства с более высоким уровнем благосостояния; однако для малоимущих семей вариант специализации неприемлем вследствие рисков, неизбежно связанных с зависимостью от одного источника дохода. Поэтому они выбирают в качестве средства распределения рисков диверсификацию, хотя нередко в результате оказываются вынуждены переходить на низкодоходные производственные системы, применение которых укореняет такие явления, как низкопроизводительный труд и нищета (Barrett and Carter, 2013; Carter and Barrett, 2006; Dercon and Christiaensen, 2011).

В работе Losch, Fréguin-Gresh and White (2012) отмечается, что для понимания предпосылок диверсификации и специализации необходимо изучить модели изменений внутри домохозяйств и в их взаимодействии друг с другом. На ранних этапах преобразований в экономике преобладают лица, ведущие натуральное хозяйство, при крайне низком уровне диверсификации на страновом уровне и уровне домохозяйств, а большинство представителей фермерского сообщества не имеет постоянной занятости. В ходе преобразований темпы роста сельского хозяйства увеличиваются, что ведет к сокращению численности сельскохозяйственной рабочей силы. Однако фермеры, ведущие натуральное хозяйство, не готовы полностью уходить из сельского хозяйства из страха лишиться средств к существованию, поэтому вначале диверсификация происходит главным образом внутри хозяйств и начинается с

того, что некоторые члены семей находят работу вне аграрного сектора, в то время как другие продолжают производить продукты питания. Еще одной формой диверсификации внутри домохозяйств является работа фермеров, не имеющих постоянной занятости, по совместительству в несельскохозяйственных отраслях (Davis, Di Giuseppe and Zezza, 2017).

В ходе преобразований рынки растут и стабилизируются, и формируется новая институциональная среда, благоприятная для специализации и коммерческой деятельности. Многие частично занятые фермеры или фермерские домохозяйства, принявшие решение о диверсификации, перестают вести сельскохозяйственную деятельность и уходят в другие отрасли, в то время как другие фермеры углубляют специализацию, оставаясь в сельском хозяйстве. Этап диверсификации внутри домашних хозяйств подходит к концу. Однако диверсификация домашних хозяйств продолжается на национальном уровне; в результате формируется среда, в которой большинство домохозяйств и отдельных лиц имеют определенную специализацию, что способствует высокому уровню диверсификации экономики в целом.

На рисунке в стилизованном виде представлены различные формы диверсификации/специализации на разных этапах преобразований. В реальности это гораздо более сложный процесс, которым движут и многие другие факторы – такие как структура роста (в частности, сектор, которому принадлежит центральная роль в процессе – услуги или производство), модели урбанизации и стабильность связей между сельскими и городскими районами – которые определяют, какие возможности существуют и доступны для малоимущих слоев населения. Многочисленные источники подтверждают, что в большинстве сельских районов развивающихся стран диверсификация доходов домашних хозяйств является скорее нормой, чем исключением. Выбор тех или иных видов экономической деятельности во многом определяется уровнем обеспеченности и благосостояния, однако определенная степень диверсификации, подразумевающая деятельность в несельскохозяйственных секторах, распространена независимо от уровня социального благополучия (Davis, Di Giuseppe and Zezza, 2017; IFAD, 2016; Всемирный банк, 2007).

ИСТОЧНИК: Losch, Fréguin-Gresh and White, 2012, рис. 6.3.

АГРОПРОМЫШЛЕННОСТЬ ОТКРЫВАЕТ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ТЕХ, КТО ЗАПАЗДЫВАЕТ С ПРЕОБРАЗОВАНИЯМИ

Важность сельского хозяйства для несельскохозяйственных отраслей экономики

Несельскохозяйственная экономика сельских районов представлена многими видами деятельности – такими как торговля, агропереработка, производство, коммерческая деятельность и услуги; субъекты, действующие в этом секторе, имеют различные масштабы – это и небольшие кустарные мастерские, работающие на условиях частичной занятости, и крупные транснациональные компании. В основном это предприятия, отрасли промышленности и услуги, связанные с сельским хозяйством. Поскольку на сельское хозяйство обычно приходится наибольшая доля занятости, добавленной стоимости и объемов поставляемого сырья в сельских районах, оно оказывает прямое влияние на масштабы и структуру несельскохозяйственных отраслей сельской экономики.

В производственном секторе развивается и преобразуется агропромышленность, в которой осуществляется распределение вводимых ресурсов для сельского хозяйства, рыбного и лесного хозяйства, а также их продукции. В агропромышленный комплекс входят перерабатывающие предприятия – производственные предприятия, занимающиеся переработкой сырья и промежуточной продукции сельского хозяйства, включая продукты питания, напитки, табачные изделия, текстиль и одежду, изделия из древесины и мебель, бумажную продукцию и резиновые изделия (ООН, 2009). В большинстве развивающихся стран на агропромышленность приходится значительная доля добавленной стоимости, создаваемой в производственном секторе¹⁷.

В последние три десятилетия происходит стремительный рост агропромышленности в развивающихся странах. По оценкам, приведенным в публикации FAO (2007), с 1980 по 2005 год доля создаваемой развивающимися странами добавленной стоимости в мировом производстве продуктов питания, напитков, табака и текстиля почти удвоилась. Анализ имеющихся данных за период начиная с 2010 года (UNIDO, 2017) показал, что в 40 развитых и 53 развивающихся странах на подсектор производства

продуктов питания и напитков приходится в среднем 13 процентов от суммарной добавленной стоимости в производственных отраслях. Самая высокая средняя доля, 40 процентов, зарегистрирована в странах с низким уровнем доходов. К числу стран, где на предприятия по производству продуктов питания и напитков приходится более 40 процентов добавленной стоимости, создаваемой в производственных отраслях, относятся Алжир, Боливия (Многонациональное Государство), Бурунди, Малави, Монголия, Намибия, Свазиленд и Объединенная Республика Танзания.

В большинстве развивающихся стран подсектор производства продуктов питания и напитков представлен многочисленными разрозненными фирмами – обычно это семейные малые предприятия или микропредприятия, не получающие выгод за счет масштаба. Анализ данных MOT, приведенный в исследовании Wilkinson and Rocha (2009), показал, что в среднем 60 процентов занятых в подсекторе жителей развивающихся стран работают практически без социальных гарантий со стороны мелких неформальных фирм. Несмотря на это, в странах с низким уровнем доходов и с уровнем доходов ниже среднего в нем создается более 50 процентов, а в странах с доходом выше среднего – более 60 процентов добавленной стоимости формального агропромышленного комплекса. В некоторых африканских странах, таких как Сенегал и Эфиопия, на производство продуктов питания и напитков приходится более 70 процентов добавленной стоимости, создаваемой в агропромышленности; производство табака и текстиля составляет существенную долю этого показателя только в Азии и в некоторой степени – на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Последние данные Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) свидетельствуют о том, что подсектор по производству продуктов питания и напитков играет важную роль в формировании суммарной добавленной стоимости производства в большинстве развивающихся регионов; так, в странах Латинской Америки доля этой отрасли составляет 20-30 процентов, а в большинстве стран Азии и Северной Африки – 10-25 процентов. Доля предприятий по производству продуктов питания и напитков во всех трех регионах мало изменилась за последнее десятилетие; исключением являются Египет и Тунис, где отмечено ее снижение. Самый низкий вклад подсектора зарегистрирован в Азии, особенно в Индии и Китае, где он не превышает 10 процентов; в Бангладеш и Малайзии этот показатель составляет менее 15 процентов. Вероятно, эта тенденция объясняется бурным развитием в большинстве азиатских стран других производственных отраслей, следствием которого является существенное увеличение совокупной добавленной стоимости, создаваемой сектором, по сравнению с 1990-ми годами

¹⁷ Валовая добавленная стоимость, создаваемая производственной промышленностью, представляет собой разность между стоимостью выпущенной в отрасли продукции и промежуточным потреблением. Чистая добавленная стоимость - стоимость выпущенной в отрасли продукции за вычетом стоимости промежуточного потребления и потребления основного капитала (OECD, 2007).

РИСУНОК 20

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЗДАВАЕМОЙ ПОДСЕКТОРОМ ПРОИЗВОДСТВА ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ И НАПИТКОВ ДОБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ИНДОНЕЗИИ, 1990-2013 ГОДЫ

ИСТОЧНИК: UNIDO, 2017.

(UNIDO, 2017)¹⁸. На рисунке 20 показана динамика по Индонезии, где возрастает абсолютный объем производства и вместе с тем увеличивается доля подсектора производства продуктов питания и напитков.

Относительная значимость предприятий, производящих продукты питания и напитки, наиболее высока в странах Африки к югу от Сахары – в большинстве стран региона на нее приходится 30-50 процентов от общей добавленной стоимости производственной промышленности, а в Бурунди и

Свазиленде – более 80 процентов¹⁹. Доля подсектора снижается в таких странах, как Камерун, Малави, Сенегал и Эфиопия, однако увеличивается в Кении и Объединенной Республике Танзания, где в период 2010-2013 годов произошел значительный рост его доли в суммарной добавленной стоимости производственного сектора, который составил более 400 процентов и 800 процентов соответственно (UNIDO, 2017). Такое увеличение может частично объясняться ростом доли добавленной стоимости, создаваемой предприятиями по производству продуктов питания и напитков, как было отмечено в публикации Thurlow *et al.* (2016).

¹⁸ По сравнению с периодом 1990-х годов добавленная стоимость производственных отраслей увеличилась в Бангладеш на 1100 процентов, в Индии на 640 процентов, в Индонезии на 930 процентов, в Китае на 1340 процентов, в Малайзии на 670 процентов, а на Филиппинах – на 200 процентов (расчеты ФАО по данным UNIDO, 2017).

¹⁹ Полные данные за последнее время доступны только для следующих стран: Камерун, Кения, Малави, Сенегал, Объединенная Республика Танзания, Эфиопия и Южная Африка в Африке к югу от Сахары; Бангладеш, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Таиланд и Филиппины в Азии; Бразилия, Колумбия, Мексика и Перу в Латинской Америке; Египет, Марокко и Тунис в Северной Африке; и Турция в Западной Азии.

Поскольку трудоемкость и производительность труда в пищевой промышленности выше, чем в среднем в производственных отраслях (Wilkinson and Rocha, 2009), подотрасль производства продуктов питания и напитков является перспективным источником занятости для тех, кто уходит из сельского хозяйства. В последние два десятилетия занятость в производственном секторе является ключевым фактором сокращения масштабов нищеты, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии. В Китае число работников, занятых в производстве, увеличилось более чем на 60 процентов; из них в агропромышленном комплексе заняты около 8 процентов. В Индонезии и Малайзии доля занятых в агропромышленности в общем числе работников производственных отраслей выше: в 2012 году она составила 12 процентов и 16 процентов соответственно.

Тем не менее в странах Африки к югу от Сахары, даже в Кении и Объединенной Республике Танзания, где по сравнению с 1990-ми годами производственный сектор существенно вырос, ощутимого увеличения числа занятых в производстве не произошло. Другой особенностью африканских стран является то, что доля агропромышленного комплекса в общем объеме занятости в производственных отраслях здесь заметно выше, чем в других регионах – она колеблется от 35 до 50 процентов, тогда как в Латинской Америке и Северной Африке не превышает 25 процентов.

Эти показатели заставляют предположить, что, несмотря на важность агропромышленности в целом, объем подсектора производства продуктов питания и напитков в странах Африки к югу от Сахары остался на прежнем уровне. Возможно, это связано со структурными недостатками отрасли, основными субъектами которой являются многочисленные мелкие семейные предприятия. Такие предприятия создают возможности трудоустройства для значительной части сельских семей, однако они нестабильны, не могут получать выгоды за счет масштаба и часто обеспечивают только сезонную работу. В этом регионе действует ряд крупных транснациональных компаний, однако их присутствие лишь незначительно влияет на уровень занятости, что объясняется их высокой капиталоемкостью.

Чтобы эффективно использовать возможности, создающиеся в пищевой промышленности, для обеспечения занятости сельского населения вне фермерских хозяйств, диверсификации доходов и сокращения масштабов нищеты, вопросы агропромышленного развития должны занимать центральное место в разрабатываемых государством мерах политики и стратегиях, особенно в странах, где в перспективе возможно увеличение производительности

сельского хозяйства. Развитие агропромышленного комплекса также может сыграть важную роль в раскрытии потенциальных сравнительных преимуществ скоропортящихся продуктов, таких как фрукты и овощи – это можно проследить на примере Ближнего Востока и Северной Африки (врезка 18).

Рост агропромышленности: проблема охвата

Структура возможной занятости вне фермерских хозяйств варьируется в зависимости от местности. В сельских районах преобладают семейные перерабатывающие фирмы и небольшие предприятия розничной торговли, в то время как в малых городах и поселках сосредоточены организации сферы услуг и оптовой торговли, а также производственные предприятия, в том числе агропромышленные предприятия и организации, осуществляющие вспомогательную деятельность, не связанную с работой в фермерских хозяйствах (Haggblade, Hazell and Reardon, 2010). Такая неоднородность обуславливает значительные колебания уровней производительности и рентабельности в зависимости от географического положения, гендерной структуры сообществ и особенностей домохозяйств, поскольку рентабельность в значительной степени зависит от потребностей в физическом и человеческом капитале.

На многих агропромышленных предприятиях, где производится продукция с высокой добавленной стоимостью, работает все больше женщин. Данные, приведенные в публикации ЮНИДО (UNIDO, 2017), указывают на рост числа и доли женщин, занятых в пищевой промышленности. Динамика по регионам и странам значительно различается, однако в целом во многих странах с низкими доходами отмечается значительный рост числа занятых в этой сфере женщин. Так, в период с 1990 по 2011 годы в Бангладеш число женщин, работающих на предприятиях по производству продуктов питания и напитков, увеличилось в 10 раз, в то время как доля работающих женщин в процентном выражении выросла с 6 до 23 процентов. За тот же период количество работающих женщин в Эфиопии и Кении увеличилось на 137 и 90 процентов соответственно, тогда как их доля выросла соответственно на 5 и 12 процентов.

В ряде источников дается информация о различной степени участия женщин в пищевой промышленности. В Доминиканской Республике женщины составляют примерно 50 процентов рабочей силы в сфере переработки продукции садоводства; в Мексике – около 90 процентов работников предприятий по упаковке садоводческой продукции (Bagón, 1999; Reynolds, 1998); в Замбии и Кении женщины

ВРЕЗКА 18

АГРОПРОМЫШЛЕННОСТЬ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Структурная трансформация и преобразования в сельских районах большей части Ближнего Востока и Северной Африки сдерживаются отсутствием альтернативных возможностей занятости: те, кто уходит из сектора, как правило, находят работу в низкопроизводительных предприятиях сферы услуг. В то же время росту производительности сельского хозяйства препятствуют засушливый климат региона и нехватка воды, которые ограничивают возможности для расширения орошаемых площадей и, соответственно, создают неблагоприятные условия для аграрного сектора (Breisinger *et al.*, 2017). Во многих странах активное применение ирригации, которое началось в 1970-х годах, привело к истощению водоносных горизонтов и дефициту воды. Кроме того, источником значительной части поверхностных вод во многих странах региона являются трансграничные реки, например, Евфрат, Нил, и Тигр (FAO, 2016e).

Несмотря на нехватку воды, в регионе в основном выращиваются культуры с низкой производительностью в расчете на единицу воды, такие как зерновые, которые не дают высоких урожаев без орошения (Elbehri and Sadiddin, 2016). Причиной такого положения стали принятые ранее меры политики, ориентированные на выращивание зерновых культур, которые были введены в действие в таких странах, как Египет, после роста цен на продукты питания в 2007-2008 годах. Несмотря на принятые меры, уровень их производства недостаточно высок для того, чтобы существенно уменьшить высокую зависимость региона от импорта зерновых (Breisinger *et al.*, 2017; Elbehri and Sadiddin, 2016).

Однако сельское хозяйство региона имеет сравнительное преимущество в плане производства отдельных товаров, в частности, фруктов, овощей, масличных культур и некоторых видов продукции животноводства (Breisinger *et al.*, 2017). В таких странах, как Египет, Иордания и Ливан, возможно добиться более экономного распределения ресурсов за счет сокращения производства зерновых в пользу культур с высокой эффективностью водопотребления и повышения технической эффективности, в частности, более рационального использования воды (Elbehri and Sadiddin, 2016).

Развитие рыночных возможностей в различных сегментах производственно-сбытовой цепи за счет развития агропромышленности позволит заинтересовать фермеров в использовании этих сравнительных преимуществ. Вклад агропромышленного комплекса Египта в ВВП страны невелик (6,1 процента), однако доля продукции агропромышленного комплекса в общем объеме экспорта составляет 14,2 процента. В Тунисе вклад агропромышленности в создание добавленной стоимости составляет менее половины доли аграрного сектора, однако ее доля в экспорте в четыре раза выше (Breisinger *et al.*, 2017). В настоящее время агропромышленный сектор региона в основном представлен мелкими разрозненными предприятиями с низкой производительностью. Для того чтобы максимально эффективно использовать имеющийся потенциал, необходима консолидация этих предприятий для увеличения их масштаба.

составляют более 65 процентов работников предприятий, связанных с садоводством (как фермерских хозяйств, так и упаковочных складов) (Barrientos, Dolan and Tallontire, 2001). Соответствующие цифры свидетельствуют не только о том, что женщины занимают в мелкомасштабном сельском хозяйстве более уязвимое положение, чем мужчины, и, наряду с молодежью, составляют непропорционально большую долю работников наиболее нестабильных видов хозяйств, но и о том, что им доверяют самые низкооплачиваемые работы в агропромышленном комплексе (Bitzer *et al.*, 2016).

Малоимущие домохозяйства в основном занимаются низкорентабельными видами деятельности, такими как мелкая торговля и неквалифицированный наемный труд (Haggblade, Hazell and Reardon, 2010). Наемным трудом в сельском хозяйстве также зарабатывают главным образом малоимущие; обычно доля доходов от такого труда в суммарных доходах сельских домохозяйств наиболее велика в квинтиле, к которому относятся беднейшие домохозяйства, особенно в странах с развитым аграрным сектором, таких как Малави, Объединенная Республика Танзания и Эфиопия (FAO, 2017e). Маломасштабная

агропромышленность отличается низкой капиталоемкостью и поэтому подходит для малоимущих домохозяйств. Однако многие из этих предприятий имеют низкую производительность; это заставляет предположить, что их создание – скорее "диверсификация от безысходности", к которой малоимущее население вынуждено прибегать в силу отсутствия более выгодных альтернатив.

Данные публикации Всемирного банка и МФСР (World Bank & IFAD, 2016) свидетельствуют о том, что за последние два десятилетия во всем мире неравенство в сельских районах увеличилось. Наиболее существенный рост неравенства отмечается в странах, где происходят стремительные преобразования и успешно ведется работа по сокращению масштабов нищеты в сельских районах. Например, в период с 1990-х по 2010-е годы в сельских районах Вьетнама и Китая коэффициент Джини вырос с 30 до 40 и с 26 до 32 соответственно. В Африке к югу от Сахары, где преобразования в промышленности имели весьма ограниченный масштаб, уровень сокращения нищеты в сельских районах был скромным и неравенство в большинстве стран увеличилось незначительно. Уровень неравенства снизился только в тех регионах, где он уже был высоким, в частности, в большинстве стран Южной Америки, где уровень урбанизации выше, чем в других развивающихся регионах. ■

БОЛЕЕ ИНКЛЮЗИВНЫЙ РОСТ НЕСЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Сельские жители чаще всего ведут несельскохозяйственную деятельность недалеко от домохозяйств, где проживают; она заключается в производстве основных потребительских товаров и услуг и в большинстве случаев не носит круглогодичного характера. Поскольку такая деятельность обычно является средством смягчения рисков, она не гарантирует расширения возможностей устойчивой занятости (Nagler and Naudé, 2014). Однако в ходе исследования Jin and Deininger (2009), охватывающего несколько африканских стран, было установлено, что, несмотря на небольшой масштаб сельских предприятий (менее 2 процентов из них нанимают более десяти работников, и лишь в 15 процентах работают не только члены семей), они являются источником занятости и доходов для 17-27 процентов работающего населения. Создаваемая этими предприятиями добавленная стоимость на одного человека сопоставима с данным показателем для городских неформальных предприятий; тем самым они вносят значительный вклад в совокупный уровень ВВП и занятости – даже в Объединенной Республике

Танзания, которая является преимущественно аграрной страной.

В результате исследования Page and Shimeles (2014) было установлено, что страны Африки югу от Сахары не сталкиваются с острой проблемой безработицы. Авторы утверждают, что, поскольку наблюдающийся в последние годы экономический рост привел к значительному расширению возможностей оплачиваемой занятости только в Ботсване, Нигерии и Южной Африке, уровень безработицы в регионе в целом оставался низким за счет роста неформального сектора. Положение на рынке занятости в формальном секторе в ближайшем будущем вряд ли улучшится. По самым оптимистичным прогнозам, только 25 процентов из 220 млн молодых жителей стран Африки к югу от Сахары, которые войдут в трудоспособный возраст к 2035 году, смогут найти оплачиваемую работу (AGRA, 2016). В секторе наемного труда региона активно создаются рабочие места, однако их недостаточно для поглощения новой рабочей силы, так как база для развития очень слаба (Filmer and Fox, 2014).

Учитывая высокие темпы прироста численности населения в Африке к югу от Сахары, для достижения в этом регионе такого же уровня занятости, как в странах с более низкими демографическими показателями, необходимы более высокие инвестиции в промышленность (Fox, Thomas and Haines, 2017). Так, в предыдущее десятилетие темпы роста численности рабочей силы во Вьетнаме составили всего две трети от соответствующего показателя в Сенегале, следовательно, только для повышения доли населения, занятого в промышленности, до уровня, зарегистрированного во Вьетнаме в 2008 году, объем инвестиций в производство в последнем должен быть на 50 процентов выше, чем во Вьетнаме (Filmer and Fox, 2014). Это подчеркивает важность соотношения между ростом численности населения и инвестиционными стратегиями.

Смена ролей женщин в период преобразований в сельском хозяйстве

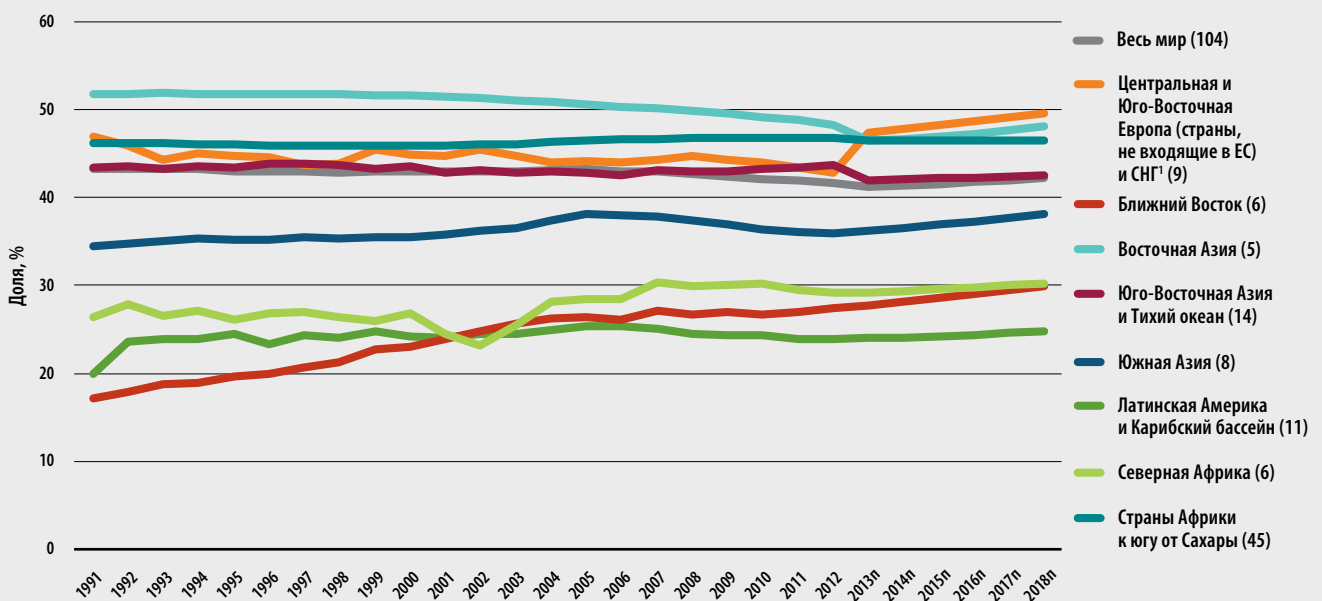
Преобразования в сельских районах расширяют возможности трудоустройства в несельскохозяйственных секторах как для женщин, так и для мужчин. Однако во многих развивающихся странах мужчины уходят из аграрного сектора, а женщины остаются в фермерских хозяйствах или уходят в другие сферы гораздо медленнее. Со временем объем их обязанностей в сельском хозяйстве даже возрастает. "Феминизация сельского хозяйства" – явление, характерное для многих стран, однако его объемы трудно оценить точно, что связано со сложностью сбора информации обо всех видах занятости женщин, включая работу по совместительству и сезонные работы.

На рис. 21 показано, что доля женщин, занятых в сельском хозяйстве, растет во всех развивающихся регионах, за исключением Восточной и Юго-Восточной Азии, где отсутствие тенденции к повышению объясняется тем, что в этих регионах женщины уже сейчас составляют около 50 процентов сельскохозяйственной рабочей силы. Женщины традиционно активно участвуют в сельскохозяйственных работах в странах Африки к югу от Сахары, где они составляют 47 процентов, а во многих странах – более 50 процентов сельскохозяйственной рабочей силы. Динамика занятости женщин в аграрном секторе стран Африки южнее Сахары в последние несколько десятилетий существенно не изменилась, однако, насколько можно судить, меняются их роли и обязанности – например, от натурального хозяйства они переходят к работе по найму, а из членов домохозяйств, вносящих вклад в их содержание, превращаются в основных производителей. Однако с использованием имеющихся в настоящее время данных эти изменения трудно увидеть на национальном уровне.

В других развивающихся регионах занятость женщин в сельском хозяйстве находится на подъеме по сравнению с занятостью мужчин. Наиболее разительная смена ролей женщин происходит на Ближнем Востоке и в Северной Африке. На Ближнем Востоке доля женщин, занятых в сельском хозяйстве, с 1990 года почти удвоилась; в Северной Африке за тот же период она увеличилась с 25 до 30 процентов и более. Доля женщин в сельском хозяйстве также растет в Южной Азии, странах Центральной и Восточной Европы, не входящих в Европейский союз, и Содружестве независимых государств. Динамика в некоторых странах намного превышает средние показатели по регионам. Так, с 1990 года в Бангладеш доля женщин в сельскохозяйственной рабочей силе возросла с 50 до 66 процентов, в Непале с уровня чуть более половины до 60 процентов; в Афганистане и Пакистане с 15 до 21 и 36 процентов соответственно.

Даже в Латинской Америке, где сельское хозяйство традиционно считалось мужским занятием, в аграрном секторе становится все больше женщин. Например, в

РИСУНОК 21
ДОЛЯ ЖЕНЩИН В ЧИСЛЕ ЛИЦ, ЗАНЯТЫХ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ, ВО ВСЕМ МИРЕ И ПО РЕГИОНАМ

¹ Содружество Независимых Государств.

ПРИМЕЧАНИЯ: данные за период после 2013 года представляют собой прогнозные значения, рассчитанные МОТ.

ИСТОЧНИК: ILO, 2014.

1990 году в сельском хозяйстве Колумбии и Панамы работало совсем немного женщин, но за последние годы в обеих странах их доля увеличилась как минимум до 20 процентов. В Эквадоре и Парагвае этот показатель вырос более чем вдвое – с уровня чуть более 15 процентов в 1990 году до 32 и 37 процентов соответственно. В Перу, где исходный показатель составлял примерно одну треть, он поднялся почти до 40 процентов.

Одним из основных факторов, ведущих к росту занятости женщин в сельском хозяйстве, является миграция мужского населения. Данные по странам Африки к югу от Сахары показывают, что мигрантами становятся главным образом молодые люди, а женщины мигрируют реже. Чтобы понять, ведет ли расширение роли женщин в сельском хозяйстве к улучшению благосостояния или лишь укореняет существующее неравенство в доступе к ресурсам и человеческому капиталу, необходимы дополнительные исследования. См. анализ роли миграционных потоков в преобразованиях на селе в разделе "**Крупным планом: факторы и последствия миграции из сельских районов**", стр. 98.

Достойная занятость, трудовые навыки и роль социальной защиты

Создание новых и повышение качества существующих рабочих мест в сельских районах должно быть основным элементом любой стратегии, направленной на решение проблем нищеты и отсутствия продовольственной безопасности. Это означает, что занятость вне фермерских хозяйств должна расширять права и возможности малоимущих и маргинализированных слоев населения, для чего необходимо предоставлять равные возможности всем, независимо от пола, возраста или этнической принадлежности. Только достойная занятость, которая обеспечивает надлежащий уровень доходов, может стать мощной движущей силой для достижения долгосрочной продовольственной безопасности, сокращения масштабов нищеты и устойчивого развития (FAO, 2012a).

Расширение деятельности вне фермерских хозяйств в сельских районах открывает возможности для малоимущих сельских семей, только если они имеют или могут приобрести навыки, необходимые для использования этих возможностей. Однако достойная занятость вне фермерских хозяйств остается во многом связанной с уровнем образования (Lanjouw and Murgai, 2009). Результаты исследования Jin and Deininger (2009) показали, что наиболее распространенными субъективными трудностями для малых сельских семейных предприятий являются нехватка финансирования и

слабая инфраструктура; чуть менее значимы нехватка электроэнергии, нестабильность и отсутствие доступа к рыночной информации.

В ходе исследования занятости молодежи в субсахарской Африке представители практически всех семейных предприятий сообщили, что начинают свой бизнес на собственные средства или на деньги, занятые у друзей и родственников, а не на официальные кредиты. В исследовании отмечается, что заемщики должны иметь возможность регулярно откладывать средства и крайне важно создать соответствующий механизм сбережения. Мобильные банковские услуги, которые впервые были введены в Кении, где ими пользуются 50 процентов взрослого населения, могут расширить охват вкладчиков в отдаленных районах и сократить операционные издержки, возникающие при обслуживании мелких вкладчиков (Filmer and Fox, 2014).

Сельское хозяйство, которое по-прежнему является крупнейшим источником занятости в сельских районах и основным поставщиком сырья, в особенности в странах, где преобразования начались лишь недавно, определяет размер и структуру несельскохозяйственных отраслей сельской экономики. Характер роста в странах, где сельское хозяйство претерпевает стремительные преобразования, и странах, где изменений в секторе не происходит, существенно различается с точки зрения темпов и структуры преобразований. В публикации Stifel (2014) отмечается, что в Эфиопии, где зарегистрирован стабильный рост производительности сельского хозяйства, 51 процент домашних хозяйств начали вести несельскохозяйственную деятельность, используя доход от сельского хозяйства. Кроме того, недавнее исследование в Бангладеш показало, что занятость вне фермерских хозяйств и изменение ее структуры, причиной которого часто становятся потрясения, имеющие неблагоприятные последствия для продуктивности сельского хозяйства, такие как наводнения и засухи, являются важными положительными факторами (Shilpi and Emran, 2016).

Рост производительности в сельском хозяйстве является обязательным условием обеспечения продовольственной безопасности уязвимых групп населения и укрепления конкурентоспособности мелких фермеров. Для развития устойчивой агропромышленности крайне важны меры политики, ориентированные не только на фермерские хозяйства и стимулирующие развитие перерабатывающих отраслей как средства повышения ценности продукции. Поэтому меры политики, направленные на агропромышленность,

должны занимать центральное место в государственных стратегиях и быть интегрированы в механизмы социальной политики, направленные на укрепление продовольственной безопасности и сокращение масштабов нищеты. Следует уделять более пристальное внимание поддержке малых и средних предприятий пищевой промышленности посредством мероприятий по наращиванию потенциала, кластеризации и внедрения современных технологий; такая поддержка позволит им выигрывать за счет масштабов и повышать собственную конкурентоспособность. Необходимо учитывать ограничения, присущие неформальному сектору, при разработке мер политики и содействовать включению малых перерабатывающих предприятий в цепи поставок на основании официально оформленных контрактов.

Крайне важную роль в обеспечении малоимущим группам населения возможностей трудоустройства в высокопроизводительных отраслях и получения дохода играет социальная защита. Программы социальной защиты способствуют повышению производительности путем укрепления человеческого капитала, расширения доступа к финансовым ресурсам и обеспечения малоимущим возможности брать на себя риски, в частности, через освоение новых методов производства или открытие малых предприятий. Отдельные лица, домохозяйства и предприятия могут сталкиваться с ограничениями, не позволяющими им повышать производительность труда в сельском хозяйстве и других секторах, такими как отсутствие ликвидности, заемных средств или страхования. Они могут стать помехой инвестициям в человеческий и физический капитал либо в деятельность, такую как создание малых предприятий. Меры социального обеспечения помогают домохозяйствам преодолевать препятствия, позволяя им повышать собственное благосостояние и тем самым снижая их потребность в защите.

Формирование человеческого капитала не только стимулирует развитие несельскохозяйственных секторов экономики, но и ускоряет структурную трансформацию и преобразования сельских районов в целом. Для повышения производительности сельского хозяйства и развития высокопроизводительных секторов услуг и производственных отраслей необходимы достаточно квалифицированные работники. Навыки служат дополнением к технологиям²⁰ и являются

²⁰ Вопрос изменения требований к квалификации в связи с техническим прогрессом широко освещается в литературе. См., например, публикацию Acemoglu (2002), где утверждается, что изменение требований к квалификации, связанное с техническим прогрессом, началось как минимум 60 лет назад.

необходимым условием для устройства на более высокооплачиваемую работу²¹. Соответственно, для придания преобразованиям в сельских районах инклюзивного характера крайне важны меры политики на всех уровнях, направленные на поддержку образования, хотя их воздействие будет ощущаться лишь в долгосрочной перспективе. В краткосрочной перспективе программы социальной защиты способствуют достижению той же цели через обусловленные и безусловные денежные выплаты, которые приводят к увеличению посещаемости школ детьми в домохозяйствах-бенефициарах (Barrientos, 2012; Bastagli *et al.*, 2016). ■

ВЫВОДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ В ОБЛАСТИ ПОЛИТИКИ

Создание достаточного количества рабочих мест для сельского населения в развивающихся странах в предстоящие годы представляется крайне сложной задачей. В рамках усилий по увеличению числа рабочих мест и повышению их качества, особенно для быстро растущего молодого населения, следует уделять особое внимание положению в сельских районах и принимать меры, ориентированные не только на сельское хозяйство, но и на несельскохозяйственные виды деятельности. Такая необходимость обусловлена в первую очередь тем, что сельское хозяйство является наиболее важным источником продовольствия и дохода для малоимущих слоев населения, а во вторую – тем, что оно может играть ключевую роль в стимулировании несельскохозяйственной деятельности, особенно в перспективных районах. Такой подход актуален для многих стран Африки к югу от Сахары, где производительность фермерских хозяйств по-прежнему остается низкой, несмотря на высокий потенциал роста аграрного производства.

При проведении государственной политики и мероприятий, направленных на развитие несельскохозяйственного сектора в сельских районах, необходимо усилить акцент на физическую и институциональную инфраструктуру. Мероприятия, направленные на повышение объемов сельскохозяйственного производства и производительности, будут необходимы и в дальнейшем, однако при их осуществлении следует уделять более пристальное внимание увязке деятельности фермерских хозяйств с сельской экономикой за их пределами, для чего необходимы

²¹ Существует ошибочное мнение, что создание рабочих мест - процесс, не связанный с доступностью рабочей силы. Эти два аспекта действительно не всегда согласуются между собой, однако решения в сфере производства и технологий, как правило, связаны с численностью и типом имеющейся на рынке рабочей силы.

ПЕРУ

Малообеспеченные женщины продают готовую еду в Лиме.
©FAO/O. Argenti

новаторские подходы в сегментах производственно-сбытовых цепей на этапах после производства в фермерском хозяйстве, которые позволят мелким фермерам повышать добавленную стоимость и увеличивать доходы. В целом меры политики должны быть ориентированы на стимулирование предпринимательства в сельских районах, улучшение сельской инфраструктуры, укрепление человеческого капитала и грамотное использование потенциальных сравнительных преимуществ территорий. Кроме того, необходимые условия для обеспечения устойчивого и инклюзивного характера преобразований в сельских районах включают расширение возможностей получения недорогих кредитов и доступной по ценам энергии и улучшения в сфере образования и повышения квалификации с применением сбалансированного подхода с учетом гендерной проблематики.

Оттока населения из сельской местности можно избежать, если доступные ему виды экономической деятельности будут обеспечивать достаточный уровень благосостояния. Распределение населения по сельским районам любой страны в значительной мере определяется наличием земельных, водных и

прочих природных ресурсов, а также инфраструктурой. Экономическая база многих сельских районов включает в себя и другие природные ресурсы – например, полезные ископаемые, леса или туристические достопримечательности – с которыми может быть связана оплачиваемая деятельность. Для расширения и поддержания деятельности, охватывающей отдаленные сельские районы, также могут использоваться транспортные коридоры. Малоимущие группы сельского населения не смогут воспользоваться преимуществами этих новых возможностей без поддержки, позволяющей им преодолеть многочисленные трудности, с которыми они сталкиваются в настоящее время.

Содействие семейным предприятиям должно быть одним из обязательных пунктов национальных и местных планов развития в странах с низкими доходами, где происходят преобразования. В настоящее время такой шаг предприняли лишь единичные страны. Чтобы гарантировать эффективную поддержку развития предпринимательства, она должна сопровождаться институциональными реформами, направленными

на сокращение операционных издержек и укрепление сельско-городских связей. В свою очередь, для проведения таких реформ необходимо отказаться от привычного узкоотраслевого подхода к разработке мер политики и планированию; на смену ему должен прийти новый подход, основанный на признании важной роли малых городов и поселков в экономическом развитии сельских районов и сельско-городского континуума. Кроме того, необходимо учитывать стремительные изменения в территориальном аспекте, например, роль современных телекоммуникационных технологий, которые обеспечили фермерам и сельским домохозяйствам беспрецедентно широкие возможности для получения доступа к рынкам и применения знаний и информации.

В целом основой экономики любого сельского района является деятельность, в которой сравнительные преимущества и возможность сохранять конкурентоспособность, несмотря на воздействие внешних рыночных сил, связаны с

географическим положением. Однако конкурентоспособность зависит также от масштабов экономической базы и создаваемого ей на местном уровне спроса. Поскольку в территориальном распределении факторов, определяющих рост сельскохозяйственного производства и спрос на сельскохозяйственную продукцию со стороны агропромышленности, существует определенная закономерность, для предотвращения и уменьшения перекосов в развитии, обусловленных принятыми в настоящее время подходами к вложениям в инфраструктуру и другим государственным инвестициям, необходимы согласованные действия. Меры политики, имеющие отраслевую направленность, могут давать различный эффект в различных районах, что диктует настоятельную необходимость уделять внимание территориальным аспектам при разработке мер политики, для чего нужно использовать территориальный подход, способствующий устранению географически обусловленных диспропорций в структуре развития. Этому подходу посвящена глава 5. ■

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИИ ИЗ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ

Одной из отличительных черт структурных трансформаций и преобразований в сельских районах в прошлом была массовая миграция населения из сельской местности в города. Миграционные потоки представляют собой комплексное явление, которое с трудом поддается анализу. Например, сегодня в центре внимания международная миграция в Европу и Северную Америку, однако миграционные потоки с юга на север – лишь часть сложной картины, которая включает в себя миграцию между развивающимися странами и внутри этих стран. Исходной точкой миграции могут быть как сельские, так и городские районы, и в зависимости от продолжительности она может принимать различные формы. Она может быть постоянной или временной, как, например, сезонные перемещения сельскохозяйственных рабочих. Миграцию могут вызывать самые различные факторы, а зачастую – их комбинация. Ее особенности могут зависеть от различий в экономических и других возможностях в районах выхода и пунктах назначения мигрантов. Кроме того, причиной массовой миграции становятся затяжные кризисы, возникающие в результате конфликтов и стихийных бедствий.

Какими бы разными ни были формы и движущие силы миграции, отток населения из сельских районов неизбежно становится частью любого процесса структурной трансформации и преобразований на селе. Однако его точные численные характеристики и отличительные черты зависят от контекста и часто с трудом поддаются оценке. Это связано с тем, что процессы, влияющие на решения, связанные с миграцией, еще недостаточно хорошо изучены. Миграция связана с поиском новых возможностей, однако непросто предсказать, кто и куда будет мигрировать и чем может быть вызвано такое перемещение. Миграция является чрезвычайно важным фактором, определяющим направление развития стран, однако ее динамика и последствия зависят от национальной политики и планирования, а также от

ИДОМЕНИ, ГРЕЦИЯ

Мигранты и беженцы пытаются добраться в Северную Европу.
©FAO/Giuseppe Carotenuto

того, как распределяются ресурсы между сельскими районами и городами разной площади. Более глубокий анализ решений, связанных с миграцией, способствует повышению эффективности национальных мер политики и стратегий, направленных на обеспечение инклюзивного роста несельскохозяйственных секторов экономики в сельских районах.

Городские и сельские предприятия предлагают рабочие места вне фермерских хозяйств

Если отток населения вызван отсутствием рабочих мест на селе, удовлетворить потребности потенциальных мигрантов и предотвратить миграцию может создание возможностей трудоустройства за пределами фермерских хозяйств. Если мигрантов привлекают более благополучные условия в регионах назначения, которые, как правило, являются городскими центрами, эффективной может быть другая стратегия, предполагающая инвестиции в услуги на уровне агломерации – в малых городах и поселках, распределенных по той или иной территории и находящихся в непосредственной близости от сельских районов.

Например, следствием быстрого экономического роста в Китае с начала 1980-х годов стала крупномасштабная сельско-городская миграция. К концу 1980-х годов около 30 млн человек переехали в города. Объемы миграции резко возросли в 1990-е годы, когда были сняты ограничения на регистрацию городских домохозяйств (Zhang, Yang and Reardon, 2017). По оценкам, к 2010 году общее число мигрантов из сельских районов составляло до 180 млн человек (Fan, 2009). Одновременно с этим правительство Китая стимулировало индустриализацию сельских районов, содействуя развитию деревенско-городских предприятий, где фермерам, которые прекращали заниматься сельским хозяйством, предоставлялась возможность работы на производстве. Доля сельских районов в объеме выпуска продукции производственной промышленности страны возросла с 14,3 процента в 1980 году до 70,4 процента в 2002 году, что свидетельствует о способности таких предприятий поглощать рабочую силу и обеспечивать занятость населения.

В работе Song, Thisse and Zhu (2012) отмечается, что модели миграции зависят от таких факторов, как кумулятивный эффект развития городов, транспортные расходы, издержки, связанные с миграцией, территориальные различия в технологической эффективности экономической деятельности, а также неоднородность потенциальных мигрантов из сельской местности в города. Все эти факторы в некоторой степени определяются страновой стратегией в области

КРУПНЫМ ПЛАНOM ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИИ ИЗ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ

развития. Так, в Китае, несмотря на масштабную миграцию, успешная индустриализация сельских районов в сочетании с ростом средних городов и расходов на миграцию в результате введения в действие соответствующих мер политики, насколько можно судить, привела к снижению миграционных потоков до умеренного уровня. Ключевым элементом стратегии развития городских и сельских районов Китая стало формирование экономически эффективных источников доходов сельского населения в несельскохозяйственном секторе. В результате ее применения ежедневные поездки между сельской местностью и городами стали нормой не только в этом регионе, но и в густонаселенных районах Азии и Латинской Америки.

Большинство африканских мигрантов "выиграли от решения мигрировать"

Миграция становится выходом для многих из тех, кто стремится справиться с неблагоприятными условиями или смягчить их воздействие. Однако решение о миграции принимают и люди, стремящиеся воспользоваться новыми возможностями. В работе Lucas (2015) утверждается, что "лица со сходными данными, поддающимися измерению, в городе зарабатывают ощутимо больше, чем в сельской местности". В странах, где сельское хозяйство является крупным сектором экономики, основной формой миграции является перемещение между сельскими районами (Lucas, 2015).

Согласно данным о миграции в Кении, Нигерии, Сенегале, Уганде, Эфиопии и Южной Африке, доля мигрантов, перемещающихся из сельской местности в города, колеблется от 40 процентов общего числа мигрантов в Нигерии до 55 процентов в Южной Африке (World Bank, 2013b, 2017b). Большинство мигрантов (60-70 процентов) составляют мужчины и юноши в возрасте 15-34 лет. Во всех рассматриваемых странах женщины мигрируют реже и в основном по семейным причинам, в то время как мужчины перемещаются в поисках работы.

Те же данные показали, что среди мигрантов наиболее высока доля тех, кто покидает сельские районы в поисках трудоустройства – их доля составляет от 47 процентов в Нигерии до 74 процентов в Сенегале, что свидетельствует об отсутствии достойной занятости в сельских районах (рис. А). Образование и семейные обстоятельства также были среди важных факторов миграции сельского населения, но уровень их важности варьируется в зависимости от страны. Хотя нищета является основным фактором миграции, тем, кто живет в крайней нищете, часто не хватает ресурсов, необходимых для того, чтобы мигрировать. Таким образом, меры по содействию экономическому росту на

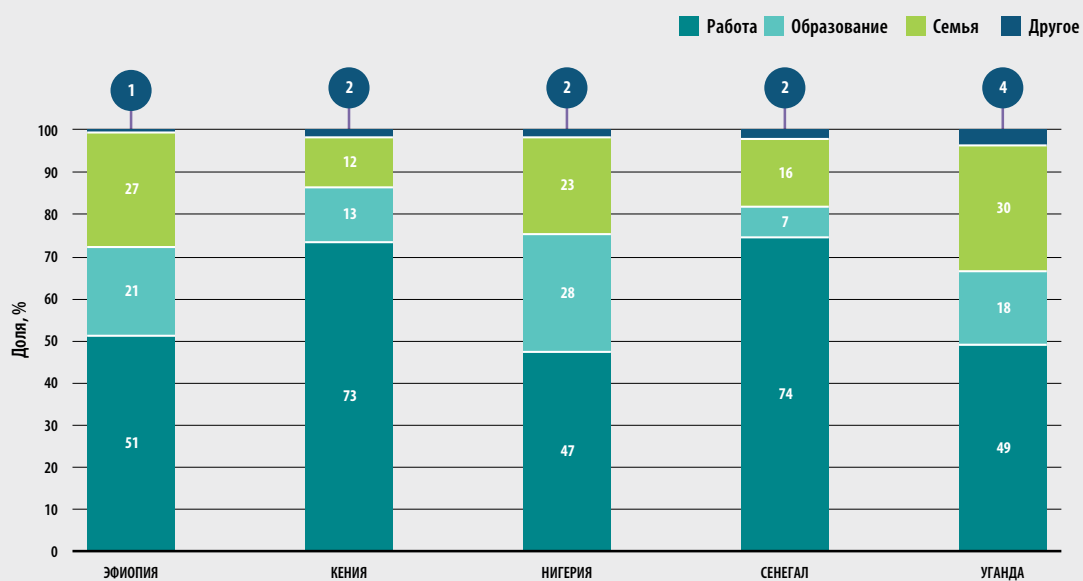
местном уровне и созданию рабочих мест, с одной стороны, способны создать альтернативы миграции и сократить ее объемы, однако с другой, могут стимулировать миграцию, обеспечивая необходимые для нее ресурсы.

Сравнение статуса занятости мигрантов до и после миграции в Кении, Нигерии, Уганде и Южной Африке показывает, что большинство мигрантов, уехавших из сельских районов, нашли более достойную работу (рис. В). Во всех четырех странах доля работающих по найму и самозанятых среди мигрантов выросла. Во всех странах в результате миграции значительно снизилась доля безработных, равно как и доля студентов. Однако доля домохозяйек увеличилась.

Доступных данных крайне мало, но ряд исследований показали, что миграция приносит социальные выгоды. Например, в работе Beegle, De Weerd and Dercon (2011) проанализировано влияние миграции на уровень нищеты в регионе Кагера (Объединенная Республика Танзания). Авторы установили, что в период с 1991 по 2004 годы уровень потребления среди мигрантов вырос на 36 процентов по сравнению с уровнем тех, кто не мигрировал. Среди мигрантов, которые переехали в городские районы, разница составила 66 процентных пунктов.

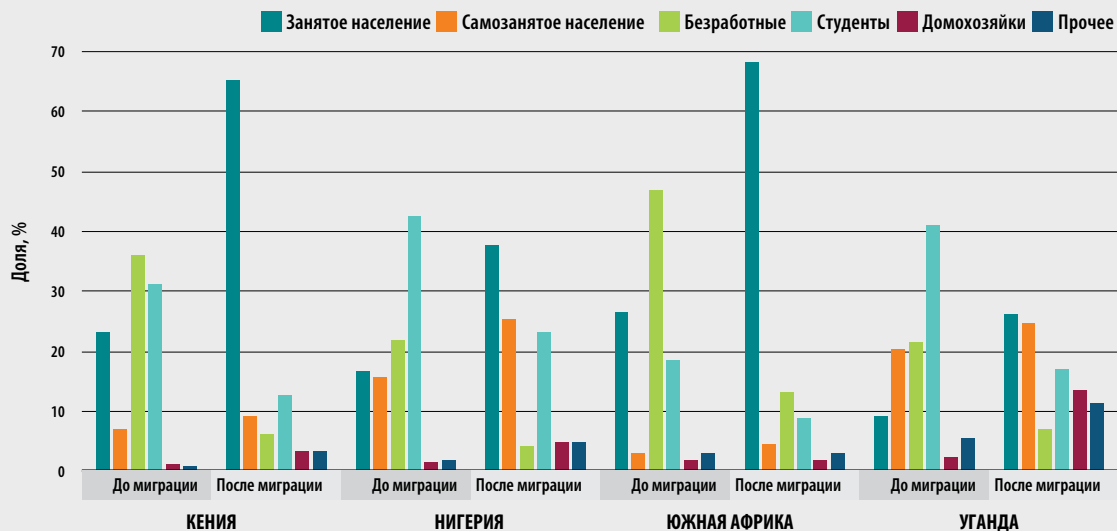
Миграция имеет как позитивные, так и негативные последствия для сельских районов и сельских домохозяйств. Тем не менее, уровень влияния миграции и связанных с ней денежных переводов на благосостояние домохозяйств в сельских районах в значительной степени определяется конкретными условиями и зависит как от территориальных особенностей, так и от периода времени. Однако денежные переводы могут иметь и негативные последствия, увеличивая неравенство. Кроме того, миграция мужчин является одним из ключевых факторов феминизации сельского хозяйства, которая в настоящее время происходит во многих странах с низкими доходами. Когда у мигрантов возникают трудности с поиском достойной работы в пункте назначения или с отправкой семьям денежных переводов, это может вынуждать оставшихся в деревнях женщин и детей прибегать к негативным стратегиям выживания, например, нагружать себя дополнительной работой, чтобы компенсировать потерю дохода (FAO, 2017b). ■

РИСУНОК А
ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ ИЗ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ АФРИКИ

ИСТОЧНИКИ: World Bank (2013b) по Эфиопии; и World Bank (2017b) по Кении, Нигерии, Сенегалу и Уганде.

РИСУНОК В
СТАТУС ЗАНЯТОСТИ ДО И ПОСЛЕ МИГРАЦИИ ИЗ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ АФРИКИ

ИСТОЧНИК: World Bank, 2017b.

САГАНА, КЕНИЯ

Рыбоводы получают помощь от инновационного Африканского целевого фонда солидарности ФАО.
©FAO/Tony Karumba

ГЛАВА 5 ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИНКЛЮЗИВНЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ

Основные тезисы

→ Сочетание территориального и секторального подходов к развитию имеет большое значение для эффективного укрепления связей между сельскими и городскими районами.

→ Взаимосвязанные функциональные сельско-городские районы – ключ к созданию рабочих мест в фермерских хозяйствах и за их пределами, к ликвидации нищеты, к обеспечению продовольственной и пищевой безопасности и альтернативы миграции из сельских районов, а также к достижению устойчивости природопользования.

→ Институциональные механизмы и стратегии, определяющие развитие продовольственных систем, должны обеспечить снижение рисков, связанных с концентрацией рынков, и минимизацию негативных последствий для мелких фермеров и сельских бедняков.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИНКЛЮЗИВНЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ

Одна из ключевых тем этого доклада – урбанизация и быстрое изменение продовольственных систем в развивающихся странах, а также возможности и проблемы, создаваемые этими тенденциями на внутренних продовольственных рынках. Еще одной темой является роль малых городов и поселков и их вклад в инклюзивную трансформацию на основе их тесной связи с сельскими районами и продовольственной системой. Как указано в главе 2, в настоящее время половина мирового населения проживает в малых городах и поселках или находится в их "сфере влияния". Такая полицентрическая структура урбанизации наблюдается во всех категориях стран, независимо от уровня доходов, и сохраняется по мере того, как происходит трансформация. Поэтому основная стратегия сокращения масштабов нищеты в сельских районах заключается в содействии доступу к экономическим активам и в том, чтобы обеспечить беднякам возможность инвестировать в сельское хозяйство и не сельскохозяйственные виды деятельности, приносящие доход, в непосредственной близости от этих небольших городских районов.

Инклюзивность необязательно сопутствует трансформации сельских районов. Она требует политической воли, правовых и институциональных реформ, которые повышают прозрачность и подотчетность, а также дают местным общинам, особенно наиболее уязвимым группам – женщинам, молодежи и коренным народам – возможность участвовать в политических процессах и в планировании. Чтобы преобразования обеспечивали больше источников средств к существованию в сельских районах и способствовали сокращению масштабов нищеты, необходимы следующие условия и меры: децентрализация, укрепление организационного потенциала мелких фермеров, содействие мобилизации общин с целью облегчения доступа сельских жителей к информации, вовлечение наиболее уязвимых групп в жизнь общины, а также поддержка коллективных действий, направленных на то, чтобы сельские жители брали на себя ответственность за собственное развитие.

Во время структурной трансформации ключевой мерой по обеспечению инклюзивности является социальная защита. Программы социальной защиты укрепляют человеческий капитал, позволяют беднякам инвестировать в более рискованные, но потенциально более прибыльные виды

деятельности, и дополняют меры в области сельского хозяйства, направленные на развитие технических навыков и расширение доступа к новым технологиям. Однако для достижения успеха социальная защита должна быть достаточно гибкой, чтобы обеспечивать географическую и секторальную мобильность, которая позволяет домашним хозяйствам использовать новые возможности. Поэтому механизмы планирования и ориентации программ должны обеспечивать "переносимые" льготы или предусматривать меры социальной защиты, позволяющие бороться с нищетой при любых обстоятельствах (Kangasniemi, Knowles and Karfakis, 2017).

Признание важности малых городов и поселков для экономического развития сельских районов вызывает новый интерес к территориальному подходу к развитию, в рамках которого признается неоднородность потенциалов и темпов развития различных географических районов на субнациональном уровне (врезка 19).

В рамках территориального подхода к развитию "территории" перестают быть пассивными образованиями, преимущества которых заключаются лишь в их местоположении, и становятся образованиями динамичными, в которых экономические и социальные субъекты предлагают продукты и услуги и объединяют свои усилия, чтобы повысить конкурентоспособность своего района. Делая упор на нематериальные факторы – человеческий капитал и знания, а также на факторы в области отношений и взаимодействия – сотрудничество, партнерство, местную культуру, местные профессии и коммуникации, территориальный подход подчеркивает важность переговоров, формирования консенсуса и разрешения конфликтов. Таким образом, он может способствовать вовлечению всех заинтересованных сторон в процесс принятия решений и расширению возможностей для местного населения через официальные и неофициальные организации и объединения (Cistulli, Heikkilä and Vos, 2016).

Территориальному подходу присуща пространственная, комплексная, ориентированная на процесс, многосторонняя и многоплановая перспектива. По мере роста осведомленности о его потенциале все больше стран создают механизмы для реализации межсекторальных территориальных подходов к развитию

ВРЕЗКА 19

ОРИЕНТАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПОДХОДА НА "НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ", А НЕ НА "СЕКТОРЫ"

Территориальный подход к инклюзивной трансформации сельских районов берет свое начало в смене парадигмы в политике в области развития сельских районов с начала 1990-х годов, когда стало очевидно, что в большинстве стран со средним и высоким уровнем доходов занятость в сельском хозяйстве значительно снизилась и что экономическая деятельность в сельских районах становится более разнообразной. По мере смещения акцента в политике с выделения сельскохозяйственных субсидий на обеспечение стимулов для осуществления инвестиций всех типов, большее значение приобрели новые модели управления и стратегии. В Европейском союзе (организация-член) программа LEADER¹ предусматривала участие местных партнеров в управлении развитием сельских районов. Кроме того, в Европейском союзе (организация-член) Единая сельскохозяйственная политика постепенно переориентировалась с поддержки производства на прямые выплаты, а в последнее время упор делается на развитие сельских районов с учетом многофункционального характера сельского хозяйства, выступающего в качестве поставщика не только продовольствия, но и ландшафтных услуг и других экологических услуг.

В Новой парадигме развития сельскохозяйственных районов, представленной Организацией экономического

сотрудничества и развития (ОЭСР) в 2006 году, утверждается, что для содействия комплексному развитию сельских районов требуется "укрепление координации между секторами, между разными уровнями правительства, а также между государственными и частными субъектами. Необходимы также новый акцент на населенные пункты, а не на секторы, и ориентация на *инвестиции*, а не на *субсидии*". Во время недавнего повторного рассмотрения этой темы с учетом сегодняшних реалий в развивающихся странах ОЭСР предложила механизм и ряд тематических исследований для выработки стратегий развития сельских районов, предусматривающих многосекторальный подход, использование связей между сельскими и городскими районами и участие органов власти различного уровня, сельских общин, частного сектора, неправительственных организаций и международных доноров (OECD, 2016).

Интерес к территориальным подходам охватывает также вопросы продовольственной и пищевой безопасности, поскольку нищета в сельских районах и отсутствие продовольственной безопасности зачастую идут рука об руку и обычно наблюдаются в географических кластерах внутри стран (OECD/FAO/UNCDF, 2016).

¹ *Liaison entre actions de développement de l'économie rurale (Связь между мерами по развитию сельского хозяйства).*

сельских районов (см. [врезку 20](#)). Однако внедрение территориального подхода – задача сложная, требующая коренного изменения политики и институциональных культур. Традиционные подходы к производственно-сбытовым цепям продовольствия, предполагающие реализацию политики под руководством правительства, необходимо сбалансировать, опираясь на подход, способствующий диалогу между государственными и негосударственными субъектами на разных уровнях, с учетом взаимозависимости между различными элементами продовольственных систем и принимая во внимание возможные компромиссы между ростом, инклюзивностью и экологической устойчивостью продовольственных систем на разных территориях. Повышенная сложность и неопределенность в отношении результатов – вопросы, которые должны быть учтены до внедрения территориальных подходов в практику (Karlsen and Larrea, 2016). ■

АГРОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ: ОГРАНИЧЕННЫЙ МАСШТАБ, БОЛЬШОЙ ИМПУЛЬС?

Полноценный территориальный подход к развитию носит межсекторальный характер. Помимо широких консультаций с заинтересованными сторонами, он требует координации деятельности между многочисленными министерствами в долгосрочной перспективе. Добиться этого может быть непросто, учитывая относительно сжатые сроки для многих правительств и партнеров по развитию. Это подчеркивает важность политической воли и сильного руководства в определении соответствующей политики, механизмов управления и инвестиций, а также в согласовании потребностей и приоритетов на местах с потребностями и приоритетами на национальном, региональном и глобальном уровнях. Широкая, межсекторальная

ВРЕЗКА 20

ОПЫТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Среди развивающихся регионов Латинская Америка, пожалуй, имеет самый длительный опыт применения территориального подхода к развитию. В Аргентине, Бразилии, Гондурасе, Колумбии, Коста-Рике, Мексике и Никарагуа реализуются национальные программы развития сельских территорий, направленные на сокращение масштабов нищеты, повышение уровня образования и сокращение регионального неравенства.

В Мексике реализуется самая масштабная программа территориального планирования, предусматривающая национальную стратегию для микрорегионов и комплексный территориальный подход. Цель состоит в содействии проведению политики с акцентом на населенные пункты посредством выделения функциональных регионов и создания механизмов стимулирования эндогенного развития за счет формирования "микрорегионов развития". Эти полюсы выделяются на основе пространственных, социальных и экономических критериев, исходя из связей и отношений с окружающими населенными пунктами. Чили также разрабатывает программу территориального развития в соответствии с Новой парадигмой развития сельскохозяйственных районов (OECD, 2016).

Более десяти лет назад в Коста-Рике начался переход от секторального развития к территориальному развитию сельскохозяйственных районов с акцентом на туризм, окружающую среду, ремесленное производство и агропромышленность. Национальный план развития сельских районов Бразилии направлен на улучшение доступа к рынкам и диверсификацию сельской экономики. В Аргентине создана Комиссия по сельскому развитию, которая занимается северными, отстающими в экономическом плане провинциями, уделяя при этом особое внимание диверсификации и альтернативам фермерству.

Из всех развивающихся регионов именно в Латинской Америке отношения между городскими центрами и сельскими районами и их влияние на нищету и неравенство в доходах изучены наиболее подробно. В ходе исследования Berdegúe *et al.* (2015), проведенного в Колумбии, Мексике и Чили, было установлено, что в сельских районах, расположенных рядом с городским центром, удается добиться больших успехов в сокращении нищеты, нежели в отдаленных сельских районах, и что наибольшее сокращение масштабов нищеты наблюдается на территориях вокруг крупных мегаполисов. Вместе с тем авторы исследования отмечают важность малых и средних городов для содействия развитию сельских районов: присутствие таких городов на территории коррелирует с гораздо

меньшим разрывом между малоимущими слоями населения и группами, не относящимися к малоимущему населению, в доступе к основным услугам, например, к образованию, здравоохранению и жилью, по сравнению с отдаленными районами.

В работе Berdegúe, Escobal and Bebbington (2015), обобщающей ряд территориальных исследований, подчеркивается значение обеспеченности ресурсами и доступа к этим ресурсам для формирования динамики развития территории. Это видно на примере тематических исследований в сфере туризма в Бразилии, на примере ориентированных на рынок мелких сельхозпроизводителей Гватемалы и Перу, а также на примере диверсифицированной сельской экономики в Мексике. В указанной работе отмечается, что привязка динамичных рынков к более диверсифицированным экономическим структурам открывает больше возможностей для того, чтобы содействовать росту и извлечь из него выгоду. Сравнительная тематическое исследования по Никарагуа и Эквадору, авторы работы подчеркивают тот факт, что возможности для экономического роста носят более инклюзивный характер, когда связи с динамичными рынками подкреплены структурами, обеспечивающими более справедливый доступ к земле и ресурсам.

Роль государственных инвестиций в сельскую инфраструктуру и их непреднамеренные последствия рассматриваются в работе Ramírez and Ruben (2015) и в работе Ravnborg and Gómez (2015). В первом случае, где речь идет о выращивании лосося на юге Чили, государственные инвестиции в сельские дороги, услуги и улучшение доступа к ресурсам повлекли за собой масштабные частные инвестиции, что ускорило сокращение масштабов нищеты в основном за счет создания в агропромышленном секторе рабочих мест для женщин из сельских районов. Во втором случае, касающемся района молочного животноводства в центральной части Никарагуа, инвестиции в сельские дороги, объекты для холодильного хранения и переработку молока стимулировали экономический рост в 1998-2005 годы, но этот рост был обеспечен за счет бедных крестьян. Основным выводом обеих работ заключается в том, что результаты зависят от участия местных субъектов и институциональных структур в принятии инвестиционных решений, которое происходит за пределами соответствующей территории, а также в осуществлении этих решений.

В исследовании Fernández *et al.* (2012), которое охватывало шесть районов в Латинской Америке, подчеркивается важность территориальных социальных

объединений, под которыми подразумевается "группа различных субъектов, предпринимающих согласованные действия, исходя из динамики территориального развития". Эта тема является центральной в вопросе территориального развития, поскольку аграрные структуры, институты, рынки и государственные инвестиции влияют на различные социальные субъекты на территории, на их перспективы и возможности.

Опыт Латинской Америки весьма разнообразен. Одним территориям удается управлять экономическим ростом, сократить масштабы нищеты и улучшить распределение доходов, в то время как другие терпят

неудачу на одном или нескольких из указанных направлений. Подготовленный Modrego and Berdegú (2015) обзор тематических исследований, проведенных в девяти странах, показал, что территориальные подходы к развитию обеспечили экономический рост и сокращение масштабов нищеты или улучшение распределения доходов лишь в одной трети случаев. Хотя условия в Латинской Америке могут отличаться от условий в странах Африки к югу от Сахары и странах Азии, где недавно начались аналогичные преобразования, из опыта стран Латинской Америки, их успехов и неудач можно извлечь ряд ценных уроков.

ВРЕЗКА 21

ПОДХОД НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ГОРОДОВ-РЕГИОНОВ, ШРИ-ЛАНКА

Термин "продовольственная система городов-регионов" (ПСГР) охватывает сложную сеть участников, процессов и отношений, связанных с производством, переработкой, продажей и потреблением продовольствия в данном географическом регионе. Он включает более или менее крупный городской центр и окружающие его пригородные и сельские районы. Глобальная программа в области ПСГР, начатая при поддержке ФАО и партнеров, охватывает не только сельско-городскую цепь поставок продовольствия, но и соответствующие экологические и социально-экономические измерения.

В рамках этой программы в столице Шри-Ланки Коломбо в сотрудничестве с Международным институтом управления водными ресурсами проводится оценка ПСГР. В округе Коломбо проживает более 2,3 млн человек, при этом плотность населения превышает 3300 человек/км² и продолжает увеличиваться. Для удовлетворения потребностей растущего населения продовольствие поставляется из многих частей страны. Однако из-за неэффективности оптового рынка цены на продовольствие высоки, в результате чего многие группы населения сталкиваются с отсутствием продовольственной безопасности. Существует также проблема безопасности продуктов питания, поскольку использование пестицидов контролируется в недостаточной степени. Кроме того, на продовольственную систему влияет изменение климата, в связи с чем приобретает важность экологически безопасная эксплуатация сельскохозяйственных земель и прибрежных районов.

Правительство Шри-Ланки создало специализированное министерство для реализации

широкомасштабной многомиллиардной инициативы "Мегаполис", направленной на развитие городов в Западной провинции, где расположен Коломбо. В рамках проекта "Мегаполис" результаты оценки ПСГР в Коломбо масштабируются, чтобы картировать продовольственную систему всей провинции и обеспечить учет вопросов устойчивости продовольственной системы при планировании на городском и территориальном уровнях.

Предполагается, что этот план будет способствовать повышению устойчивости местных продовольственных систем, увеличению занятости, созданию новых возможностей для городского и пригородного фермерства и формированию более коротких производственно-сбытовых цепей, связанных с пригородными и городскими производственными районами. Он будет способствовать сохранению природной среды территории за счет повышения эффективности землепользования, водопользования и управления отходами, включению стратегии адаптации к изменению климата и стратегии сокращения рисков в городское планирование и установлению приоритетности механизмов защиты для контроля использования и расширения сельского хозяйства в городских и пригородных районах, а также в отдаленной сельской местности. В числе других важных задач – гарантировать безопасность и качество продуктов питания для обеспечения здоровья и благосостояния населения, а также обеспечить социальную защиту маргинализированных общин с низким уровнем доходов, детей и других уязвимых групп.

ИСТОЧНИК: ФАО, 2017г.

- » координация, которую предполагает территориальный подход, является преимуществом, если осуществляется должным образом, и недостатком, когда директивные органы и заинтересованные стороны не в состоянии придерживаться принятых обязательств и поддерживать динамику.

Ориентация территориального подхода на продовольственную систему и ее связи с территорией упрощает координацию, облегчая тем самым реализацию территориальной инициативы. Такой "агротерриториальный" подход носит межсекторальный характер, поскольку продовольственная система охватывает сельское хозяйство, агропромышленность, перерабатывающую продукцию сельского хозяйства промышленность и сопутствующие услуги. Тем не менее он имеет более узкую направленность, чем подход, который обычно применяется в области территориального развития, и при его использовании можно упустить более широкие межсекторальные возможности, например, в сфере туризма, производства другой продукции и оказания других услуг. Несмотря на это, часть инвестиций, направленных на расширение экономических возможностей в пищевой промышленности, может принести косвенную пользу и другим секторам. Координация с местными институтами может стимулировать более широкое обсуждение и охват других соответствующих видов экономической деятельности.

Преимущество агротерриториального подхода заключается в том, что, упрощая процесс территориального развития, он обеспечивает соотнесение секторальных экономических аспектов продовольственного сектора с его пространственными, социальными и культурными измерениями, которые лежат в основе сельского хозяйства и продовольственных систем. Он решает проблему обеспечения продовольствием городских потребителей путем формирования более эффективных связей между городскими центрами и их "обслуживаемыми районами", открывая при этом возможности для получения доходов в сельских районах и опираясь на агроэкологическое зонирование и ландшафтный подход для обеспечения устойчивого развития (см. [врезку 21](#)). Этот подход также способствует формированию между городскими и сельскими районами устойчивых связей, объединяющих два "промежуточных" компонента продовольственной системы – малые города и поселки, что помогает укреплению связей с "нижним" звеном продовольственной производственно-сбытовой цепочки, а также между фермерами, агропромышленными предприятиями, торговыми и вспомогательными организациями, оказывающими несельскохозяйственные услуги в рамках сельско-городского континуума.

Как показывает приведенный в главе 3 анализ, снижение доли занятых в сельском хозяйстве в сочетании с нередко ограниченным потенциалом несельскохозяйственного

сектора в плане создания достаточного числа рабочих мест для поглощения высвободившейся рабочей силы в сельских районах может повлечь за собой рост безработицы и неполной занятости в сельских районах, что приводит к увеличению темпов миграции. Агротерриториальные меры направлены на создание новых рабочих мест в городских и сельских районах путем формирования или расширения возможностей для трудоустройства в продовольственной системе на трудоемких производствах, в фермерских хозяйствах и в секторе вспомогательных услуг, который развивается вокруг сельскохозяйственного бизнеса и агропромышленного производства. Таким образом, продовольственный сектор играет важную роль в экономическом развитии и инклюзивной трансформации сельских районов.

В отсутствие координации и консультаций подход, ориентированный на продовольственную систему, может привести к маргинализации многих мелких производителей и агропромышленных предприятий. Это может произойти, например, при развитии капиталоемких вертикально интегрированных производственно-сбытовых цепей в тех географических районах, где они нецелесообразны. Поэтому правительства играют незаменимую роль в формировании политики, проведении институциональных реформ и предоставлении общественных благ, способствующих развитию сельскохозяйственного бизнеса и агропромышленного комплекса, обеспечивая при этом вовлечение мелких производителей и создание рабочих мест в несельскохозяйственной сфере в уязвимых и отдаленных районах.

Учитывая проблемы, связанные с происходящими преобразованиями (о которых идет речь в предыдущих главах), цель агротерриториального подхода к развитию заключается в решении следующих вопросов: риск исключения мелких производителей и других уязвимых групп из продовольственной системы, ожидаемое увеличение безработицы и неполной занятости в сельских районах в предстоящие годы, необходимость устранения дефицита инфраструктуры в сельских районах и укрепления связи между городскими и сельскими районами.

В этой главе рассматривается вопрос о том, как продовольственные системы могут способствовать инклюзивной трансформации сельских районов за счет применения агротерриториального подхода. В ней подчеркивается, во-первых, важность коллективных действий мелких землевладельцев в качестве средства достижения эффекта масштаба и обеспечения ими себе голоса в процессе территориального развития. Кроме того, в этой главе изложены варианты агротерриториальных инвестиций, которые основаны на сочетании предоставления общественных благ и инвестиций в инфраструктуру, и описан процесс

территориального планирования с участием многих заинтересованных сторон. Перед формулированием окончательных выводов в этой главе агротерриториальный подход рассматривается в более широком политическом контексте, который будет влиять на результаты использования этого подхода. ■

УКОРЕНЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ-ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НА ТЕРРИТОРИЯХ

Чтобы трансформация сельских районов была инклюзивной, сельские производители, особенно мелкие фермеры, проживающие в сельской местности женщины, молодежь и уязвимые группы, нуждаются в доступе к услугам в сельской местности. На местном, национальном и региональном уровнях посредником в предоставлении такого доступа выступают учреждения, которые должны обладать необходимыми возможностями и ресурсами для удовлетворения потребностей производителей. Для расширения доступа к соответствующим инновациям необходимо создавать эффективные, гибкие, ориентированные на спрос и инклюзивные государственные и частные организации и субъекты, оказывающие сельским жителям необходимые услуги.

Основные цели агротерриториального подхода к развитию заключаются в обеспечении вовлечения мелких фермеров, особенно молодежи и женщин, путем содействия сотрудничеству между организациями-производителями и агропромышленными предприятиями в соответствующем населенном пункте, а также в развитии малых и средних предприятий пищевой промышленности посредством оказания им помощи в достижении эффекта масштаба за счет совместного использования помещений и территорий и предоставления им специализированных услуг, как описано в этой главе ниже. Однако, чтобы использовать такие механизмы в полной мере, мелкие фермеры и уязвимые группы должны иметь прочные связи с источниками знаний, ресурсов и финансов, а также с прибыльными производственно-бытовыми целями.

Как объясняется в главе 3, поскольку мелкие фермеры часто изолированы и разбросаны по территории, они могут не иметь доступа к таким услугам, как распространение знаний и опыта и снабжение производственными ресурсами, а также к рынкам. Например, во многих развивающихся странах мелкие производители не смогли извлечь выгоду из роста цен на продовольствие в 2007-2008 годах (Herbel *et al.*, 2012). Однако, когда мелкие фермеры объединяются в ассоциации, они могут эффективно управлять своими ресурсами, расширять доступ на рынки ресурсов и производимых ими товаров, получать информацию и знания и в большей степени влиять на процесс формирования политики.

Эффективные организации в сельских районах имеют основополагающее значение для территориального планирования развития сельских районов. Такие проблемы, как небезопасное землепользование и фрагментация земель, которые могут препятствовать эффективному территориальному развитию, могут более эффективно решаться общими усилиями. Через свои организации мелкие фермеры также могут добиться экономии за счет масштабов, что необходимо для механизации ферм. Кроме того, поскольку трансформация сельских районов должна быть экологически устойчивой за счет внедрения инноваций, позволяющих увеличить производительность при использовании меньшего количества ресурсов, важная роль фермерских

Вино Мендосы низаций заключается в содействии внедрению и распространению знаний о передовых практиках, которые адаптированы к местным условиям и экономически оправданы. Интересным примером коллективных действий в территориальном контексте являются продукты питания с географическими указаниями, например, персики из китайского района Пингу и итальянский сыр пармезан (врезка 22). ■

ВАРИАНТЫ ИНВЕСТИЦИЙ В ЦЕЛЯХ АГРОТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ²²

Агротерриториальный подход к развитию, стимулирующий коллективные действия, зачастую требует значительных инвестиций в инфраструктуру сельских районов. В этом случае существует несколько вариантов инвестиций в агротерриториальное развитие при осуществлении трансформации сельских районов таким образом, чтобы обеспечить инклюзивность и использование преимуществ от укрепления связей между городскими и сельскими районами. Пять наиболее часто используемых вариантов:

- ▶ **Агрокоридоры** – территории, которые связаны транспортными маршрутами, например, автомобильными или железными дорогами, портами или каналами, и программа экономического развития которых способствует развитию сельского хозяйства и других отраслей экономики. Программы создания агрокоридоров содействуют развитию транспортной доступности, конкурентоспособности и общин. Примеры включают коридор сельскохозяйственного развития Бейра в Мозамбике, который призван стимулировать инвестиции в

²² Этот и следующий разделы основаны на недавней работе ФАО в области территориальных инструментов агропромышленного развития. См. работы Gálvez Nogales, 2010, 2011, 2014; Gálvez Nogales *et al.*, 2014; а также Gálvez Nogales and Webber, 2017.

ВРЕЗКА 22

СОЗДАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ СТОИМОСТИ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УКАЗАНИЙ

Географические указания идентифицируют товар как происходящий с территории определенной страны или определенного региона, когда качество, репутация или другие характеристики товара связаны с его географическим происхождением (WIPO, 2003). Как правило, географическое указание отражает местные условия, природные ресурсы и традиционные практики, часто применяемые мелкими производителями, являющимися главными хранителями традиций. Использование географических указаний было инициировано группами производителей, которые организовывались специально с целью установления и защиты оригинальности и подлинности конкретного товара.

Развитие применения географических указаний связано с использованием подхода на основе государственно-частного партнерства, который предполагает уважение к подлинности и направлен на повышение информированности и укрепление доверия потребителей. Это инструмент, требующий всестороннего участия местных субъектов и зачастую некоторой внешней поддержки. ФАО разработала методологию под названием "качество с привязкой к происхождению", в которой описан процесс создания и сохранения стоимости, начиная с осведомленности местных заинтересованных сторон о потенциале их товара и принятия ими решения о его защите и продвижении (FAO, 2010b).

коммерческое сельское хозяйство и агропромышленный бизнес в трех провинциях.

- ▶ **Агрокластеры** – географические скопления взаимосвязанных производителей, агропромышленных предприятий и учреждений, осуществляющих деятельность в одном сельскохозяйственном и агропромышленном секторе и формирующих производственно-сбытовые сети для решения общих задач и реализации общих возможностей. В штате Махараштра, Индия, созданы кластеры для увеличения производства винограда за счет предоставления в аренду сельскохозяйственной техники.
- ▶ **Агропромышленные парки** – централизованно управляемые платформы, предлагающие высококачественную инфраструктуру, логистику и специализированные объекты и услуги сообществу арендаторов из числа агропромышленных компаний, связанных с агробизнесом фирм, поставщиков услуг и учебных заведений. Созданный при финансовой поддержке Японии иерихонский агропромышленный парк на Западном берегу площадью 60 гектаров производит замороженные продукты питания и сухофрукты, используя продукцию местных фермеров.
- ▶ **Особые экономические зоны, ориентированные на сельское хозяйство (ОЭЗ)** – ограниченные географические районы, где фирмы, занимающиеся агропромышленной и сельскохозяйственной

деятельностью, могут воспользоваться более благоприятными условиями регулирования, ведения бизнеса и налогообложения по сравнению с условиями, в которых работают остальные экономические субъекты. Администрация филиппинской экономической зоны управляет несколькими экспортными зонами, продукция которых включает продукты питания, произведенные из местного сырья.

- ▶ **Инкубаторы в области агробизнеса** – предприятия, которые обеспечивают общую среду для новых агропромышленных компаний и предоставляют доступ к общей инфраструктуре, сетям, обучению, коммерческим и финансовым услугам. Например, при Технологическом центре регионального развития Висоза (ЦЕНТЕВ) Бразильского федерального университета Висоза было создано биотехнологическое предприятие, специализирующееся на грибках, помогающих бороться с вредителями сельскохозяйственных культур.

Неотъемлемой частью агротерриториального подхода являются мультипликаторы занятости в продовольственном секторе, которые более подробно рассматриваются в главе 2. В работе Gálvez Nogales and Webber (2017) представлена информация о ряде успешных инициатив по созданию рабочих мест, в том числе на массовой основе: например, при инвестициях лишь 28 млн долл. США в 2000-2014 годах зоны сельскохозяйственного развития, созданные в рамках

программы по сокращению масштабов нищеты в Перу, обеспечили создание более 000 новых рабочих мест. Некоторые инициативы, в частности инкубаторы в области агробизнеса, весьма эффективны в обеспечении занятости среди молодежи. Они способствуют созданию "стартапов", благодаря которым происходит смещение акцента с определяемого потребностями, неформального предпринимательства к появлению новых предприятий с большим потенциалом, способных создать больше рабочих мест. Например, в Каире инкубатор Flat6Labs создал более 400 рабочих мест в течение трех лет при инвестициях в размере 1,2 млн долл. США.

Определяющие факторы при выборе места ведения агробизнеса

Чтобы агротерриториальный подход оказался успешным, необходимо четкое понимание того, как участники продовольственной системы принимают решение о том, где разместить свое предприятие. Эти решения принимаются под влиянием двух факторов: обстоятельств, являющихся внешними по отношению к определенной территории, например, возможности на глобальных продовольственных рынках, которые заставляют предпринимателей искать возможности в новых географических районах, и наличия привлекательных экономических и институциональных условий в выбранном месте.

Предприятия ищут легкий доступ к рынкам, сырью и инфраструктуре – водоснабжению, железным или автомобильным дорогам и энергоснабжению. Продовольственные компании привлекают города с близлежащими сельскохозяйственными угодьями, потому что близость к потребительским рынкам позволяет увеличить прибыль. Компании также тянутся к городским населенным пунктам, поскольку в них имеется все необходимое для производства: эффективные рынки труда, поставщики сырья и вспомогательных услуг. Кроме того, важна политическая, институциональная и макроэкономическая стабильность, равно как и отсутствие чрезмерного регулятивного бремени и благоприятная инвестиционная политика.

Продовольственные компании размещают производство там, где можно обеспечить регулярные, эффективные и гарантированные поставки сельскохозяйственной продукции. На макроуровне на поставки влияет доступность земли, воды и других природных ресурсов, а на микроуровне – вес продукции и то, насколько скоропортящейся она является. Если сырье скоропортящееся, то заводы иногда должны располагаться ближе к району его производства. Это касается, например, почти всех районов выращивания сахарного тростника, поскольку содержание сахара в срезанном тростнике сильно уменьшается с каждым часом. Когда объем сельскохозяйственного сырья намного больше или

тяжелее конечного продукта, как например, в случае кокосовых орехов и кокосовой воды, транспортные расходы можно сократить путем переработки сырья вблизи места его выращивания, особенно там, где отсутствует морской и железнодорожный транспорт.

Другим важным фактором, определяющим местоположение продовольственных предприятий, является состояние инфраструктуры и логистика. Близость к авто- и железнодорожным сетям снижает стоимость и время транспортировки сельскохозяйственного сырья с фермы на завод для переработки. Наличие инфраструктуры для водных перевозок также обеспечивает преимущества. Решающую роль в принятии решения о выборе местоположения играет доступ к электроэнергии: эксплуатационные расходы агропромышленных предприятий в сельской местности могут быть на 30 процентов выше, чем затраты завода, подключенного к национальной энергосистеме. Надежный доступ к электроэнергии позволяет создавать объекты холодильной цепочки, которые стали ключевым фактором развития цепочек производства и сбыта мясомолочных продуктов и садоводческой продукции в новых конкурентоспособных регионах Аргентины; это также имело решающее значение для быстрого развития объектов холодильной цепочки во Вьетнаме и в Китае.

Чтобы создать такие привлекательные условия для инвестирования в продовольственную систему, правительствам следует взаимодействовать с местными заинтересованными сторонами с целью проработки зонирования территорий для определения специализации различных районов и их ориентации на сельскохозяйственное, коммерческое или жилое использование. Этот процесс может включать выделение зон для привлечения агропромышленных предприятий, что будет способствовать укреплению сельскохозяйственной базы соответствующей территории. Зонирование должно сопровождаться развитием инфраструктуры, что помогает в максимальной мере использовать потенциал для осуществления экономической деятельности, в том числе в сфере агропромышленности.

Правительствам следует также признать, что связи в рамках продовольственной системы могут простираются далеко за пределы конкретной территории. Принимаемые меры должны учитывать степень глобализации многих внутренних продовольственных систем. В этих системах обычно доминируют транснациональные супермаркеты и перерабатывающие предприятия, что может быть обусловлено отличием их бизнес-стратегий и инвестиционных стратегий от стратегий их национальных конкурентов (Reardon *et al.*, 2003). Аналогичным образом, территориальный подход необязательно скажется положительно на торговле продуктами питания высокой степени переработки, которые транспортируются на большие расстояния от

ТАБЛИЦА 6
ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАНТОВ АГРОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Способ	Цель	Географический охват	Определяющая характеристика
Зона сельскохозяйственного развития	Комплексное планирование мероприятий в области инфраструктуры и агробизнеса	Региональный, национальный или наднациональный уровень; охватывающая сотни или тысячи километров линейная агломерация, связывающая несколько городских центров	Объединяет инвестиции в инфраструктуру с реформами торговли и нормативного регулирования и секторальными планами развития
Агрокластер	Сетевые связи	Региональные и провинциальные агломерации вокруг производственных центров; охват – от сотен до тысяч гектаров	Преимущества агломерационной экономики и активизация коллективных действий
Агропромышленный парк	Повышение добавленной стоимости за счет переработки и инновационных подходов	Городские районы; несколько гектаров	Общая инфраструктура, общие материально-технические средства и специализированные услуги
Особая экономическая зона, ориентированная на сельское хозяйство	Обеспечение благоприятных условий в таких областях, как регулирование, ведение деятельности и финансы	Городские районы; несколько гектаров	Эффективные экономические и нормативные механизмы
Инкубаторы в области агробизнеса	Развитие предпринимательства	Городские районы; несколько сотен квадратных метров	Общая инфраструктура и специализированные услуги; направленность на создание и развитие новых предприятий в сфере агробизнеса

ИСТОЧНИК: Gálvez Nogales and Webber, 2017, таблица 25.

поля до потребителя. Необходимо уделить внимание и другим важным инструментам, которые способствуют поставкам продуктов питания на внешние рынки, например, использованию прибрежных районов и приграничных регионов.

Характеристики различных вариантов агротерриториальных инвестиций

Как показано в [таблице 6](#), варианты инвестиций в агротерриториальное развитие различаются в зависимости от общей цели, географического охвата и отличительных характеристик. Все пять проанализированных вариантов ориентированы на обеспечение занятости в сельских районах и на укрепление связей между сельскими и городскими районами, но в разной степени. Например, не во всех вариантах одинаковое значение придается инфраструктуре. Основными особенностями агрокоридоров являются интеграция инфраструктуры, политики и нормативной базы, укрепление институтов и

принятие мер в отношении продовольственной системы. Сельскохозяйственные кластеры также обеспечивают инфраструктуру, такую как системы ирригации, дороги, доступ к энергетическим и телекоммуникационным системам, но при этом в базовую инфраструктуру инвестируется намного меньше средств. С другой стороны, в агропарке предоставление инфраструктуры ограничивается общими помещениями на территории парка и, возможно, подъездной дорогой за воротами парка. В инкубаторах предлагаемая инфраструктура, как правило, сведена к минимуму и обычно предполагает обслуживаемое рабочее пространство.

Как видно из [таблицы 6](#), в дополнение к общим целям каждый вариант агротерриториальных инвестиций предполагает различные конкретные задачи. Например, в агропарках первоочередное внимание уделяется повышению добавленной стоимости за счет переработки и инновационных подходов, а инкубаторы ориентированы на развитие предпринимательства; кластеры сосредоточены на

РИСУНОК 22

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОХВАТ АГРОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ И ВИДЫ ОБЯЗАННОСТЕЙ В СФЕРЕ РУКОВОДСТВА

ИСТОЧНИК: Gálvez Nogales and Webber, 2017, рис. 23.

построении сетевых связей, а агропромышленные ОЭЗ – на обеспечении более благоприятной нормативной, деловой и финансовой среды.

Географический охват

Как показано на рис. 22, варианты агротерриториальных инвестиций сильно отличаются с точки зрения географического охвата, что влечет за собой использование разных моделей управления. Самый широкий инструмент с точки зрения географического охвата – агрокоридор, который может простирается на довольно обширную территорию. Коридор Тарапото на северо-востоке Перу занимает 500 км, Южный коридор сельскохозяйственного роста в Танзании – 1000 км, а программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС), охватывающая 10 стран, предусматривает создание в Центральной Азии шести коридоров протяженностью более 4000 км и обеспечение связи западной части Китая с Каспийским морем.

Агрокоридор может охватывать один или несколько городов, причем часто – небольшие города и поселки, которые выступают в качестве узловых центров для товаров, поступающих на территорию коридора или отправляемых с его территории, и в качестве места размещения предприятий, формирующих ближайший центр спроса на услуги продовольственной системы. Как правило, транспортная артерия коридора соединяет сельские районы с небольшими городами и поселками, а также связывает эти промежуточные города с более крупными внутренними и международными рынками.

Например, коридор роста в Объединенной Республике Танзания соединяет два города второстепенного значения и несколько небольших городов с крупнейшим городом Танзании – Дар-эс-Саламом с населением 4,3 млн человек (см. рис. 23). Аналогичным образом коридор Тарапото в Перу связывает город Тарапото (население 120 000 человек) с тремя городами второстепенного значения.

Агрокластер обычно расположен на территории какой-либо провинции или департамента, от которых и получает свое название, например, лимонный кластер Колима в Мексике, яблочный кластер Санта-Катарина в Бразилии и виноградные кластеры Махараштра в Индии. Некоторые кластеры занимают тысячи гектаров. Например, в кластере Био-Био в Чили более 3400 гектаров, на которых выращивается черника. Агроперерабатывающие, сбытовые и логистические предприятия обычно концентрируются в основных городах района размещения кластера.

Географический охват агропарка или ориентированной на сельское хозяйство ОЭЗ меньше: максимальная площадь составляет несколько сотен гектаров, при этом обе структуры ограничены одним городом и его прилегающими территориями. В Дании парк Agro Food Park на окраине Орхуса, города с населением 320 000 человек, должен занять площадь 32,5 гектара, а продовольственный технопарк Бизерта в Тунисе включает промышленный комплекс площадью 150 гектаров и территорию площадью 45 гектаров, отведенную для осуществления инновационной деятельности и обмена знаниями. Большинство агропродовольственных парков и ОЭЗ

РИСУНОК 23

БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ ГОРОДА ЮЖНОГО КОРИДОРА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО РОСТА, ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕСПУБЛИКА ТАНЗАНИЯ

ИСТОЧНИК: Gálvez Nogales, 2014, рис. 8.

расположены в небольших городах и поселках. В качестве примера можно привести Greenport Venlo в Нидерландах, Mega food park в Читтуре, Индия, особую экономическую зону Vaguiu на Филиппинах, Agri-food City в городе Тудела, Испания, и агропромышленный парк Иерихона. Инкубаторам в области агробизнеса необходима территория площадью всего несколько сотен квадратных метров: бразильский технологический инкубатор ЦЕНТЕВ занимает здание площадью 1000 м², а площадь инкубаторов в Соединенных Штатах Америки составляет в среднем 3700 м².

Учитывая различный географический охват агротерриториальных инструментов развития, часто их можно комбинировать полезным образом. Например, инкубаторы могут функционировать в агропарках и кластерах. Кластеры, ОЭЗ и агропарки

могут являться частью коридоров. Другими словами, инструменты с ограниченным географическим охватом могут быть эффективными компонентами, когда они объединяются в рамках более масштабных программ развития продовольственной системы.

Чем шире географический охват, тем более комплексный характер приобретают принимаемые меры в том, что касается участников, уровней и секторов, и, как правило, тем больше становится бюджет. В связи с этим различаются и требования в части управления, как показано на рис. 22: более масштабные меры требуют более широкой государственной поддержки и государственного управления, отчасти в связи с необходимостью инвестиций в транспортную инфраструктуру, а участие частного сектора характерно для менее

масштабных инкубаторов в области агробизнеса и агропарков.

Отличительные и общие черты вариантов агротерриториальных инвестиций

Возможность использования различных вариантов агротерриториальных инвестиций зависит от уровня экономического развития района, где предполагается реализовать соответствующий вариант. В странах с высоким уровнем гражданской и политической стабильности, которые могут позволить себе инвестировать в инфраструктуру и образование, агротерриториальный подход может оказаться весьма эффективным в построении сельскохозяйственных производственно-сбытовых цепей в слаборазвитых регионах.

Агрокоридоры подходят странам и регионам, где правительства осознают насущную потребность в улучшении транспортной и энергетической инфраструктуры в качестве способа повышения производительности сельского хозяйства. Тем не менее сторонники коридоров должны признать необходимость применения всестороннего подхода, учитывающего трудности, преодоление которых требует тесного сотрудничества между секторами, центральным правительством и местными органами власти, государственными и частными партнерами. Странам со средним уровнем доходов и развитым агропромышленным странам подойдут более сложные формы развития – региональные агрокластеры. Кластеры могут стать предпочтительным инструментом в том случае, когда участники производственно-сбытовой цепи продовольствия сконцентрированы в определенном месте или когда существует потенциал для такой концентрации. Коллективные действия со стороны заинтересованных сторон кластера, если создать необходимые для этого условия, могут помочь решить общие проблемы и повысить конкурентоспособность и, возможно, инклюзивность.

Директивные органы могут использовать модель агропарка, когда их конкретная задача заключается в создании или реализации возможностей для агропромышленности, поскольку она обеспечивает создание рабочих мест на трудоемких производствах в городских и пригородных районах и способствует переключению продовольственной системы на виды деятельности с более высокой добавленной стоимостью. Этот вариант подходит для увеличения добавленной стоимости путем переработки, что означает повышение эффективности и производительности арендаторов парков и их поставщиков сырья для создания добавленной

стоимости при одновременном снижении операционных издержек. Агропарки также могут поддерживать несколько производственно-сбытовых цепей продовольствия и сочетать в себе стремление к увеличению добавленной стоимости и промышленной эффективности с принципами промышленной экологии и инновациями, например, при помощи так называемой модели экологичного парка.

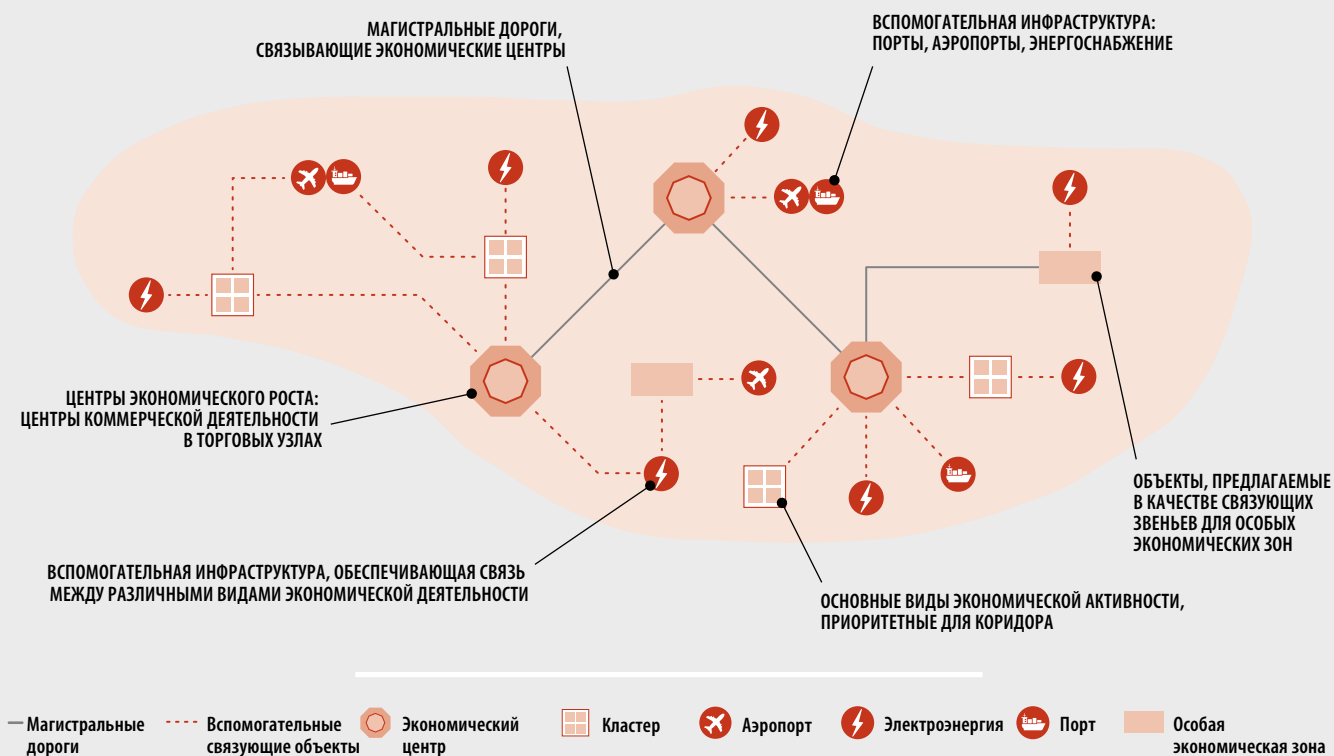
Когда нормативная среда является препятствием для развития продовольственной системы, ориентированные на сельское хозяйство ОЭЗ могут обеспечить предприятиям пищевой промышленности благоприятную среду, а также полигон для осуществления инновационной деятельности в контролируемых условиях, прежде чем эти предприятия выйдут на общеотраслевой или общенациональный уровень. Кроме того, инкубаторы в области агробизнеса – подходящий инструмент для преодоления проблемы неэффективности рыночных механизмов, которая препятствует развитию предпринимательства и формированию здоровой предпринимательской экосистемы в определенном месте. Независимо от указанных различий, при выработке агротерриториальных мер директивные органы должны иметь в виду, что ключ к успеху – достижение сбалансированного сочетания развития инфраструктуры и "мягких" стимулирующих мер по всему сельско-городскому континууму.

Какая сельская инфраструктура необходима и где?

Сельскохозяйственные предприятия прекрасно осознают, насколько относительная сложность (или, наоборот, легкость) транспортировки продукции влияет на их издержки и конкурентоспособность, и стремятся привлекать инвестиции в инфраструктуру, которые снижают транспортные издержки (Carciofi, 2012). Разные варианты агротерриториальных инвестиций предполагают различное сочетание мер по развитию инфраструктуры и конкретных действий, направленных на укрепление и расширение продовольственной системы. К инвестициям в инфраструктуру относятся инвестиции, направленные на создание, расширение или восстановление транспортной инфраструктуры и сопутствующих логистических услуг, городских и региональных инфраструктурных сетей, инфраструктуры "последней мили" и инфраструктуры, необходимой для определенных продуктов питания, а также общей, управляемой централизованно инфраструктуры и объектов для агропарков, ОЭЗ и инкубаторов (рис. 24).

В развивающихся странах создание крупных объектов транспортной инфраструктуры финансируется, как

РИСУНОК 24
ИНВЕСТИЦИИ В ИНФРАСТРУКТУРУ В РАМКАХ
АГРОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ

ИСТОЧНИК: Gálvez Nogales, 2014, рис. 20.

правило, за счет государственных средств, чаще всего при поддержке международных финансовых учреждений в виде займов и грантов. Например, Азиатский банк развития играет ведущую роль в региональных инициативах по созданию коридоров в Центральной Азии и в субрегионе Большого Меконга в Юго-Восточной Азии. При этом менее масштабные инвестиции в инфраструктуру обычно финансируются за счет сочетания государственных и частных ресурсов.

Ответственность за обеспечение эффективного перемещения продуктов питания лежит на государственном секторе. Агротерриториальные инвестиции могут помочь в устранении узких мест, возникающих там, где ключевая инфраструктура и ключевые объекты отсутствуют или требуют модернизации либо расширения. Предоставляя более эффективные транспортные услуги (с точки зрения

времени, экономических и экологических издержек), государство способствует интеграции сельских и городских районов внутри страны и установлению связей с мировыми рынками. Улучшение транспортной инфраструктуры вдоль агрокоридоров сокращает среднее время в пути на 40-50 процентов, а транспортные расходы – вплоть до 80 процентов. Непринятие мер по улучшению критически важной транспортной инфраструктуры препятствует доступу на рынки сырья, сбыта и труда, при этом возникает риск снижения эффективности любых других инвестиций.

Кроме того, важно расширять транспортную инфраструктуру "последней мили" с охватом сельских районов, что имеет решающее значение для трансформации сельских территорий и территориального развития (врезка 23), и улучшать инфраструктуру с целью удовлетворения

потребностей мелких производителей (врезка 24). Для транспортировки сельскохозяйственной продукции на внутренние и международные рынки также может потребоваться развитие транспортных терминалов, например, портов и аэропортов.

Частный сектор, в частности фирмы, специализирующиеся на логистике, могут сыграть важную роль в сокращении издержек и расширении интермодального обмена продуктами питания и услугами в рамках сельско-городского континуума. В дополнение к расширению дорожных сетей, завершению строительства незавершенных объектов транспортной инфраструктуры и финансированию инициатив в области смешанных перевозок, которые приносят пользу целевому району, государственные органы должны сотрудничать с частным сектором для решения проблем, связанных с транспортом и логистикой, а также стимулировать развитие логистических компаний. Улучшение координации на территориальном уровне имеет решающее значение для устранения узких мест в логистике и вызывающих неэффективность факторов, которые часто возникают в рамках инициатив по децентрализации, например, когда городские или региональные власти пытаются вводить налоги или сборы на перевозку товаров.

Преодоление узких мест в транспортной сфере способствует развитию агробизнеса и повышению продовольственной безопасности, но обходится недешево и может требовать значительных ресурсов. В работе Gálvez Nogales (2014 г.) сделан вывод о том, что расшивка узких мест в инфраструктуре является основной статьей бюджета в анализируемых программах по созданию коридоров: на нее приходится от 60 до 80 процентов от общего объема ассигнований. Например, 80 процентов бюджета программы ЦАРЭС в Центральной Азии выделено на инфраструктурный компонент, предусматривающий строительство и благоустройство примерно 3600 км автомобильных дорог и 2000 км железнодорожных путей, а также модернизацию портов и пунктов пересечения границы (ADB, 2011). Для покрытия этих расходов необходимо участие как государственного, так и частного сектора. В случае значительного недостатка инфраструктуры реализуемым с нуля новым проектам могут быть предоставлены стимулы и меры поддержки, как было сделано в рамках некоторых агротерриториальных инициатив в странах Африки к югу от Сахары.

В рамках агротерриториальных инициатив развитие стратегической транспортной инфраструктуры идет рука об руку с территориальным планированием мегаполисов, небольших городов и поселков, а также с развитием других региональных инфраструктурных сетей, необходимых для поддержания роста городов, в частности систем энергоснабжения, водоснабжения, канализации и телекоммуникаций. Кроме того, необходима долгосрочная стратегия комплексного

ВРЕЗКА 23

ИНФРАСТРУКТУРА "ПОСЛЕДНЕЙ МИЛИ" НА ЯМАЙКЕ

Инфраструктура "последней мили" обеспечивает интеграцию сельских районов в экономическую деятельность малых городов и поселков. Эта инфраструктура включает подъездные дороги и дороги для перевозки продукции с ферм на рынки, а также доступ к водоснабжению (например, орошение и небольшие плотины), электроснабжению и услугам связи. Строительство инфраструктуры "последней мили" позволяет соединить изолированные сельские районы с городскими центрами, создавая условия, способствующие развитию агробизнеса.

Министерство сельского хозяйства и рыболовства Ямайки поощряет трехсторонние инвестиции – со стороны правительства, фермерских организаций и покупателей – в отдельные территории и производственно-сбытовые цепи для высокотоварных сельскохозяйственных культур, таких как имбирь и куркума, с использованием трехфакторного подхода, сочетающего в себе создание агропродовольственных парков, развитие ирригационных систем, сельскохозяйственных дорог и упаковочных предприятий, а также содействие заключению соглашений о поставках между орошаемыми фермами и консорциумами арендаторов агропарков.

Одной из запланированных инициатив является парк Яллакс (близ Кингстона) по переработке лука и других овощей. Инвестиции в парк дополняются инвестициями в размере 4 млн долл. США в ирригационные сооружения, сельскохозяйственные дороги и упаковочное предприятие, финансируемые Межамериканским банком развития. Этой ирригационной системой пользуются 300 фермеров, продающих свой урожай агропарку.

ИСТОЧНИК: Gálvez Nogales and Webber, 2017.

развития сельскохозяйственных, агропромышленных и смешанных районов. Инвестиции в транспортную инфраструктуру снижают транспортные расходы и время в пути, а телекоммуникационная и энергетическая инфраструктура снижает затраты на ведение деятельности для предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, а также для компаний по продаже и логистике продуктов питания. В рамках агротерриториальных инициатив часто рассматривается возможность расширения этих инфраструктурных сетей

ВРЕЗКА 24

ИНФРАСТРУКТУРА, СПОСОБСТВУЮЩАЯ СОЗДАНИЮ "ГНЕЗДОВЫХ РЫНКОВ" ДЛЯ МЕЛКИХ ФЕРМЕРОВ

Инвестиции в инфраструктуру в целях повышения продовольственной безопасности и улучшения питания более эффективны, когда обеспечивают поддержку моделям производства и продаж, подходящим мелким фермерам, а также когда инвестиции направлены на обеспечение прав владения и пользования (ГЭВУ, 2013). Многие фермеры, практикующие методы агроэкологии, разрабатывают новые продукты и услуги, увеличивающие стоимость единицы продукции, и продают эти продукты по-новому. Строительство новой инфраструктуры наряду с новыми институциональными механизмами, связывающими производителей и потребителей, стимулирует развитие новых сегментов рынка, интегрированных в общую рыночную инфраструктуру (van der Ploeg, 2008).

Сравнительный анализ, охватывающий Европу, Бразилию и Китай, показал, что возникающие гнездовые рынки имеют аналогичные инфраструктурные функции, ориентированные на местные и региональные рынки, и используют общие

объединенные ресурсы, которые могут включать воду, рыбопромысловые участки, общие земли и используемые совместно леса (van der Ploeg *et al.*, 2012). Например, в Бразилии за счет использования инфраструктуры, которая обеспечивает доступ к центрам для самостоятельной организации перевозки продукции, сократились время транспортировки и затраты отдельных фермеров и водителей (Ecovida, 2007). Изучение потребностей мелких фермеров в инфраструктуре показало важность местных скотобоен (European Innovation Partnership AGRI Focus Group, 2015), фермерских рынков (Kirwan, 2004) и систем оформления заказов через Интернет (Milone, 2009).

В 2016 г. Комитет по всемирной продовольственной безопасности вынес важные рекомендации относительно обеспечения мелким фермерам доступа к рынкам, подчеркнув важность государственных инвестиций в создание и улучшение инфраструктуры, специально ориентированной на мелких фермеров (КВПБ, 2016).

из промежуточных городов на территорию, значительно превышающую их муниципальные границы, с охватом городских и сельских районов, чтобы устранить узкие места в основных производственно-сбытовых цепях продовольственных систем.

Инфраструктура продовольственных систем включает складские объекты, объекты холодильного хранения, первичные рынки свежей продукции и оптовые рынки, пункты сбора, сухие порты, логистические платформы и розничные предприятия. Обеспечение этой инфраструктуры является основой для формирования диверсифицированной сферы услуг и важным шагом к повышению эффективности управления производственно-сбытовыми цепями продовольствия. Фермерам такие инвестиции помогают сгладить влияние на доходы сезонности, волатильности рынка и изменчивости погоды (Graziano da Silva and Fan, 2017). Например, в Индии холодильное хранение играет решающую роль в уменьшении сезонности поставок картофеля в Дели: в округе Агра фермерам были предложены возможности, позволяющие создать противовес рыночной силе традиционных оптовиков. Меры по оптимизации складского хозяйства, морских перевозок, сертификации и управления товарно-материальными запасами обеспечивают экономию и повышение эффективности и могут быть ориентированы на конкретные производственно-сбытовые цепи продовольствия.

Например, Индонезия в рамках своей национальной программы по формированию агрокоридора выделяет 2,36 млрд долл. США на создание и совершенствование вспомогательной инфраструктуры для производителей пальмового масла, каучука, какао, древесины и других сельскохозяйственных культур.

Инвестиции в инфраструктуру "последней мили" и специфическую для продовольственной системы инфраструктуру могут финансироваться как из частных, так и из государственных источников. Одни инвестиции, например, в строительство сельских и подъездных дорог, относятся исключительно к общественным благам и поэтому будут финансироваться правительствами и их партнерами по развитию. Другие же инвестиции, от которых можно получить финансовую отдачу, вероятно, будут поступать от частного сектора. Важное значение имеют механизмы партнерства, объединяющие государственные и частные ресурсы. ■

ЗА РАМКАМИ ТРАДИЦИОННОГО АГРОБИЗНЕСА: ПОТРЕБНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГАХ

Развитие инфраструктуры – основной фактор, способствующий эффективному функционированию

рынков и агропредприятий. Однако оно должно осуществляться в рамках более масштабного процесса территориального планирования с участием многих заинтересованных сторон. Наряду с улучшением инфраструктуры директивные органы должны признать потребность в общественных благах и услугах, способствующих развитию инклюзивной экономической деятельности на целевой территории. Эти общественные блага описаны ниже.

Ориентированные на конкретную территорию меры по развитию производственно-сбытовых цепей. Пять территориальных инструментов, описанных в [Таблице 6](#) (стр. 112), предусматривают включение в процесс их планирования и реализации ориентированных на цепи поставок и производственно-сбытовые цепи мер, способствующих снижению стоимости услуг, увеличению конкуренции в сфере услуг и повышению качества обслуживания. Акцент на стратегически важных производственно-сбытовых цепях помогает избежать распыления ограниченных ресурсов. Осуществление инициатив должно начинаться с выбора производственно-сбытовых цепей, обладающих относительными преимуществами на данной территории, а затем следует реализовывать инфраструктурные проекты и принимать стимулирующие меры для преодоления существующих ограничений и повышения эффективности работы цепей на всех уровнях. Эти меры включают совершенствование управления цепями поставок, создание программ финансирования производственно-сбытовых цепей, создание базы данных поставщиков сырья и услуг и установление партнерских отношений между участниками цепи. Успешными можно считать те меры в отношении производственно-сбытовых цепей, которые способствуют установлению активных связей между фермерами и рынками, обеспечивают объединение фермеров и открывают широкий доступ к финансированию. Агрокоридоры, агропарки, ОЭЗ и инкубаторы в области агробизнеса обычно охватывают несколько производственно-сбытовых цепей и способствуют пространственной синергии между ними.

Интеграция мер по развитию производственно-сбытовых цепей в более масштабную территориальную стратегию. Вышеописанные меры часто являются элементом более масштабных планов территориального развития, которые объединяют в себе взаимосвязанные политические инициативы с учетом возможности синергии и необходимости компромиссов. Эти территориальные планы направлены на развитие сельских и отдаленных районов и на укрепление их связей с остальной частью экономики посредством принятия политических мер, которые, при необходимости, опосредуют, смягчают и перенаправляют последствия структурной трансформации и трансформации сельских районов. Эти планы ориентированы на поиск оптимального сочетания мер сельскохозяйственной, социальной и налоговой

политики, включая компенсацию возможных негативных последствий от повышения производительности за счет мер социальной защиты.

Политические и нормативные рамки, способствующие формированию благоприятной деловой среды и улучшению управления. Эти рамки призваны обеспечить снижение операционных издержек, препятствующих эффективному функционированию рынка и не позволяющих фермерам внедрять новые технологии и использовать возможности для продаж (Calderon, 2009; Gollin and Rogerson, 2010; Jacoby and Minten, 2009; Stifel and Minten, 2008). Обеспечение благоприятной среды имеет решающее значение при быстрой структурной трансформации. На основе данных по 11 странам Африки к югу от Сахары в работе Carrago and Karfakis (2017) сделан вывод о наличии положительной и важной связи между этими стимулирующими мерами и скоростью трансформации. Шаги по созданию благоприятных условий включают политические меры в области землепользования, стандартов качества, развития агропромышленности, инвестиций в агробизнес, продовольственной безопасности и государственно-частного сотрудничества. В частности, было установлено, что важнейшим фактором является безопасность землевладения. В работе Barrett *et al.* (2017) отмечается, что отсутствие безопасности землевладения является основным препятствием на пути сельскохозяйственной трансформации в Африке. Некоторые территориальные меры направлены на преодоление этого барьера путем создания земельных банков, выделяющих землю инвесторам после консультаций с местными органами власти и сообществами²³. Меры такого типа являются краеугольным камнем ориентированных на сельское хозяйство ОЭЗ, предполагающих упрощенное регулирование, в том числе быструю процедуру получения разрешений в таможенных органах.

Формирование инклюзивных механизмов сотрудничества, от которых выгоду смогут получить мелкие фермеры. Основой большинства инициатив по созданию кластеров, агропарков и ОЭЗ является ведение сельского хозяйства на контрактной основе и контрактное фермерство. Например, правовые, нормативные и политические рамки сделали возможным ведение сельского хозяйства на контрактной основе в рамках программы по созданию коридора в субрегионе Большого Меконга, охватывающей Вьетнам, Камбоджу, Китай, Лаосскую Народно-Демократическую Республику, Мьянму и Таиланд. Еще один подход состоит в том, чтобы в рамках территориальных мер предусмотреть механизм финансирования и нефинансовые услуги для мелких

²³ Заинтересованным сторонам следует обратиться к Принципам ответственного инвестирования в агропродовольственные системы (КВПБ, 2014) и Добровольным руководящим принципам ответственного регулирования вопросов владения и пользования земельными, рыбными и лесными ресурсами в контексте национальной продовольственной безопасности (ФАО, 2013).

фермеров в выбранном районе и для работающих с ними агропромышленных компаний. Инициатива по созданию коридора сельскохозяйственного роста Бейра в Мозамбике предусматривает выгодные схемы финансирования для компаний, инвестирующих в агрокластеры с высоким сельскохозяйственным потенциалом, при условии внедрения ими инклюзивных бизнес-моделей, обеспечивающих взаимовыгодное сотрудничество с мелкими производителями. Фонд, созданный для обслуживания Южного коридора сельскохозяйственного роста в Танзании, предусматривает механизм выделения финансирования для крупных агропромышленных компаний, образующих производственно-сбытовые цепи с мелкими фермерскими хозяйствами, а также фонд социального венчурного капитала, предоставляющий поддержку агропредприятиям, создаваемым молодежью.

Совершенствование и расширение услуг по развитию бизнеса. В странах с переходной экономикой продовольственные системы обычно претерпевают переход от сегментированных рынков, где важную роль играют малые и средние предприятия, к усилению концентрации и интеграции, что приводит к потере МСП конкурентоспособности и, в конечном итоге, к их исчезновению. Агропарки могут помочь обратить вспять или ослабить эту тенденцию. В Китае промышленные парки помогли мелким резидентам вырасти в средние и крупные предприятия (Dinh *et al.*, 2012). Индия развивает продовольственные парки, расширяющие доступ МСП к объектам холодильного хранения, лабораториям контроля качества и складским объектам. Парки также открывают возможности для совместных закупок, что снижает стоимость сырья, позволяя соответствующим МСП увеличить масштабы деятельности за короткий промежуток времени. Сельскохозяйственная и промышленная корпорация Багамских островов (полугосударственная компания) управляет промышленными парками и инкубаторами, поддерживающими МСП, в частности в пищевой промышленности. Многие правительства стимулируют объединение фирм разных размеров и поощряют их к сотрудничеству и поддержке друг друга (Gálvez Nogales and Webber, 2017; Murray, 2009). Например, Китай развивает бизнес-модели, стимулирующие перемещение предприятий разного размера в индустриальные парки и формирование связей между всеми арендаторами. В Индии сплоченность пользователей парка считается необходимым фактором для обеспечения устойчивости (Saleman and Jordan, 2014).

Внедрение улучшенных механизмов для обеспечения финансовой интеграции и привлечения инвестиций. Из-за недоступности страхования и кредитов во многих сельских районах фермерские хозяйства вынуждены заниматься видами деятельности с низким уровнем риска и низкой

рентабельностью, что обрекает их на низкую производительность и нищету (Barrett and Carter, 2013; Carter and Barrett, 2006; Dercon and Christiaensen, 2011). Неэффективная работа финансового рынка напрямую связана с относительно низкими темпами внедрения более устойчивых и производительных практик и технологий, в частности ирригационной и сельскохозяйственной техники. Чтобы исправить последствия этой неэффективности, в рамках агротерриториального развития все чаще используются специализированные механизмы финансирования и инвестирования для поддержки фермеров и агробизнеса. Например, инициатива по созданию сельскохозяйственного коридора Бейра в Мозамбике предусматривала три типа финансирования для компаний и фермеров, осуществляющих деятельность в рамках коридора: предоставление оборотных средств для поддержки сельскохозяйственного производства, выделение социального венчурного финансирования на развитие инвестиций в инновации и предоставление долгосрочного капитала на создание в рамках коридора инфраструктуры, необходимой для ведения сельскохозяйственной деятельности.

Благоприятные для окружающей среды подходы к осуществлению агротерриториальных мер. При реализации территориальных мер следует определить и учесть экологические аспекты, то есть необходимо предусмотреть инвестиционный механизм, обеспечивающий устойчивый благоприятный для окружающей среды рост экономики и минимизацию потенциального негативного воздействия на окружающую среду в целевом районе. В 2012 году в рамках Южного коридора сельскохозяйственного роста в Танзании была разработана стратегия интенсификации мелкого и коммерческого сельского хозяйства с одновременной охраной природной ресурсной базы. В рамках изучения экологических последствий инвестиций в создание коридора несколько агропромышленных предприятий совместно с Норвежским университетом медико-биологических наук и Сокоинским университетом сельского хозяйства в Объединенной Республике Танзания работали над научно-исследовательским проектом по изучению эффекта от применения передовой практики ведения устойчивого сельского хозяйства. Они продемонстрировали способность некоторых производственно-сбытовых цепей удваивать урожайность и доходы фермеров без расширения обрабатываемой территории и без увеличения выбросов парниковых газов. Экологичные агропарки, например, агропарк Suiker Unie в Нидерландах, уделяют большое внимание охране окружающей среды и производству продукции с добавленной стоимостью. Цель этих агропарков состоит в оптимизации использования природных ресурсов, особенно за счет более эффективного и

устойчивого использования водных ресурсов в производстве, переработке и распределении продуктов питания. В числе широко распространенных технологий – использование биореакторов для переработки биомассы в топливо, являющееся эффективным и экологичным.

Инновационные программы. Инновации особенно важны для "продовольственных технополисов", представляющих собой агропродовольственные парки, в рамках которых особое внимание уделяется технологиям и инновациям, а также для инкубаторов в области агробизнеса, функционирующих при университетах, например, инициативы ЦЕНТЕВ в Бразилии, Монтеррейского технологического инкубатора при Монтеррейском институте технологий и высшего образования в Мексике и инкубатора в области агробизнеса при Университете Макерере в Кампале. Оба подхода сочетают в себе предоставление инфраструктуры – общих офисных помещений и объектов, специально построенных для переработки сельскохозяйственной продукции – с акцентом на многопрофильные научно-исследовательские программы и финансовые и налоговые стимулы для арендаторов. Таким образом, технополисы и инкубаторы способствуют внедрению и распространению уже существующих приносящих доход инноваций, которые обеспечивают возможность устойчивого включения в цепи мелких производителей.

Программы повышения квалификации. Все пять описанных вариантов агротерриториальных инвестиций могут помочь мелким фермерам и МСП в развитии навыков производства и ведения сельского хозяйства, а также обеспечить, чтобы агропромышленные предприятия могли найти работников, обладающих современными навыками, необходимыми для построения конкурентоспособных продовольственных систем. Это может быть достигнуто, например, посредством государственных программ оказания технической помощи для укрепления потенциала предприятий и посредством использования налогов на фонд заработной платы для финансирования обучения. В эти программы могут быть интегрированы производители и фермерские полевые школы, чтобы помочь фермерам получить знания, необходимые для внедрения технологий, соблюдения стандартов качества и прохождения сертификации. В государственные программы обучения также могут быть включены программы социальной защиты (см. главу 4), чтобы гарантировать мелким фермерам доступ к обучению, которое может расширить их возможности для получения дохода.

Укрепление потенциала соответствующих государственных и частных организаций. Успех агротерриториального подхода к развитию зависит от

потенциала институтов и, прежде всего, товарных советов и межпрофессиональных объединений (см. Shepherd, Cadilhon and Gálvez Nogales, 2009). Например, индийская программа Mega Food Parks предусматривала оказание поддержки в создании отраслевых организаций – Национального комитета по переработке мяса и птицы и Индийского комитета по переработке винограда, которые способствуют реализации коллективных действий в рамках агропарков и за их пределами. Аналогичным образом, поддержка, оказываемая федерации кооперативов в Мендосе, Аргентина, сыграла важную роль в укреплении потенциала фермеров в части проведения коллективных переговоров и создания альянсов с отечественными и международными дистрибьюторами, что в итоге способствовало успеху винодельческого и виноградного кластера Мендосы. ■

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В ПОДДЕРЖКУ ПРИНЯТИЯ АГРОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ МЕР

Для обеспечения эффективности и взаимовыгодных результатов также важна координация в вопросах планирования и регулирования использования земли, воды и других ресурсов, имеющих решающее значение для производства продовольствия в городских, пригородных и сельских районах. Для улучшения горизонтальной и вертикальной координации между центральными и местными органами власти и различными сферами политики необходимы политическая воля и эффективное распределение финансовых ресурсов и полномочий на принятие решений (Graziano da Silva and Fan, 2017). Помимо обеспечения общественных благ и оказания государственных услуг, правительствам следует внедрять в государственном секторе многоуровневые институциональные механизмы с участием многих заинтересованных сторон и проводить институциональные реформы, необходимые для поддержки агротерриториального развития и трансформации сельских районов. Особое внимание необходимо уделять процессам децентрализации, происходящим в развивающихся странах, и обеспечению координации между учреждениями различного уровня, наделенными какими-либо полномочиями в отношении соответствующих территорий (врезка 20, стр. 106).

Первостепенное значение имеет оптимизация государственного управления. Создание благоприятной институциональной и нормативной среды приведет к тому, что агротерриториальные инициативы будут более успешными, поскольку будут соблюдаться

принципы благого управления в части инклюзивности, прозрачности, руководства и участия всех заинтересованных сторон. Благое управление требует разъяснения роли государственных и частных организаций, работающих над формированием и осуществлением агротерриториальных планов. Для управления этими процессами и инструментами планирования необходимо обеспечить баланс между множеством государственных органов, представителей гражданского общества, частным сектором и международными партнерами по развитию. Государственным органам, занимающимся сельским хозяйством, промышленностью, торговлей, образованием и инвестициями, а также местным агентствам развития необходимо найти способы совместной работы и согласования интересов и политики, которые иногда расходятся (Gálvez Nogales and Webber, 2017).

В 2013 году ФАО провела обзорное исследование в 71 развивающейся стране и углубленный анализ 21 тематического исследования с целью оценки функций и организационных моделей, которые правительства использовали для предоставления общественных благ и государственных услуг участникам продовольственной системы (см. ФАО, 2014а и 2014b). Исследование показало, что агробизнес и продовольственные системы обычно находятся в ведении нескольких учреждений и что работа этих учреждений координируется плохо. С целью улучшения координации в ряде стран были созданы межминистерские комитеты или аналогичные механизмы для управления процессами децентрализации и для реализации агротерриториальных инициатив. Эта тенденция к децентрализации отражена в эволюции программы по созданию продовольственного парка в Индии, в рамках которой ответственность за создание, поддержку и мониторинг агропродовольственных парков была возложена на правительства штатов.

Другой вариант заключается в создании специализированных органов, ответственных за разработку и осуществление агротерриториальных инициатив. Например, в рамках инициативы по формированию коридора Бейра в Мозамбике было создано два центра для координации принимаемых в границах коридора мер и для оказания инвесторам, фермерам и другим пользователям поддержки в вопросах агробизнеса. Аналогичным образом, в рамках реализуемой в Перу программы по сокращению масштабов нищеты и смягчению ее последствий в каждом коридоре был создан центр для оказания фермерам и агропромышленным предприятиям услуг по развитию бизнеса. Во многих агропродовольственных парках, ОЭЗ и инкубаторах также имеется специальный орган, ответственный за планирование, строительство и управление и координирующий деятельность арендаторов и других заинтересованных сторон. Такой орган может

быть государственным, государственно-частным или, в исключительных случаях, частным.

Привлечение к разработке и реализации агротерриториальных инициатив частного сектора, в том числе МСП, часто имеет большое значение для их успеха. В тех случаях, когда инициативы направлены на привлечение на функциональные территории как государственных, так и частных инвестиций, важным инструментом финансирования инициатив, управления ими и их реализации является государственно-частное партнерство. Поскольку государственное руководство и участие в целом сокращаются, частное руководство особенно важно, когда речь идет об агропарках, кластерах и инкубаторах. Например, в Гондурасе новый закон, разрешающий развитие ОЭЗ силами частного сектора, помог возродить одну государственную инициативу, а правительство сосредоточилось на совершенствовании нормативной базы, необходимой инфраструктуре и услуг для инвесторов (Farole and Akinci, 2011).

ПОВЫШЕНИЕ СОГЛАСОВАННОСТИ ПОЛИТИКИ В ЦЕЛЯХ АГРОТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Создание благоприятной деловой среды может также потребовать упрощения процедур торговли и принятия тщательно продуманных таможенных мер, например, введения тарифов на импорт и экспортных ограничений, а также внутренних мер поддержки сельского хозяйства, например, предоставления субсидий на закупку сырья и готовой продукции. Все эти меры могут повлиять на рыночные стимулы в сельскохозяйственном секторе (см. также "Крупным планом: международная торговля, прямые иностранные инвестиции и глобализация продовольственной системы" в главе 2, стр. 46). Уже достигнутый этап преобразований сельского хозяйства часто является ключевым фактором, определяющим цели политических мер и в результате пакет принимаемых политических мер (ФАО, 2015d). При разработке торговой и сопутствующей политики необходимо учесть следующие основные моменты (ФАО, 2015d, ФАО, 2015e и ФАО, 2015f):

При разработке торговой и сопутствующей политики необходимо учесть следующие основные моменты (ФАО, 2015d, ФАО, 2015e и ФАО, 2015f):

- ▶ эффективность политики зависит не только от ее типа и последовательности, но и от ее формы, мер по обеспечению ее выполнения и непосредственно от ее реализации;

- ▶ для управления ожиданиями и укрепления доверия между всеми участниками важно обеспечение стабильности, прозрачности и согласованности политических мер вместо внедрения отдельных изменений, ориентированных на решение проблем в краткосрочной перспективе;
- ▶ политика должна разрабатываться с учетом специфики конкретной страны, поскольку из-за различий в начальных условиях и целях политика, которая эффективна в одной стране, может оказаться безрезультатной в других странах;
- ▶ эффективность внутренней поддержки и торговой политики будет зависеть от степени конкуренции в конкретной цепи поставок; по мере укрепления своих рыночных позиций компании, доминирующие в цепи поставок, будут получать все больше выгод, в то время как выгода для производителей и потребителей будет сокращаться; игнорирование вопросов конкуренции, вероятно, приведет к завышенной оценке возможных выгод от политических реформ для фермеров и потребителей;
- ▶ торговая политика не должна использоваться в качестве основного инструмента для исправления не имеющих к ней отношения сбоев в работе рыночных механизмов, препятствующих увеличению производительности. ■

ВЫВОДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ В ОБЛАСТИ ПОЛИТИКИ

В главе 1 приводятся данные о том, что преобразования, происходящие в сельских и городских районах с 1990-х годов, привели к увеличению числа людей, живущих выше черты умеренной бедности: более 1,6 млрд человек, в том числе 750 млн человек в сельских районах. Эти цифры показывают, что экономическая деятельность в сельских районах способствует сокращению масштабов нищеты и что многие люди могут выбраться из нищеты, не покидая сельских районов. В развивающихся странах трансформация сельских районов происходила вместе с быстрой урбанизацией и изменениями в продовольственной системе, что повлекло за собой появление на внутренних продовольственных рынках как возможностей, так и проблем. Чтобы понять структуру преобразований сельских районов, в частности, быстрое изменение спроса и появление производственно-сбытовых цепей в продовольственном секторе для удовлетворения этого спроса, необходимо рассмотреть их с точки зрения продовольственных систем. Вместе с тем трансформация сельских районов часто является результатом стечения обусловленных местом обстоятельств в продовольственной системе. Таким образом, при анализе с точки зрения продовольственных систем существует риск того, что не будут учтены территориальные аспекты, которые существенно влияют на итоговые результаты.

Территориальные аспекты приобретают особую актуальность в связи с растущим признанием важности малых городов и поселков в урбанизации и экономическом развитии сельских районов. Анализ, подготовленный для настоящего отчета, показал, как городские и сельские районы, отнюдь не являясь отдельными субъектами, образуют какую-либо структуру – от мегаполисов до крупных региональных центров, центров торговли и сельских агломераций. Треть мирового населения проживает в городах с населением менее 500 000 человек, а еще 16 процентов – в сельских районах вокруг этих городов. Поэтому сегодня около половины мирового населения связано через небольшие города и поселки, многие из которых быстрыми темпами диверсифицируют свою экономическую базу и создают прочные связи с сельскими районами. В целом урбанизация способствует сокращению масштабов нищеты в сельских районах посредством формирования экономических связей, причем малые города и поселки, как кажется, делают это более инклюзивным, устойчивым образом.

В качестве центров посредничества и агропромышленности малые города и поселки могут играть ключевую роль в развитии сельских районов и в сокращении масштабов нищеты. Например, если миграция вызвана отсутствием в сельских районах достойной работы и возможностей для получения дохода, создание рабочих мест в несельскохозяйственных отраслях вокруг небольших городов и поселков может помочь в удовлетворении потребностей потенциальных мигрантов до их отъезда. Когда миграция обусловлена большей привлекательностью более процветающих городских центров, может потребоваться другая стратегия, предусматривающая инвестиции в "агломерационные" услуги в небольших городах и поселках, разбросанных по некоторой территории и находящихся в непосредственной близости от сельских районов. Будучи распределенными по более обширной территории, многочисленные небольшие города дают большему числу сельских домохозяйств доступ к средствам для повышения доходов и улучшения благосостояния. Поэтому важно рассматривать продовольственную систему и ее развитие с территориальной точки зрения.

Продовольственная система не может существовать без сообществ, занимающихся земледелием, животноводством, рыболовством и лесоводством. Таким образом, центральным элементом любой стратегии развития сельских районов и обеспечения продовольственной безопасности является создание благоприятных условий, позволяющих производственным субъектам стать экономически жизнеспособными и обеспечить достаточные доходы и достойные условия жизни для фермеров, рабочих и

домашних хозяйств. Чтобы использовать новые возможности, фермерам необходимы повышающие производительность технологии и расширенный доступ к транспорту, информации, инвестиционным займам и возможностям в сфере профессиональной подготовки. В настоящем докладе также подтверждается важность не связанных с фермерской деятельностью доходов для фермерских домохозяйств и их инвестиционных стратегий.

Стратегия, которая сочетает в себе укрепление экономической жизнеспособности фермерских хозяйств за счет получения несельскохозяйственных доходов в сельской местности также имеет важное значение для обеспечения продовольственной безопасности и достаточного питания. Поскольку отсутствие продовольственной безопасности часто вызвано недостаточным для покупки продовольствия или средств для его производства доходом, территориальный подход к развитию, который способствует обеспечению продовольственной безопасности, должен предусматривать развитие сельских районов и сельского хозяйства с созданием новых рабочих мест и источников доходов. Кроме того, он должен включать социальную защиту и социальную политику, которые выступают в качестве гарантий от нищеты и маргинализации. В противном случае развитие сельского хозяйства может привести к негативным и неприемлемым экономическим, социальным и продовольственным последствиям.

Для сельского хозяйства возможности, связанные с растущим спросом, часто сопровождаются капиталоемкой консолидацией производственно-сбытовых цепей, внедрением более строгих стандартов качества и безопасности и заключением контрактов, создающих серьезные барьеры для мелких фермеров. Хотя при развитии цепей поставок и производственно-сбытовых цепей возникают мультипликаторы занятости, способствующие росту доходов от несельскохозяйственной деятельности, увеличение капиталоемкости со временем создаст проблемы, особенно для низкоквалифицированной рабочей силы. Эти проблемы необходимо будет решить при разработке политики и стратегий в области развития сельских районов. Масштабные, разнонаправленные цепи поставок создают новые возможности, но при этом открывают сельские районы для внешней конкуренции. Агротерриториальные стратегии и инициативы играют ключевую роль с точки зрения содействия мелким фермерам в преодолении барьеров и извлечении выгод из текущих преобразований.

Здесь подразумевается, что повестка дня по вопросам эффективности фермерства и продовольственной безопасности должна быть расширена до территориального масштаба и стать еще одним важным инструментом управления рисками и повышения

устойчивости. Для обеспечения сельскому населению средств к существованию, директивным органам необходимо будет добиться того, чтобы повышение эффективности и конкурентоспособности в продовольственной системе происходило не в ущерб инклюзивности. Первой задачей является сохранение конкурентоспособности мелких производителей на внутреннем рынке посредством совершенствования политики и улучшения инфраструктуры, что упростит им доступ к поставщикам, торговцам и потребителям. Другая, более долгосрочная задача состоит в создании в сельских районах не связанных с фермерством рабочих мест, будь то в агропромышленном секторе или на другом производстве.

Еще одна серьезная проблема в сегодняшних быстро развивающихся продовольственных системах – преодоление разрыва, возникшего из-за сокращения государственным сектором услуг по распространению знаний и опыта. Необходимы более эффективное использование ресурсов и более тесная координация с частными консультативными службами, чтобы фермеры могли адаптироваться к изменениям спроса. Обеспечение мелким фермерам доступа к источникам знаний, сырьевых и кредитных ресурсов также требует принятия мер по укреплению потенциала организаций-производителей и по использованию огромного потенциала ИКТ. Более сильные организации позволят мелким фермерам решать связанные с трансформацией проблемы, например, проблему консолидации производственно-сбытовых цепей и земельных владений. Кроме того, трансформацию сельских районов необходимо сделать экологически устойчивой за счет обеспечения по всей производственно-сбытовой цепи стимулов, способствующих устойчивому природопользованию и инвестициям в научные исследования и передачу технологий.

Продовольственная система и территориальные подходы не являются панацеей. Они предлагаются здесь в качестве средства анализа стечения обстоятельств, приводящих к трансформации сельских районов, ее последствий и результатов. Успешный результат агротерриториальных инициатив будет зависеть от участия заинтересованных сторон, от того, насколько продуманы инициативы и как они реализуются. Каждая система обладает уникальными характеристиками, и каждая страна и регион имеют свою историю, топографию, культуру и экономическую концепцию, что очень затрудняет обобщение вопроса о применении передовой практики. Следовательно, эффективное планирование и реализация агротерриториального подхода к развитию требуют продуманного выбора заинтересованных сторон.

В сельских районах необходимы масштабные инвестиции в инфраструктуру, а средства ограничены. World Bank (2012b) оценивает разрыв в инфраструктуре

в странах с низким и средним уровнем доходов, включая дороги, порты, аэропорты, доступ к энергетическим сетям, улучшенному водоснабжению и канализации, телекоммуникационным и интернет-услугам, ирригационным системам, холодильным и складским помещениям, в 1 трлн долл. США. Агротерриториальные подходы имеют четкую направленность на инфраструктуру, а соотношение связанных с ними выгод и затрат сравнительно легко измерить. Принятый в настоящем докладе подход к сельским и городским районам, учитывая не только время в пути до городских центров, но и плотность населения в сельских районах, может помочь в оценке типов территориальных мер, которые будут наиболее целесообразными с экономической точки зрения.

В работе Gálvez Nogales (2014) и работе Gálvez Nogales and Webber (2017) описан ряд передовых практик в области реализации агротерриториальных инициатив. Например, развитие инфраструктуры наиболее эффективно, когда планируется комплексно и осуществляется в рамках соответствующей нормативной базы. Это требует понимания того, как дорожные, энергетические и телекоммуникационные сети взаимодействуют друг с другом и влияют на население, а также на экономический потенциал производственно-сбытовых цепей на данной территории. Если будет строиться инфраструктура, заинтересованные стороны должны тщательно выбрать модель управления, наиболее подходящую для привлечения и поддержания на необходимом уровне требуемых инвестиций. Особое внимание следует уделить интеграции взаимосвязанных политических инициатив, признавая возможную синергию и необходимость компромисса между ними.

На основе анализа, представленного в настоящем отчете, и территориального подхода, рассмотренного в этой главе, можно сделать ряд выводов относительно политических последствий.

Возможные пути осуществления мер политики с применением агротерриториального подхода.

Масштабная задача по искоренению нищеты и голода к 2030 году не имеет легких решений. За последние два десятилетия практики в вопросах развития сельских районов появился длинный перечень потенциально полезных мер политики, направленных на борьбу с нищетой и обеспечение экономического роста в сельской местности. Основные рекомендации заключаются в следующем: улучшить несовершенные рынки путем снижения операционных издержек; развивать "недостающие" рынки кредитования, услуг технической поддержки и страхования; предоставлять общественные блага, например, инфраструктуру, результаты научных исследований, информацию и возможности для укрепления потенциала, а также внедрять механизмы смягчения рисков. Однако в отношении рекомендаций в области политики периодически возникают следующие

вопросы: что, как и когда делать? Представленный здесь агротерриториальный подход является отправной точкой для анализа ограничений, с которыми сталкивается конкретная инициатива, касающаяся продовольственной системы, на данной территории.

Переоценка роли сельского хозяйства и развития сельских районов в национальных стратегиях развития. В результате ухода государства и чрезмерной сегментации в разработке отраслевой политики в последние десятилетия недостаточно внимания уделялось выработке общей стратегии. Ослабление системы информирования общественности и статистической системы ограничивает понимание динамики в сельском хозяйстве и экономике сельских районов. Это основное препятствие для директивных органов, и реинвестирование в создание знаний является неотложной приоритетной задачей. В частности, будет необходима оценка регионов для определения приоритетности целей, выработки целенаправленных мер и установления их последовательности. Участие в разработке и реализации стратегий развития на национальном и субнациональном уровнях предполагает реинвестирование в процессы. Консультации необходимы, чтобы гарантировать принятие ответственности, что является основой общих видения и устремлений. Для этого необходимо время, эффективное планирование и значительные усилия по наращиванию потенциала в области управления информационными системами, анализа результатов и мониторинга процессов.

Обеспечение институциональных и регуляторных процессов с целью повышения успешности агротерриториальных инициатив. Опыт коллективных действий – от использования в маркировке географических указаний, которые увеличивают ценность продукта, до небольших агроинкубаторов и масштабных агрокоридоров – позволил выработать рекомендуемые передовые практики в области управления и институциональных механизмов. Эти передовые практики можно обобщить следующим образом:

- ▶ координация политических мер на целевых территориях и развитие сотрудничества между министерствами и децентрализованными государственными учреждениями, в частности, путем создания межминистерских координационных комитетов или специальных органов;
- ▶ обеспечение синергии между частным и государственным секторами, в том числе посредством сотрудничества в целях развития инфраструктуры и агробизнеса (Rankin *et al.*, 2016a, 2016b);
- ▶ обеспечение синергии между образовательными и инновационными учреждениями и субъектами продовольственной системы, что обеспечит агротерриториальному подходу конкурентное преимущество;
- ▶ установление приоритетности мероприятий исходя из принципа соотношения выгод и затрат, когда затраты

СВАЗИЛЕНД

Оптовый рынок предлагает широкий выбор свежих фруктов и овощей.
©FAO/Believe Nyakudjara

должны приносить социальную пользу, в частности, обеспечивать занятость в сельских районах.

Поддержка мелких фермерских хозяйств в меняющихся фермерских системах. Вопрос о поддержке небольших семейных ферм и переоценке оптимального размера фермы часто характеризуется ложным дуализмом. Он противопоставляет мелкое сельское хозяйство масштабному коммерческому сельскому хозяйству, в то время как реальность является континуумом, в котором семейное фермерство почти всегда является доминирующим способом производства, при этом происходят переходы между одним и другим типом, как показано в главах 3 и 4 на примере Перу. Обширные эмпирические данные показывают, что небольшие фермерские хозяйства могут быть конкурентоспособными с точки зрения издержек производства по сравнению с крупными коммерческими фермами, но они часто оказываются в неблагоприятном положении из-за не связанных с размером факторов, например, институциональной среды. Территориальный подход с акцентом на консультации с участием многих заинтересованных сторон может способствовать выявлению и решению

проблем, с которыми сталкиваются различные заинтересованные стороны.

Развитие навыков с целью стимулирования предпринимательства в сельских районах и диверсификации занятости, особенно среди молодежи и женщин. Укрепление инструментов и институтов территориального развития, включая развитие местных производственно-сбытовых цепей и связей между сельскими и городскими районами, трудоемких инфраструктурных проектов и оказание поддержки малым и средним предприятиям, может обеспечить поддержание спроса на рабочую силу в продовольственной системе как в сельскохозяйственном секторе, так и в других сферах. Можно было бы создать специализированные форумы для координации действий с участием многих заинтересованных сторон и политического диалога по таким темам, как безработица среди молодежи, насилие и миграция. Совместные диагностические исследования помогли бы оценить возможности, предлагаемые сельской молодежи в продовольственной системе, в том числе возможности увеличения занятости в результате укрепления связей между сельскими и городскими районами. Меры,

способствующие трудоустройству молодежи в сельских районах, включают расширение возможностей для профессионального обучения и образования, создание механизмов для признания опыта работы в неформальном секторе и повышение осведомленности о возможностях трудоустройства и трудовых правах для обеспечения того, чтобы миграция была осознанным выбором. Существует достаточно много примеров успешной реализации программ занятости молодежи и политических инициатив, которые можно учитывать при разработке проектов в области территориального развития.

Социальная защита в целях управления рисками и обеспечения устойчивых источников средств к существованию в сельских районах. Необходимы механизмы борьбы с рисками для поддержки бедных сельских домохозяйств, выбирающихся из ловушки нищеты. В последнее время все чаще разрабатываются программы социальной защиты, которые связывают пособия по социальному обеспечению напрямую с поощрением занятости в сельских районах и сельскохозяйственного производства. В Мексике, например, этот сдвиг произошел благодаря программе социальной защиты Oportunidades. Другие широко используемые в настоящее время нововведения включают участие мелких семейных фермеров в государственных программах закупок продовольствия и программах школьного питания, что впервые было опробовано в Бразилии. Инструменты социальной защиты и другие инструменты управления рисками для малоимущих сельских и сельскохозяйственных домохозяйств способствуют инклюзивной трансформации сельских

районов путем защиты активов, содействия переходу рабочей силы в несельскохозяйственный сектор и инвестициям в несельскохозяйственные виды деятельности.

Улучшения в сфере образования, здравоохранения, связи, досуга и других основных услуг в небольших городах и поселках. Такие улучшения также имеют основополагающее значение для всеобъемлющей трансформации сельских районов. Помимо содействия увеличению производства и производительности в продовольственных системах, планирование регионального развития должно всеми возможными средствами способствовать тому, чтобы условия жизни в небольших городах и поселках были привлекательными, прежде всего для сельской молодежи, которая чаще всего мигрирует в крупные города.

В заключение следует отметить, что варианты, предложенные в этом отчете, должны обеспечивать привлечение всех заинтересованных сторон к разработке и осуществлению агротерриториальных инициатив. Их интересы должны учитываться при разработке любых мер. В быстро меняющемся мире продовольственный сектор, учитывающий территориальную специфику, способствует более инклюзивной трансформации сельских районов. Укрепление связей между сельскими и городскими районами посредством реализации соответствующих территориальных стратегий может создать благоприятную деловую среду для малых и крупных фермеров и возможности для получения доходов от несельскохозяйственной деятельности, которые крайне важны для построения процветающей и устойчивой сельской экономики. ■

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТИСТИЧЕСКОМУ ПРИЛОЖЕНИЮ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

В таблицах использованы следующие условные обозначения:

.. = данные отсутствуют

0 или 0,0 = нет или значение ничтожно мало

пустая клетка = неприменимо

Цифры в таблице могут отличаться от приведенных в первоисточниках в связи с округлением или обработкой данных. Для отделения дробной части числа от целой используется запятая (,).

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

ТАБЛИЦА А1

Доля населения, проживающего в городских и пригородных районах больших городов, в сельских районах поблизости от них, в малых городах и отдаленных сельских районах

Источник: Исследования ФАО с использованием данных ГПКСР и LandScan, 2000.

Большие города, городские и пригородные районы: доля в общей численности населения жителей, проживающих от центра большого города (с населением более 500 000 человек) на таком расстоянии, что время в пути до него составляет не более одного часа.

Большие города, близлежащие сельские районы: доля в общей численности населения жителей, проживающих от центра большого города (с населением более 500 000 человек) на таком расстоянии, что время в пути до него составляет от одного часа до трех часов.

Малые города и поселки, городские и пригородные районы: доля в общей численности населения жителей, проживающих от центра малого города или поселка (с населением от 50 000 до 500 000 человек) на таком расстоянии, что время в пути до него составляет не более одного часа.

Малые города и поселки, близлежащие сельские районы: доля в общей численности населения жителей, проживающих от центра малого города или поселка (с населением от 50 000 до 500 000 человек) на таком расстоянии, что время в пути до него составляет от одного часа до трех часов.

Отдаленные сельские районы: сельское население, проживающее от центра любого города с населением более 50 000 человек на таком расстоянии, что время в пути до него составляет более трех часов, или проживающее в странах, где нет городов с населением более 50 000 человек.

Города с населением менее 50 000 человек, распределенные по территории страны, не учитываются здесь как городские или пригородные районы.

МЕТОДИКА РАСЧЕТА ДАННЫХ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В ТАБЛИЦЕ

В “Докладе о мировом развитии” 2009 года (Всемирный банк, 2009) был предложен индекс агломерации, основанный на едином определении понятия “городского поселения” или “агломерации”, которое было разработано с применением метода, изложенного в работе Chomitz, Buys and Thomas (2005) и уточненного в работе Uchida and Nelson (2010). Такой подход позволяет провести сравнение. Если в “Докладе о мировом развитии” рассматриваются исключительно аспекты агломерации, то настоящий доклад посвящен распределению населения по всему сельско-городскому континууму. Это означает, что необходимо учитывать не только долю совокупного населения, приходящуюся на жителей городских районов, но и относительные доли населения агломераций различных масштабов и сельских районов, расположенных вблизи от них. Цель состоит в том, чтобы представить общую картину населения страны с учетом размеров агломераций, плотности населения и времени в пути до агломераций различных масштабов.

Методику, с помощью которой рассчитывались данные по сельско-городскому континууму, можно кратко описать следующим образом.

Этап 1. Определить численность населения городских и пригородных районов для агломераций различных размеров

- ▶ **Уточнить пороговые значения.** Чтобы отнести тот или иной район к категории "городских и пригородных", он должна удовлетворять следующим двум критериям: i) минимальная численность населения, используемая в качестве порогового значения для включения поселения в число оцениваемых; и ii) максимальное время в пути до центра поселения при перемещении на моторизованном, животном транспорте либо пешком по дорогам, железной дороге, судходным водам, тропам или бездорожью. Были выделены три категории: города с населением более 500 000 человек, 100 000-500 000 человек и 50 000-100 000 человек. Было принято, что время в пути до центра ближайшего городского поселения в любой из указанных категорий составляет один час.
- ▶ **Определить центры оцениваемых поселений.** Выполняется для городов, которые отвечают критерию минимальной численности населения, с использованием сведений из базы данных населенных пунктов Глобального проекта по картированию сельских и городских районов (ГПКСГР).
- ▶ **Определить границы оцениваемых поселений.** Граница оцениваемого поселения определяется исходя из максимального времени в пути до центра.
- ▶ **Определить районы и совокупное население по квадратам в "сетке плотности населения".** Определить квадраты, удовлетворяющие пороговым значениям для обоих критериев, и путем их сложения получить данные о населении городских и пригородных районов для агломераций в каждой категории.

Этап 2. Расчет численности сельского населения, проживающего вокруг агломераций в каждой категории

- ▶ **Рассчитать численность населения, проживающего в сельских районах вблизи агломераций разных размеров.** Это население, для которого время в пути до центра конкретного городского района составляет от одного до трех часов. Вначале следует распределить по категориям население, для которого время в пути до агломераций с населением 500 000 человек или более, 100 000-500 000 человек и наконец 50 000-100 000 человек находится в указанном диапазоне.
- ▶ **Определить численность населения отдаленных сельских районов (сельской глубинки).** Это население, для которого время в пути до центра городского поселения с населением 50 000 человек или более превышает три часа. Показатель рассчитывается как остаточная величина, то есть население, которое не было отнесено к любой другой из указанных выше категорий.

С помощью индекса агломерации также возможно провести различие между районами с высокой (более 1000 чел./км²) и более низкой плотностью населения. Однако эта информация не используется для определения того, относится ли район к числу городских, так как в населенных пунктах с населением менее 50 000 человек проживает значительная доля населения. Чтобы дать точную характеристику этой группе населения, в каждой категории, определенной с помощью вышеописанной процедуры, также проводится различие между населением густонаселенных и малонаселенных районов. Для этого создается сетка плотности населения с "шагом" 1 км, с использованием двух источников сведений о мировом населении с представлением данных в виде сетки, ГПКСГР и LandScan, и затем определяются квадраты с плотностью населения выше и ниже порогового значения 1000 человек/км².

ТАБЛИЦА А2

Не связанная с сельским хозяйством доля ВВП и добавленная стоимость на одного работника в сельскохозяйственном секторе в 1990-е и 2010-е годы

Источник: World Bank & IFAD, 2016.

Доля несельскохозяйственных секторов в ВВП по состоянию на базовый год определяется как доля от общего объема ВВП, приходящаяся на отрасли, не относящиеся к числу сельскохозяйственных в соответствии с подразделами 1-5 Международной стандартной отраслевой классификации (МСОК). Сельское хозяйство включает лесоводство, охоту и рыболовство, а также выращивание культур и животноводство. Чистая добавленная стоимость представляет собой объем всей продукции сектора за вычетом объема промежуточных вводимых ресурсов. Она рассчитывается без вычета обесценения промышленных изделий, истощения или убыли природных ресурсов. Происхождение добавленной стоимости определяется в пересмотренном варианте 3 МСОК.

Доля несельскохозяйственных секторов в ВВП по состоянию на конечный год представляет собой долю от общего объема ВВП, приходящуюся на отрасли, не относящиеся к числу сельскохозяйственных, в соответствии с вышеприведенным определением, по состоянию на конечный год.

Добавленная стоимость, создаваемая сельским хозяйством, на одного работника в базовый год – это величина, измеряющая производительность сельского хозяйства. Добавленная стоимость, создаваемая сельским хозяйством, измеряется как стоимость выпуска сельскохозяйственного сектора (подразделы 1-5 МСОК) за вычетом стоимости промежуточных вводимых ресурсов. Добавленная стоимость, создаваемая сельским хозяйством, включает добавленную стоимость, создаваемую лесоводством, охотой и рыболовством, а также выращиванием культур и животноводством, по состоянию на базовый год. Данные приводятся в долл. США в неизменных ценах 2010 года.

Добавленная стоимость, создаваемая сельским хозяйством, на одного работника в конечный год – частное суммарной добавленной стоимости и количества работников в сельскохозяйственном секторе в конечный год.

ТАБЛИЦА А3

Умеренная нищета и уровни неравенства в сельских и городских районах, 1990-е и 2010-е годы

Источник: World Bank & IFAD, 2016.

Среднерегиональные уровни определялись на основании новейшей информации и не обязательно соответствуют рис. 2, куда включены только страны, для которых были доступны данные по меньшей мере трех исследований, проведенных в три разных момента времени.

Малоимущее население сельских районов представляет собой долю совокупного населения, приходящуюся на жителей сельских районов, живущих менее чем на 3,10 долл. США на душу населения в день.

Население сельских районов, не принадлежащее к категории малоимущих, представляет собой долю совокупного населения, приходящуюся на жителей сельских районов, живущих более чем на 3,10 долл. США на душу населения в день.

Малоимущее население городских районов представляет собой долю совокупного населения, приходящуюся на жителей городских районов, живущих менее чем на 3,10 долл. США на душу населения в день.

Население городских районов, не принадлежащее к категории малоимущих, представляет собой долю совокупного населения, приходящуюся на жителей городских районов, живущих более чем на 3,10 долл. США на душу населения в день.

Коэффициент Джини для сельских районов – показатель степени, в которой распределение доходов (или в некоторых случаях – потребительских расходов) отдельных лиц или домохозяйств на той или иной территории отклоняется от абсолютно равного. Это показатель положения в сельских районах по состоянию на базовый год.

Коэффициент Джини для городских районов – показатель степени, в которой распределение доходов (или в некоторых случаях – потребительских расходов) отдельных лиц или домохозяйств на той или иной территории отклоняется от абсолютно равного. Это показатель положения в городских районах по состоянию на базовый год.

Средневзвешенные показатели по всему миру, группам стран, регионам и субрегионам рассчитываются с использованием доступных страновых данных за период начиная с 2010 года.

ТАБЛИЦА А4

Роль подсектора производства пищевых продуктов и напитков в создании добавленной стоимости и обеспечении занятости

Источник: UNIDO, 2017.

Доля создаваемой подсектором добавленной стоимости в суммарной добавленной стоимости производственного сектора: процентная доля добавленной стоимости, создаваемой подсектором производства продуктов питания и напитков, в суммарной добавленной стоимости производственного сектора за последний год. Термин "добавленная стоимость" соответствует определению, использованному в системе национальных счетов 2008 года для определенной ценовой базы, определенной факторной стоимости или определенных основных цен (Европейская комиссия, Международный валютный фонд, Организация экономического сотрудничества и развития, Организация Объединенных Наций и Всемирный банк, 2009). Однако не все страны способны предоставить расчеты, выполненные на этой основе. Расчеты по этим странам, как правило, выполняются только путем определения разности производства и промежуточного потребления товаров и промышленных услуг. Данное определение отличается от определения, приведенного выше, из которого исключено промежуточное потребление всех услуг.

Доля работников, занятых в подсекторе: процентная доля работников, занятых в подсекторе производства

продуктов питания и напитков, в общем количестве лиц, занятых в производственном секторе, в последний год.

Доля женщин, занятых в производственном секторе: процентная доля женщин, занятых в производственном секторе, в последний год.

Доля женщин, занятых в подсекторе: процент женщин, занятых в подсекторе производства продуктов питания и напитков, за последний год.

Средневзвешенные показатели по всему миру, группам стран, регионам и субрегионам рассчитываются с использованием доступных страновых данных за период начиная с 2010 года.

СТРАНОВЫЕ ГРУППЫ И СВОДНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПО РЕГИОНАМ

Распределение по страновым и региональным группам и обозначение развивающихся и развитых регионов выполнены по классификации, аналогичной классификатору СОООН М49, разработанному Статистическим отделом Организации Объединенных Наций, который опубликован по адресу unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49.htm. Данные по Китаю не включают данные по САР Гонконг (Китай) и САР Макао (Китай). Все средние показатели по страновым группам и регионам представляют собой средневзвешенные значения; они представлены только по территориям, по которым имеются все необходимые для расчетов данные.

ТАБЛИЦА А1

ДОЛЯ НАСЕЛЕНИЯ, ПРОЖИВАЮЩЕГО В ГОРОДСКИХ И ПРИГОРОДНЫХ РАЙОНАХ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ, В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ПОБЛИЗОСТИ ОТ НИХ, В МАЛЫХ ГОРОДАХ И ОТДАЛЕННЫХ СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ

	Большие города, городские и пригородные районы	Большие города, близлежащие сельские районы	Малые города и поселки, городские и пригородные районы	Малые города и поселки, сельские районы	Отдаленные сельские районы
Доля, %					
ВСЬ МИР	24,8	9,8	33,9	15,9	15,6
СТРАНЫ И ТЕРРИТОРИИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЕГИОНАХ	21,2	10,8	31,5	18,0	18,5
АФРИКА	16,7	7,9	24,7	19,8	30,9
Страны Африки к югу от Сахары	14,4	8,4	19,0	22,1	36,0
Восточная Африка	9,7	7,4	16,1	24,4	42,4
Бурунди	0,0	0,0	38,2	38,6	23,1
Коморские Острова	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Джибути	0,0	0,0	58,7	25,3	16,0
Эритрея	24,4	24,9	1,9	6,2	42,5
Эфиопия	4,7	5,1	10,0	20,1	60,0
Кения	13,0	5,8	14,4	27,8	38,9
Мадагаскар	12,7	12,7	12,4	27,2	34,9
Малави	21,2	36,1	5,5	8,3	28,9
Маврикий	0,0	0,0	95,9	1,0	3,0
Мозамбик	9,5	1,7	17,8	30,1	40,9
Реюньон	0,0	0,0	97,7	1,9	0,3
Руанда	0,0	0,0	18,6	49,2	32,2
Сейшельские Острова	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Сомали	11,7	7,2	13,3	8,0	59,8
Уганда	11,2	12,4	22,0	29,9	24,5
Объединенная Республика Танзания	6,8	1,8	22,8	32,7	36,0
Замбия	12,8	4,0	20,6	12,1	50,6
Зимбабве	24,7	13,1	11,1	15,8	35,4
Центральная Африка	18,1	5,3	13,0	17,6	46,0
Ангола	18,4	9,1	4,7	3,2	64,6
Камерун	18,4	6,3	26,5	25,2	23,6
Центральноафриканская Республика	15,6	7,2	7,3	13,4	56,5
Чад	8,5	3,0	7,8	21,6	59,2
Конго	50,3	6,1	7,8	6,3	29,6
Демократическая Республика Конго	17,4	4,3	12,6	19,8	45,8
Экваториальная Гвинея	0,0	0,0	27,7	30,3	42,0
Габон	37,5	4,2	3,7	0,0	54,6
Сан-Томе и Принсипи	0,0	0,0	55,5	39,5	5,1
Северная Африка	25,0	5,7	45,7	11,4	12,2
Алжир	4,5	1,3	67,5	18,0	8,7
Египет	36,7	5,1	55,0	2,5	0,7
Ливия	46,2	2,5	39,7	6,2	5,4
Марокко	31,3	15,6	31,9	8,7	12,5
Судан	13,4	1,7	26,0	23,9	35,1
Тунис	24,5	11,5	35,1	21,6	7,3

**ТАБЛИЦА А1
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

	Большие города, городские и пригородные районы	Большие города, близлежащие сельские районы	Малые города и поселки, городские и пригородные районы	Малые города и поселки, сельские районы	Отдаленные сельские районы
Доля, %					
Южная Африка	32,0	3,6	18,4	19,0	27,1
Ботсвана	0,0	0,0	32,2	26,4	41,4
Лесото	0,0	0,0	32,5	28,8	38,7
Намибия	0,0	0,0	13,3	3,4	83,3
Южная часть Африки	36,6	4,1	17,3	18,4	23,6
Свазиленд	0,0	0,1	25,9	42,5	31,5
Западная Африка	14,3	11,9	24,7	22,1	27,1
Бенин	22,0	17,0	19,4	19,0	22,6
Буркина-Фасо	6,9	14,3	9,5	20,1	49,2
Кабо-Верде	0,0	0,0	45,9	24,9	29,2
Кот-д'Ивуар	18,4	10,7	21,3	26,0	23,5
Гамбия	0,0	0,0	47,4	8,8	43,8
Гана	22,9	15,6	16,2	22,3	22,9
Гвинея	13,2	22,7	7,8	18,1	38,2
Гвинея-Бисау	0,0	0,0	21,8	21,7	56,5
Либерия	9,1	12,6	8,5	13,5	56,3
Мали	13,4	4,8	10,4	20,9	50,5
Мавритания	23,9	0,5	8,5	8,4	58,7
Нигер	10,2	5,2	11,7	28,6	44,4
Нигерия	12,2	12,9	32,7	21,7	20,6
Остров Святой Елены	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Сенегал	22,9	4,0	24,0	24,4	24,8
Сьерра-Леоне	21,5	6,2	14,1	32,6	25,5
Того	21,2	8,4	21,6	22,1	26,8
АМЕРИКА, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ					
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И КАРИБСКИЙ БАССЕЙН	40,8	6,8	30,8	11,4	10,2
Карибский бассейн	23,2	6,5	48,7	13,9	7,6
Антигуа и Барбуда	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Багамские Острова	0,0	0,0	65,1	6,1	28,8
Барбадос	0,0	0,0	96,4	3,6	0,0
Куба	21,8	2,1	51,4	20,7	4,0
Доминика	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Доминиканская Республика	32,0	3,5	53,8	8,0	2,6
Гренада	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Гаити	25,9	18,6	15,8	21,6	18,2
Ямайка	49,8	13,1	30,3	4,1	2,7
Мартиника	0,0	0,0	97,2	2,8	0,0
Пуэрто-Рико	0,0	0,0	96,9	2,7	0,4
Сент-Китс и Невис	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Сент-Люсия	0,0	0,0	89,5	10,4	0,1
Сент-Винсент и Гренадины	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0

**ТАБЛИЦА А1
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

	Большие города, городские и пригородные районы	Большие города, близлежащие сельские районы	Малые города и поселки, городские и пригородные районы	Малые города и поселки, сельские районы	Отдаленные сельские районы
Доля, %					
Тринидад и Тобаго	0,0	0,0	84,9	9,9	5,2
Центральная Америка	45,1	9,1	27,4	8,5	9,8
Белиз	0,0	0,0	4,3	31,5	64,2
Коста-Рика	0,0	0,0	59,6	19,0	21,5
Сальвадор	54,6	10,6	27,7	4,3	2,8
Гватемала	28,1	24,0	11,2	13,9	22,8
Гондурас	15,7	16,7	32,4	18,5	16,7
Мексика	52,0	7,4	27,1	6,6	6,8
Никарагуа	34,4	11,4	21,6	14,2	18,3
Панама	0,0	0,0	59,3	14,3	26,4
Южная Америка	41,0	6,0	30,2	12,3	10,6
Аргентина	48,3	4,9	28,7	11,6	6,6
Боливия (Многонациональное Государство)	46,8	7,2	13,0	6,8	26,2
Бразилия	40,6	6,1	31,7	13,4	8,2
Чили	40,2	2,1	41,7	10,8	5,2
Колумбия	44,0	7,2	22,4	12,1	14,3
Эквадор	23,1	17,8	35,0	9,6	14,6
Фолклендские (Мальвинские) Острова	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Французская Гвиана	0,0	0,0	45,3	21,2	33,4
Гайана	0,0	0,0	41,7	20,3	38,0
Парагвай	0,0	0,0	47,2	15,4	37,4
Перу	33,7	3,1	26,8	14,7	21,7
Суринам	0,0	0,0	73,7	8,1	18,2
Уругвай	55,1	9,8	12,6	13,0	9,4
Венесуэла (Боливарианская Республика)	51,9	4,7	32,3	6,5	4,6
АЗИЯ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ЯПОНИИ	23,1	10,9	35,4	16,6	13,9
Центральная Азия	13,3	3,3	44,6	20,4	18,3
Казахстан	9,4	1,9	40,8	13,2	34,7
Кыргызстан	20,6	6,1	24,8	23,7	24,8
Таджикистан	19,4	12,5	31,1	21,3	15,7
Туркменистан	14,8	3,2	40,9	18,6	22,5
Узбекистан	12,5	1,4	54,9	24,2	7,0
Восточная и Юго-Восточная Азия	15,8	12,0	30,6	21,1	20,5
Восточная Азия	13,7	14,0	29,4	21,8	21,2
Китай	11,9	14,1	30,0	22,2	21,7
Корейская Народно-Демократическая Республика	27,6	13,5	32,3	17,5	9,2
Монголия	30,3	3,1	2,9	2,2	61,4
Республика Корея	76,4	4,9	14,8	2,1	1,8

**ТАБЛИЦА А1
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

	Большие города, городские и пригородные районы	Большие города, близлежащие сельские районы	Малые города и поселки, городские и пригородные районы	Малые города и поселки, сельские районы	Отдаленные сельские районы
Доля, %					
Юго-Восточная Азия	21,1	7,0	33,8	19,5	18,6
Бруней-Даруссалам	0,0	0,0	73,6	10,6	15,8
Камбоджа	16,5	31,6	11,6	11,3	29,0
Индонезия	25,1	8,0	33,9	13,6	19,5
Лаосская Народно- Демократическая Республика	0,0	0,0	19,8	34,1	46,0
Малайзия	25,8	5,4	49,4	8,7	10,8
Мьянма	11,6	6,2	27,6	27,7	27,0
Филиппины	28,0	3,1	36,3	18,1	14,6
Сингапур	97,5	2,5	0,0	0,0	0,0
Таиланд	15,2	3,9	27,9	34,8	18,3
Тимор-Лешти	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Вьетнам	11,4	8,2	41,1	25,1	14,1
Южная Азия	22,4	12,8	36,2	16,0	12,6
Афганистан	12,6	5,9	18,7	21,1	41,7
Бангладеш	13,9	8,7	37,9	25,1	14,4
Бутан	0,0	0,0	7,1	15,2	77,7
Индия	22,8	14,6	36,7	14,6	11,3
Иран (Исламская Республика)	34,2	4,5	38,6	14,4	8,3
Мальдивы	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Непал	9,0	7,1	22,9	26,4	34,6
Пакистан	27,4	9,3	36,9	14,5	12,0
Шри-Ланка	23,5	10,6	20,8	28,3	16,8
Западная Азия	34,0	7,5	34,2	13,4	10,9
Армения	51,6	10,1	23,9	4,5	9,9
Азербайджан	25,0	2,4	26,4	29,6	16,6
Бахрейн	0,0	0,0	97,4	2,4	0,3
Кипр	0,0	0,0	72,2	27,1	0,8
Грузия	29,9	8,3	24,6	27,5	9,7
Израиль	6,0	1,9	86,3	4,5	1,3
Ирак	47,0	12,3	28,0	7,3	5,4
Иордания	62,1	9,2	20,6	3,8	4,4
Кувейт	0,0	0,0	98,2	1,7	0,2
Ливан	48,7	12,8	32,1	4,4	1,9
Оман	0,0	0,0	76,0	17,3	6,7
Катар	0,0	0,0	94,7	5,1	0,1
Саудовская Аравия	54,5	1,6	29,2	6,7	8,1
Сирийская Арабская Республика	44,9	11,6	25,1	12,0	6,4
Турция	30,1	8,3	38,4	18,2	5,0
Объединенные Арабские Эмираты	39,9	9,0	40,6	7,3	3,2
Йемен	9,7	5,4	16,0	12,8	56,1

**ТАБЛИЦА А1
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

	Большие города, городские и пригородные районы	Большие города, близлежащие сельские районы	Малые города и поселки, городские и пригородные районы	Малые города и поселки, сельские районы	Отдаленные сельские районы
	Доля, %				
ОКЕАНИЯ	0,0	0,0	5,5	10,1	84,4
Меланезия	0,0	0,0	6,3	11,5	82,3
Фиджи	0,0	0,0	22,5	44,0	33,5
Папуа-Новая Гвинея	0,0	0,0	4,6	8,0	87,4
Соломоновы Острова	0,0	0,0	0,7	1,7	97,6
Вануату	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Микронезия	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Кирибати	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Микронезия (Федеративные Штаты)	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Маршалловы Острова	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Науру	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Палау	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Полинезия	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Самоа	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Тонга	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Тувалу	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
СТРАНЫ И ТЕРРИТОРИИ В РАЗВИТЫХ РЕГИОНАХ	38,8	6,2	43,5	7,6	4,0
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА	36,7	6,4	44,7	8,1	4,2
Канада	54,8	6,6	22,4	5,9	10,3
Соединенные Штаты Америки	34,8	6,3	47,1	8,3	3,5
ЕВРОПА	35,2	6,9	45,3	8,3	4,3
Восточная Европа	31,2	6,6	47,9	8,8	5,5
Беларусь	19,6	7,2	51,6	17,2	4,4
Болгария	19,2	4,9	60,7	13,2	2,1
Чехия	23,2	7,7	63,2	4,0	1,9
Венгрия	29,2	6,5	56,7	6,0	1,6
Польша	25,4	7,1	60,4	6,0	1,1
Республика Молдова	28,4	22,2	34,9	10,1	4,5
Румыния	14,5	2,9	67,9	12,5	2,2
Российская Федерация	35,3	7,8	36,4	10,6	9,9
Словакия	0,1	5,3	73,7	18,2	2,7
Украина	29,1	10,3	45,9	12,0	2,7
Северная Европа	26,1	10,2	43,2	14,9	5,6
Дания	24,1	17,3	32,6	18,1	7,9
Эстония	0,0	0,0	57,6	36,0	6,4
Финляндия	24,5	4,5	41,8	18,9	10,4
Исландия	0,0	0,0	60,4	9,5	30,1
Ирландия	35,5	22,1	16,0	18,5	7,9
Остров Мэн	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Латвия	46,2	16,8	11,6	19,0	6,4
Литва	21,3	13,4	44,9	17,6	2,7
Норвегия	27,7	7,8	28,9	13,5	22,1
Швеция	8,5	3,3	60,5	20,1	7,6

**ТАБЛИЦА А1
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

	Большие города, городские и пригородные районы	Большие города, близлежащие сельские районы	Малые города и поселки, городские и пригородные районы	Малые города и поселки, сельские районы	Отдаленные сельские районы
Доля, %					
Соединенное Королевство	39,4	3,7	52,7	3,2	0,9
Южная Европа	33,7	5,4	47,0	9,9	4,1
Албания	0,0	0,0	71,6	22,1	6,3
Андорра	0,0	0,0	99,8	0,0	0,2
Босния и Герцеговина	0,0	2,8	50,0	36,2	11,0
Хорватия	30,8	17,1	27,5	15,6	9,0
Гибралтар		0,0	6,6	93,4	0,0
Греция	33,9	5,7	30,1	20,4	9,9
Италия	38,7	4,3	49,6	5,9	1,5
Мальта	0,0	0,0	92,0	8,0	0,0
Черногория	0,0	0,0	45,0	42,2	12,8
Португалия	22,4	8,1	45,3	16,2	7,9
Сан-Марино	0,0	0,0	73,5	26,5	0,0
Сербия	26,4	7,9	52,5	10,3	3,0
Словения	0,1	14,6	56,5	18,5	10,3
Испания	41,4	4,8	44,4	5,7	3,7
Бывшая югославская Республика Македония	0,0	0,0	77,7	19,3	3,0
Западная Азия	47,3	7,1	40,5	3,3	1,9
Австрия	32,4	13,1	48,0	3,8	2,7
Бельгия	10,5	2,5	83,7	2,8	0,5
Франция	50,6	8,0	35,3	3,7	2,4
Германия	56,0	7,6	32,3	2,4	1,7
Лихтенштейн	0,0	0,0	99,3	0,0	0,7
Люксембург	0,0	0,0	89,1	7,6	3,3
Монако	0,0	0,0	100,0	0,0	0,0
Нидерланды	44,2	2,2	49,3	2,9	1,3
Швейцария	0,1	4,9	84,1	10,0	1,0
АЗИЯ, АВСТРАЛИЯ И НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ	61,1	2,6	31,8	2,7	1,8
Австралия	61,4	7,1	17,4	6,3	7,8
Япония	62,9	2,0	32,8	1,7	0,6
Новая Зеландия	0,0	0,0	72,3	19,0	8,7

ТАБЛИЦА А2

НЕ СВЯЗАННАЯ С СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ ДОЛЯ ВВП И ДОБАВЛЕННАЯ СТОИМОСТЬ НА ОДНОГО РАБОТНИКА В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ СЕКТОРЕ В 1990-е И 2010-е ГОДЫ

	Базовый год	Конечный год	Не связанная с сельским хозяйством доля в ВВП в базовом году	Не связанная с сельским хозяйством доля в ВВП в конечном году	Добавленная стоимость в сельском хозяйстве на одного работника в базовом году	Добавленная стоимость в сельском хозяйстве на одного работника в конечном году
			Доля, %		В долл. США в неизменных ценах 2010 года	
СТРАНЫ И ТЕРРИТОРИИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЕГИОНАХ			83	90	897	1620
АФРИКА			79	84	931	1355
Страны Африки к югу от Сахары			79	84	744	1107
Ангола	1990	2014	67	91
Бенин	1990	2014	65	64	581	1112
Ботсвана	1990	2014	95	98	1065	881
Буркина-Фасо	1990	2014	71	78	248	405
Бурунди	1990	2014	44	61	388	219
Камерун	1990	2014	75	77	699	1646
Кабо-Верде	1990	2014	86	92	1101	4968
Центральноафриканская Республика	1990	2014	51	42	559	432
Чад	1990	2014	71	47	..	1923
Коморские Острова	1990	2014	59	65	914	982
Конго	1990	2014	87	95	695	1159
Кот-д'Ивуар	1990	2014	68	78	..	2697
Демократическая Республика Конго	1990	2014	69	79	397	340
Эфиопия	1993	2014	48	58	300	463
Габон	1990	2014	93	96	2149	3670
Гана	1990	2014	55	79	1386	1531
Гвинея	1990	2014	76	80	186	274
Гвинея-Бисау	2000	2013	39	56	758	911
Кения	1990	2014	70	70	830	794
Лесото	1990	2013	75	94	426	414
Мадагаскар	1990	2013	71	74	378	271
Малави	1990	2014	55	67	260	435
Мали	1990	2012	54	58	782	1193
Мавритания	1990	2014	70	77	1271	1174
Мозамбик	1990	2014	63	71	194	329
Намибия	1990	2014	90	94	2684	3322
Нигер	1990	2014	65	63	493	585
Нигерия	1990	2014	68	80	1809	8249
Руанда	1990	2014	67	67	292	461
Сенегал	1990	2014	80	83	503	446
Сейшельские Острова	1990	2014	95	97	1152	866
Сьерра-Леоне	1990	2014	53	38	890	1124
Южная Африка	1990	2014	95	98	4233	9746
Свазиленд	1990	2011	90	93	2166	2397
Того	1990	2014	66	58	818	953

ТАБЛИЦА А2
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

	Базовый год	Конечный год	Не связанная с сельским хозяйством доля в ВВП в базовом году	Не связанная с сельским хозяйством доля в ВВП в конечном году	Добавленная стоимость в сельском хозяйстве на одного работника в базовом году	Добавленная стоимость в сельском хозяйстве на одного работника в конечном году
			Доля, %		В долл. США в неизменных ценах 2010 года	
Уганда	1990	2009	43	72	442	470
Объединенная Республика Танзания	1990	2014	54	69	410	568
Замбия	1990	2013	79	90	823	577
Зимбабве	1990	2014	84	86	659	454
Северная Африка			78	84	2033	3934
Египет	1990	2014	81	86	2387	5049
Марокко	1990	2014	81	84	2059	4778
Судан	1990	2014	59	71	1427	2561
Тунис	1990	2013	82	91	3170	4793
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И КАРИБСКИЙ БАССЕЙН			91	95	3494	6779
Белиз	1990	2013	80	85	3557	5390
Боливия (Многонациональное Государство)	1990	2013	83	87	987	1114
Бразилия	1990	2014	92	94	3184	10 458
Чили	1990	2014	91	97	3979	7763
Колумбия	1990	2014	83	93	5709	6262
Коста-Рика	1990	2013	88	94	3974	8415
Куба	1990	2011	86	95	4557	4851
Доминиканская Республика	1990	2014	85	94	2754	9041
Эквадор	1990	2014	79	91	2978	6793
Сальвадор	1990	2013	83	89	2665	4464
Гватемала	2001	2014	85	89	1788	2422
Гайана	1990	2014	62	82	4064	8623
Гондурас	1990	2014	78	86	1599	3465
Ямайка	1993	2013	92	93	2659	3781
Мексика	1990	2014	92	97	3109	5128
Никарагуа	1994	2014	79	79	1963	4657
Панама	1990	2012	90	97	2819	5237
Парагвай	1991	2014	83	79	2959	5765
Перу	1991	2012	91	93	1616	2995
Сент-Люсия	1990	2014	85	97	7019	1702
Суринам	1990	2013	91	93	10 391	13730
Тринидад и Тобаго	1990	2013	97	99	2900	2200
Уругвай	1990	2014	91	91	10 639	18211
Венесуэла (Боливарианская Республика)	1990	2012	95	95	16357	29892

**ТАБЛИЦА А2
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

	Базовый год	Конечный год	Не связанная с сельским хозяйством доля в ВВП в базовом году	Не связанная с сельским хозяйством доля в ВВП в конечном году	Добавленная стоимость в сельском хозяйстве на одного работника в базовом году	Добавленная стоимость в сельском хозяйстве на одного работника в конечном году
			Доля, %		В долл. США в неизменных ценах 2010 года	
АЗИЯ И ОКЕАНИЯ			76	89	779	1489
Центральная Азия			72	91	2532	3845
Казахстан	1992	2014	73	95	5598	6907
Кыргызстан	1990	2014	66	83	993	1775
Узбекистан	1990	2014	67	81	1344	3500
Таджикистан	1990	2013	67	73	855	1878
Восточная и Юго-Восточная Азия и Океания			77	90	684	1532
Камбоджа	1993	2014	53	70	536	803
Китай	1990	2014	73	91	561	1398
Фиджи	1990	2013	80	88	2690	2634
Индонезия	1990	2014	81	86	1413	2521
Лаосская Народно-Демократическая Республика	1990	2014	39	72	639	966
Малайзия	1990	2014	85	91	9146	19259
Монголия	1990	2014	87	84	3714	6536
Папуа-Новая Гвинея	1990	2004	69	62
Филиппины	1990	2014	78	89	1400	1949
Таиланд	1990	2014	88	88	1106	2162
Тимор-Лешти	2000	2012	72	82	671	489
Вьетнам	1990	2014	61	82	441	791
Южная Азия			73	84	797	1216
Бангладеш	1990	2014	67	84	314	715
Бутан	1990	2014	65	83	1104	845
Индия	1990	2014	71	83	767	1157
Иран (Исламская Республика)	1990	2007	81	90	3650	5479
Мальдивы	2000	2014	89	96	4063	4670
Непал	1990	2014	48	66	454	457
Пакистан	1990	2014	74	75	1377	1744
Шри-Ланка	1990	2014	74	90	857	1406
Западная Азия			81	92	4353	8346
Армения	1990	2014	83	78	3623	16 375
Азербайджан	1990	2014	71	94	2203	3 112
Иордания	1990	2014	92	96	3852	7 354
Палестина	1994	2013	87	95	3460	3 912
Сирийская Арабская Республика	1990	2007	70	82
Турция	1990	2014	82	92	4574	8960
Йемен	1990	2006	76	90

ТАБЛИЦА АЗ
УМЕРЕННАЯ НИЩЕТА И УРОВНИ НЕРАВЕНСТВА В СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ РАЙОНАХ,
1990-е–2010-е ГОДЫ

	Годы	Малоимущее население сельских районов	Население сельских районов, не относящееся к категории малоимущих	Малоимущее население городских районов	Население городских районов, не относящееся к категории малоимущих	Коэффициент Джини в сельских районах	Коэффициент Джини в городских районах
СТРАНЫ И ТЕРРИТОРИИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЕГИОНАХ	2010-е годы	27,8	27,5	9,7	35,0
АФРИКА	2010-е годы	48,0	16,0	18,4	17,6
Страны Африки к югу от Сахары	2010-е годы	48,8	15,7	18,7	16,8
Ангола
	2009	50,3	9,7	22,6	17,5	37,8	38,9
Бенин	2003	48,6	12,1	25,4	13,9	32,2	41,6
	2012	44,1	14,1	27,8	14,1	32,5	44,0
Ботсвана	1994	18,9	27,8	22,2	31,0	47,8	62,6
	2010	13,8	29,9	13,0	43,3	56,8	60,7
Буркина-Фасо	1998	78,0	5,5	10,2	6,3	39,0	54,0
	2009	56,3	18,0	14,4	11,3	34,9	43,2
Бурунди	1998	90,1	2,2	4,0	3,6	36,1	43,8
	2006	84,9	4,5	6,7	4,0	29,6	39,0
Кабо-Верде	2002	26,4	18,5	21,2	34,0	42,1	52,4
	2008	19,8	18,4	14,4	47,4	38,2	45,3
Камерун	1996	47,4	9,5	21,2	21,9	33,5	45,1
	2007	33,3	15,2	11,2	40,3	34,9	37,7
Центрально-африканская Республика	2003	51,7	10,4	25,2	12,7	43,9	42,3
	2008	52,8	8,3	27,4	11,4	54,0	54,9
Чад	2003	66,5	11,7	12,9	8,8	37,8	38,5
	2011	51,8	26,2	8,0	14,0	42,4	37,1
Коморские Острова
	2004	26,4	45,6	7,3	20,6	58,3	48,7
Демократическая Республика Конго	2005	61,3	1,7	33,1	3,9	39,3	41,8
	2011	45,1	14,9	18,6	21,4	35,7	39,4
Конго	1998	33,1	5,9	48,3	12,7	41,3	46,6
	2008	34,6	2,2	44,1	19,1	34,7	35,8
Кот-д'Ивуар	2006	36,3	20,2	19,9	23,6	35,6	37,9
	2012	34,0	15,4	22,6	28,0	41,0	40,4
Эфиопия	2000	72,3	12,0	12,3	3,4	26,3	39,6
	2011	56,3	26,4	9,7	7,6	27,7	39,1
Габон
	2005	4,1	10,2	14,4	71,3	40,4	41,7
Гамбия	1998	50,4	3,5	32,2	13,9	40,2	42,1
	2003	25,8	17,9	23,2	33,1	45,7	44,8
Гана	1999	41,3	15,6	19,2	24,0	36,9	36,2
	2006	29,5	19,8	15,4	35,3	38,2	39,2

ТАБЛИЦА АЗ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

	Годы	Малоимущее население сельских районов	Население сельских районов, не относящееся к категории малоимущих	Малоимущее население городских районов	Население городских районов, не относящееся к категории малоимущих	Коэффициент Джини в сельских районах	Коэффициент Джини в городских районах
Гвинея	1994	61,7	9,1	13,4	15,8	36,3	40,5
	2012	52,2	12,9	19,2	15,7	29,0	32,3
Гвинея-Бисау
	2002	42,7	12,1	31,4	13,8	33,3	37,2
Кения	1997	48,7	32,1	3,7	15,5	39,3	45,4
	2006	56,8	19,6	7,8	15,8	38,9	48,4
Лесото	1995	46,1	35,9	3,6	14,5	57,4	54,5
	2010	57,4	17,8	13,7	11,0	53,7	51,1
Либерия
	2007	51,0	1,2	42,6	5,2	32,5	34,5
Мадагаскар	2005	71,3	2,9	21,4	4,4	34,8	42,2
	2010	66,3	1,7	27,5	4,5	36,8	42,6
Малави	1998	87,2	0,6	7,3	4,9	63,7	54,8
	2011	78,4	6,0	9,3	6,2	37,4	49,3
Мали	1994	72,4	2,6	19,3	5,7	43,2	43,4
	2009	53,9	10,1	19,0	17,0	27,8	29,5
Мавритания	1996	30,8	23,1	13,4	32,7	33,1	34,3
	2008	17,5	25,8	9,0	47,6	33,0	32,9
Мозамбик	1997	67,0	4,1	23,8	5,1	37,5	49,6
	2009	58,0	11,0	23,2	7,7	37,6	50,6
Намибия	2004	43,3	25,4	8,0	23,4	54,1	59,4
	2010	30,5	27,9	8,9	32,7	50,4	58,9
Нигер	1995	78,8	5,1	12,3	3,8	37,8	42,3
	2011	67,7	14,8	6,7	10,8	24,3	33,7
Нигерия	1996	57,7	9,6	27,1	5,6	47,9	56,1
	2010	48,0	8,6	32,2	11,3	42,1	41,1
Руанда	2000	82,1	4,6	5,4	7,8	37,0	47,2
	2011	63,7	12,3	11,7	12,3	40,1	59,5
Сан-Томе и Принсипи	2001	32,0	13,7	39,3	15,1	32,5	31,8
	2010	29,1	9,0	49,1	12,8	30,1	31,5
Сенегал	2001	47,9	11,6	23,0	17,5	29,7	38,3
	2011	40,1	17,7	18,6	23,6	30,2	35,3
Сейшельские Острова
	2007	0,3	47,4	0,2	52,1	44,4	38,2
Сьерра-Леоне	2003	58,6	5,0	22,8	13,6	31,8	39,9
	2011	56,9	4,8	24,7	13,5	28,7	31,6
Южная Африка	1995	28,1	17,4	15,7	38,8	55,7	56,9
	2011	10,1	27,7	5,2	57,0	50,3	61,9
Свазиленд	2001	59,5	18,4	6,9	15,2	43,1	51,5
	2010	54,8	23,7	5,5	16,0	46,8	46,8
	2012	58,8	13,1	14,2	13,9	29,8	40,0
Того	2006	55,7	8,6	19,2	16,5	32,5	37,5
	2011	53,6	8,9	19,1	18,4	36,2	39,5

ТАБЛИЦА АЗ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

	Годы	Малоимущее население сельских районов	Население сельских районов, не относящееся к категории малоимущих	Малоимущее население городских районов	Население городских районов, не относящееся к категории малоимущих	Коэффициент Джини в сельских районах	Коэффициент Джини в городских районах
Уганда	1999	71,4	17,0	3,8	7,8	35,7	43,0
	2013	56,8	28,7	5,1	9,4	37,1	44,2
Объединенная Республика Танзания	1992	69,3	8,0	16,8	5,8	33,3	34,0
Замбия	1998	57,7	7,5	17,9	16,9	41,8	44,4
	2010	58,8	2,5	25,0	13,7	44,0	50,1
Северная Африка							
Египет	2000	12,6	44,6	4,9	37,9	24,9	38,3
	2009	13,9	43,1	7,5	35,5	22,4	33,7
Марокко	2001	14,2	32,2	6,7	46,9	32,0	39,2
	2007	7,3	35,0	4,5	53,2	33,1	41,1
Судан
	2009	33,4	33,5	10,2	22,8	33,3	32,8
Тунис	1995	8,4	30,1	7,3	54,1	35,3	38,8
	2011	1,8	32,3	1,1	64,8	31,9	33,2
АЗИЯ И ОКЕАНИЯ	2010-e	27,6	30,6	8,9	32,8
Центральная Азия	2010s	18,1	38,7	5,7	37,5
Казахстан	1996	8,8	35,3	7,3	48,6	37,2	32,8
	2010	0,4	45,8	0,3	53,5	25,5	28,6
Кыргызстан	1998	32,8	31,7	15,9	19,6	46,6	45,2
	2011	23,7	41,0	6,5	28,8	32,8	31,7
Таджикистан	1999	65,1	8,1	22,4	4,4	28,6	31,5
	2012	51,9	21,5	17,0	9,5	29,1	32,1
Восточная и Юго-Восточная Азия и Океания	2010-e	17,1	35,3	3,9	43,7
Камбоджа	1994	68,6	14,5	8,3	8,6	26,7	44,7
	2011	33,6	46,6	3,7	16,1	23,9	32,6
Китай	1990	68,4	5,1	16,5	10,0	30,6	25,6
	2012	16,2	34,6	0,8	48,4	39,5	35,4
Фиджи	2003	28,9	22,0	15,5	33,6	46,7	46,1
	2009	11,1	37,1	6,4	45,4	33,7	43,1
Индонезия	1990	61,0	8,4	23,5	7,0	26,5	34,7
	2012	21,8	28,2	20,3	29,7	33,0	42,5
Лаосская Народно-Демократическая Республика	1998	69,4	10,5	15,1	4,9	32,1	39,7
	2012	45,0	21,9	14,7	18,4	32,9	38,3
Малайзия	2004	6,6	28,6	6,7	58,1	40,9	44,0
	2009	0,9	28,2	1,0	70,0	42,6	43,9
Папуа-Новая Гвинея
	2010	41,1	45,8	2,9	10,1	41,1	42,2
Филиппины	1997	33,3	18,5	12,6	35,6	36,1	44,5
	2012	30,8	23,9	11,0	34,3	39,1	41,1
Таиланд	1999	13,6	55,4	1,9	29,1	35,8	40,5
	2012	0,8	55,1	0,5	43,6	36,2	38,0

ТАБЛИЦА АЗ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

	Годы	Малоимущее население сельских районов	Население сельских районов, не относящееся к категории малоимущих	Малоимущее население городских районов	Население городских районов, не относящееся к категории малоимущих	Коэффициент Джини в сельских районах	Коэффициент Джини в городских районах
Тимор-Лешти	2001	49,2	26,1	12,6	12,0	32,2	40,1
	2007	51,0	19,5	18,2	11,3	26,2	34,8
Вьетнам	1999	58,5	17,7	8,2	15,6	26,4	34,2
	2012	9,7	59,9	1,1	29,3	32,3	36,6
Южная Азия	2010-е	41,3	25,6	15,0	18,1
Бангладеш	1996	68,6	9,4	11,5	10,6	37,1	26,8
	2010	57,8	11,7	17,3	13,1	27,5	33,7
Бутан	2003	65,1	6,2	20,4	8,3	64,0	71,7
	2012	8,9	56,3	1,4	33,4	35,4	35,8
Индия	1994	62,6	11,0	19,0	7,4	28,6	34,3
	2012	43,7	25,4	15,5	15,4	31,1	39,1
Иран (Исламская Республика)	1998	4,7	32,7	1,8	60,7	41,5	41,5
	2013	0,2	29,2	0,1	70,6	33,1	35,9
Мальдивы	1998	34,0	38,9	0,4	26,8	59,4	44,7
	2004	5,9	54,1	2,1	37,9	33,4	35,4
Непал	1996	78,1	10,5	8,0	3,4	31,3	45,5
	2011	42,7	40,5	10,0	6,8	31,1	35,2
Пакистан	1997	43,7	24,0	19,9	12,5	24,5	32,0
	2011	30,0	33,4	16,8	19,8	24,5	33,4
Шри-Ланка	1996	37,5	44,0	6,8	11,7	33,1	38,4
	2013	15,2	66,5	3,3	15,0	37,4	39,9
Западная Азия	2010-е	3,7	25,6	3,8	67,0
Армения	1999	14,0	21,0	34,5	30,4	33,0	38,1
	2012	5,5	30,9	10,1	53,4	27,3	31,9
Азербайджан	2002	0,3	48,0	0,6	51,2	15,9	18,6
Ирак	2007	11,2	20,1	11,0	57,7	25,5	28,0
	2012	9,4	21,6	11,3	57,7	27,8	28,9
Иордания	2003	1,3	18,1	5,7	75,0	33,4	37,1
	2010	0,3	17,2	1,5	81,0	27,1	34,4
Палестина
	2009	0,2	26,9	0,1	72,8	32,0	36,6
Сирийская Арабская Республика
	2004	9,5	34,8	4,9	50,8	36,4	32,9
Турция	2002	3,0	31,1	3,9	62,1	39,8	40,9
	2012	1,5	27,8	0,5	70,3	39,7	38,5
Йемен	1998	24,2	50,1	7,5	18,3	31,9	35,2
	2005	25,7	42,5	8,2	23,5	30,6	39,7
	2005	0,0	46,6	0,2	53,2	14,7	18,2
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И КАРИБСКИЙ БАССЕЙН	2010-е	4,4	18,7	4,9	72,0
Белиз	1999	13,7	41,3	6,4	38,6	54,5	48,9

ТАБЛИЦА АЗ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

	Годы	Малоимущее население сельских районов	Население сельских районов, не относящееся к категории малоимущих	Малоимущее население городских районов	Население городских районов, не относящееся к категории малоимущих	Коэффициент Джини в сельских районах	Коэффициент Джини в городских районах
Боливия (Многонациональное Государство)	1999	23,6	15,0	8,3	53,1	64,0	49,2
	2012	9,1	24,5	3,5	62,9	54,3	41,8
Бразилия	1999	4,6	14,9	13,3	67,2	54,7	57,8
	2012	1,7	14,0	4,6	79,7	49,5	52,1
Чили	1998	0,6	13,9	4,8	80,7	49,5	55,2
	2011	0,2	11,2	1,6	87,0	47,2	51,0
Колумбия	2001	11,0	16,6	17,9	54,5	50,6	57,1
	2012	6,0	19,0	6,3	68,7	47,1	51,7
Коста-Рика	1999	4,3	37,5	3,9	54,2	46,2	46,8
	2012	1,1	27,2	1,7	70,1	46,8	47,4
Доминиканская Республика	1997	5,9	34,8	3,8	55,4	48,0	48,0
	2012	3,3	22,9	5,4	68,3	39,2	47,1
Эквадор	1999	15,3	24,9	12,2	47,6	62,7	54,1
	2012	5,6	31,8	3,3	59,4	45,2	44,6
Сальвадор	1999	12,5	29,2	6,1	52,2	48,9	46,6
	2012	2,6	33,1	2,2	62,1	37,6	40,6
Гватемала	2000	16,3	38,6	6,1	39,0	47,9	55,0
	2011	23,2	27,5	9,0	40,3	44,6	51,7
Гайана	1998	14,7	57,0	4,0	24,3	43,6	43,6

Гаити	2001	46,9	15,9	24,1	13,1	49,9	63,3
	2012	35,5	12,5	28,9	23,1	62,6	63,3
Гондурас	1999	25,6	29,4	10,8	34,1	54,2	50,2
	2012	20,4	27,9	12,5	39,2	57,8	53,2
Ямайка	1996	7,4	41,7	2,3	48,6	38,0	39,8
	2004	4,3	41,9	1,1	52,6	41,7	45,5
Мексика	1998	8,0	17,8	8,4	65,8	50,2	50,6
	2012	2,0	20,2	4,1	73,7	47,5	48,1
Никарагуа	1998	19,1	26,7	17,2	37,0	51,4	53,4
	2009	13,2	29,5	7,2	50,1	44,7	42,9
Панама	1999	12,0	26,5	4,5	56,9	57,2	50,9
	2012	6,4	28,5	1,7	63,4	50,1	48,2
Парагвай	1999	10,4	34,9	3,4	51,3	56,0	49,3
	2012	5,8	35,7	1,4	57,1	53,2	42,2
Перу	1999	11,7	15,6	6,7	65,9	45,0	51,6
	2012	4,9	18,2	1,4	75,5	42,8	40,5
Тринидад и Тобаго	1992	9,5	81,4	1,9	7,2	37,5	40,4

Уругвай	2006	0,1	7,9	3,8	88,2	43,1	47,4
	2012	0,0	5,6	1,5	93,0	36,9	41,5
Венесуэла (Боливарианская Республика)	1999	2,2	10,2	7,4	80,2	45,0	46,5
	2003	3,8	7,5	28,1	60,6	46,4	49,2

ТАБЛИЦА А4

РОЛЬ ПОДСЕКТОРА ПРОИЗВОДСТВА ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ И НАПИТКОВ В СОЗДАНИИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАНЯТОСТИ

	Годы	Доля добавленной стоимости, создаваемой подсектором, в совокупной добавленной стоимости производственного сектора	Доля работников, занятых в подсекторе	Доля женщин, занятых в производственном секторе	Доля женщин, занятых в подсекторе
ВСЬ МИР	2010-е	13,4	12,5
СТРАНЫ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЕГИОНАХ	2010-е	12,8	11,5
АФРИКА	2010-е	21,9	23,6
Страны Африки к югу от Сахары	2010-е	28,0	23,9
Ботсвана	2013	29,9	18,6	14,0	32,5
Бурунди	2012	88,5	51,0
Камерун	2002	34,7	27,7	29,1	21,8
Конго	2009	74,5
Эритрея	2012	26,8	24,1	19,2	41,7
Эфиопия	2014	35,3	18,9	24,7	19,4
Гамбия	2004	32,5
Гана	2003	32,5	19,9
Кения	2013	38,5	36,9
Малави	2012	46,9	49,4	56,8	20,9
Маврикий	2012	45,5	18,8	4,6	16,0
Намибия	2013	40,5
Нигер	2002	32,2	54,2	24,6	2,6
Сенегал	2012	33,2	43,4
Южная Африка	2010	21,9	17,7
Свазиленд	2011	85,9	41,1
Уганда	2000	59,9	27,9
Объединенная Республика Танзания	2010	48,5	43,9	36,8	25,6
Северная Африка	2010-е	15,8	23,2
Алжир	2010	45,7
Египет	2012	9,7	22,8	7,9	4,2
Марокко	2013	23,2	31,8	37,3	54,8
Судан	2001	64,8	56,6
Тунис	2011	8,7	12,8
АЗИЯ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ЯПОНИИ	2010-е	9,9	10,0
Центральная Азия	2010-е	21,7	20,4
Казахстан	2013	21,8	20,3	31,3	49,7
Кыргызстан	2012	20,4	26,6	33,4	39,8
Таджикистан	2013	..	15,6
Восточная и Юго-Восточная Азия	2010-е	9,6	9,3
Бруней-Даруссалам	2010	..	25,3

**ТАБЛИЦА А4
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

	Годы	Доля добавленной стоимости, создаваемой подсектором, в совокупной добавленной стоимости производственного сектора	Доля работников, занятых в подсекторе	Доля женщин, занятых в производственном секторе	Доля женщин, занятых в подсекторе
Камбоджа	2000	5,8	3,8	1,5	28,0
Китай	2014	8,8	8,1
Индонезия	2013	21,1	18,2	19,0	45,4
Лаосская Народно-Демократическая Республика	1999
Малайзия	2012	12,4	13,0	11,9	32,0
Монголия	2011	41,1	32,0	16,8	27,0
Филиппины	2012	23,5	20,1	15,6	36,7
Республика Корея	2014	5,4	6,5	12,1	47,9
Сингапур	2014	4,7	6,8
Таиланд	2011	19,1	19,6	16,5	42,1
Вьетнам	2013	21,1	10,8	9,0	50,0
Южная Азия	2010-е	9,7	12,0
Афганистан	2014	..	13,1	7,8	23,1
Бангладеш	2011	12,0	5,9	3,0	22,6
Индия	2014	8,6	13,6	21,4	15,3
Иран (Исламская Республика)	2014	10,6	15,8	24,1	15,2
Непал	2011	29,3	22,0	16,2	16,9
Пакистан	2006	17,8	14,6	9,8	2,6
Шри-Ланка	2012	28,9	19,6	15,1	42,6
Западная Азия	2010-е	10,8	16,1
Армения	2013	..	38,3
Бахрейн	2013	13,2	6,5
Кипр	2014	42,2	42,2	57,1	47,5
Грузия	2013	43,6	34,7	46,4	41,7
Ирак	2011	15,2	18,1
Израиль	2014	11,2	17,2
Иордания	2013	21,0	23,0	14,3	9,7
Кувейт	2013	5,4	20,3	32,5	7,0
Ливан	2009	27,4	2,6	0,8	22,8
Оман	2014	5,7	25,2	32,4	6,3
Катар	2013	0,9	8,9	22,8	5,2
Саудовская Аравия	2006	19,5	20,4
Сирийская Арабская Республика	2005	27,7	23,3
Турция	2014	13,0	13,2	15,4	23,4
Йемен	2012	46,8	36,9
ОКЕАНИЯ	2010-е
Фиджи	2011	50,6	39,7	23,4	19,6

ТАБЛИЦА А4
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

	Годы	Доля добавленной стоимости, создаваемой подсектором, в совокупной добавленной стоимости производственного сектора	Доля работников, занятых в подсекторе	Доля женщин, занятых в производственном секторе	Доля женщин, занятых в подсекторе
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И КАРИБСКИЙ БАССЕЙН	2010-е	22,2	22,2
Аргентина	2002	30,2	29,5
Боливия	2010	48,2	36,8
Бразилия	2013	20,8	21,5
Чили	2013	36,7	34,3	43,7	30,8
Колумбия	2012	30,3	24,1	21,8	33,0
Коста-Рика	2013	50,1	33,2
Эквадор	2008	35,5	45,7	50,0	29,3
Мексика	2013	22,2	21,9	19,7	30,8
Панама	2001	56,6	56,4	60,3	25,0
Парагвай	2010	39,7	28,0
Перу	2011	32,5	20,5
Пуэрто-Рико	2006	8,1	9,3	6,2	33,1
Тринидад и Тобаго	2006	9,1	38,4
Уругвай	2011	38,0	47,0
СТРАНЫ В РАЗВИТЫХ РЕГИОНАХ	2010-е	13,5	14,9
ЕВРОПА	2010-е	13,5	15,5
Албания	2013	15,7	14,3	16,4	57,5
Австрия	2014	10,6	12,9	20,7	45,9
Азербайджан	2013	27,3	24,0	32,4	36,5
Беларусь	2014	22,2	16,6	23,6	52,1
Бельгия	2014	15,1	18,3
Босния и Герцеговина	2011	22,0	16,1
Болгария	2014	18,0	17,7	17,4	47,9
Чешская Республика	2013	8,3	9,6
Дания	2014	22,6	17,6
Эстония	2014	13,3	13,8
Финляндия	2014	11,0	11,7
Франция	2014	18,1	20,6
Германия	2014	7,3	11,9
Греция	2013	29,6	30,6
Венгрия	2013	10,0	15,4
Исландия	2005	31,4
Ирландия	2012	21,7	24,7
Италия	2014	11,3	10,7
Латвия	2013	19,1	21,4	34,1	17,3
Лихтенштейн	2013	..	16,5	17,9	30,4
Литва	2014	21,9	21,7	27,8	60,1
Люксембург	2014	10,8	16,2

**ТАБЛИЦА А4
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

	Годы	Доля добавленной стоимости, создаваемой подсектором, в совокупной добавленной стоимости производственного сектора	Доля работников, занятых в подсекторе	Доля женщин, занятых в производственном секторе	Доля женщин, занятых в подсекторе
Мальта	2009	16,8	17,2	12,2	32,6
Нидерланды	2013	18,9	18,9
Норвегия	2014	18,7	21,6
Польша	2013	16,9	18,1
Португалия	2014	15,9	16,1
Республика Молдова	2012	39,6	..	32,7	..
Румыния	2013	15,0	15,8
Российская Федерация	2014	16,1	16,0
Сербия	2014	26,3
Словакия	2013	7,0	9,1
Словения	2013	7,0	8,3
Испания	2014	20,4	20,5
Швеция	2014	8,0	9,7
Швейцария	2013	8,7	12,8
Бывшая югославская Республика Македония	2011	22,1	16,3
Украина	2014	27,9	21,3
Соединенное Королевство	2013	18,3	14,9	17,2	53,8
ПРОЧИЕ СТРАНЫ АЗИИ, АВСТРАЛИЯ И НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ	2010-е	13,8	14,4
Австралия	2013	26,4	26,9	20,2	23,2
Япония	2012	12,3	16,5	29,7	53,3
Новая Зеландия	2012	35,9	4,2
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА	2010-е	13,9	13,5
Канада	2014	15,4	15,4
Соединенные Штаты Америки	2011	13,7	13,3

БИБЛИОГРАФИЯ

Abay, K.A., Kaysay, G.A. & Berhane, G. 2014. Social networks and factor markets: panel data evidence from Ethiopia. No. 2014/12. Frederiksberg, Denmark, Department of Food and Resource Economics, University of Copenhagen.

Acemoglu, D. 2002. Technical change, inequality, and the labor market. *Journal of Economic Literature*, 40(1): 7–72.

ADB (Asian Development Bank). 2011. *The New Silk Road. Ten years of the Central Asia Regional Economic Cooperation Program*. Mandaluyong City, Philippines.

Adesina, A. 2016. Agriculture as a Business. *Foreign Affairs* [онлайн]. [По состоянию на 2 июня 2017 года]. www.foreignaffairs.com/sponsored/agriculture-business

Adjognon, S.G., Liverpool-Tasie, L.S.O. & Reardon, T.A. 2017. Agricultural input credit in Sub-Saharan Africa: telling myth from facts. *Food Policy*, 67: 93–105.

Aggarwal, A. 2014. Promoting food processing through food parks and food processing Special Economic Zones: the Indian experience. В: R.D. Christy, C. da Silva, N. Mhlanga, E. Mabaya & K. Tihanyi, eds. *Innovative institutions, public policies and private strategies for agro-enterprise development*, Chapter 8. Singapore, World Scientific Publishing Co.

AGRA (Alliance for a Green Revolution in Africa). 2016. *Africa Agriculture Status Report 2016. Progress towards agricultural transformation in Africa*. Nairobi.

Agrawal, A. & Perrin, N. 2009. *Mobilizing rural institutions: a comparative study on the role of rural institutions for improving governance and development in Afghanistan, Ethiopia, India, Vietnam, and Yemen*. Social Development Working Papers No. 114. Washington, DC, World Bank.

Ahmed, U., Ahmad, K., Chou, V., Hernandez, R., Menon, P., Naeem, F., Naher, F., Quabili, W., Sraboni, E. & Yu, B. 2013. *The status of food security in the Feed the Future zone and other regions of Bangladesh: Results from the 2011–2012 Bangladesh Integrated Household Survey*. Washington, DC, IFPRI.

Ali, D.A., Deininger, K.W., Goldstein, M.P., La Ferrara, E. & Duponchel, M.F. 2015. *Determinants of participation and transaction costs in Rwanda's land markets*. No. 99426. World Bank.

Anríquez, G. 2016. *The structural transformation of Latin American economies: a sectoral long term review*. Santiago, Pontifical University of Chile.

Anríquez, G. & Bonomi, G. 2007. *Long-term farming trends. An inquiry using agricultural censuses*. ESA Working Paper No. 07-20. Rome, FAO. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-ah856e.pdf).

Anríquez, G., Foster, W. & Valdés, A. 2017. The structural transformation of Latin American economies: a sectoral long-term review. Background paper prepared for *The State of Food and Agriculture 2017: Leveraging food systems for inclusive rural transformation*. Не опубликовано.

APAARI (Asia-Pacific Association of Agricultural Research Institutions). 2014. *ITC e-Choupal – Innovation for large scale rural transformation: a success story*. Bangkok. (также размещено по адресу: www.apaari.org/wp-content/uploads/downloads/2015/01/E-Choupal-small.pdf).

Badiane, O., Ulimwengu, J. & Badibanga, T. 2012. Structural transformation among African economies: patterns and performance. *Development*, 55(4): 463–476.

Bai, J., Zhang, J. & Reardon, T. 2017. *Transformation of the aquaculture feed market and determinants of farmers' feed purchasing channels: evidence from South China*. Working Paper. East Lansing, USA, Michigan State University.

Barrett, C.B. 2008. Smallholder market participation: concepts and evidence from eastern and southern Africa. *Food Policy*, 33(4): 299–317.

Barrett, C.B. & Carter, M.R. 2013. The economics of poverty traps and persistent poverty: policy and empirical implications. *The Journal of Development Studies*, 49(7): 976–990.

Barrett, C.B., Christiaensen, L., Sheahan, M.B. & Shimeles, A. 2017. *On the structural transformation of rural Africa*. Policy Research Working Paper WPS7938. Washington, DC, World Bank.

Barrientos, A. 2012. Social transfers and growth: what do we know? What do we need to find out? *World Development*, 40(1): 11–20.

Barrientos, S., Dolan, C. & Tallontire, A. 2001. *Gender and ethical trade: a mapping of the issues in African horticulture*. Working Paper. London, Natural Resources Institute (NRI), University of Greenwich.

Barrón, M.A. 1999. Mexican women on the move: migrant workers in Mexico and Canada. B: D. Barndt, ed. *Women working the NAFTA food chain women, food and globalization*, pp. 113–126. Toronto, Canada, Second Story Press.

Bastagli, F., Hagen-Zanker, J., Harman, L., Barca, V., Sturge, G., Schmidt, T. & Pellerano, L. 2016. *Cash transfers: what does the evidence say? A rigorous review of programme impact and of the role of design and implementation features*. London, ODI.

Beegle, K., De Weerd, J. & Dercon, S. 2011. Migration and economic mobility in Tanzania: evidence from a tracking survey. *Review of Economics and Statistics*, 93(3): 1010–1033.

Bell, D. & Jayne, M. 2009. Small cities? Towards a research agenda. *International Journal of Urban and Regional Research*, 33(3): 683–699.

Bennett, M.K. 1954. *The world's food*. New York, USA, Harper & Brothers.

Berdegú, J. & Proctor, F. 2014. *Inclusive rural-urban linkages*. Cities in the Rural Transformation, Working Paper Series N° 123. Working Group: Development with Territorial Cohesion. Territorial Cohesion for Development Program. Santiago, Programa Dinámicas Territoriales Rurales.

Berdegú, J.A., Biénabe, E. & Peppelenbos, L. 2011. Conclusions: Innovative practices in connecting small-scale producers with dynamic markets. B: E. Biénabe, J. Berdegú, L. Peppelenbos & J. Belt, eds.

Reconnecting markets: innovative global practices in connecting small-scale producers with dynamic food markets, pp. 151–179. Farnham, UK, International Institute for Environmental Development (IIED) and Gower.

Berdegú, J.A., Escobal, J. & Bebbington, A. 2015. Explaining spatial diversity in Latin American rural development: structures, institutions, and coalitions. *World Development*, 73: 129–137.

Berdegú, J.A., Carriazo, F., Jara, B., Modrego, F. & Soloaga, I. 2015. Cities, territories, and inclusive growth: unraveling urban–rural linkages in Chile, Colombia, and Mexico. *World Development*, 73: 56–71.

Berdegú, J.A., Reardon, T., Balsevich, F., Martínez, A., Medina, R., Aguirre, M. & Echanove, F. 2006. *Supermarkets and Michoacan guava farmers in Mexico*. No. 11474. USA, Michigan State University, Department of Agricultural, Food, and Resource Economics.

Bezu, S. & Holden, S. 2014. Are rural youth in Ethiopia abandoning agriculture? *World Development*, 64: 259–272.

Bezu, S., Barrett, C.B. & Holden, S.T. 2012. Does the nonfarm economy offer pathways for upward mobility? Evidence from a panel data study in Ethiopia. *World Development*, 40(8): 1634–1646.

Bhalla, S. 1997. *The rise and fall of workforce diversification processes in rural India: a regional and sectoral analysis*. DSA Working Paper. New Delhi, Jawaharlal Nehru University, Centre for Economic Studies and Planning.

Bitzer, V., Wongtschowski, M., Hani, M., Blum, M. & Flink, I. 2016. *Towards inclusive pluralistic service systems -- insights for innovative thinking*. Rome, FAO and Royal Tropical Institute. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i6104e.pdf).

Bloom, D., Cafiero, E., Jané-Llopis, E., Abrahams-Gessel, S., Bloom, L., Fathima, S., Feigl, A., Gaziano, T., Mowafi, M., Pandya, A., Prettner, K., Rosenberg, L., Seligman, B., Stein, A. & Weinstein, C. 2011. *The global economic burden of noncommunicable diseases*. Geneva, Switzerland, World Economic Forum.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Breisinger, C., Nin Pratt, A., El-Enbaby, H., Figueroa, J. & ElDidi, H.** 2017. Economic transformation, agricultural transition and food security in MENA: what are the lessons for sustainable development strategies? Background paper prepared for *The State of Food and Agriculture 2017: Leveraging food systems for inclusive rural transformation*. Не опубликовано.
- Calderon, C.** 2009. *Infrastructure and growth in Africa*. Policy Working Paper No. 4914. Washington, DC, World Bank.
- Cali, M. & Menon, C.** 2012. Does urbanization affect rural poverty? Evidence from Indian districts. *The World Bank Economic Review*, 27(2): 171–201.
- Carciofi, R.** 2012. Cooperation for the provision of regional public goods. The IIRSA Case. B: P. Riggirozzi & D. Tussie, eds. *The rise of post-hegemonic regionalism*, pp. 65–79. United Nations University Series on Regionalism No. 4. Dordrecht, Netherlands, Springer.
- Carimentrand, A., Baudoin, A., Lacroix, P., Bazile, D. & Chia, E.** 2015. Quinoa trade in Andean countries: opportunities and challenges for family. In D. Bazile, D. Bertero & C. Nieto, eds. *State of the Art Report on Quinoa in the World in 2013*, pp. 330–342. Rome, FAO & CIRAD.
- Carraro, A. & Karfakis, P.** 2017. Institutions, economic freedom and structural transformation in 11 sub-Saharan African countries. Не опубликовано.
- Carter, P.M.R. & Barrett, C.B.** 2006. The economics of poverty traps and persistent poverty: an asset-based approach. *The Journal of Development Studies*, 42(2): 178–199.
- КВПБ (Комитет по всемирной продовольственной безопасности).** 2014. *Принципы ответственного инвестирования в агропродовольственные системы*. Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-au866r.pdf).
- КВПБ.** 2016. *Содействие мелким фермерам в выходе на рынок. Рекомендации по мерам политики*. (размещено по адресу: www.fao.org/3/a-bq853r.pdf).
- Chaherli, N. & Nash, J.** 2013. *Agricultural exports from Latin America and the Caribbean: harnessing trade to feed the world and promote development*. 78613. Washington, DC, World Bank.
- Chamberlin, J. & Ricker-Gilbert, J.** 2016. Participation in rural land rental markets in sub-Saharan Africa: who benefits and by how much? Evidence from Malawi and Zambia. *American Journal of Agricultural Economics*, 98(5): 1507–1528.
- Chirwa, E., Dorward, A., Kachule, R., Kumwenda, I., Kydd, J., Poole, N., Poulton, C. & Stockbridge, M.** 2005. Walking tightropes: farmer organisations for market access: principles for policy and practice. *Natural Resource Perspectives*, 99(November).
- Chomitz, K.M., Buys, P. & Thomas, T.S.** 2005. *Quantifying the rural-urban gradient in Latin America and the Caribbean*. Policy Research Working Papers No. 3634. World Bank.
- Christiaensen, L. & Kanbur, R.** 2017. *Secondary towns and poverty reduction: refocusing the urbanization agenda*. Working Paper 2017-02. Washington, DC, World Bank.
- Christiaensen, L. & Todo, Y.** 2014. Poverty reduction during the rural-urban transformation – the role of the missing middle. *World Development*, 63: 43–58.
- Christiaensen, L., De Weerd, J. & Todo, Y.** 2013. Urbanization and poverty reduction: the role of rural diversification and secondary towns. *Agricultural Economics*, 44(4–5): 435–447.
- Cistulli, V., Heikkilä, M. & Vos, R.** 2016. Global dimensions of malnutrition: territorial perspectives on food security and nutrition policies. B: OECD, ed. *OECD Regional Outlook 2016. Productive regions for inclusive societies*, pp. 281–294. Paris, OECD Publishing.
- Cohen, B.** 2004. Urban growth in developing countries: a review of current trends and a caution regarding existing forecasts. *World Development*, 32(1): 23–51.
- Collier, P. & Dercon, S.** 2014. African agriculture in 50 years: smallholders in a rapidly changing world? *World Development*, 63: 92–101.

Conforti, P., Estruch, E., Nico, G. & Spiezio, M. 2016. More productive for better jobs: Labour productivity and decent employment in Tanzania. Conference paper.

Conway, G. 2016. Recipe for a New Revolution. *Foreign Affairs*, Special issue: Overcoming isolation, speeding up change, and taking success to scale.

Coulombe, H. & Lanjouw, P. 2013. Poverty, access to services and city size in a selection of African countries. Мимеографированное издание. Washington, DC, World Bank.

Crowley, E., Baas, S., Termine, P., Rouse, J., Pozarny, P. & Dionne, G. 2007. Organizations of the poor: conditions for success. B: M. Chen, R. Jhabvala, R. Kanbur & C. Richards, eds. *Membership based organizations of the poor*, pp. 23–42. London, Routledge.

Da Silva, C.A., Baker, D., Shepherd, A., Jenane, C. & Miranda da Cruz, S., eds. 2009. *Agro-industries for development*. Rome, FAO and UNIDO in arrangement with CAB International.

Das Gupta, S., Reardon, T., Minten, B. & Singh, S. 2010. The transforming potato value chain in India: potato pathways from a commercialized-agriculture zone (Agra) to Delhi. B: *Improved value chains to ensure food security in South and Southeast Asia*, Chapter 2. New Delhi, ADB-IFPRI.

Datanet India Pvt. Ltd. Данные разных лет. Indiastat. (размещено по адресу: www.indiastat.com).

Davis, B., Di Giuseppe, S. & Zezza, A. 2017. Are African households (not) leaving agriculture? Patterns of households' income sources in rural sub-Saharan Africa. *Food Policy*, 67: 153–174.

Davis, B., Winters, P., Carletto, G., Covarrubias, K., Quiñones, E.J., Zezza, A., Stamoulis, K., Azzarri, C. & Di Giuseppe, S. 2010. A cross-country comparison of rural income generating activities. *World Development*, 38(1): 48–63.

De Bon, H., Parrot, L. & Moustier, P. 2010. Sustainable urban agriculture in developing countries. A review. *Agronomy for Sustainable Development*, 30(1): 21–32.

De Ferranti, D.M., Perry, G.E., Foster, W., Lederman, D. & Valdés, A. 2005. *Beyond the city: the rural contribution to development*. World Bank Latin American and Caribbean studies. Washington, DC, World Bank.

Deininger, K. & Jin, S. 2008. *Land rental markets in the process of rural structural transformation : Productivity and equity impacts in China*. Policy Research Working Papers. Washington, DC, World Bank.

Deininger, K., Hilhorst, T. & Songwe, V. 2014. Identifying and addressing land governance constraints to support intensification and land market operation. Evidence from 10 African countries. *Food Policy*, 48: 76–87.

Deininger, K., Savastano, S. & Xia, F. 2017. Smallholders' land access in sub-Saharan Africa: a new landscape? *Food Policy*, 67: 78–92.

Del Pozo-Vergnes, E. & Vorley, B. 2015. *Global or local food chains? Uncovering the dilemmas in Senegal and Peru*. Issue Paper. London, IIED.

Dentoni, D. & Mitsopoulos, D. 2013. Literature review on formal private investments in African agriculture. B: D. Tschirley, S. Haggblade & T. Reardon, eds. *Africa's emerging food system transformation*, pp. 95–109. White Paper. East Lansing, USA, Michigan State University Global Center for Food Systems Innovation.

Dercon, S. & Ayalew, D. 2007. *Land rights, power and trees in rural Ethiopia*. CSAE Working Paper 2007-07. Oxford, UK, Centre for the Study of African Economies, Oxford University.

Dercon, S. & Christiaensen, L. 2011. Consumption risk, technology adoption and poverty traps: evidence from Ethiopia. *Journal of Development Economics*, 96(2): 159–173.

Dercon, S. & Hoddinott, J. 2005. *Livelihoods, growth, and links to market towns in 15 Ethiopian villages*. FCND Discussion Paper 194. Washington, DC, IFPRI.

Dey de Pryck, J. & Termine, P. 2014. Gender inequalities in rural labour markets. In A. Quisumbing, R. Meinzen-Dick, T. Raney, A. Croppenstedt,

БИБЛИОГРАФИЯ

J. Behrman & A. Peterman, eds. *Gender in agriculture. Closing the knowledge gap*, pp. 343–370. Dordrecht, the Netherlands, Springer.

Diao, X., Cossar, F., Houssou, N. & Kolavalli, S. 2014. Mechanization in Ghana: emerging demand, and the search for alternative supply models. *Food Policy*, 48: 168–181.

Dillon, B. & Barrett, C.B. 2017. Agricultural factor markets in sub-Saharan Africa: an updated view with formal tests for market failure. *Food Policy*, 67: 64–77.

Dinh, H.T., Palmade, V., Chandra, V. & Cossar, F. 2012. *Light manufacturing in Africa. Targeted policies to enhance private investment and create jobs*. Washington, DC, World Bank.

D'Orfeuil, H.R. 2012. The exclusion of farmers: an historical challenge for the international labour market. *S.A.P.I.EN.S.*, 5.1 [онлайн]. [По состоянию на 20 июня 2017 года]. Также размещено по адресу: <http://sapiens.revues.org/1487>

Dorosh, P. & Thurlow, J. 2013. Agriculture and small towns in Africa. *Agricultural Economics*, 44(4–5): 449–459.

Ecovida. 2007. *Uma identidade que se constrói em rede*. Caderno de Formação No. 1. Lapa, Brazil.

Elbehri, A. & Sadiddin, A. 2016. Climate change adaptation solutions for the green sectors of selected zones in the MENA region. *Future of Food: Journal on Food, Agriculture and Society*, 4(3): 39–54.

Elbers, C. & Lanjouw, P. 2001. Intersectoral transfer, growth, and inequality in rural Ecuador. *World Development*, 29(3): 481–496.

Escobal, J. 2005. *The role of public infrastructure in market development in rural Peru*. Development Economics Group, University of Wageningen. (докторская диссертация).

Европейская комиссия, Международный валютный фонд, Организация экономического сотрудничества и развития, Организация Объединенных Наций, Всемирный банк. 2012. *Система национальных счетов 2008 года*. Нью-Йорк, США.

European Innovation Partnership AGRI Focus Group. 2015. *Innovative short food supply chain management*. Brussels.

Fafchamps, M. & Shilpi, F. 2003. The spatial division of labour in Nepal. *The Journal of Development Studies*, 39(6): 23–66.

Fan, C. 2009. Flexible work, flexible household: labor migration and rural families in China. B. L. Keister, ed. *Research in the sociology of work*, pp. 377–408. Bingley, UK, Emerald Group Publishing Limited.

ФАО. 1995. *Кодекс ведения ответственного рыболовства*. Рим. (также размещено по адресу: <ftp://ftp.fao.org/docrep/fao/005/v9878r/v9878ru00.pdf>).

FAO. 2007. *Challenges of agribusiness and agro-industries development*. (COAG/2007/5). Committee on Agriculture, 20th Session. 25–28 April 2007, Rome. (также размещено по адресу: <ftp://ftp.fao.org/docrep/fao/meeting/011/j9176e.pdf>).

FAO. 2010a. *Corporate strategy on capacity development*. Rome. (также размещено по адресу: www.fao.org/fileadmin/user_upload/newsroom/docs/Summary_Strategy_PR_E.pdf).

FAO. 2010b. *Linking people, places and products: a guide for promoting quality linked to geographical origin and sustainable geographical indications*. Second edition. Rome. (также размещено по адресу: www.fao.org/docrep/013/i1760e/i1760e00.pdf).

ФАО. 2011. *Сохранить и приумножить. Руководство для политиков по устойчивой интенсификации растениеводства в мелких хозяйствах*. Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i2215r.pdf).

ФАО. 2012. *Состояние мировых земельных и водных ресурсов для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства. Управление системами, находящимися под угрозой*. Рим, ФАО, Москва, «Весь Мир». (также размещено по адресу: www.fao.org/docrep/018/i1688r/i1688r.pdf).

ФАО. 2012а. *Decent rural employment for food security: a case for action*. Rural employment knowledge materials. Rome. (также размещено по адресу: www.fao.org/docrep/015/i2750e/i2750e00.pdf).

ФАО. 2013. *Добровольные руководящие принципы ответственного регулирования вопросов владения и пользования земельными, рыбными и лесными ресурсами в контексте национальной продовольственной безопасности*. Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/docrep/016/i2801r/i2801r.pdf).

ФАО. 2013а. *Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства 2013. Продовольственные системы для обеспечения полноценного питания*. Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/docrep/018/i3300r/i3300r.pdf).

ФАО. 2013b. *Information and communication technologies for sustainable agriculture. Indicators from Asia and the Pacific*. Bangkok. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i3557e.pdf).

ФАО. 2014а. *Public sector support for inclusive agribusiness development – an appraisal of institutional models in Malaysia*. Country case studies – Asia. Rome. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i3965e.pdf).

ФАО. 2014b. *Public sector support for inclusive agribusiness development – an appraisal of institutional models in Malawi*. Country case studies – Africa. Rome. (также размещено по адресу: www.fao.org/docrep/019/i3634e/i3634e.pdf).

ФАО. 2015. *Содействие созданию устойчивых производственно-сбытовых цепочек в сфере продовольствия – руководящие принципы*. Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i3953r.pdf).

ФАО. 2015а. *Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства 2014. Инновации в семейных фермерских хозяйствах*. Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i4040r.pdf).

ФАО. 2015b. *Добровольные руководящие принципы обеспечения устойчивого маломасштабного рыболовства в контексте продовольственной безопасности и искоренения бедности*. Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i4356r.pdf).

ФАО. 2015с. *Empowering women in Afghanistan. Reducing gender gaps through Integrated Dairy Schemes*, by R Boros & A. McLeod. Rome. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i4585e.pdf).

ФАО. 2015d. *Состояние рынков сельскохозяйственной продукции: 2015–2016 годы. Торговля и продовольственная безопасность: достижение оптимального баланса между национальными приоритетами и общим благом*. Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i5090r.pdf).

ФАО. 2015е. *The State of Agricultural Commodity Markets 2015-16. Competition and food security*. In depth (technical note). Rome. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i5225e.pdf).

ФАО. 2015f. *The State of Agricultural Commodity Markets 2015-16. Value chains, agricultural markets and food security*. In depth (technical note). Rome. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i5226e.pdf).

ФАО. 2016а. *Состояние мирового рыболовства и аквакультуры 2016. Вклад в обеспечение всеобщей продовольственной безопасности и питания*. Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i5555r.pdf).

ФАО. 2016b. *BEFS assessment for Turkey. Sustainable bioenergy options from crop and livestock residues*. Rome. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i6480e.pdf).

ФАО. 2016с. *Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства 2016. Изменение климата, сельское хозяйство и продовольственная безопасность*. Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i6030r.pdf).

БИБЛИОГРАФИЯ

- ФАО.** 2016d. *Состояние лесов мира 2016. Леса и сельское хозяйство: проблемы и возможности землепользования.* Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i5588r.pdf).
- ФАО.** 2016e. AQUASTAT. Статистическая база данных онлайн. По состоянию на 5 июня 2016 года. URL: www.fao.org/nr/water/aquastat/didyouknow/index2.stm
- ФАО.** 2017a. *The future of food and agriculture – trends and challenges.* Rome. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i6583e.pdf).
- ФАО.** 2017b. Evidence on internal and international migration patterns in selected African countries. ESS Working Paper. Не опубликовано. Rome.
- ФАО.** 2017c. ФАОСТАТ. Статистическая база данных онлайн. По состоянию на 5 июня 2017 года. URL: www.fao.org/faostat/ru/#home
- ФАО.** 2017d. Smallholders DataPortrait. Статистическая база данных онлайн. По состоянию на 5 июня 2017 года. URL: www.fao.org/family-farming/data-sources/dataportrait/farm-size/en/
- ФАО.** 2017e. Rural Income Generating Activities (RIGA). Статистическая база данных онлайн. По состоянию на 5 июня 2017 года. www.fao.org/economic/riga/riga-database/en/
- ФАО.** 2017f. Food for the Cities Programme. В: *Food and Agriculture Organization of the United Nations* [онлайн]. [По состоянию на 27 апреля 2017 года]. www.fao.org/in-action/food-for-cities-programme/en/
- ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ.** 2017. *Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2017. Повышение устойчивости к внешним воздействиям в целях обеспечения мира и продовольственной безопасности.* Рим, ФАО (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-17695r.pdf>).
- ФАО & ITU (International Telecommunication Union).** 2016. *E-agriculture strategy guide. Piloted in Asia-Pacific countries.* Bangkok. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i5564e.pdf).
- FAO & USAID (United States Agency for International Development).** 2015. *Opportunities for agri-food chains to become energy-smart.* Rome. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i5125e.pdf).
- Farole, T. & Akinci, G., eds.** 2011. *Special economic zones: progress, emerging challenges, and future directions.* Washington, DC, World Bank.
- Federal Democratic Republic of Ethiopia, Central Statistical Agency.** 2012. *Agricultural Sample Survey 2011/12. Volume IV Report on Land Utilization (Private Peasant Holdings, Meher Season).* Addis Ababa.
- Fernández, I., Hernández Asensio, R., Trivelli, C. & Schejtman, A.** 2012. *Las coaliciones transformadoras y los dilemas del desarrollo inclusivo en las zonas rurales de América Latina.* Working Paper 107. Santiago, Rimisp.
- Ferré, C., Ferreira, F. & Lanjouw, P.** 2012. Is there a metropolitan bias? The relationship between poverty and city size in a selection of developing countries. *World Bank Economic Review*, 26(3): 351–382.
- Filipski, M., Aboudrare, A., Lybbert, T.J. & Taylor, J.E.** 2015. Spice price spikes: simulating gendered impacts of a saffron boom and bust in rural Morocco. Paper presented at 29th International Conference of Agricultural Economists: Agriculture in an Interconnected World, 8 August 2015, Milan.
- Filmer, D. & Fox, L.** 2014. *Youth employment in sub-Saharan Africa.* Washington, DC, World Bank.
- Fine, D., van Wamelen, A., Lund, S., Cabral, A., Taoufiki, M., Dörr, N., Leke, A., Roxburgh, C., Schubert, J. & Cook, P.** 2012. *Africa at work: job creation and inclusive growth.* Washington, DC, McKinsey Global Institute.
- Fox, L. & Sohnesen, T.P.** 2012. *Household enterprises in sub-Saharan Africa – why they matter for growth, jobs, and livelihoods.* Policy Research Working Papers. The World Bank.
- Fox, L., Thomas, A. & Haines, C.** 2017. *Structural transformation in employment and productivity: what can Africa hope for?* Washington, DC, International Monetary Fund.

Furche, C., Salcedo, S., Krivonos, E., Rabczuk, P., Jara, B., Fernández, D. & Correa, F. 2015. International quinoa trade. *B*: D. Bazile, D. Bertero & C. Nieto, eds. *State of the Art Report on Quinoa in the World in 2013*, pp. 316–329. Rome, FAO & CIRAD.

Gálvez Nogales, E. 2010. *Agro-based clusters in developing countries: staying competitive in a globalized economy*. Rome, FAO. (также размещено по адресу: www.fao.org/docrep/012/i1560e/i1560e.pdf).

Gálvez Nogales, E. 2011. *The rise of agrifood technopoles in the Middle East and North Africa*. Rome, FAO. (также размещено по адресу: www.fao.org/docrep/016/ap292e/ap292e.pdf).

Gálvez Nogales, E. 2014. *Making economic corridors work for the agricultural sector*. Agribusiness and Food Industries Series No. 4. Rome, FAO. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i4204e.pdf).

Gálvez Nogales, E. & Webber, M., eds. 2017. *Territorial tools for agro-industry development – a sourcebook*. Rome, FAO. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i6862e.pdf).

Gálvez Nogales, E., Santacoloma, P., Rankin, M. & Mhlanga, N. 2014. *Public sector support for inclusive agribusiness development: an appraisal of institutional models*. Collection of case studies. Rome, FAO.

GFRAS (Global Forum for Rural Advisory Services). 2015. *Global Forum for Rural Advisory Services Strategic Framework 2016–2025. Advocacy and leadership in rural advisory services for sustainable development*. Lindau, Switzerland.

Global Panel on Agriculture and Food Systems for Nutrition. 2016. *Food systems and diets. Facing the challenges of the 21st century*. London.

Gollin, D. & Rogerson, R. 2010. *Agriculture, roads, and economic development in Uganda*. Working Paper No. 15863. Cambridge, USA, National Bureau of Economic Research.

Gómez, M., Mueller, B. & Wheeler, M.K. 2016. *Private sector extension activities targeting small farmers in developing countries*. USAID Modernizing Extension and Advisory Services (MEAS) Project.

Gorton, M., Sauer, J. & Supatpongkul, P. 2011. Wet markets, supermarkets and the “big middle” for food retailing in developing countries: evidence from Thailand. *World Development*, 39(9): 1624–1637.

GOS (Government Office for Science). 2011. *Foresight project on global food and farming futures. Synthesis Report C12: Meeting the challenges of a low-emissions world*. London.

Government of Albania. 2005. *Living Standards Measurement Survey LSMS 2005*. Tirana, Institute of Statistics.

Government of Bangladesh. 2005. *Household Income and Expenditure Survey 2005*. Dhaka, Bureau of Statistics.

Government of Cambodia. 2004. *Household Socio-Economic Survey 2003–04*. Phnom Penh, Ministry of Planning-National Institute of Statistics.

Government of Guatemala. 2006. *Encuesta Nacional de Condiciones de Vida (ENCOVI) 2006*. Guatemala, Instituto Nacional de Estadística.

Government of India. 2012. *Agriculture Census 2010-11. Phase 1. All India report on Number and Area of Operational Holdings (Provisional)*. New Delhi, Ministry of Agriculture.

Government of Kenya. 2005. *Kenya Integrated Household Budget Survey (KIHBS) 2004/05*. Nairobi, Central Bureau of Statistics, Ministry of Planning and National Development.

Government of Nepal. 2003. *Nepal Living Standards Survey II 2002/03*. Kathmandu, Central Bureau of Statistics.

Government of Nicaragua. 2005. *Encuesta Nacional de Hogares Sobre Medición de Nivel de Vida (EMNV) 2005*. Managua, Instituto Nacional de Estadísticas y Censos.

Правительство Таджикистана. 2007. *Обследование уровня жизни в Таджикистане 2007*. Душанбе, Государственный комитет статистики.

БИБЛИОГРАФИЯ

Government of the United Republic of Tanzania.

2009. *National Panel Survey 2009*. Dar es Salaam, United Republic of Tanzania National Bureau of Statistics.

Goyal, A. 2010. Information, direct access to farmers, and rural market performance in central India. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2(3): 22–45.

GRAL/CEDAL. 1994. *Villes Intermédiaires, vitalité économique et acteurs sociaux, problèmes d'Amérique Latine*. No. 14. Paris.

Graziano da Silva, J. & Fan, S. 2017. Smallholders and urbanization: Strengthening rural-urban linkages to end hunger and malnutrition. B: International Food Policy Research Institute. *2017 Global Food Policy Report*, pp. 14–23. Washington, DC, IFPRI.

GSMA. 2016. *The Mobile Economy 2016*. London.

Haggblade, S., Hazell, P. & Reardon, T. 2010. The rural non-farm economy: prospects for growth and poverty reduction. *World Development*, 38(10): 1429–1441.

Haggblade, S., Hazell, P.B.R. & Reardon, T.A., eds. 2007. *Transforming the rural nonfarm economy: opportunities and threats in the developing world*. Baltimore, USA, Johns Hopkins University Press.

Hardoy, J.E. & Satterthwaite, D. 1989. *Environmental problems of third world cities: a global issue ignored?* London, IIED.

Hawkes, C. 2005. The role of foreign direct investment in the nutrition transition. *Public Health Nutrition*, 8(4): 357–365.

Hawkes, C. & Popkin, B.M. 2015. Can the sustainable development goals reduce the burden of nutrition-related non-communicable diseases without truly addressing major food system reforms? *BMC Medicine*, 13: 143.

Heimlich, R. & Anderson, W. 2001. *Development at the urban fringe and beyond: impacts on agriculture and rural land*. No. AER-803. Washington, DC, US Department of Agriculture, Economic Research Service.

Heimlich, R.E. & Brooks, D.H. 1989. *Metropolitan growth and agriculture: farming in the city's shadow*. No. AER-619. Washington, DC, US Department of Agriculture, Economic Research Service.

Herbel, D., Crowley, E., Ourabah Haddad, N. & Lee, M. 2012. *Good practices in building innovative rural institutions to increase food security*. Rome, FAO & IFAD. (также размещено по адресу: www.fao.org/docrep/015/i2258e/i2258e00.pdf).

Hernandez, R., Belton, B., Reardon, T., Hu, C., Zhang, X. & Ahmed, A. (готовится к публикации). The “quiet revolution” in the aquaculture value chain in Bangladesh. *Aquaculture*.

ГЭВУ (Группа экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания). 2013. *Инвестирование в мелкомасштабное сельское хозяйство в интересах продовольственной безопасности*. Доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания. Доклад ГЭВУ № 6. Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i2953r.pdf).

ГЭВУ. 2014. *Устойчивое рыболовство и аквакультура для обеспечения продовольственной безопасности и питания*. Доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Доклад ГЭВУ № 7. Рим. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i3844r.pdf).

Holden, S.T. & Ghebru, H. 2016. Land tenure reforms, tenure security and food security in poor agrarian economies: causal linkages and research gaps. *Global Food Security*, 10: 21–28.

Holden, S.T., Deininger, K. & Ghebru, H. 2009. Impacts of low-cost land certification on investment and productivity. *American Journal of Agricultural Economics*, 91(2): 359–373.

Hollinger, F. & Staatz, J.M., eds. 2015. *Agricultural growth in West Africa: market and policy drivers*. Rome, ADG and FAO.

Huang, J., Wang, X. & Qiu, H. 2012. *Small-scale farmers in China in the face of modernisation and globalisation*. London/The Hague, IIED/Hivos.

Huang, J., Dong, X., Wu, Y., Zhi, H., Nui, X., Huang, Z. & Rozelle, S. 2007. *Regoverning markets: the China meso-level study*. Beijing, Center for Chinese Agricultural Policy, Chinese Academy of Sciences.

IFAD (International Fund for Agricultural Development). 2016. *Rural Development Report 2016. Fostering inclusive rural transformation*. Rome.

ILO (International Labour Organization). 2010. *Global Employment Trends. Unemployment reaches highest level on record in 2009*. Geneva, Switzerland.

ILO. 2014. *Global Employment Trends 2014. Risk of a jobless recovery? Supporting data sets*. Geneva, Switzerland.

ILO. 2015. *World employment and social outlook: trends 2015*. Geneva, Switzerland.

Imai, K., Gaiha, R. & Garbero, A. 2016. *Poverty reduction during the rural-urban transformation: rural development is still more important than urbanisation*. Discussion Paper 2016-25. Kobe, Japan, Kobe University.

Imamura, F., Micha, R., Khatibzadeh, S., Fahimi, S., Shi, P., Powles, J. & Mozaffarian, D. 2015. Dietary quality among men and women in 187 countries in 1990 and 2010: a systematic assessment. *The Lancet Global Health*, 3(3): e132–e142.

Ion, A., Beyard, B. & Sedaca, S. 2014. *Synthesis of trends in public-private partnerships (PPPs) for improving food security and rural development through agriculture report*. Prepared for the Food Systems Innovation Initiative. Arlington, Carana Corporation.

Jacoby, H.G. & Minten, B. 2009. On measuring the benefits of lower transport costs. *Journal of Development Economics*, 89(1): 28–38.

Jayne, T.S. 2014. Land dynamics and future trajectories of structural transformation in Africa. *Agrekon*, 53(3): 1–30.

Jayne, T.S. & Traub, L.N. 2016. Megatrends transforming Africa's food systems. *Foreign Affairs* (Special Issue). [По состоянию на 10 апреля 2017 года].

Jayne, T.S., Chamberlin, J. & Headey, D.D. 2014. Land pressures, the evolution of farming systems, and development strategies in Africa: a synthesis. *Food Policy*, 48: 1–17.

Jayne, T.S., Mason, N., Myers, R., Ferris, J., Mather, D., Sitko, N., Beaver, M., Lenski, N., Chapoto, A. & Boughton, D. 2010. *Patterns and trends in food staples markets in eastern and southern Africa: toward the identification of priority investments and strategies for developing markets and promoting smallholder productivity growth*. USA, Department of Agricultural, Food, and Resource Economics, Department of Economics, Michigan State University.

Jia, X. 2013. Transforming agricultural production in China: from smallholders to pluralistic large farms. Paper presented at presentation made at FAO headquarters, 16 December 2013, Rome.

Jin, S. & Deininger, K. 2009. Key constraints for rural non-farm activity in Tanzania: combining investment climate and household surveys. *Journal of African Economies*, 18(2): 319–361.

Jordan, C. 1989. The Pendletons of Kansas: doing better with asparagus and tomatoes. B: *Yearbook of Agriculture*. US Department of Agriculture.

Jordan, R. & Simioni, D. 1998. *Ciudades intermedias de América Latina y el Caribe: Ciudades intermedias*. Santiago, Chile, Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL).

Kangasniemi, M., Knowles, M. & Karfakis, P. 2017. The role of social protection in inclusive structural transformation. Background paper prepared for *The State of Food and Agriculture 2017: Leveraging Food Systems for Inclusive Rural Transformation*. Не опубликовано.

Karlsen, J. & Larrea, M. 2016. *Territorial development and action research. Innovation through dialogue*. Abingdon, UK, Routledge.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Kearney, J.** 2010. Food consumption trends and drivers. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences*, 365(1554): 2793–2807.
- Kelly, V., Reardon, T., Fall, A., Diagona, B. & McNeilly, L.** 1993. *Final report of IFPRI/ISRA Project (1988-1992) on consumption and supply impacts of agricultural price policies in Senegal*. Washington, DC, IFPRI.
- Kirwan, J.** 2004. Alternative strategies in the UK agro-food system: interrogating the alterity of farmers' markets. *Sociologia Ruralis*, 44(4): 395–415.
- Kulakarni, S.** 2009. Mechanisation of agriculture – Indian scenario. Paper presented at the 5th UN APCAEM Technical Committee and Expert Group Meeting on Application of Agricultural Machinery for Sustainable Agriculture, 14 October 2009, The Philippines.
- Lanjouw, P. & Murgai, R.** 2009. Poverty decline, agricultural wages, and nonfarm employment in rural India: 1983–2004. *Agricultural Economics*, 40(2): 243–263.
- Lastarria-Cornhiel, S.** 2008. *Feminization of agriculture: trends and driving forces*. Washington, DC, World Bank.
- Lawry, S., Samii, C., Hall, R., Leopold, A., Hornby, D. & Mtero, F.** 2017. The impact of land property rights interventions on investment and agricultural productivity in developing countries: a systematic review. *Journal of Development Effectiveness*, 9(1): 61–81.
- Lebbe, S.M.A.** 2015. Interlocking factor market in agrarian economy of Sri Lanka. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 58: 25–35.
- Liverpool-Tasie, S., Omonona, B., Sanou, A., Ogunleye, W., Padilla, S. & Reardon, T.** 2017. *Growth and transformation of food systems in Africa: Evidence from the poultry value chain*. Policy Research Brief 19. East Lansing, USA Michigan State University, Feed the Future Innovation Lab for Food Security Policy.
- Losch, B., Fréguin-Gresh, S. & White, E.T.** 2012. *Structural transformation and rural change revisited: challenges for late developing countries in a globalizing world*. African Development Forum series. Washington, DC, World Bank. Лицензия CC BY 3.0 IGO.
- Losch, B., Giordano, T., Marzin, J. & Michaud, A.** 2016. *Rural development policy in perspective: lessons from country case studies and implications for rural development strategies in developing countries*. Document de travail 2016-6. Montpellier, France, UMR Art-Dev.
- Lowder, S. & Bertini, R.** 2017. The transformation in the size and distribution of farmland operated by households and other farms in developing countries: situation, trends and policies. Background paper prepared for *The State of Food and Agriculture 2017: Leveraging food systems for inclusive rural transformation*. Не опубликовано.
- Lowder, S.K., Scoet, J. & Raney, T.** 2016. The number, size, and distribution of farms, smallholder farms, and family farms worldwide. *World Development*, 87: 16–29.
- Lucas, R.E.B.** 2015. *Internal migration in developing economies: an overview*. KNOMAD Working Paper 6. Washington, DC, Global Knowledge Partnership on Migration and Development (KNOMAD).
- McCaig, B. & Pavcnik, N.** 2013. *Moving out of agriculture: structural change in Vietnam*. NBER Working Paper No. 19616. Cambridge, USA, National Bureau of Economic Research.
- McCullough, E.B.** 2015. *Labor productivity and employment gaps in Sub-Saharan Africa*. Policy Research Working Paper 7234. Washington, DC, World Bank.
- McMillan, M. & Harttgen, K.** 2014. *What is driving the "African Growth Miracle"?* NBER Working Paper Series No. 209. Cambridge, USA, National Bureau of Economic Research.
- McMillan, M. & Headey, D.** 2014. Introduction – Understanding structural transformation in Africa. *World Development*, 63: 1–10.

Mellor, J.W. 1976. *The new economics of growth: a strategy for India and the developing world*. Ithaca, USA, Cornell University Press.

Midmore, D.J. & Jansen, H.G.P. 2003. Supplying vegetables to Asian cities: is there a case for peri-urban production? *Food Policy*, 28(1): 13–27.

Mikecz, O. & Vos, R. 2016. *Can smallholders double their productivity and incomes by 2030?* ESA Working Paper No. 16-05. Rome, FAO. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i5959e.pdf).

Milone, P. 2009. *Agriculture in transition: a neo-institutional analysis*. Assen, The Netherlands, Royal Van Gorcum.

Minten, B., Murshid, K.A.S. & Reardon, T. 2013. Food quality changes and implications: evidence from the rice value chain of Bangladesh. *World Development*, 42: 100–113.

Misra, S.B. 2014. Growth and structure of rural non-farm employment in Maharashtra: reflections from NSS data in the post reform period. *Procedia Economics and Finance*, 11: 137–151.

Modrego, F. & Berdegué, J.A. 2015. A large-scale mapping of territorial development dynamics in Latin America. *World Development*, 73: 11–31.

Monga, C. 2012. Shifting gears: igniting structural transformation in Africa. *Journal of African Economies*, 21(supplement 2): ii19–ii54.

Monteiro, C.A., Moubarac, J.-C., Cannon, G., Ng, S.W. & Popkin, B. 2013. Ultra-processed products are becoming dominant in the global food system: ultra-processed products: global dominance. *Obesity Reviews*, 14: 21–28.

Moubarac, J.-C., Martins, A.P.B., Claro, R.M., Levy, R.B., Cannon, G. & Monteiro, C.A. 2013. Consumption of ultra-processed foods and likely impact on human health. Evidence from Canada. *Public Health Nutrition*, 16(12): 2240–2248.

Moustier, P. 2009. Gouvernance et performance des filières alimentaires au Vietnam. *Economies et sociétés*, 43(11): 1835–1855.

Moustier, P. & Dao, T., eds. 2003. *Food markets and agricultural development in Vietnam*. Hanoi, Markets and Agriculture Linkages for Cities in Asia (MALICA), CIRAD.

Murray, K.R.B. 2009. *Perspectives on the municipal role in effectuating sustainable industrial park development and operations: the Hamilton, Ontario Case*. Canada, University of Waterloo (магистерская диссертация).

Muyanga, M. & Jayne, T.S. 2016. Is small still beautiful? The farm size-productivity relationship revisited in Kenya. *World Bank Land and Poverty Conference*. Paper presented at, 15 March 2016, Washington, DC.

Nagler, P. & Naudé, W. 2014. Non-farm entrepreneurship in rural Africa: Patterns and determinants. IZA DP No. 8008. Bonn, Germany, Institute for the Study of Labor (IZA).

Nassirou Ba, M. 2016. Strategic agricultural commodity value chains in Africa for increased food: the regional approach for food security. *Agricultural Sciences*, 7(9): 549–585.

Natawidjaja, R., Reardon, T., Shetty, S., Noor, T.I., Perdana, T., Rasmikayati, E., Bachri, S. & Hernandez, R. 2007. *Horticultural producers and supermarket development in Indonesia*. UNPAD/MSU/World Bank. *World Bank report* 38543. Indonesia, World Bank.

Neven, D., Odera, M.M., Reardon, T. & Wang, H. 2009. Kenyan supermarkets, emerging middle-class horticultural farmers, and employment impacts on the rural poor. *World Development*, 37(11): 1802–1811.

OECD (Organisation for Economic Cooperation and Development). 2007. OECD glossary of statistical terms. (размещено по адресу: <https://stats.oecd.org/glossary/glossaryPDF.zip>). Paris.

OECD. 2016. *A new rural development paradigm for the 21st century. A toolkit for developing countries*. Paris, Development Centre Studies, OECD Publishing.

OECD/FAO. 2016. *OECD-FAO Agricultural Outlook 2016-2025*. Paris, OECD Publishing.

БИБЛИОГРАФИЯ

- OECD/FAO/UNCDF.** 2016. *Adopting a territorial approach to food security and nutrition policy*. Paris, OECD Publishing.
- Oxfam.** 2012. *Ruti Irrigation Project effectiveness review – full report*. Livelihood support. Oxford, UK.
- Page, J. & Shimeles, A.** 2014. *Aid, employment, and poverty reduction in Africa*. WIDER Working Paper 2014/043. Helsinki, United Nations University, World Institute for Development Economics Research.
- Pingali, P.** 2007. Westernization of Asian diets and the transformation of food systems: implications for research and policy. *Food Policy*, 32(3): 281–298.
- Pingali, P.** 2015. Agricultural policy and nutrition outcomes – getting beyond the preoccupation with staple grains. *Food Security*, 7(3): 583–591.
- Poapongsakorn, N., Pantakua, K. & Wiwatvicha, S.** 2017. The Structural and Rural Transformation in Selected Asian Countries. Background paper prepared for *The State of Food and Agriculture 2017: Leveraging food systems for inclusive rural transformation*. Не опубликовано.
- Poole, N. & de Frece, A.** 2010. *A review of existing organisational forms of smallholder farmers' associations and their contractual relationships with other market participants in the East and Southern African ACP region*. AAACP paper series No. 11. Rome, FAO. (также размещено по адресу: www.fao.org/fileadmin/templates/est/AAACP/eastafrica/FAO_AAACP_Paper_Series_No_11_1_.pdf).
- Popkin, B.M.** 1999. Urbanization, lifestyle changes and the nutrition transition. *World Development*, 27(11): 1905–1916.
- Popkin, B.M.** 2014. Nutrition, agriculture and the global food system in low and middle income countries. *Food Policy*, 47: 91–96.
- Popkin, B.M., Adair, L.S. & Ng, S.W.** 2012. Global nutrition transition and the pandemic of obesity in developing countries. *Nutrition Reviews*, 70(1): 3–21.
- Potts, D.** 2012. Challenging the myths of urban dynamics in sub-Saharan Africa: the evidence from Nigeria. *World Development*, 40(7): 1382–1393.
- Poulton, C., Kydd, J. & Dorward, A.** 2006. Overcoming market constraints on pro-poor agricultural growth in sub-Saharan Africa. *Development Policy Review*, 24(3): 243–277.
- Prahalad, C.** 2004. *Fortune at the bottom of the pyramid: eradicating poverty through profits*. New Jersey, USA, Wharton School Publishing.
- Prowse, M.** 2008. *Making contract farming work with cooperatives*. ODI Opinion No. 87. London, ODI.
- Qanti, S.R., Reardon, T. & Iswariyadi, A.** 2017. Triangle of linkages among modernizing markets, sprayer-traders, and mango farming intensification in Indonesia. *Bulletin of Indonesian Economic Studies*, 0(ja): 1–32.
- Ramírez, E. & Ruben, R.** 2015. Gender systems and women's labor force participation in the salmon industry in Chiloé, Chile. *World Development*, 73: 96–104.
- Rankin, M., Gálvez Nogales, E., Santacoloma, P., Mhlanga, N. & Rizzo, C.** 2016a. *Public-private partnerships for agribusiness development – a review of international experiences*. Rome, FAO. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i5699e.pdf).
- Rankin, M., Kelly, S., Gálvez Nogales, E., Dankers, C., Ono, T., Pera, M., Loconto, A., Neven, D., Tartanac, F. & Vandecandelaere, E.** 2016b. The transformative power of agrifood industry development: policies and tools for restructuring the agricultural sector towards greater added value and sustainable growth. Paper presented at Rural Transformation, Agricultural and Food System Transition: Building the evidence base for policies that promote sustainable development, food and nutrition security and poverty reduction, 19 September 2016, Rome.
- Rao, E.J.O. & Qaim, M.** 2011. Supermarkets, farm household income, and poverty: insights from Kenya. *World Development*, 39(5): 784–796.
- Rapsomanikis, G.** 2015. Small farms big picture: smallholder agriculture and structural transformation. *Development*, 58(2–3): 242–255.

Ravallion, M., Chen, S. & Sangraula, P. 2007. The urbanization of global poverty. *World Bank Research Digest*, 1(4): 7–8.

Ravnborg, H.M. & Gómez, L.I. 2015. Poverty reduction through dispossession: the milk boom and the return of the elite in Santo Tomás, Nicaragua. *World Development*, 73: 118–128.

Raynolds, L.T. 1998. Harnessing women's work: restructuring agricultural and industrial labor forces in the Dominican Republic. *Economic Geography*, 74(2): 149–169.

Reardon, T. & Mercado-Peters, P. 1993. Self-financing of rural household cash expenditures in Burkina Faso: The case of net cereal buyers. B: C. Cuevas & M. Benoit-Cattin, eds. *Finance and Development in West Africa. Proceedings of the 12th Rural Economy Seminar, October 21-25, 1991*. Montpellier, France, CIRAD.

Reardon, T. & Minten, B. 2012. The quiet revolution in India's food supply chains. In M.A. Ferroni, ed. *Transforming Indian agriculture--India 2040: productivity, markets, and institutions*, pp. 273–294. New Delhi, Thousand Oaks, Sage.

Reardon, T. & Stamoulis, K. 1998. Relating agro-industrialization, intermediate cities, and farm-nonfarm linkages: an investment perspective with Latin American examples. *Politica Agricola*, Número Especial: 201–226.

Reardon, T. & Timmer, C.P. 2007. Transformation of markets for agricultural output in developing countries since 1950: how has thinking changed? B: R. Evenson & P. Pingali, eds. *Handbook of agricultural economics*, pp. 2807–2855. Elsevier.

Reardon, T. & Timmer, C.P. 2012. The economics of the food system revolution. *Annual Review of Resource Economics*, 4(1): 225–264.

Reardon, T. & Timmer, C.P. 2014. Five inter-linked transformations in the Asian agrifood economy: Food security implications. *Global Food Security*, 3(2): 108–117.

Reardon, T. & Zilberman, D. (ГОТОВИТСЯ К публикации). *Climate change and agrifood supply chains*. Rome, FAO.

Reardon, T., Matlon, P. & Delgado, C. 1988. Coping with household-level food insecurity in drought-affected areas of Burkina Faso. *World Development*, 16(9): 1065–1074.

Reardon, T., Stamoulis, K. & Pingali, P. 2007. Rural nonfarm employment in developing countries in an era of globalization: rural nonfarm employment in developing countries in an era of globalization. *Agricultural Economics*, 37: 173–183.

Reardon, T., Timmer, C.P. & Minten, B. 2012. Supermarket revolution in Asia and emerging development strategies to include small farmers. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 109(31): 12332–12337.

Reardon, T., Timmer, C.P., Barrett, C.B. & Berdegue, J. 2003. The rise of supermarkets in Africa, Asia, and Latin America. *American Journal of Agricultural Economics*, 85(5): 1140–1146.

Reardon, T., Tschirley, D., Dolislager, M., Snyder, J., Hu, C. & White, S. 2014. *Urbanization, diet change, and transformation of food supply chains in Asia*. East Lansing, Michigan State University, Global Center for Food System Innovation and the Food Security Policy Innovation Lab.

Reardon, T., Tschirley, D., Minten, B., Haggblade, S., Liverpool-Tasie, S., Dolislager, M., Snyder, J. & Ijumbaa, C. 2015. Transformation of African agrifood systems in the new era of rapid urbanization and the emergence of a middle class. B: O. Badiane & T. Makombe, eds. *Beyond a middle income Africa. Transforming African economies for sustained growth with rising employment and incomes*, pp. 62–74. ReSAKSS Trends and Outlook Report. Washington, DC, IFPRI.

Regmi, A., Deepak, M., Seale Jr., J. & Bernstein, J. 2001. Cross-country analysis of food consumption patterns. B: A. Regmi, ed. *Changing structure of global food consumption and trade*, pp. 14–22. Agriculture and Trade Reports, WRS-01-1. Washington, DC, US Department of Agriculture, Economic Research Service.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Rello, F.** 1996. Rural nonfarm employment in Zamora, Mexico. Report to FAO. Mexico City, Universidad Nacional Autónoma de México.
- Rodrik, D.** 2014. *An African growth miracle?* NBER Working Paper No. 20188. Cambridge, National Bureau of Economic Research.
- Ruhiiga, T.M.** 2013. Growth of urban agglomeration nodes in Eastern Africa. *Journal of Human Ecology*, 41(3): 237–246.
- Saleman, Y. & Jordan, L.** 2014. *The implementation of industrial parks: some lessons learned in India.* Policy Research Working Paper 6799. Washington, DC, World Bank.
- Satterthwaite, D.** 2007. *The transition to a predominantly urban world and its underpinnings.* London, IIED.
- Satterthwaite, D., McGranahan, G. & Tacoli, C.** 2010. Urbanization and its implications for food and farming. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences*, 365(1554): 2809–2820.
- Senauer, B., Sahn, D. & Alderman, H.** 1986. The effect of the value of time on food consumption patterns in developing countries: evidence from Sri Lanka. *American Journal of Agricultural Economics*, 68(4): 920–927.
- Seto, K.C., Reenberg, A., Boone, C.G., Fragkias, M., Haase, D., Langanke, T., Marcotullio, P., Munroe, D.K., Olah, B. & Simon, D.** 2012. Urban land teleconnections and sustainability. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 109(20): 7687–7692.
- Shami, M.** 2010. *The impact of connectivity on market interlinkages – evidence from rural Punjab.* No. 2010/12. Frederiksberg, Denmark, Institute of Food and Resource Economics, University of Copenhagen.
- Shepherd, A., Cadilhon, J. & Gálvez Nogales, E.** 2009. *Commodity associations: a tool for supply chain development?* Rome, FAO. (также размещено по адресу: www.fao.org/3/a-i0945e.pdf).
- Shilpi, F. & Emran, S.** 2016. *Agricultural productivity and non-farm employment evidence from Bangladesh.* Policy Research Working Paper 7685. Washington, DC, World Bank.
- Singh, K.M., Shahi, B. & Singh, P.** 2016. Role of private advisory services in agricultural extension: a review. *Journal of AgriSearch*, 3(3): 191–194.
- Sitko, N.J., Jayne, T.S., Burke, W. & Muyanga, M.** 2017. An analysis of the rise of large-scale grain trading in sub-Saharan Africa. Background paper prepared for *The State of Food and Agriculture 2017: Leveraging food systems for inclusive rural transformation.* Не опубликовано.
- Slater, R. & McCord, A.** 2009. *Social protection, rural development and food security: issues paper on the role of social protection in rural development.* London, UK, Overseas Development Institute (ODI).
- Smil, V.** 2008. *Energy in nature and society- general energetic of complex systems.* Cambridge, USA, MIT Press.
- Snyder, J. & Tschirley, D.** 2014. Chapter 2: Urbanization in sub-Saharan Africa. B: D. Tschirley, S. Haggblade & T. Reardon, eds. *Population growth, climate change and pressure on the land – Eastern and Southern Africa*, pp. 8–25. East Lansing, USA, Global Center for Food Systems Innovation (GCFSI).
- Song, H., Thisse, J.-F. & Zhu, X.** 2012. Urbanization and/or rural industrialization in China. *Regional Science and Urban Economics*, 42(1–2): 126–134.
- Stern, D., Ng, S.W. & Popkin, B.M.** 2016. The nutrient content of U.S. household food purchases by store type. *American Journal of Preventive Medicine*, 50(2): 180–190.
- Stifel, D.** 2014. Agricultural productivity & rural non-farm economy (RNFE) in Ethiopia. Benign neglect of the RNFE? Paper presented at UNU-WIDER Conference on Institutional Reforms for Transformation, Inclusion, and Sustainability, 29 June 2014, Hanoi.
- Stifel, D. & Minten, B.** 2008. Isolation and agricultural productivity. *Agricultural Economics*, 39(1): 1–15.
- Tan, M., Robinson, G.M., Li, X. & Xin, L.** 2013. Spatial and temporal variability of farm size in China in

context of rapid urbanization. *Chinese Geographical Science*, 23(5): 607–619.

Thepent, V. & Chamsing, A. 2009. *Agricultural mechanization development in Thailand*. Country Report: Thailand. Bangkok, Agricultural Engineering Research Institute.

Thurlow, J., Benin, S., Baulch, B., Benson, T., Diao, X., Dorosh, P., Erman, A., Magalhaes, E., Masias, I., McMillan, M. & Nin-Pratt, A. 2016. Agriculture and structural transformation in sub-Saharan Africa. Background paper prepared for *The State of Food and Agriculture 2017: Leveraging food systems for inclusive rural transformation*. Не опубликовано.

Timmer, C.P. 2014. Managing structural transformation: a political economy approach. WIDER Annual Lecture 18. Helsinki, The United Nations University World Institute for Development Economics Research (UNU-WIDER).

Timmer, C., Block, S. & Dawe, D. 2010. Long-run Dynamics of Rice Consumption, 1960–2050. В: S. Pandey, D. Byerlee, D. Dawe, A. Dobermann, S. Mohanty, S. Rozelle & B. Hardy, eds. *Rice in the global economy: strategic research and policy issues for food security*, pp. 139–174. Los Baños, Philippines, IRRI.

Tsakok, I. 2011. *Success in agricultural transformation: what it means and what makes it happen*. Cambridge, USA, Cambridge University Press.

Tschirley, D., Reardon, T., Dolislager, M. & Snyder, J. 2014. *The rise of a middle class in East and Southern Africa implications for food system transformation*. UNU-WIDER Working Paper 2014/119. Helsinki, United Nations University, World Institute for Development Economics Research.

Tschirley, D.L., Snyder, J., Dolislager, M., Reardon, T., Haggblade, S., Goeb, J., Traub, L., Ejobi, F. & Meyer, F. 2015a. Africa's unfolding diet transformation: implications for agrifood system employment. *Journal of Agribusiness in Developing and Emerging Economies*, 5(2): 102–136.

Tschirley, D., Reardon, T., Dolislager, M. & Snyder, J. 2015b. The rise of a middle class in East and Southern

Africa: Implications for Food System Transformation. *Journal of International Development*, 27(5): 628–646.

Tuholske, C. 2016. Urbanization and rural transformation implications for food security and nutrition: key areas for policy attention and possible roles for CFS. Background document for CFS43 Discussion. Не опубликовано.

Uchida, H. & Nelson, A. 2010. *Agglomeration Index: towards a new measure of urban concentration*. UNU-WIDER Working Paper 2010/029. Helsinki, United Nations University, World Institute for Development Economics Research.

ООН (Организация Объединенных Наций). 2009. *Международная стандартная отраслевая классификация всех видов экономической деятельности – Четвертый пересмотренный вариант*. Статистические документы Серия М, № 4. Нью-Йорк, США.

UN. 2016. *2014 Energy Statistics Yearbook*. New York, USA.

UN DESA PD (UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division). 2014a. *World Urbanization Prospects: the 2014 revision. Highlights (ST/ESA/SER.A/352)*. New York, USA. [По состоянию на 30 мая 2017 года]. <https://esa.un.org/unpd/wup/Publications/Files/WUP2014-Highlights.pdf>

UN DESA PD. 2014b. *World Urbanization Prospects: the 2014 revision*. CD-ROM Edition. New York, USA.

UN DESA PD. 2015. *World Urbanization Prospects: the 2014 revision, (ST/ESA/SER.A/366)*. New York, USA.

UN DESA PD. 2017. *World Population Prospects: the 2017 revision, key findings and advance tables. Working Paper No. ESA/P/WP/248*. New York, USA.

UNESCAP (United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific). 2016. *Transformations for sustainable development: promoting environmental sustainability in Asia and the Pacific*. Bangkok.

UNIDO (United Nations Industrial Development Organization). 2017. *INDSTAT 2 2017, ISIC Revision 3*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Статистические данные онлайн предоставляются по запросу: <http://stat.unido.org/>

UNRISD (United Nations Research Institute for Social Development). 2010. *Combating poverty and inequality. Structural change, social policy and politics.* Geneva Switzerland.

Vandercasteelen, J., Tamru, S., Minten, B. & Swinnen, J. 2017. *Secondary towns, agricultural prices, and intensification: evidence from Ethiopia.* ESSP Working Paper 102. Washington, DC, IFPRI.

Van der Ploeg, J.D. 2009. *The new peasantries: struggles for autonomy and sustainability in an era of empire and globalization.* First edition. London, Routledge.

Van der Ploeg, J.D., Jingzhong, Y. & Schneider, S. 2012. Rural development through the construction of new, nested, markets: comparative perspectives from China, Brazil and the European Union. *The Journal of Peasant Studies*, 39(1): 133–173.

Vorley, B. & Lançon, F. 2016. *Food consumption, urbanisation and rural transformation: the trade dimensions.* Working Paper. London, IIED.

Vorley, W., Fearn, A. & Ray, D., eds. 2007. *Regoverning markets: a place for small-scale producers in modern agrifood chains?* Aldershot, UK, Gower Publishing, Ltd.

Wilkinson, J. & Rocha, R. 2009. Agro-industry trends, patterns and development impacts. В: C.A. Da Silva, D. Baker, A. Shepherd, C. Jenane & S. Miranda-da-Cruz, eds. *Agro-industries for Development*, pp. 46–91. Rome, FAO and UNIDO in arrangement with CAB International. (также размещено по адресу: www.fao.org/docrep/017/i3125e/i3125e00.pdf).

WIPO (World Intellectual Property Organization). 2003. *SCT/10/4 Geographical Indications.* Standing Committee on the Law of Trademarks, Industrial Designs and Geographical Indications, Geneva, Tenth Session, 28 April – 2 May 2003. Geneva, Switzerland.

Всемирный банк. 2007. *Доклад о мировом развитии 2008. Сельское хозяйство на службе развития.* Вашингтон, ОК.

Всемирный банк. 2009. *Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию.* Вашингтон, ОК.

World Bank. 2012a. *World Development Report 2013. Jobs.* Washington, DC.

World Bank. 2012b. *Transformation through infrastructure.* World Bank Group Infrastructure Strategy Update FY2012-2015. Washington, DC.

World Bank. 2013a. *Growing Africa. Unlocking the potential of agribusiness.* Working Paper 75663. Washington, DC.

World Bank. 2013b. *Living Standards Measurement Survey (LSMS) – Ethiopia.* [По состоянию на 31 мая 2017 года]. (размещено по адресу: <http://go.worldbank.org/HWKE6FXHJ0>).

World Bank. 2016a. World Development Indicators database. Статистическая база данных онлайн (размещено по адресу: <http://databank.worldbank.org>)

World Bank. 2016b. World Bank classification of countries by income groups. По состоянию на 5 июня 2017 года. <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/378834-how-does-the-world-bank-classify-countries>

World Bank. 2017a. Health Nutrition and Population Statistics database. По состоянию на 5 июня 2017 года. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=311>

World Bank. 2017b. Migration and remittances surveys. В: *The World Bank* [онлайн]. [По состоянию на 27 июля 2017 года]. <http://microdata.worldbank.org/index.php/catalog/mrs>

World Bank & IFAD. 2016. World Bank data commissioned for the IFAD Rural Development Report 2016.

Yang, J., Huang, Z., Zhang, X. & Reardon, T. 2013. The rapid rise of cross-regional agricultural mechanization services in China. *American Journal of Agricultural Economics*, 95(5): 1245–1251.

Yeboah, F.K. & Jayne, T.S. 2016. Africa's evolving employment structure: causes and consequences. Paper presented at FAO Technical Workshop on Rural Transformation, Agricultural and Food System Transition, 19 September 2016, Rome.

Yumkella, K.K., Kormawa, P., Roepstorff, T. & Hawkins, A., eds. 2011. *Agribusiness for Africa's prosperity*. Vienna, UNIDO.

Zhang, X., Yang, J. & Reardon, T. 2017. Mechanization outsourcing clusters and division of labor in Chinese agriculture. *China Economic Review*, 43: 184–195.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕМЫ ДОКЛАДА “ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА”

Каждый выпуск настоящего доклада, издающегося с 1957 года, посвящен специальной теме, которая в долгосрочной перспективе имеет важное значение для производства продовольствия и развития сельского хозяйства. Перечень тем предыдущих докладов:

1957	Factors influencing the trend of food consumption Postwar changes in some institutional factors affecting agriculture	1968	Raising agricultural productivity in developing countries through technological improvement Improved storage and its contribution to world food supplies
1958	Food and agricultural developments in Africa south of the Sahara The growth of forest industries and their impact on the world's forests	1969	Agricultural marketing improvement programmes: some lessons from recent experience Modernizing institutions to promote forestry development
1959	Agricultural incomes and levels of living in countries at different stages of economic development Some general problems of agricultural development in less-developed countries in the light of postwar experience	1970	Agriculture at the threshold of the Second Development Decade
1960	Programming for agricultural development	1971	Water pollution and its effects on living aquatic resources and fisheries
1961	Land reform and institutional change Agricultural extension, education and research in Africa, Asia and Latin America	1972	Education and training for development Accelerating agricultural research in the developing countries
1962	The role of forest industries in the attack on economic underdevelopment The livestock industry in less-developed countries	1973	Agricultural employment in developing countries
1963	Basic factors affecting the growth of productivity in agriculture Fertilizer use: spearhead of agricultural development	1974	Population, food supply and agricultural development
1964	Protein nutrition: needs and prospects Synthetics and their effects on agricultural trade	1975	The Second United Nations Development Decade: mid-term review and appraisal
1966	Agriculture and industrialization Rice in the world food economy	1976	Energy and agriculture
1967	Incentives and disincentives for farmers in developing countries The management of fishery resources	1977	The state of natural resources and the human environment for food and agriculture
		1978	Problems and strategies in developing regions
		1979	Forestry and rural development
		1980	Marine fisheries in the new era of national jurisdiction
		1981	Rural poverty in developing countries and means of poverty alleviation
		1982	Livestock production: a world perspective
		1983	Women in developing agriculture

1984	Urbanization, agriculture and food systems	2002	Agriculture and global public goods ten years after the Earth Summit
1985	Energy use in agricultural production
Environmental trends in food and agriculture
Agricultural marketing and development	2003–04	Agricultural biotechnology: meeting the needs of the poor?
1986	Financing agricultural development	2005	Agriculture trade and poverty: can trade work for the poor?
1987–88	Changing priorities for agricultural science and technology in developing countries	2006	Food aid for food security?
1989	Sustainable development and natural resource management	2007	Paying farmers for environmental services
1990	Structural adjustment and agriculture	2008	Биотопливо: перспективы, риски и возможности
1991	Agricultural policies and issues: lessons from the 1980s and prospects for the 1990s	2009	Животноводство: в поисках баланса
1992	Marine fisheries and the law of the sea: a decade of change	2010–2011	Женщины в сельском хозяйстве: устранение гендерного разрыва в интересах развития
1993	Water policies and agriculture	2012	Инвестирование в сельское хозяйство ради улучшения будущего
1994	Forest development and policy dilemmas	2013	Продовольственные системы для улучшения питания
1995	Agricultural trade: entering a new era?	2014	Инновации в семейных фермерских хозяйствах
1996	Food security: some macroeconomic dimensions	2015	Социальная защита и сельское хозяйство: разорвать порочный круг нищеты в сельских районах
1997	The agroprocessing industry and economic development	2016	Изменение климата, сельское хозяйство и продовольственная безопасность
1998	Rural non-farm income in developing countries		
2000	World food and agriculture: lessons from the past 50 years		
2001	Economic impacts of transboundary plant pests and animal diseases		

МЕТОДОЛОГИЯ

Подготовка доклада *“Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства-2017”* началась с вводного семинара, прошедшего в штаб-квартире ФАО в Риме 21 сентября 2016 года, на котором присутствовали члены группы внешних экспертов и специалисты ФАО. После семинара для содействия в процессе подготовки доклада была сформирована консультативная группа, в которую вошли представители всех соответствующих технических подразделений ФАО, руководство которой осуществлялось директором Отдела по вопросам экономики сельскохозяйственного развития ФАО. В ходе двух семинаров, проведенных в ноябре 2016 года и январе 2017 года, коллектив исследователей и авторов и консультативная группа подготовили проект доклада и обсудили проекты глав 1 и 2. Затем проект был переработан с учетом замечаний, поступивших от консультативной группы, и в конце февраля 2017 года был подготовлен первый полный проект доклада. Проект был обсужден на втором семинаре с участием консультативной группы и группы внешних экспертов,

состоявшемся 16-17 марта. Доклад был пересмотрен с учетом результатов этого семинара и представлен руководству Департамента экономического и социального развития ФАО. Переработанный проект был направлен для обсуждения другими департаментами ФАО, региональными отделениями ФАО для Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона, Европы и Центральной Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна, Ближнего Востока и Северной Африки, а также внешними рецензентами. Комментарии вошли в окончательный проект, который был представлен в Канцелярию Генерального директора ФАО 31 мая 2017 года. При подготовке доклада коллектив исследователей и авторов использовал материалы справочных документов, составленных ФАО и внешними экспертами, и четырех региональных документов, подготовленных для Конференции ФАО по преобразованиям в сельских районах, изменениям сельскохозяйственных и продовольственных систем, состоявшейся в Риме 19-20 сентября 2016 года. ■

2017

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ ДЛЯ ВСЕОБЪЕМЛЮЩИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ

Ликвидация голода и нищеты, обеспечение устойчивости сельского хозяйства и продовольственных систем входят в число важнейших задач сегодняшнего дня. Эта задача еще более усложняется в связи с продолжающимся ростом населения, фундаментальными изменениями спроса на продовольствие и угрозой массовой миграции сельской молодежи, стремящейся к лучшей жизни. В докладе представлены стратегии, направленные на усиление потенциала продовольственных систем с целью стимулирования экономического развития и повышения благосостояния в сельских районах стран с низким уровнем доходов. В нем проанализированы происходящие в настоящее время структурные преобразования, возможности и проблемы, которые они влекут за собой для миллионов мелких производителей продуктов питания. Кроме того, в докладе показано, как “агротерриториальный” подход, ориентированный на взаимодействие городов, поселков и окружающих их сельских районов, в сочетании с развитием агропромышленного комплекса и инфраструктуры способствует созданию возможностей для получения доходов в продовольственном секторе и устойчивым инклюзивным преобразованиям на селе.

ISBN 978-92-5-409873-5 ISSN 2070-0962

9 789254 098735

17658RU/1/10.17